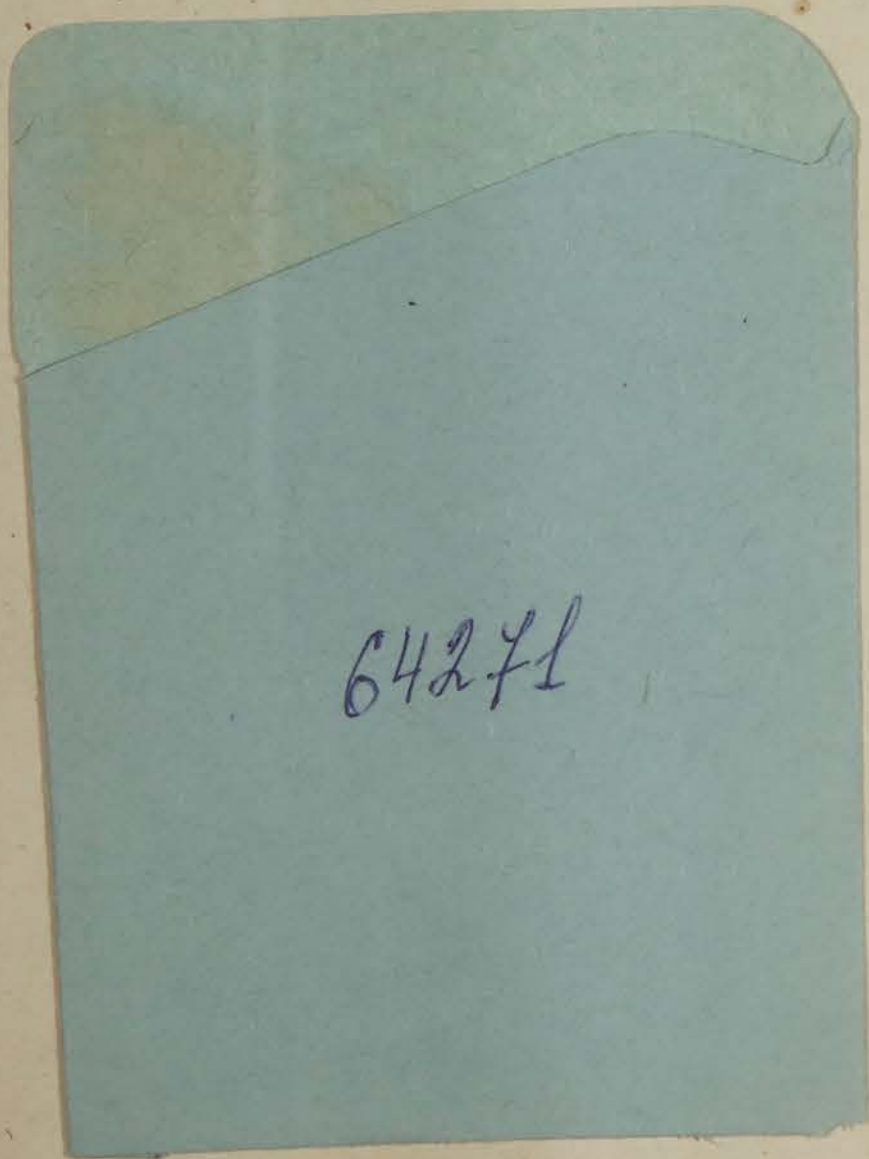

6812

~~5277~~

64271

КНИЖКА
ВЪВЕДЕНИЕ

~~5 277~~

И С Т О Р И Я
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

■

~~1111~~

А. А. А. А.

УСТАВ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1829 ГОДУ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ УЧИЛИЩУ

В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

В. А. А. А.

УСТАВ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ УЧИЛИЩУ

682

А. Д. БЛАНКИ.

ПЕРВЫЙ ТОМ
ИЗДАНИЕ

**ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ВЪ ЕВРОПѢ**

СЪ ДРЕВНѢЙШАГО ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

КРИТИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

СЪ ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНИЯ (1860), ИСПРАВЛЕННАГО И СНАБЖЕННАГО ПРИМЪЧАНІЯМИ,

ПЕРЕВЕЛЪ

П. А. БИБИКОВЪ.

БИБЛИОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА ИМП. УН-ТА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. И. ГЛАЗУНОВА, В. МЪЩАНСКАЯ, № 8.

Библиотека ИИФ СССР 1869.

39

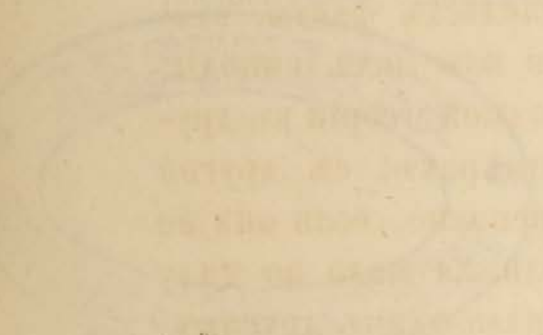
A. D. BARKER

RECEIVED

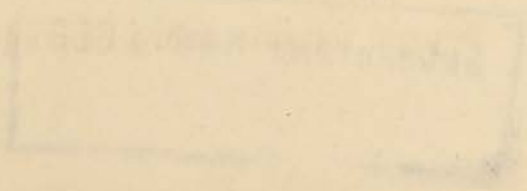
HERBARIUM OF THE UNIVERSITY OF TORONTO

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

17279

Extensive faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

ВВЕДЕНІЕ.

Быть можетъ, не бесполезно будетъ объяснить въ настоящемъ случаѣ причины, побудившія меня предпринять настоящее сочиненіе. Будучи приглашенъ, около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ *, на кафедру исторіи и политической экономіи въ Комерческое спеціальное училище, находящееся въ настоящее время подъ моимъ управленіемъ, я вскорѣ убѣдился, что обѣ эти науки находятся между собой въ такой тѣсной связи, что невозможно, ни изученіе одной безъ другой, ни серьезное изслѣдованіе каждой изъ нихъ порознь. Онѣ постоянно опираются одна на другую; первая доставляетъ факты, вторая объясняетъ ихъ причины, и дѣлаетъ изъ нихъ выводы. По мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ одной теоріи къ другой, я чувствовалъ недостатокъ въ примѣрахъ; съ другой стороны, изученіе событій оказывалось неполно, если они не освѣщались политической экономіей. Сближая мало по малу работы мои по обоимъ курсамъ и подкрѣпляя одинъ другимъ, я наткнулся на цѣлую массу предразсудковъ, принимавшихся за несомнѣнныя истины даже людьми болѣе всего развитыми и просвѣщенными. Такимъ образомъ, всѣ ученые, безъ исключенія, писавшіе трактаты по политической экономіи, начинали изложеніе науки неранѣе, какъ съ первыхъ опытовъ Кенне и Тюрго, какъ будто бы, до появленія этихъ замѣчательныхъ личностей, ни одно систематическое сочиненіе не заслуживало вниманія ученыхъ и государственныхъ людей,

* Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1837.

что касается до явлений, относящихся къ производству богатствъ.

Съ тѣхъ поръ я сталъ тщательно отыскивать у историковъ всѣхъ временъ замѣчательнѣйшіе факты для изученія экономическихъ и общественныхъ вопросовъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что въ Римѣ и въ Афинахъ существовали такіе же бѣдныя, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и, должно сознаться, что привилегіи тяжкіе налоги, фискальныя злоупотребленія встрѣчались между древними обществами такъ же часто, какъ и въ наше время. И тогда, какъ и теперь, самый незначительный промежутокъ мира и слабѣйшій лучъ свободы сопровождался усиленнымъ распространеніемъ богатства и благосостоянія; словомъ, одинакія причины производили одинакія дѣйствія, несмотря на различіе въ нравахъ и учрежденіяхъ. Народныя бѣдствія всегда узнаются по неравномѣрному обремененію налогами, по несправедливому распредѣленію вознагражденія за трудъ и по преобладанію нѣкоторыхъ классовъ общества, которымъ удастся, посредствомъ ухищреній, поставить свои злоупотребленія подъ покровительство закона.

Но міръ не всегда оставался равнодушенъ къ общественнымъ бѣдствіямъ, и въ ряду вѣковъ не разъ раздавались великодушныя протесты въ защиту поправленныхъ правъ человечности. Многіе благородные государи оказывали свое содѣйствіе этимъ усиліямъ, и, то настойчиво стремились къ ихъ осуществленію, то останавливались на своемъ пути печальными условіями своего времени. Поэтому, у древнихъ существовала такая же политическая экономія, какъ и въ наше время, хотя и не облеченная въ систематическія научныя формы, но подтверждавшаяся самими фактами и дѣйствовавшая, несмотря на то, что не была написана. Таковъ, впрочемъ, былъ ходъ всѣхъ наукъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ общество. Раньше пришедшіе люди соображаютъ, дѣйствуютъ, строятъ; слѣдующіе за ними судятъ, дополняютъ и улучшаютъ дѣло своихъ предшественниковъ. Для вѣрной оцѣнки трудовъ новѣйшихъ экономистовъ слѣдуетъ, стало быть, ознакомиться съ главными измѣненіями въ общественномъ движеніи, продол-

жающемся съ древнихъ временъ и представляющемъ въ своемъ развитіи столько благородныхъ порывовъ и столько трагическихъ столкновеній.

Это то движеніе старался я представить въ сочиненіи, предлагаемомъ въ настоящую минуту на судъ публики. Великія государства древняго міра и среднихъ вѣковъ погибли не безъ причины; такое количество богатствъ не могло быть ни создано, ни уничтожено безъ того, чтобы созданіе и разрушеніе ихъ не было связано съ причинами, подлежащими анализу и заслуживающими полного вниманія. Нельзя даже не признать участія Провидѣнія въ этихъ послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ общественнаго начала, спасающагося то въ одномъ учрежденіи, то въ другомъ, независимо отъ времени и отъ мѣста, какъ бы для того, чтобы быть всегда готовымъ къ услугамъ человѣчества. Въ одномъ случаѣ священное пламя согрѣваетъ грудь великаго человѣка; въ другомъ—оно зажигается рукою раба: Въ Афинахъ носителемъ его является Сократъ, въ Римѣ—Спартакъ. Въ средѣ самого варварства появляются первые проблески труда и порядка: Карлъ великій успокоилъ ту самую волну, которая принесла его; ганзеатическіе города возникли изъ глубины болотъ, служившихъ гнѣздомъ разбойничеству.

Феодальная система, столь пагубная для крѣпостныхъ работниковъ, полна драгоцѣнныхъ матерьяловъ для политической экономіи. Это — такое же крайнее раздробленіе верховной власти, какъ то крайнее раздробленіе собственности, которое чувствуется въ настоящее время. Римская имперія, обновленная на время Карломъ великимъ, представляетъ намъ крайній предѣлъ централизаціи; феодальная система покажетъ намъ эту великую политическую силу, разбитую на мельчайшіе атомы. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ колоссальный синтезъ, въ другомъ — почти микроскопическій анализъ. Какое различіе должно существовать между политической экономіей владыки сорока мильоновъ подданныхъ и политической экономіей мелкаго сеньора, обзрѣвающего все свое владѣніе съ вершины башни своего замка! Но изъ ненависти къ

послѣднему, мѣщане начинаютъ скучиваться въ городахъ, организоваться въ союзы, чтобы вызвать къ себѣ уваженіе своею числительностью. Теперь уже не отбираются у нихъ деньги силой, а берутъ ихъ въ заемъ; а изъ этого, съ виду неимѣющаго значенія факта, вытекаетъ для экономиста объясненіе цѣлаго новаго общественнаго строя.

Шагъ за шагомъ я слѣдилъ за этими великими событіями, и мнѣ показалось, что политическая экономія древнихъ имѣетъ одинакое содержаніе съ политической экономіей нашего времени. При всѣхъ возможныхъ революціяхъ, становились лицомъ къ лицу только двѣ партіи: партія людей, желавшихъ существовать собственнымъ трудомъ, и партія людей, желавшая жить на чужой счетъ. Борьба за власть и за почести прерывается перемиріемъ, все благополучіе котораго состоитъ только въ томъ, что побѣжденные не даютъ заснуть покойно побѣдителямъ. *Патриціи и плебеи, рабы и свободные, вельфы и шибелны, розы алья и розы бѣлыя, кавалеры и круглоглавыя, либералы и рабовладельцы* представляютъ только разности одного и того же вида. Враждуютъ они все изъ того же вопроса о благосостояніи, такъ какъ каждый желаетъ, употребляя престолярное выраженіе, стянуть на себя одѣяло, хотя бы обнажая этимъ своего сосѣда. Такимъ образомъ, въ одной странѣ отнимаютъ у работника плоды его трудовъ посредствомъ налога, подъ предлогомъ общественнаго блага; въ другой — посредствомъ привилегій, увѣряя, что трудъ есть прерогатива короны, и заставляя дорого платить за право на него. То же злоупотребленіе производится и косвенными путями, не менѣе стѣснительными, когда, при содѣйствіи таможенъ, государство дѣлится съ привилегированными отраслями промышленности выгодами, доставляемыми налогами на менѣе счастливыя отрасли.

Взгляните на римлянъ въ завоеванныхъ странахъ и на испанцевъ въ ихъ американскихъ колоніяхъ; на разстояніи болѣе тысячи лѣтъ вы встрѣчаете то же презрѣніе къ чело-вѣческой жизни, тѣ же гнусные доводы въ подтвержденіе необходимости гибели однихъ, ради существованія другихъ

Это — нѣчто, болѣе возмутительное, чѣмъ то, что происходитъ между звѣрями, хищныя породы которыхъ существуютъ на счетъ пожираемыхъ породъ, ибо животныя не возводятъ своего звѣрства въ систему, да и не могутъ поступать иначе. Это жестокое общественное безправіе передается изъ вѣка въ вѣкъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, иногда смягчаемыхъ успѣхами человѣческаго разума, но въ сущности всегда живучихъ и всюду поддерживаемыхъ то насиліемъ, то лицемѣріемъ. Здѣсь, духовенство захватываетъ въ свои руки всѣ имущества, и снисходительно раздаетъ милостыню ограбленному человѣчеству, грозя проклятіемъ каждому возмутителю спокойствія вѣси Господней. Тамъ, десятина принадлежитъ господамъ, на томъ только основаніи, что они господа, а господа безъ десятины невысказаны. Крестьяне до сихъ поръ продаются еще въ Россіи, какъ земледѣльческія орудія *, а англійскіе аристократы стремятся оттянуть у ирландцевъ пукъ соломы и горсть картофелю, которыми послѣдніе дѣлятся со своими животными.

Итакъ, между жестокой, ненасытимой и неумолимой политической экономіей грековъ и римлянъ, и политической экономіей многихъ европейскихъ странъ разстояніе вовсе не такъ велико, какъ это принимается. Въ нашей прекрасной Франціи, столь богатой хлѣбными нивами и виноградниками, нѣсколько миліоновъ людей не знаетъ употребленія хлѣба и пьетъ одну только воду. Подъ ногами у нихъ огромное количество соли, но ихъ давитъ налогъ, и соляной приставъ,

* Между безправіями, исчисляемыми авторомъ, послѣднее вскорѣ перестанетъ печалить Европу. За великое дѣло освобожденія крестьянъ взялся нынѣшній императоръ Россіи мощной рукой, и все даетъ право надѣяться, что на этотъ разъ дѣло не ограничится, какъ при Александрѣ I, бесплодными желаніями. Несмотря на медленность, неизбѣжную при такомъ коренномъ преобразованіи, и на сопротивленіе ему части дворянства, можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени русскіе крестьяне не только получатъ право свободно располагать своею личностью, но пріобрѣтутъ поземельную собственность и право на свободный трудъ. Фран. изд.

ненавистный, средневѣковой соляной приставъ только переимѣнилъ свое названіе и свое платье. Если открывається новое растеніе, табакъ напимѣръ, то законъ запрещаетъ его воздѣлываніе. Нельзя не воскликнуть при этомъ случаѣ вмѣстѣ съ Руссо: Все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ Создателя, все искажается въ рукахъ человѣка! Несчастныя ліонскія дѣвушки, волшебные пальцы которыхъ ткуть шелковыя и атласныя матеріи, не имѣютъ рубашки; обойщики, украшающіе великолѣпными своими работами дворцы и храмы, часто не имѣютъ обуви.

Нѣтъ, это не можетъ быть послѣднимъ словомъ Провидѣнія, ибо многіе изъ томившихся нѣкогда въ крѣпостномъ состояніи живутъ въ настоящее время въ благосостояніи, и число ихъ ежедневно увеличивается. Нѣтъ ни одного, сколько нибудь замѣчательнаго историческаго событія, которое не оказывало бы своего содѣйствія этому великому дѣлу. Послѣ крестовыхъ походовъ земли начинаютъ дѣлиться; морская торговля открываетъ новые источники доходовъ; промышленность освобождаетъ десятки тысячъ изъ вассальной зависимости. Вникните въ желаніе народовъ: чего просятъ они, когда поднимаютъ свой голосъ? Уменьшенія налоговъ. Чего хотѣли поднявшіеся крестьяне *Жакеріи**, выведенные изъ себя голодомъ, чумой и отчаяніемъ? Болѣе справедливаго участія въ барышахъ, доставляемыхъ ихъ трудомъ. Требованія ихъ были еще болѣе скромны; они просили у людей праздныхъ, чтобы тѣ удѣлили имъ хоть ничтожную долю того, что было заработано ихъ потомъ. Первые, рѣшившіеся на такую дерзость, погибли среди мукъ, какъ это случилось бы и въ Римѣ, еслибы какой нибудь рабъ осмѣлился потребовать какого нибудь права у своего господина.

* Подъ этимъ именемъ извѣстно возстаніе крестьянъ во Франціи, противъ помѣщиковъ въ 1358, во время шлѣна короля Іоанна. Предводитель ихъ, Гильомъ Калье, прозванъ былъ Жакомъ Бономомъ (простофилей) — отчего и возставшихъ называютъ то *жаками* то *бономами*. Возстаніе прекращено было страшными неистовствами и поголовнымъ истребленіемъ жаковъ. Рус. перев.

Въ такомъ видѣ представляется экономисту та борьба, кровавыми подробностями которой переполнены страницы исторіи. Было бы жестокимъ заблужденіемъ вообразить, что истинно религіозная мысль о всеобщемъ благоденствіи прошла незамѣченной черезъ двѣ тысячи лѣтъ постоянныхъ войнъ и усилій для ея осуществленія. Изъ предлагаемаго сочиненія можно замѣтить, что тучи, скрывавшія ея отъ глазъ народовъ, неразъ разсѣивались избранными правительствами, рѣшавшими судьбу цивилизаціи. Большею частью они должны были дѣйствовать только опытнымъ путемъ, не высказывая своихъ намѣреній, чтобы не повредить имъ; другіе увлекались бессознательно и противъ воли требованіями времени: но никогда не встрѣчалось совершеннаго недостатка въ великодушныхъ людяхъ для служенія великому дѣлу, и не разъ, слѣдуя за ходомъ событій, приходилось мнѣ удивляться смѣлой и строго опредѣленной ихъ цѣли.

Капитуляріи (учрежденія) Карла великаго, постановленія Людовика святаго, торговые принципы итальянскихъ республикъ полны ясныхъ и точныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью развитіе общественнаго благосостоянія; они соотвѣтствовали правда, просвѣщенію и предразсудкамъ своей эпохи, но были проникнуты самыми высокими и великодушными намѣреніями. Среди частныхъ и общественныхъ собраній, посвященныхъ разсужденіямъ объ общественныхъ дѣлахъ, нерѣдко высказывались замѣчательныя мнѣнія; мнѣ пришлось представить не одинъ весьма любопытный отрывокъ такихъ теоретическихъ соображеній. Если произведенія эти такъ мало извѣстны, то это потому, что читатели отдавали до настоящаго времени предпочтеніе рассказамъ о фактахъ предъ строгимъ изслѣдованіемъ породившихъ ихъ причинъ. Кромѣ того, сочиненія эти, разсматриваемыя отдѣльно, повидимому, не имѣютъ особеннаго значенія; только при сравненіи ихъ между собою и при систематическомъ ихъ изученіи, обнаруживается дѣйствительная связь между экономическими воззрѣніями, руководившими въ каждую замѣчательную эпоху дѣятельностью правительствъ.

По временамъ, послѣ продолжительной борьбы, когда оба принципа, эксплуатаціи и свободы, повидимому, готовы пасть одинъ передъ другимъ, и, такъ сказать, заявляютъ другъ передъ другомъ свои окончательныя требованія; — общественный вопросъ представляется во всей своей простотѣ: такъ онъ поставленъ былъ нашими отцами въ памятную ночь 4 Августа 1789; въ такомъ видѣ онъ представленъ былъ Карлу V испанскими общинами, поднятыми Падиллой *; такимъ образомъ, наконецъ, слагается онъ англійскими общинами со времени реформы 1832. Всѣ политико-экономическія теоріи приводятся въ такомъ случаѣ къ краткимъ правиламъ, которыя становятся доступны народному пониманію: къ свободному труду и свободному пользованію трудомъ. Реформація, возстаніе Нидерландовъ противъ Флипа II, освобожденіе сѣверныхъ и южныхъ американскихъ колоній, внутреннія смуты и внѣшнія войны суть только признаки неудержимаго движенія, увлекающаго человѣчество. Я полагаю, что лучше точно обозначить главнѣйшія политико-экономическія перемѣны, чѣмъ пренебрегать всею европейской исторіей и начинать чуть не съ настоящаго вѣка науку, столь же древнюю, какъ и сами общества.

Такой путь указывался мнѣ уже простымъ чувствомъ справедливости, еслибы даже онъ не обусловливался самою сущностью моего предмета. Ошибочно было бы думать, оставляя даже въ сторонѣ систематическія попытки правительствъ, что политическая экономія начинается только со второй половины восемнадцатаго вѣка. Болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ въ Италіи написаны были весьма замѣчательныя трактаты по множеству спеціальныхъ вопросовъ политической экономіи. Венеціанская, Генуезская и Флорентинская республики отлично понимали, какимъ образомъ создаются богатства, и представляютъ множество прекрасныхъ примѣровъ для подражанія и хорошихъ книгъ для изученія. Многіе отчеты дожей и правителей могутъ быть сравнены съ

* См. гл. XXI этого сочиненія.

самыми полными посланіями того же рода американскихъ президентовъ. Я привожу * одну рѣчь дожа Мочениго, запечатлѣнную самыми свѣтлыми политико-экономическими принципами, и одинъ флорентинскій бюджетъ, болѣе ясный и болѣе обстоятельный, несмотря на свою краткость, чѣмъ наши бюджеты съ ихъ никому недоступными колоннами цифръ. Сама система Лау, относимая нашими писателями къ героическимъ временамъ политической экономіи, развѣ не представляется занимающей, чуть замѣтной зарей общественнаго и частнаго кредита въ томъ видѣ, въ которомъ онъ развивается на нашихъ глазахъ? Неужели прекрасныя финансовыя реформы Сюлли, смѣлая попытка Кольбера, знаменитый актъ мореплаванія англичанъ должны пройти незамѣтными, какъ и переворотъ, вызванный крестовыми походами, колоссальныя операціи евреевъ и растройство монетной системы, слѣдовавшее за открытіемъ Новаго свѣта!

Еслибы изученіе причинъ, замедлявшихъ или ускорявшихъ развитіе общественнаго богатства, было дѣломъ простой арифметики, быть можетъ, не было бы необходимости восходить такъ далеко; я считалъ бы за ничто появленіе христіанства, и ограничился бы однимъ изложеніемъ прекрасныхъ разсужденій экономистовъ о *цѣнности* и о *полезности*. Но такъ какъ я принималъ политическую экономію за науку дѣйствительно общественную, а не за какую нибудь финансовую теорію, то я и хотѣлъ показать, съ того времени, какое только доступно знанію человѣка, ту нить, по которой Провидѣніе направляетъ народы для исполненія ихъ судебъ. Я твердо вѣрю въ наступленіе эпохи, когда не будетъ болѣе *паріевъ* на пиру жизни, и надежду свою я основываю на изученіи исторіи, показывающей намъ, что поколѣнія переходятъ отъ одной побѣды къ другой по пути цивилизаціи. По пройденной дорогѣ я заключаю о предстоящемъ пути, и когда я вижу трудъ, спасающійся изъ римскаго рабства въ феодальную крѣпостную зависимость, затѣмъ организующійся въ цеховое

* Глава XX этого сочиненія.

устройство и бросающійся за море на крыльяхъ торговли, чтобы пріютиться подъ сѣнью гражданской свободы, то я чувствую, что въ политической экономіи есть нѣчто болѣе, чѣмъ споръ о словахъ, и льщу себя надеждой, что моя попытка представить въ общихъ чертахъ исторію этого труда между всѣми народами и во всѣ времена будетъ оправдана.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе этой исторіи съ древнихъ временъ до восемнадцатаго вѣка. Во время моихъ занятій, мнѣ неоднократно приходилось сожалѣть о принятыхъ мною узкихъ рамкахъ для моего труда. Въ моихъ рукахъ находилась несмѣтная масса матерьяловъ, большею частью неизданныхъ, хотя и извлеченныхъ изъ сочиненій, весьма извѣстныхъ. Приведенные въ порядокъ, въ сыромъ видѣ, они представили бы политико-экономическую монографію, въ высшей степени интересную; и не одинъ образованный читатель пришелъ бы въ крайнее удивленіе, увидя въ этихъ документахъ, находившихся такъ долго въ пренебреженіи, неисчерпаемый предметъ для изслѣдованій и размышленій. Но обыкновенно вовсе не того ищутъ у историковъ; а послѣдніе такъ хорошо понимали во всѣ времена равнодушіе публики къ такого рода фактамъ, что приводили ихъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ что они даютъ только возможность дѣлать выводы объ экономическихъ явленіяхъ — до такой степени они боялись обременять ими свои повѣствованія. Дворы и арміи занимаютъ первое мѣсто; часть человѣчества, неубивающая и неграбящая, едва удостоивается втораго, и представляется въ такомъ туманномъ отдаленіи, что съ трудомъ догадываешься, что происходило съ нею въ продолженіи тридцати столѣтій.

Нельзя обвинять политико-экономическихъ писателей за то, что они раздѣляли въ этомъ отношеніи всеобщее равнодушіе, или, если хотите, всеобщую неблагодарность. Почти всѣ они появляются съ восемнадцатаго столѣтія, ибо въ этотъ вѣкъ человѣчество впервые потребовало строгаго отчета за

прошлое, и начертило точную программу будущаго. Въ сущности же, наука эта не вышла готовою изъ головы *Экономистовъ* этого вѣка. Доказательствомъ этого служатъ уже одни робкіе шаги ихъ, разногласія и неудачныя попытки. Преемникамъ ихъ англійской школы суждено было положить настоящей фундаментъ политико-экономическаго зданія и расчистить пути для преобразованій, которыя должны совершиться въ наше время. Исторія этого періода, столь богатаго произведеніями, на вѣки безсмертными въ лѣтописяхъ науки, составляетъ вторую часть моей книги. Нечего и объяснять, какихъ усилій стоило мнѣ удерживать себя въ должныхъ границахъ, чтобы не выйти изъ рамокъ, требовавшихся единствомъ моего изложенія. Я съ намѣреніемъ упоминаю объ этомъ, чтобы заранѣе отклонить отъ себя упрекъ, который можетъ быть мнѣ сдѣланъ требователями читателями. Мнѣ предстояло двѣ дороги: я могъ идти по пробитому пути, развить вступительныя главы, Ж. Б. Сэя, Сисмонди, Макъ-Кулоха о развитіи политической экономіи со времени Кене, присоединивъ къ нимъ нѣсколько приличныхъ словъ о предшествовавшихъ временахъ; или же, я долженъ былъ взглянуть на дѣло глубже, и связать политическую экономію съ исторіей, показавъ ихъ взаимодѣйствіе съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.

Я представляю на судъ читателя рѣшить, заслуживаетъ ли предпочтенія избранный мною путь. Принявъ такую точку зрѣнія, я освободилъ себя отъ необходимости вдаваться въ разсмотрѣніе доктринъ и въ полемику, а потому, и въ безконечныя отступленія. Я излагалъ исторію въ общихъ чертахъ, останавливаясь на однѣхъ только замѣчательныхъ эпохахъ, имѣвшихъ особенное вліяніе на развитіе благосостоянія и цивилизаціи. Я показывалъ, какъ трудъ постоянно искалъ убѣжища то въ одной странѣ, то въ другой, всюду скопля богатства на помощь свободѣ. Я старался, наконецъ, связать настоящее съ прошедшимъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на науку, какъ на животное, вылупившееся изъ яйца отъ одного дуновенія восемнадцатаго вѣка, *prolem sine matre*

creatam. Я хотѣлъ отыскать родичей этой прекрасной науки, занимающейся счастьемъ человѣческаго рода и имѣющей въ своемъ распоряженіи средства доставить его, насколько это позволяютъ немощи нашей природы и требованія нашего общественнаго состоянія. Видя, съ какою медленностью совершаются преобразованія, и оцѣняя должнымъ образомъ встрѣчаемыя ими препятствія, самые пылкіе изъ реформаторовъ нашего времени научатся сдерживать свое нетерпѣніе и не требовать отъ эпохи, которую мы переживаемъ, ничего болѣе, какъ доли ея содѣйствія увлекающему насъ движенію. Я высказалъ по этому поводу все, что предшествовавшія наши побѣды даютъ намъ право ожидать въ самомъ близкомъ будущемъ. Я не предлагаю никакой системы, и сознаюсь прямодушно, что въ запасѣ у меня не имѣется никакого проекта для всеобщаго возрожденія и водворенія благоденствія. Я рассказалъ, что сдѣлали наши предки и что предложили наши предшественники для осуществленія того, что было осуществимаго въ такой великодушной утопіи. Когда нибудь я, разумѣется, расширю предѣлы моей книги, если этотъ первый опытъ мой будетъ сопровождаться единственнымъ успѣхомъ, на который я рассчитываю—содѣйствовать распространенію экономической науки указаніемъ, что основанія ея почерпаются одинаково, какъ изъ исторіи народовъ, такъ и изъ сочиненій экономистовъ.

Я заключаю мой трудъ критической бібліографіей замѣчательнѣйшихъ сочиненій по политической экономіи, изданныхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Каталогъ этотъ безспорно далеко не полонъ; тѣмъ неменѣе, онъ полнѣе всѣхъ, издававшихся до настоящаго времени, и можетъ служить основаніемъ для довольно значительной спеціальной бібліотеки*. Я прочиталъ и снабдилъ примѣчаніями бѣольшую часть перечисляемыхъ мною сочиненій, и указалъ на главную сущность ихъ, такъ что люди, интересующіеся наукой, могутъ теперь

* Бібліографія дополнена въ настоящемъ изданіи до 1859 включительно.

64227

имѣть понятіе о направленіи писателя прежде, чѣмъ захотятъ обратиться къ нему. Нетрудно понять, что эта часть моего труда сопровождалась не меньшими затрудненіями; но я утѣшаю себя мыслью, что мнѣ удалось такимъ путемъ извлечь изъ незаслуженной неизвѣстности не одного экономиста, и предоставить моимъ соотечественникамъ обильный источникъ для изслѣдованій и для справокъ. Уже одного каталога этого достаточно, чтобы показать ему, что политико-экономическая наука гораздо древнѣе, чѣмъ это предполагается, и что она была уже совершеннолѣтней, когда ее считали въ младенческомъ состояніи. Вначалѣ я колебался, слѣдовало ли мнѣ внести въ мой списокъ писателей, находящихся въ живыхъ, и въ особенности, имѣю ли я право высказать безпристрастное мнѣніе о ихъ произведеніяхъ; но отсутствіе ихъ причинило бы больше неудобствъ, чѣмъ возможное съ моей стороны ошибочное сужденіе; поэтому, я рѣшился говорить объ этихъ современникахъ, какъ будто бы они были уже умершими, желая имъ въ то же самое время жить какъ можно дольше.

Рѣшеніемъ моимъ руководило въ особенности одно, весьма серьезное побужденіе. За небольшимъ исключеніемъ, всѣ почти экономисты, находящіеся въ живыхъ, представляютъ новую школу, столь же далекую отъ утопій Кене, какъ и отъ суровыхъ воззрѣній Мальтуса, и я нахожу, къ моему полному философскому и патріотическому удовольствію, что школа эта возникла во Франціи, и вся почти состоитъ изъ французовъ. Она должна дать направленіе политической экономіи для всего девятнадцатаго вѣка. Она отказывается смотрѣть на производство съ отвлеченной точки зрѣнія, независимо отъ положенія работника; для нея недостаточно безусловнаго накопленія богатствъ, но необходимо еще, чтобы богатства эти справедливо распредѣлялись. Въ ея глазахъ люди *дѣйствительно* равны передъ закономъ, какъ и передъ Богомъ. Бѣдные представляются для нея не предлогомъ для краснорѣчивыхъ разглагольствованій, а членами великой

человѣческой семьи, заслуживающими самой самоотверженной заботливости. Она принимаетъ міръ такимъ, каковъ онъ есть, и умѣетъ остановиться на должныхъ границахъ; но она, тѣмъ неменѣе, ежедневно стремится расширить кругъ людей, приглашенныхъ на пиръ жизни. Я сказалъ, что школа эта по преимуществу французская, и я горжусь этимъ изъ любви къ моему отечеству.

Въ заключеніе, да будетъ позволено мнѣ воздать ей должную справедливость, которую никто не рѣшится у ней оспаривать, такъ какъ справедливость эта вытекаетъ изъ простаго перечисленія ея заслугъ. Взгляните на книги, которыми мы обязаны ей въ теченіи какихъ нибудь двадцати лѣтъ: *Новыя основанія политической экономіи* Сисмонди; *Трактатъ* Дестютъ-де-Траси, этого великодушнаго человѣка, обязаннаго своею извѣстностью столько же своему высокому уму, какъ и своей честности; превосходная книга Дюшателя о *Благотворительности*; *Новый трактатъ общественной экономіи* Дюнойе, столь глубоко запечатлѣнный свѣтлыми взглядами и человѣколюбіемъ; *Трактатъ о законодательствѣ* Ш. Конта, нанесшій послѣдній ударъ колониальному рабству; *Христіанская политическая экономія* виконта де Вильнёвъ-Бражемона, указавшая съ новой и замѣчательной точки зрѣнія на язву *пауперизма* въ Европѣ; *Политическая экономія* Дроза, сдѣлавшая изъ науки помощницу нравственности; *Опытъ о значеніи ассоціаціи* Делаборда, которое мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ въ настоящую эпоху поголовнаго безправія, порожденнаго безграничнымъ соперничествомъ. Сочиненія эти уже значительно измѣнили суровыя доктрины Мальтуса и алгебраическія выкладки Рикардо. Независимыя по формѣ, нерѣдко и по выбору предмета, они тѣмъ неменѣе связаны общею мыслью, состоящею во всеобщемъ благосостояніи людей, безъ различія національностей.

Мнѣ не остались равнымъ образомъ чужды заслуги, оказанныя наукѣ и человѣчеству сенъ-симонистской школой въ ту эпоху, когда здравый смыслъ ея основателей съумѣлъ

сдерживать ее отъ мистическихъ и утопическихъ увлеченій. Школа эта разбросала по всей Европѣ сѣмена грядущаго переворота, который чувствуется всюду; она еще разъ указала на права рабочихъ классовъ, и защищала ихъ съ такимъ талантомъ и увлеченіемъ, которыя должны были поразить самыхъ горячихъ ея противниковъ. Сень-симонисты могли нерѣдко ошибаться, какъ ошибались *экономисты* восемнадцатаго вѣка, съ которыми они имѣютъ много общаго; но, что бы ни говорилось о ихъ намѣреніяхъ и о защищаемой ими нравственности, это были, прежде всего, люди высокаго характера и безупречной честности. Сама Англія, встрѣтившая ихъ насмѣшкой, идетъ по указанному ими пути, и новыя политико-экономическія сочиненія, выходящія въ этой странѣ, глубоко запечатлѣны ихъ преобразовательными идеями. Сень-симонистская школа представляла съ наибольшей энергіей страданія рабочихъ классовъ; и если великій вопросъ объ облегченіи этого многочисленнаго населенія не рѣшенъ еще окончательно, то онъ поставленъ ею на очередь между всѣми цивилизованными народами.

Отнынѣ только на этой почвѣ могутъ рѣшаться всѣ вопросы политической экономіи. Настоящее назначеніе науки состоитъ отнынѣ въ призваніи наибольшаго числа людей къ участию въ благодѣяніяхъ, доставляемыхъ цивилизаціей: Выраженія: *раздѣленіе труда, капиталы, банки, ассоціація, свобода торговли* не имѣютъ инаго значенія. Таково, по крайней мѣрѣ, стремленіе новой науки, къ которой съ гордостью я причисляю себя, и подъ напутствіемъ которой появляется сочиненіе, предлагаемое въ настоящую минуту публикѣ. Если найдутся придирчивые люди, которымъ покажется непонятнымъ, какъ я могъ включить въ два тома исторію такой важной и обширной науки, какъ политическая экономія, то я имъ отвѣчу словами одного изъ знаменитыхъ ея основателей*: «Исторія науки нисколько не похожа на рассказъ о

* J. B. Say, *Cours complet d'Économie politique*, т. II, стр. 540 нов. изд.

событіяхъ. Она должна состоять только въ изложеніи болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ, для открытія и прочнаго установленія составляющихъ ее истинъ. Она становится все болѣе и болѣе краткой, по мѣрѣ совершенствованія самой науки.»

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

ГЛАВА I.

Политическая экономія древнѣе, чѣмъ это принимается. — Греки и римляне имѣли свою политическую экономію. — Сходство ея съ наукой настоящаго времени. — Раздѣляющее ихъ различіе. — Послѣдовательныя измѣненія, испытанныя этою наукой. — Общее обозрѣніе предмета.

Какое прекрасное и поучительное зрѣлище представляютъ усилія, предпринимавшіяся въ различные историческіе періоды для улучшенія физическаго и нравственнаго состоянія чело-вѣка! Каждая эпоха приноситъ дань фанатизма этому великому дѣлу, считающему между своими мучениками народы и царей. Человѣчество не останавливается ни на минуту; одна попытка непрерывно слѣдуетъ за другой, и отъ пере-ворота къ перевороту мы стремимся къ неизвѣстному буду-щему. При внимательномъ изученіи исторіи прошлаго, замѣ-чаешь, что это движеніе идетъ издалека, что оно увлекало нашихъ отцевъ, какъ увлекаетъ насъ, и какъ увлечетъ на-шихъ дѣтей. Иногда народы, повидимому, слѣпо повинуют-ся ему, какъ въ эпоху нашествія на Европу варваровъ; го-раздо чаще они уступаютъ ему вслѣдствіе смутнаго созна-нія управляющихъ имъ вѣчныхъ законовъ. Такимъ образомъ объясняются безчисленныя попытки правительствъ, тѣмъ не-менѣе постоянно вращающіяся около небольшого числа не-

измѣнныхъ истинъ, какъ неприкосновенность личности и право собственности.

Исторія политической экономіи не можетъ быть, поэтому, ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ попытокъ, предпринимаемыхъ цивилизованными народами для улучшения судьбы человѣческаго рода. Древніе вовсе не уступаютъ въ этомъ отношеніи до такой степени новѣйшимъ народамъ, какъ это многими предполагается, и было бы ошибочно относить начало экономической науки къ такой недавней эпохѣ, какъ вторая половина восемнадцатаго вѣка. Кому неизвѣстны учрежденія Спарты и Афинъ и великолѣпное государственное устройство римлянъ? Странно было бы пройти молчаніемъ политическую экономію этой эпохи, въ особенности, если припомнить, что въ ней лежатъ начала почти всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время учреждений и всѣхъ раздѣляющихъ насъ теорій. Законы Ликурга, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе впечатлѣны сень-симонизмомъ, чѣмъ это думаютъ, а борьба между патриціями и плебеями не была ожесточеннѣе въ Парижѣ въ эпоху *террора*, чѣмъ въ Римѣ во время *проскрипцій* Силлы. Еще болѣе поразительное сходство находимъ мы между ліонскимъ возмущеніемъ рабочихъ и удаленіемъ римскаго народа на Священную гору*. Сколько разъ, со времени Мененія Агриппы, приходилось обращаться къ взволнованному народу съ извѣстной притчей о желудкѣ и остальныхъ членахъ тѣла?

Исключая изъ исторіи политической экономіи все, что относится къ древнимъ, новѣйшіе экономисты добровольно лишаютъ себя богатаго источника для наблюдений и сравненій. Они пренебрегаютъ опытами, впродолженіи двухъ тысячъ

* Авторъ имѣетъ въ виду возстаніе, вспыхнувшее въ Ліонѣ въ ноябрѣ 1831, неимѣвшее въ себѣ ничего политическаго, и вызванное однимъ вопросомъ о заработной платѣ. Рабочіе, поднявъ знамя, на которомъ было написано: *Жить, работая, или умереть, сражаясь*, впродолженіи двухъ дней владѣли городомъ; но возстаніе ихъ тѣмъ отличалось отъ удаленія римскаго народа на Священную гору, что оно ничѣмъ не измѣнило, да въ сущности и не могло ничѣмъ измѣнить ихъ положенія.

лѣтъ производившимися съ необыкновенною смѣлостью и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ самыми даровитыми и самыми цивилизованными народами древности. Они отказываются отъ исторіи, тщательно собравшей малѣйшія подробности тѣхъ попытокъ, за которыя мы беремъ въ настоящее время, нерѣдко съ меньшею ловкостью и меньшею необходимостью, чѣмъ греки и римляне. Предразсудокъ этотъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что древніе не оставили никакого спеціальнаго сочиненія, въ которомъ выразились бы ихъ воззрѣнія на политико-экономическую науку; но если воззрѣнія эти не были изложены въ книгѣ, то о нихъ свидѣлствуютъ ихъ учрежденія, ихъ памятники, ихъ законодательство. Учрежденіе почтовыхъ станцій отъ Рима до Юрка, тщательная заботливость римлянъ относительно содержанія дорогъ и водопроводовъ громко свидѣлствуютъ объ ихъ пониманіи главнѣйшихъ требованій цивилизаціи. Колоніальное законодательство грековъ было выше такого же законодательства испанцевъ въ южной Америкѣ.

Спарта, Афины, Римъ такъ же имѣли свою политическую экономію, какъ Франція или Англія. Ростовщичество, чрезмѣрные налоги, тарифы, разорительные откупа, недостаточная заработная плата, пауперизмъ равно угнетали древнія общества, какъ и новыя, и предки наши употребляли меньшія усилія, чѣмъ мы, для избавленія себя отъ этихъ бичей. Было бы въ высшей степени ошибочно думать, что они никогда не задумывались надъ трудностью преобразованій, необходимость которыхъ они сознавали; объ этомъ свидѣлствуетъ каждая страница ихъ исторіи; и мы нисколько не сомнѣваемся, что страшное возстаніе рабовъ подъ предводительствомъ Спартака причинило много безсонныхъ ночей современнымъ ему экономистамъ. Если историки не сообщили намъ ничего объ этихъ тревогахъ, то это потому, что въ Римѣ не смѣли говорить объ этой сокровенной язвѣ, подтачивавшей республику и бросавшей въ краску стыда величайшихъ ея гражданъ. Когда, позже, императоры вздумали раздавать хлѣбъ населенію вѣчнаго города, то развѣ это не было съ ихъ стороны такою же политико-экономической мѣ-

рой, какъ раздача хлѣба въ Испаніи монахами у воротъ своихъ монастырей? Развѣ есть значительное различіе между законами афинянъ, непозволявшихъ вывозить винныхъ ягодъ, и законами французовъ, запрещавшихъ вывозъ шелку и тряпья? Все, что мы можемъ сказать, это — что между греками не было, какъ между нами, писателей, которые подтвердили бы такія нелѣпости софизмами; но это вовсе не даетъ намъ права относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ.

При внимательномъ изученіи финансоваго законодательства грековъ и римлянъ, нельзя не признать, что главнѣйшіе политико-экономическіе вопросы постоянно обращали на себя вниманіе этихъ народовъ. Для этого достаточно указать, съ какою заботливостью слѣдили они за дружескими сношеніями съ своими сосѣдями, за гражданскимъ ихъ устройствомъ, за свойствами и вліяніемъ налоговъ, за необходимыми поощреніями земледѣлія и за успѣхами мореплаванія. Я буду имѣть случай представить въ этомъ сочиненіи неопровержимыя доказательства ихъ всесторонняго знакомства со всѣми этими вопросами. Самыя сложныя явленія, какъ раздѣленіе труда не ускользнули отъ ихъ вниманія, и во второй книгѣ *Республики Платона* мы встрѣчаемъ изслѣдованіе, которое сдѣлало бы честь самому просвѣщенному послѣдователю Адама Смита. *Хозяйство* Ксенофонта, на которое до сихъ поръ не обращалось должнаго вниманія, представляетъ множество здравыхъ воззрѣній, и мы не знаемъ лучшаго опредѣленія монеты, какъ то, которое даетъ Аристотель въ первой книгѣ своей *Политики* *.

Тѣмъ не менѣе, мы ошиблись бы, еслибы посмотрѣли на попытки, предпринимавшіяся правительствами, или восхваляемыя греческими и римскими писателями, какъ на результатъ экономической системы, созданной на основаніи дѣйствительно научныхъ данныхъ, или внушенныхъ высокою философіей. Греки и римляне презирали трудъ, и смотрѣли на промышленность, какъ на занятіе, недостойное свободнаго человека. Рабство является на каждой страницѣ ихъ исторіи, какъ

* *Политика Аристотеля*, кн. I, гл. VI и VII.

бы служа живымъ противурѣчіемъ произведеніямъ ихъ философовъ и экономистовъ. Но развѣ не встрѣчаются и въ нашей исторіи столь же оскорбительныя противурѣчія? Изученіе ихъ между древними, въ эпоху, о которой мы можемъ судить съ бѣльшимъ безпристрастіемъ, облегчаетъ намъ возможность замѣтить и между нами опасность и бесплодность множества попытокъ, которыя, хотя и представляются намъ новыми, но въ сущности, суть только повтореніе того, къ чему уже прибѣгали греки и римляне.

Древніе брались за все, а мы слишкомъ похожи на нихъ во многихъ отношеніяхъ, чтобы имѣть право отказаться отъ ихъ политической экономіи. Въ Спартѣ были свои плоты, какъ въ средніе вѣка были свои крѣпостные, и какъ наши колоніи имѣютъ своихъ невольниковъ. Нѣкоторыя новѣйшія государства имѣютъ даже свои отверженныя касты, какъ каста евреевъ въ Швейцаріи, Пруссіи и Польшѣ: но существеннѣйшее отличіе политической экономіи древнихъ состоитъ въ томъ, что ей неизвѣстенъ былъ принципъ свободнаго труда и кредита. Все измѣнилось вокругъ насъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія, компаса и пороха. Мы открыли и обрабатываемъ въ колоссальныхъ размѣрахъ сырыя произведенія, которыя были неизвѣстны нашимъ предшественникамъ. Хлопчатая бумага, желѣзо, вина, каменный уголь, паръ сдѣлались для насъ неизчерпаемыми источниками богатства. Три или четыре растенія, картофель, свекловица, сахарный тростникъ, чайное дерево, доставляютъ питательныя вещества для мильоновъ людей и грузы для тысячей кораблей. Древніе существовали завоеваніями, то есть, чужимъ трудомъ; что касается до насъ, то мы живемъ промышленностью и торговлей, то есть, собственнымъ трудомъ.

Отличительный характеръ греческой и римской политической экономіи—рабство; нашей—неудержимое стремленіе къ свободѣ. Мы увидимъ, какимъ образомъ вліяніе христіанства принимало участіе въ этомъ направленіи, прерывавшемся, то нашествіями варваровъ, то религіознымъ фанатизмомъ; но движеніе не могло быть остановлено никакимъ серьезнымъ препятствіемъ. Феодальное крѣпостное состояніе смягчалось

цеховыми корпораціями, представлявшими уже шагъ впередъ, потому что онѣ развивали духъ товарищества; въ свою очередь, цеховое устройство должно было уступить мѣсто свободному труду. Каждый шагъ впередъ освобождалъ человѣка отъ какихъ нибудь оковъ, и награждалъ его какимъ нибудь плодотворнымъ завоеваніемъ, такъ что мы можемъ смѣло сказать, что свобода никогда не приходила, не принося съ собой какого нибудь благодѣянія. Греки и римляне, подъ маской лицемѣрія, угнетавшіе человѣчество, не знали употребленія бѣлья и стеколъ; мы сами начали пользоваться нѣкоторымъ довольствомъ въ матерьяльномъ отношеніи только съ тѣхъ поръ, какъ завоевали свободу.

Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, это коренное различіе, а также и сходство между политической экономіей древнихъ и нашихъ временъ, необходимо изучать одновременно, какъ учрежденія ихъ, такъ и творенія: то есть, факты и теорію ихъ эпохи. Для этого я избралъ предпочтительно, въ Греціи — время наивысшаго процвѣтанія Афинъ, а въ Римѣ — первые вѣка имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, Афины лучше всего представляютъ греческую цивилизацію, а императорскій Римъ — римскую цивилизацію. Учрежденія и творенія этихъ эпохъ оказывали на весь современный имъ міръ громадное вліяніе, которое простирается даже на нашу эпоху. Римскими законами рѣшаются во многихъ отношеніяхъ самые важные вопросы нашего гражданскаго права: на нихъ опирается супружество, наслѣдство и владѣніе имуществомъ. Таможни существовали въ Римѣ еще до царствованія Нерона, а афинянамъ извѣстны были государственные займы. Они прекрасно понимали, какія богатства могутъ быть доставлены торговлей, они вдавались въ самыя смѣлыя предпріятія, и постоянно обращали особенное вниманіе на разработку своихъ рудниковъ. Читая ихъ исторію, нерѣдко воображаешь, что читаешь свою собственную, до того сходны факты, и до того справедлива истина, что человѣчество волнуется все тѣми же страстями и тѣми же побужденіями.

Съ паденіемъ римскаго міра совершается глубокой переворотъ въ исторіи политической экономіи. Рабство принимаетъ

новую форму, непрерывно измѣняемую вліяніемъ христіанства; начинаютъ распространяться идеи равенства. За притворнымъ презрѣніемъ къ богатству слѣдуютъ первыя проявленія искусства пріобрѣтать его. Нѣсколько великихъ государей подаютъ примѣръ порядка и бережливости: Карлъ великій отдаетъ приказаніе отправлять на рынокъ яйца своихъ куръ и овощи съ своихъ огородовъ. Завоеватели становятся охранителями, а въ *Капитуляріяхъ* * нетрудно отыскать зародыши новыхъ идей, которымъ суждено будетъ замѣнить древнія политическія учрежденія римлянъ. На дальнѣйшее развитіе оказываютъ свое вліяніе крестовые походы созданіемъ богатства приморскихъ городовъ Италіи, въ которыхъ найдетъ себѣ убѣжище цивилизація отъ средневѣковаго варварства. Поземельная собственность, сосредоточенная до сихъ поръ въ рукахъ сеньоровъ, переходитъ къ мѣщанамъ, скупающимъ ее у воителей Святой Земли. Столкновение съ востокомъ пробуждаетъ новыя склонности, и вызываетъ потребность къ роскоши, которой спѣшитъ удовлетворить промышленность итальянскихъ городовъ. Сами заблужденія эпохи оказываютъ непрерывное содѣйствіе прогрессу, и угнетенные евреи создаютъ науку кредита и мѣны. Является Людовикъ святой, и устраняетъ промышленность. Ремесла раздѣляются на братства, и становятся подъ покровительство святыхъ противъ тираніи бароновъ. Образуется община, а мѣщане, пополнявшіе ряды духовенства, начинаютъ противъ аристократіи ту продолжительную борьбу, которая кончается неранѣе великихъ дней 1789.

Три великія, почти современныя событія — изобрѣтеніе пороха, книгопечатанія и открытіе Новаго свѣта, измѣняютъ совершенно внѣшній видъ Европы и условія общественнаго

* См. Капитулярій *de Villis*, ст. 39, изд. Балюза.

Капитуляріями называются обыкновенно общія постановленія франконскихъ королей до Карла Простоватаго (929), въ противоположность законамъ каждой отдѣльной подвластной имъ страны. Въ частности же, подъ этимъ названіемъ разумѣтся общее законодательство Карла великаго. Называли ихъ такъ, потому что они раздѣлялись на главы — *capitula*.

Рус. перев.

*

богатства. Драгоценные металлы, до сих пор редкие, являются теперь в изобилии; новые произведения быстро переливаются из одной страны в другую, вместе с новыми понятиями; грубая физическая сила низлагается порохом. Я не могу понять, каким образом, после таких поразительных признаков общественного возрождения, можно утверждать, что политическая экономия начинается с конца восемнадцатого столетия. Тем не менее, с этой эпохи, вместе с сосредоточением богатств, снова возникает пауперизм; с этой же эпохи великий протестантский раскол, разрушением монастырей, медленной, но верной смертью поражает принцип церковной десятины и религиозную эксплуатацию человека, занявшую место эксплуатации военной. Кто же решится утверждать, что все эти великие перевороты несколько не изменили экономических условий европейских народов?

Без сомнения, потребовалось множество подобных событий, чтобы побудить государственных людей и ученых обратиться к основным принципам, изучение которых составляет в настоящее время предмет экономической науки. Предки наши долгое время упражнялись в политической экономии, не зная ее оснований, как живет великое множество людей, не имея понятия о физиологических отправлениях жизни. Из всех министров, которым поручено было составление указов по этим первостепенным вопросам, повидимому, один Кольбер следовал определенной системѣ, как позже имел свою систему Лау, и как провозгласили свою систему *экономисты* восемнадцатого столетия. Тем не менее, даже этих великих людей ошибочно было бы считать истинными творцами экономической науки. Когда мы будем излагать мнения Платона, Аристотеля и Ксенофонта, по вопросам, так неподражаемо поставленным Адамом Смитом, и так остроумно оспариваемым нашими современниками, то нельзя будет не признать, что эти великие умы древности сознавали их важное значение и подготовляли их разрешение.

Заблуждение в этом отношении вызвано главным обра-

зомъ писателями восемнадцатаго вѣка, вообразившими, что они открыли всю тайну общественной науки на томъ основаніи, что имъ удалось изслѣдовать, съ безпримѣрною до того проникательностью, нѣсколько важнѣйшихъ законовъ производства. Они открыли пути для новыхъ и смѣлыхъ изслѣдованій, и принимаются творцами науки на томъ основаніи, что предвидѣли ее сквозь призму многихъ заблужденій. Значеніе земледѣлія не было оцѣнено какъ слѣдуетъ; школа Кене возвратила ему должное мѣсто въ ряду прочихъ элементовъ производства. Послѣ него, Адамъ Смитъ возстановилъ значеніе труда, и разоблачилъ истинныя причины богатства народовъ. Мальтусъ распространилъ тревогу для предупрежденія населенія, которое, по его мнѣнію, слишкомъ быстро размножалось. Ж. В. Сэй провозгласилъ свободу торговли и выгоды безграничнаго соперничества, а вскорѣ послѣ него, Сисмонди, въ краснорѣчивомъ, хотя и парадоксальномъ сочиненіи, доказалъ гибельныя ихъ послѣдствія. Рикардо съ необыкновенной смѣлостью положилъ основаніе новой монетной системѣ, которая существовала, по его мнѣнію, и то недолгое время, въ Америкѣ.

Вотъ главныя причины постоянного и общераспространеннаго пренебреженія ученыхъ къ изученію экономическихъ явленій древности и позднѣйшихъ, отдаленныхъ отъ насъ временъ. Я полагаю, что было бы полезно пополнить этотъ пробѣлъ и представить ясное изложеніе главнѣйшихъ усилій нашихъ предшественниковъ по пути, которому сами мы слѣдуемъ. Я ограничусь самыми характеристическими фактами и ученіями различныхъ эпохъ, которыя быстро пройдутъ передъ нашими глазами. Афины, Римъ, варвары, христіанство, крестовые походы, возрожденіе, реформація представляютъ намъ эпохи, полныя смѣлыхъ попытокъ и замѣчательныхъ ученій. Все находится во взаимной связи, все держится круговой порукой въ общей исторіи человѣчества: при броженіи умовъ, обнаруживающемся въ Соединенныхъ Штатахъ противъ постепеннаго освобожденія негровъ, нельзя не припомнить презрѣннаго взгляда на рабство древняго міра, и не признать, подъ различными названіями, все тѣхъ же предразсудковъ.

ГЛАВА II.

Политическая экономія грековъ.—Взглядъ ихъ на рабство.—Ихъ финансовое управленіе.—Они живутъ трудомъ рабовъ и данью союзниковъ.—Что такое былъ *теорикъ*.—*Клерухии*, или завоеванныя страны.—Каждый гражданинъ считалъ себя кредиторомъ государства.—Что требовалось для содержанія семейства.—Общественныя имущества.—Рудники.—Монета.—Дельфійскій храмъ—настоящій сохранный банкъ.—Величина денежнаго процента въ Греціи.—Важное значеніе финансовъ.—Афинскіе нравы.

Въ первой книгѣ *Политики* Аристотеля * мы находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Вся наука хозяина сводится къ умѣнію пользоваться своимъ рабомъ. Онъ хозяинъ не потому, что онъ собственникъ человѣка, а потому что пользуется имъ, какъ вещью... Рабъ составляетъ часть богатства семейства.» Ксенофонтъ ** предлагаетъ, какъ средство для увеличенія доходовъ республики, скупить рабовъ, и отдавать ихъ въ наемъ съ публичнаго торга тому, кто больше заплатитъ за нихъ, предварительно положивъ имъ на лобъ клеймо, чтобы они не убѣжали. Въ этомъ заключалась вся филантропія древнихъ, какъ и бѣольшая часть ихъ политической экономіи. Когда философы ихъ говорятъ о народѣ, то они очевидно подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ людей, пользовавшихся правомъ гражданства, на которыхъ работали массы, находившіяся подъ игомъ самаго безвыходнаго рабства. Они выказываютъ крайнюю щекотливость всякій разъ, какъ дѣло коснется о предоставленіи кому либо званія гражданина, то есть, о переходѣ его изъ состоянія эксплуатируемаго въ состояніе независимаго человѣка. Не было ни одного, столь бѣднаго гражданина, который не имѣлъ бы раба для присмотра за своимъ хозяйствомъ. Человѣкъ средняго состоянія владѣлъ нѣсколькими рабами, которые мололи ему муку, пекли хлѣбъ, приготавливали кушанье или шили платье. Многія тысячи ихъ употреблялись въ мастерскихъ, которыми славились

* *Политика*, гл. IV.

** *О способахъ увеличитъ доходы Аттики*, гл. XI.

афиняне; вообще, на нихъ лежали самыя тяжелыя работы. Ихъ отсылали на водопой вмѣстѣ съ лошадьми.

Очевидно, стало быть, что греческія учрежденія создавались для небольшого только числа привилегированныхъ гражданъ. Афиняне относились съ такимъ же состраданіемъ къ своимъ рабамъ, какое оказываютъ наши фабриканты къ своимъ машинамъ. Но если посмотрѣть съ исключительной точки зрѣнія на это жестокое общественное устройство, то нельзя не признать, что многія его стороны задуманы были чрезвычайно глубоко и искусно. Финансовое управленіе отличалось замѣчательнымъ порядкомъ и точностью. Всѣ постоянные налоги отдавались на откупъ, и поступали въ казну подъ наблюденіемъ особыхъ чиновниковъ. Установлено было благотворное различіе между собственно государственными имуществами и частнымъ имуществомъ общинъ. Пени, присуждаемыя судами, доходы, доставляемые храмами и таможенями, поступали въ руки отвѣтственныхъ сборщиковъ, которые записывали полученныя суммы и преслѣдовали недоимки. Управляющій государственными доходами, настоящій министръ финансовъ, завѣдывалъ всеми расходными кассами, разрѣшалъ уплаты и слѣдилъ за равновѣсіемъ между расходами и доходами. Отдѣльныя управленія завѣдывали содержаніемъ дорогъ, сооруженіемъ кораблей и общественныхъ зданій. Всѣ эти управленія вели отчетность, и потому, содержали писмоводителей, которые чаще всего избирались между рабами, такъ какъ послѣднихъ можно было подвергать пыткѣ, въ случаѣ если понадобится вынудить отъ нихъ признаніе. Недовѣріе народа простиралось до того, что ни одинъ отвѣтственный чиновникъ не могъ ни выѣхать, ни сдѣлать завѣщанія, пока онъ не представитъ своего отчета особеннымъ лицамъ, избравшимся для этой цѣли обществомъ.

Все, относившееся до финансоваго управленія, подчинено было гласному обсужденію. Отчеты вырѣзывались на камнѣ, чтобы каждый имѣлъ возможность знакомиться съ ними, и обсудить ихъ. Время сохранило намъ значительное число такихъ, почти неповрежденныхъ надписей и даже нѣсколько камней, на которыхъ вырѣзаны подрядныя условія по нѣко-

торымъ откупамъ, какъ соляной, рыбной ловли и лѣсной. Лордъ Эльджинъ, прославившійся ограбленіемъ Афинъ, привезъ одинъ такой камень, который хранится въ Британскомъ музеѣ. Кромѣ того, народъ безпощадно преслѣдовалъ казнокрадство и замедленіе въ представленіи отчетовъ. Ничего не было у нихъ опаснѣе положенія государственнаго должника. По истеченіи десяти дней послѣ произнесенія судебного приговора, виновный подвергался личному задержанію; онъ навсегда лишался права участвовать въ общественныхъ дѣлахъ: дѣти и внуки должны были отвѣчать за несчастіе или за вину отца. Никто не имѣлъ права просить отсрочки въ платежѣ, если только ему не присуждалось право говорить въ свою защиту единодушнымъ приговоромъ шести тысячъ гражданъ. Эта крайняя щекотливость въ финансовомъ отношеніи нисколько не покажется удивительной чело-вѣку, знакомому съ общественнымъ устройствомъ греческихъ республикъ.

Въ Афинахъ, въ особенности, общественная казна считалась какъ бы общимъ достояніемъ, не только для коллективныхъ потребностей всѣхъ гражданъ, но и каждаго отдѣльнаго чело-вѣка. Всякій гражданинъ считалъ себя въ правѣ требовать содержанія отъ государства со времени учрежденія при Периклѣ *теорика*, настоящаго жалованія, выдаваемаго за болтливое патріотическое тунеядство, и вскорѣ обратившагося въ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Съ этихъ поръ афинскій народъ требовалъ прокормленія и увеселенія на счетъ государственной казны. Съ этихъ же поръ вошли во всеобщее употребленіе и періодическія угощенія народа и разорительныя праздненства, распорядители которыхъ искали себѣ популярности на счетъ дѣйствительнаго благосостоянія страны. Этимъ объясняется безмѣрная страсть къ конфискаціи имуществъ и къ пенямъ, постоянно отличавшая народныя собранія и нещадившая или погубившая такихъ людей, какъ Сократъ, Мильтіадъ, Фемистоклъ, Аристидъ, Фразибулъ, Кимонъ и самъ великій Периклъ. Конфискаціи и пени налагались, какъ за величайшія преступленія, такъ и за простыя нарушенія закона.

Народъ отличался придирчивостью, потому что былъ алченъ; при малѣйшемъ поводѣ, онъ приговаривалъ къ изгнанію лучшихъ своихъ гражданъ, которые обращались къ заговорамъ, чтобы возвратиться въ свое отечество, и неоднократно приводили его въ отчаяніе за то, что оно не умѣло быть справедливымъ.

Союзники были болѣе какъ данниками, которые облагались совершенно произвольными контрибуціями, въ замѣнъ причитавшихся съ нихъ военныхъ силъ *. Карія, Фракія,

* Изслѣдованія послѣдняго времени сняли съ афинской демократіи бѣольшую часть обвиненій, взведенныхъ на нее историками. Гротъ, въ особенности, рѣшительно опровергаетъ, въ своей превосходной *Исторіи Греціи*, зловную клевету, которую такъ щедро расточали древнія аристократическія партіи противъ свободныхъ афинскихъ учрежденій. Союзъ приморскихъ городовъ, образовавшійся подъ главенствомъ афинянъ два года спустя послѣ сраженія при Микале, возникъ самъ собою, вслѣдствіе естественныхъ обстоятельствъ, и въ настоящее время нельзя отвергать благотворнаго его значенія для цѣлой Греціи и для самихъ союзныхъ городовъ. Контрибуція, которую обязались выплачивать союзные города, состояла для каждаго изъ нихъ въ опредѣленной денежной суммѣ и въ опредѣленномъ числѣ военныхъ судовъ, и, съ согласія самихъ участниковъ, распределена была со всевозможною справедливостью Аристидомъ въ эпоху образованія союза. Если тридцать лѣтъ позже, употребляя выраженіе Грота, афинское главенство обратилось въ афинское господство, то виноваты въ этомъ были главнымъ образомъ сами союзники, рѣшившіеся обратитъ вспомоствованія солдатами и кораблями въ денежную дань, и предложившіе перенести союзную казну, находившуюся до того на ос. Делосѣ, въ Афины. Полная контрибуція опредѣлена была въ 476 до Р. X. въ 460 талантовъ (около 2,600,000 фр.); въ началѣ Пелопонезской войны она все еще составляла болѣе 600 талантовъ (около 3,700,000 фр.), и это увеличеніе произошло, безъ сомнѣнія, не отъ соотвѣтственнаго увеличенія доли, наложенной на каждаго союзника, а отъ присоединенія къ союзу значительнаго числа новыхъ городовъ, и отъ обращенія натурального вспомоствованія въ денежные взносы (Grote, *Hist. of Greece* t. v.). При открытіи Пелопонезской войны, весь доходъ Афинъ простирался до 1,000 талантовъ (5,750,000 фр.), изъ которыхъ 400 доставлялись самой республикой, а остальные союзниками. Но въ мирное время доходы, доставляемые контрибуціей, не истрачивались, а поступали въ казнохранилище, учрежденное Перикломъ, и одно время доходили до 9,800 талантовъ. «Эта система общественныхъ сбереженій, гово-

берега Геллеспонта, Ефесъ, островъ Родосъ обращены были такимъ образомъ въ настоящія греческія владѣнія. Аристофанъ насчитываетъ болѣе тысячи городовъ, находившихся подъ эллинскимъ игомъ, и насмѣшливо предлагаетъ помѣ-

рить Гротъ, состоявшая въ ежегодномъ откладываніи значительныхъ суммъ и существовавшая въ однѣхъ только Афинахъ, ибо пелопонезскія государства никогда не имѣли никакой сохранной казны, уже достаточна для оправданія Перикла въ расточеніи государственныхъ доходовъ на безумныя траты ради пріобрѣтенія популярности; въ то же самое время она опровергаетъ ненасытимую жажду афинянъ жить на общественный счетъ, въ которой обыкновенно привыкли обвинять ихъ.» (Тамъ же, т. VI).

Къ тому же, несправедливо было бы смотрѣть, какъ на непронзводительныя траты, на великолѣпныя сооруженія, воздвигнутыя Перикломъ въ Афинахъ, на великія произведенія искусства, которыми онъ украсилъ храмы, и на значительныя суммы, израсходованныя имъ на праздненства и зрѣлища. Мы просимъ позволенія привести въ подтвержденіе этого еще цитату изъ Грота. «Воззрѣнія Перикла были очевидно панэллинскія. Укрѣпляя и украшая Афины, пробуждая въ своихъ согражданахъ энтузіазмъ, сооружая для нихъ храмы, предоставляя имъ произведенія искусствъ, устраивая имъ великолѣпныя праздненства и зрѣлища, онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать изъ Афинъ нѣчто болѣе, чѣмъ царственный городъ, соединяющій подъ своимъ господствомъ многочисленныхъ, зависящихъ отъ него союзниковъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать его средоточіемъ греческаго чувства, возбудителемъ греческой мысли и источникомъ горячаго демократическаго патріотизма, связаннаго съ полнѣйшей свободой и личной независимостью. Онъ хотѣлъ не только удержать подчиненныя государства въ союзъ съ Афинами, но вызвать удивленіе и добровольное признаніе главенства этого города со стороны независимыхъ сосѣднихъ республикъ, такъ чтобы обезпечить за своимъ отечествомъ нравственное преобладаніе, несравненно болѣе широкое, чѣмъ непосредственное его могущество. И онъ достигъ этого несомнѣннымъ возвышеніемъ этого города, вслѣдствіе чего послѣдній казался еще могущественнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности; величіе его, сверхъ того, должно было смягчать въ глазахъ подчиненныхъ ему союзниковъ унижительное сознаніе о повинненіи, и въ то же самое время представить для пришельцевъ со всѣхъ сторонъ Греціи родъ естественной школы для воспитанія въ нихъ энергической дѣятельности, при содѣйствіи полнѣйшей свободы изслѣдованія, прекрасныхъ сооружений, исполненныхъ со всевозможной бережливостью, и любви къ наукѣ, несопровождающейся ослабленіемъ характера.» (Тамъ же, т. VI).

Фран. изд.

ститъ на содержаніе въ каждый изъ нихъ по двадцати афинскихъ гражданъ. Тиранія метрополіи нерѣдко простиралась далѣе, и афиняне захватывали, подъ малѣйшимъ предлогомъ, части самой территоріи своихъ союзниковъ. Захваченныя такимъ образомъ земли получили названіе *Клерухій*. Завоеватели обращали ихъ въ настоящія колоніи, а поселившіеся въ нихъ афиняне составляли аристократическое сословіе, всегда подчиненное центральному управленію метрополіи. Отецъ Платона былъ уроженцемъ одной изъ такихъ клерухій. Граждане, посылавшіеся государствомъ въ колоніи, снабжались обыкновенно оружіемъ и деньгами, и вскорѣ возбуждали къ себѣ ненависть между туземнымъ населеніемъ, которое нерѣдко возмущалось для возвращенія своей независимости. Все, стало быть, было послѣдовательно въ государственной системѣ афинянъ: грабежъ господствовалъ внутри республики, какъ и внѣ ея, внутри — посредствомъ конфискацій и пеней, внѣ — посредствомъ военныхъ контрибуцій и монополій. Никто не помышлялъ о средствахъ, доставляемыхъ трудомъ. Страсть къ теоріи побуждала прибѣгать ежедневно къ новымъ средствамъ для удовлетворенія этихъ требовательныхъ болтуновъ, вѣчно упражнявшихся въ краснорѣчіи и ничего непроизводившихъ.

Тѣмъ неменѣе, еслибы преувеличенное сознаніе собственного гражданскаго превосходства не отклонило афинянъ отъ истинныхъ путей обогащенія, то они, можетъ быть, рѣшили бы великую задачу общаго распредѣленія прибыли, доставляемой трудомъ. Всѣ учрежденія ихъ имѣли въ виду предоставить всѣмъ гражданамъ участіе въ выгодахъ, доставляемыхъ обществомъ; но они исключили изъ нихъ рабовъ, то есть, почти три четверти всего населенія. Государство содержало общественныхъ врачей (Гипократъ получалъ содержаніе отъ Афинской республики), учителей, художниковъ, заботившихся объ украшеніи города сооруженіями, на которыя каждый гражданинъ смотрѣлъ, какъ на свою собственность; обязанности нотаріусовъ, прокуроровъ, породившія такое лихоимство и столько злоупотребленій въ нашихъ обществахъ, оплачивались государствомъ. Преподаваніе было свободно. Дѣ-

ти умершихъ воиновъ воспитывались на общественный счетъ, а сироты пользовались по истинѣ родительскими попеченіями магистратовъ. Демосфенъ получилъ первую свою извѣстность тяжбой съ своимъ опекунами—это былъ первый, выигранный имъ процессъ. Афиняне вообще придерживались принципа, чтобы ни одинъ гражданинъ не испытывалъ нужды, и выдавали пособія тѣмъ изъ нихъ, которые, по физическимъ недугамъ, не въ состояніи были содержать себя сами. Но эта щедрость къ самимъ себѣ вскорѣ вызвала естественныя свои послѣдствія, непомерно размноживъ число праздныхъ или безпечныхъ людей, такъ что когда несчастная Пелопонезская война истощила всѣ средства, доставлявшіяся налогомъ, то нищета обнаружилась во всемъ своемъ ужасѣ. Пришлось установить настоящій налогъ въ пользу бѣдныхъ, неопредѣленные цифры котораго разработаны, съ привычною ему ясностью, профессоромъ Бёкомъ (Voeskh) въ превосходномъ сочиненіи о *Политической экономіи афинянъ**. Духъ ассоціаціи значительно помогалъ имъ бороться съ беспорядочнымъ состояніемъ финансовъ. Многіе частные люди соединились въ товарищество, названное *Эраносъ*, на условіи взносовъ, соотвѣтствовавшихъ будущимъ ссудамъ каждому. Товарищество это называлось общиной *Эранистовъ*, а начальникъ его—*Эранархомъ*.

Этими противуэкономическими привычками — жить почти постоянно на счетъ общественной казны, слѣдуетъ объяснять, какъ потерю греками своей свободы, такъ и слабое развитіе ихъ промышленности. Общественныя вспомошествованія, сдѣлавшіяся періодическими, дали возможность всѣмъ честолюбцамъ, искавшимъ популярности, покупать расположеніе толпы щедротами, истощавшими государство, но не обогащавшими тѣхъ, на кого онѣ разливались. Платонъ замѣчаетъ весьма вѣрно, что эта безразсудная система сдѣлала афинянъ лѣнливыми, корыстолюбивыми и легкомысленными. Периклъ, введ-

* Томъ I, глава XVII. Переведена на французскій языкъ Лялиганомъ (см. Библиографію, приложенную ко 2-му тому этого сочиненія).

шій ея въ употребленіе, хорошо видѣлъ ея неудобства, но находилъ ея необходимой для поддержанія своей власти, и всѣми силами поддерживалъ ея. Отсюда получили свое начало безконечныя происки ораторовъ, видѣвшихъ свою личную пользу въ восхваленіи предъ толпою этого владыку двадцати тысячъ гражданъ, слывшихъ подъ названіемъ афинскаго народа, алчность котораго могла быть насыщена только непомѣрными налогами на богатыхъ, да конфискаціями. Демагоги доходили до того, что въ рѣчахъ своихъ публично объявляли, что если не будетъ присужденъ къ денежной пени тотъ или другой гражданинъ, то нельзя будетъ прокормить народа. Богатымъ, при видѣ такой опасности, оставалось только уступить, чтобы отклонить грозу; въ такомъ случаѣ происходила чрезвычайная раздача вспомошествованій, а въ дѣлѣ добычи принимали участіе всѣ недовольные. Такимъ образомъ получилъ свое происхожденіе и *теорикъ*, а ораторъ Демадъ рѣшился громко объявить, что раздача денегъ есть самый прочный цементъ демократіи. Не ту же ли самую систему древнихъ грековъ, только въ обновленномъ видѣ, встрѣчаемъ мы черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ въ ежедневной заработной платѣ въ 40 су, раздававшейся въ 1793 бѣднымъ обывателямъ Парижа?

У грековъ все было разсчитано для обезпеченія заработной платы за каждымъ классомъ гражданъ. Ораторы требовали платы за то, что говорили, а народъ — за то, что слушалъ ихъ; судьи, сами присяжные тоже не забывали себя. Отчасти изъ политическихъ видовъ, а отчасти — ради доставленія обезпеченнаго положенія народнымъ любимцамъ, при каждомъ иноземномъ государствѣ содержалось посольство изъ двухъ, трехъ и до десяти человѣкъ одновременно. Публичные глашатаи и переписчики народныхъ постановленій кормились въ Пританеѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, они имѣли и казенное помѣщеніе. Были музыканты и поэты, содержавшіеся на общественный счетъ; словомъ, число людей, получавшихъ жалованіе, доходило до того, что потребовались строгія мѣры противъ соединенія многихъ должностей въ одномъ лицѣ, этой язвы финансоваго управленія и новѣйшаго

времени. Нетрудно представить себѣ, какіе громадныя налоги необходимы были для удовлетворенія всѣхъ этихъ требованій, если принять въ соображеніе, что содержаніе самаго бѣднаго семейства изъ четырехъ душъ обходилось, по меньшей мѣрѣ, въ 400 франковъ на наши деньги, если оно не хотѣло довольствоваться только хлѣбомъ и водой. Для приличной жизни требовалось, разумѣется, несравненно больше; сверхъ того, изъ уваженія къ мертвымъ, греки нерѣдко дѣлали весьма значительныя траты на погребенія и на сооруженіе надгробныхъ памятниковъ; они расходовали значительную часть богатствъ на мебель, одежду, драгоценныя бездѣлушки. Въ большей части порядочныхъ домовъ имѣлись не только предметы, необходимые для обычнаго ежедневнаго обихода, но и орудія и инструменты многихъ ремеслъ, какъ на примѣръ, для тканья и хлѣбопеченья, отправлявшихся на дому рабами. Тщеславіе породило обычай имѣть въ домѣ драгоценныя золотыя и серебряныя сосуды; послѣдніе вошли въ такое употребленіе, что для доставленія ихъ тѣмъ, кто не могъ заплатить за нихъ, пришлось изготовлять ихъ въ толщину, непревышавшую листъ бумаги. Если теперь принять въ соображеніе, что въ Афинахъ считалось около десяти тысячъ домовъ, кромѣ сооружений въ портахъ, предмѣстьяхъ и деревняхъ, и около 360,000 рабовъ, то можно составить себѣ понятіе о богатствахъ, скопленныхъ этой республикой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, объ относительномъ могуществѣ прочихъ греческихъ государствъ.

Тѣмъ неменѣе, невольно приходитъ въ голову вопросъ, какимъ образомъ афиняне могли уплачивать эти громадныя суммы, шедшія на содержаніе различныхъ классовъ гражданъ. Въ принципѣ, храмы и жрецы содержались на счетъ священныхъ земель, поземельной десятины и пожертвованій. Лица судебного сословія получали плату отъ тяжущихся и подарковъ. Позже, когда Солонъ раздѣлилъ народъ на четыре класса, по размѣрамъ имущества, каждый классъ обложенъ былъ налогомъ, смотря по величинѣ принадлежащей ему собственности, подлежащей налогу, такимъ, впрочемъ, образомъ, чтобы богатый классъ платилъ соотвѣтственно большую часть

своего дохода, чѣмъ менѣе богатый классъ. Такой способъ раскладки, повидимому, весьма походилъ на налогъ съ дохода. Для болѣе справедливаго его распредѣленія, имущества были кадастрированы и переоцѣнивались каждые четыре года. Тѣмъ неменѣе, кадастръ этотъ вовсе не соотвѣтствовалъ нашимъ оцѣночнымъ свидѣтельствамъ для закладныхъ: заимодавецъ, желавшій обезпечить себя закладною, довольствовался тѣмъ, что ставилъ межевой знакъ на полѣ своего должника, и надписывалъ на немъ свое имя. Кромѣ налога на доходъ, доставлявшаго уже значительныя суммы, и союзнической дани, представлявшей родъ военной контрибуціи, строго выплачивавшейся и въ мирное время, афиняне получали еще доходъ отъ рудниковъ, отъ пеней и конфискацій, о которыхъ мы упоминали выше, а также и отъ таможенъ. Государство и общины владѣли имуществами, отдававшимися на откупъ и доставлявшими весьма значительный доходъ. Имущества эти состояли обыкновенно изъ пастбищъ, лѣсовъ, зданій и соляныхъ озеръ. Они отдавались въ аренду на вѣчныя времена, или на сроки, главному откупщику, который обязанъ былъ акуратно вносить откупную сумму въ государственную казну.

Греки, въ особенности афиняне, съиздавна выказывали отвращеніе ко всему, что походило на подушную подать, и въ особенности на поземельный налогъ. Они не знали налога на двери и окна. Обычныя ихъ доходы составляли государственныя и общинныя имущества. Они въ особенности любили облагать налогами иностранцевъ, и охотно прибѣгали, даже при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, къ косвеннымъ налогамъ, которые назначали, впрочемъ, съ крайней умѣренностью. Главное же вниманіе свое они обращали постоянно на рудники. Аттические и Лавріумскіе рудники, повидимому, съ самыхъ древнихъ временъ доставляли значительныя сокровища, потому что при ихъ содѣйствіи Фемистоклу удалось до высшей степени морское могущество республики. Какъ бы то ни было, рудники эти вскорѣ истощились, и во времена Страбона они едва покрывали расходы по ихъ разработкѣ. Вѣроятно также недостатокъ въ химическихъ свѣ-

дѣніяхъ не позволялъ древнимъ извлекать изъ рудниковъ всю ту пользу, какую послѣдніе могли бы доставить. Работы производились толпами рабовъ, естественно невѣжественныхъ и плохо управляемыхъ, которыхъ ближе всего сравнить съ тѣми несчастными индейцами, которыми населили испанцы свои мексиканскіе и перуанскіе рудники тотчасъ послѣ завоеванія страны. За то и отчаяніе афинянъ не имѣло границъ, когда они увидѣли, что этотъ источникъ ихъ обогащенія изсякъ, точь въ точь, какъ испанцы нашего времени, когда имъ пришлось искать въ трудѣ, отъ котораго они отвыкли, спасенія отъ нищеты и разоренія. Переворотъ этотъ тѣмъ труднѣе было имъ перенести, что рудники распределены были между большимъ числомъ собственниковъ или откупщиковъ, пользовавшихся до этого огромными богатствами и стоявшими на ряду съ богатѣйшими землевладѣльцами и купцами.

Мы имѣемъ полное основаніе думать, что древніе заражены были, подобно новѣйшимъ народамъ, тѣми же предразсудками относительно драгоценныхъ металловъ. Ниже, при изложеніи *Хозяйства Ксенофонта*, мы увидимъ, что они считали золото и серебро преимущественно богатствомъ, и вся политика ихъ имѣла постоянно въ виду привлечь въ государство эти металлы всѣми возможными средствами. Съ этою цѣлью они обложили иностранные товары налогомъ въ одну *пятидесятую*, которая составляла таможенную пошлину. Налогъ этотъ выплачивался при выгрузкѣ товара и звонкой монетой, а не натурой; наблюденіе за поступленіемъ этого дохода не встрѣчало особенныхъ затрудненій, если припомнить, что вся почти торговля Греціи производилась моремъ. При въѣздѣ въ нѣкоторые города взимался, по всей вѣроятности, настоящій акцизъ съ съѣстныхъ припасовъ, и онъ пораждалъ тѣ же злоупотребленія, какъ и у насъ, такъ какъ писатели приводятъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ случаевъ контрабанды, между прочимъ, какъ одинъ крестьянинъ хотѣлъ провести запрещенный медъ въ куляхъ съ ячменемъ, и какъ онъ былъ уличенъ дозорщиками, прибѣжавшими поднять осла, упавшаго съ ношей.

Золотая и серебряная монета встрѣчалась довольно рѣдко

между греками до ихъ столкновеній съ востокомъ. Покореніе части Азіи Киромъ привлекло на западъ огромное количество монеты; баснословные рассказы о Крезѣ и о рѣкѣ Пактолѣ, текущей по золотому песку, обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствительнымъ событіямъ, преувеличеннымъ воображеніемъ грековъ. Огромное разнообразіе, ввозившейся монеты, вызвало ремесло мѣняль, которые промышляли, какъ и въ наше время, размѣномъ денегъ. Кромѣ того, афиняне строго наблюдали за изготовленіемъ металлическихъ денегъ; монета ихъ чекана отличалась такой добротой, что ходила съ преміей на всѣхъ рынкахъ. Хотя Плиніи—естествоиспытатель*, Страбонъ** и Діодоръ Сицилійскій*** оставили намъ драгоцѣнные свѣдѣнія о металлическихъ богатствахъ древнихъ, тѣмъ неменѣе, нельзя не пожалѣть о пронажѣ спеціальнаго сочиненія Теофраста, писавшаго о металлургическомъ искусствѣ за 300 лѣтъ до нашей эры, сочиненія, нѣсколько разрозненныхъ отрывковъ котораго дошли до насъ въ твореніи позднѣйшихъ писателей. Изъ него черпали свѣдѣнія, относившіяся къ вопросу о монетѣ въ древнія времена. Филиппъ Македонскій велъ войну съ греками столько же золотомъ, сколько мечемъ. Сынъ его, Александръ, вывезъ изъ Индіи несмѣтныя сокровища, и наградилъ своихъ солдатъ съ необыкновенной щедростью. Наслѣдники его, Птоломеи, говорятъ, собрали монеты до миллиарда франковъ на наши деньги. Серебро было въ то время рѣже, чѣмъ теперь, сравнительно съ золотомъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ золото считается въ пятнадцать разъ дороже серебра, между тѣмъ какъ во времена древнихъ грековъ оно было дороже серебра только въ десять разъ. Для мелочной торговли употреблялась обыкновенно биллоновая монета, приготовлявшаяся изъ желѣза и мѣди, и не имѣвшая цѣны внѣ своего государства.

Чрезвычайное значеніе, приписывавшееся золоту и серебру, породило между греками финансовыя учрежденія, нелишен-

* Плиніи, кн. XXXII.

** Страбонъ, кн. III, IV и V.

*** Діодоръ Сицилійскій, кн. XXVII и XXXVI.

ныя сходства съ существующими въ наше время. Дельфійскій храмъ ежегодно принималъ подъ покровительство Аполлона значительныя денежныя вклады, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и даже городамъ. Жрецы, которые видѣли свою пользу въ скопленіи у подножія алтарей огромнаго количества золота, поощряли такое обыкновеніе, а Дельфійскій храмъ обратился въ настоящій сохранный банкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ древней Греціи. Но такъ какъ на внесенныя вклады не выдавалось никакихъ процентовъ, то у него появилось вскорѣ множество соперниковъ, а банкирское дѣло стало весьма выгоднымъ занятіемъ. Наименьшій процентъ былъ, повидимому, 10 на 100, а наибольшій 36. Ростовщичество приняло необычайное развитіе, вслѣдствіе прибыли, каковую можно было извлечь изъ капиталовъ, при содѣйствіи рабскаго труда, а также вслѣдствіе отсутствія обезпеченія ссуды. То же явленіе повторяется и въ наше время въ странахъ, неосвободившихся отъ рабства, какъ напримѣръ въ нашихъ колоніяхъ, въ которыхъ, кромѣ того, полученіе заложенной собственности сопровождается такими формальностями и проволочками, что недобросовѣстный должникъ можетъ протянуть уплату долга до самой смерти займодавца. Вотъ почему, при ссудѣ денегъ, вся сумма процентомъ взималась впередъ, и отдавалась въ ссуду сама по себѣ на весьма тягостныхъ условіяхъ, не обращая вниманія на презрѣніе, съ примѣсю заискиванья и лести, съ которыми общество относилось въ ту эпоху къ денежнымъ людямъ, точь въ точь, какъ и въ настоящее время. Въ неменѣе гнусномъ видѣ обнаружится ростовщичество въ Римѣ и во всей Европѣ въ средніе вѣка: роковой признакъ, свидѣтельствующій о невѣдѣніи истинныхъ законовъ производства и о презрѣніи къ простѣйшимъ требованіямъ нравственности. По этимъ даннымъ можно составить себѣ понятіе, что доставляла отдача въ аренду или въ наемъ, болѣе или менѣе управляющаяся величиной существующаго денежнаго процента. Профессоръ Бекъ принимаетъ, что аренды приносили восемь съ половиной процентовъ, а наймы доставляли немного менѣе. Ради спекуляціи сооружались гостинницы, помѣщенія въ которыхъ

отдавались въ наймы иностранцамъ, прибывавшимъ въ Афины по политическимъ или торговымъ дѣламъ и пользовавшимся правами гражданства.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Бѣкомъ, нетрудно составить себѣ понятіе, на какихъ тягостныхъ условіяхъ должны были заключаться государственные займы. Отсутствіе безопасности и постоянная готовность этихъ народовъ на обманъ, обремененный въ юридическія формы, даютъ поводъ сомнѣваться, чтобы хоть одинъ такого рода заемъ заключенъ былъ по добровольному согласію. Въ случаѣ особенно затруднительнаго положенія государства, охотнѣе соглашались на увеличеніе существующихъ или на введеніе новыхъ налоговъ, даже на поземельную собственность. Дельфійскій и Делосскій храмы неоднократно отдавали въ ссуду часть отданныхъ имъ на сохраненіе сокровищъ. Иногда назначался неочередной налогъ, который обязаны были внести богатые, то есть, производился настоящій насильственный заемъ, какіе заключаются и въ наше время. Наконецъ, обращался и къ фиктивной, желѣзной монетѣ, которую принимали за дѣйствительную, и замѣщали ею золотыя и серебряныя деньги, поглощенные внѣшней торговлей, чтобы впослѣдствіи выкупить и уничтожить ее, какъ мы поступаемъ съ нашими ассигнаціями. За этимъ слѣдовало болѣе постыдное и болѣе пагубное искаженіе монеты, которую стали готовить изъ смѣси серебра со свинцомъ или съ мѣдью, то есть, прибѣгали къ послѣднимъ уловкамъ разорившагося правительства; но подобныя злоупотребленія продолжались обыкновенно весьма недолго, и, за исключеніемъ Спарты, въ которой монета долгое время состояла изъ тяжелыхъ и грубыхъ желѣзныхъ брусковъ, вслѣдствіе побужденій, вытекавшихъ изъ устройства этой утопической республики, Греція оказывалась вѣрна той репутаціи, которою пользовалась ея монетная система.

Государственные люди ея никогда не упускали изъ виду важнаго значенія финансоваго управленія. Это была трудная наука въ эпоху, когда, посредствомъ государственныхъ займовъ, не умѣли еще возлагать на будущія поколѣнія отвѣтственности за потребности настоящаго. Такъ какъ чрезвы-

чайные расходы ложились всею своею тягостью на людей, подлежащих налогамъ, то приходилось изворачиваться на тысячу ладовъ, чтобы не трогать капиталовъ, то есть, не касаться самаго источника производительности. Къ несчастію, вмѣшательство народа, часто невѣжественное, вызывало безразсудную расточительность; для удовлетворенія его тщеславія, тратились непомѣрныя суммы на сооруженіе національныхъ памятниковъ; привычка жить на счетъ союзниковъ отклоняла гражданъ отъ вѣрнаго пути, указываемаго трудомъ. Благосостояніе государства находилось такимъ образомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, а потому, становилось весьма ненадежнымъ. Это замѣчаетъ самъ Ксенофонтъ въ своемъ трактатѣ о *Доходахъ Аттики*, о которомъ мы вскорѣ будемъ имѣть случай говорить.

Подобная система необходимо должна была оказывать огромное вліяніе на нравы жителей древней Греціи. Афиняне были пристрастны къ игрѣ и къ празности; большую часть своего времени они проводили, сидя передъ портиками общественныхъ зданій, толкуя о политическихъ дѣлахъ и пересуживая городскія новости; затѣмъ, они отправлялись съ тростью въ рукѣ, по лавкамъ, рынкамъ и публичнымъ банямъ. За ними слѣдовалъ обыкновенно невольникъ со складнымъ стуломъ, на который они садились, когда пожелають отдохнуть. Столъ ихъ отличался вообще роскошью, а хлѣбъ, продававшійся даже простому работнику, отличался изысканнымъ вкусомъ и поразительною бѣлизной. Рынки ихъ были переполнены дичью, рыбой, овощами и всякаго рода плодами. Хотя въ Спартѣ происходило нѣчто, совершенно противоположное, все же результаты лакедемонской системы мало чѣмъ отличались отъ послѣдствій афинскихъ нравовъ. Спартанцы никогда не могли достигнуть до высоты цивилизованнаго народа, потому что подавляли свои потребности, а афиняне скоро спустились съ высоты цивилизованнаго народа, потому что удовлетворяли ихъ искусственно, во что бы то ни стало, ежедневно создавая новыя.

Если бросить одинъ общій взглядъ на всю политическую экономію афинянъ, на которую болѣе или менѣе походили

финансовыя системы прочихъ грековъ, за исключеніемъ спартанцевъ, то нельзя не признать, что многія части ея были мудро задуманы. Греки не были ни бѣдны, ни равнодушны къ богатству; но между ними обращалась несравненно меньшая масса драгоцѣнныхъ металловъ, чѣмъ въ государствахъ новѣйшей Европы, а потому, они дѣлали большія операціи при содѣйствіи небольшого количества денегъ; такъ какъ имущества давали хорошіе доходы, то граждане могли выносить большіе налоги. Афиняне прославились щедрыми тратами на служеніе богамъ и на увѣковѣченіе великихъ идей и геройскихъ подвиговъ памятниками, которые свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ вкусѣ ихъ въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ. Но раздача жалованій и вспомоствованій породила любовь къ праздности; народъ вообразилъ, что государство обязано его кормить, а онъ, въ замѣнъ этого, обязанъ только направлять общее управленіе. Это была какъ бы задача, предложенная общественнымъ дѣателямъ для отысканія средствъ обогащенія народа не трудомъ и промышленностью, а пожертвованіемъ ему общественными доходами, такъ какъ государственныя имущества считались общею собственностью, которая должна быть раздѣлена между всѣми гражданами *.»

ГЛАВА III.

О политико-экономическихъ системахъ, бывшихъ въ ходу или предложенныхъ въ Греціи. — О законахъ Ликурга. — Республика Платона. — Государственное хозяйство Ксенофонта. — Политика Аристотеля.

Я думаю, что ни въ одной странѣ міра не рѣшились бы предложить такую необыкновенную политико-экономическую систему, какую представляютъ законы, изданные въ Спартѣ Ликургомъ. Ни одинъ строгій монастырскій уставъ, никакія радикальныя реформы, предложенныя Національнымъ конвентомъ, никакія гармоническія утопіи *Овенистовъ*, а въ послѣднее время, никакія смѣлыя проповѣди *Сень-симонистовъ*

* Boeckh, *Économie politique des Athéniens*, кн. IV, гл. 21.

не представляют ничего, что походило бы на эти законы, что касается до смѣлости и оригинальности. Они представляются скорѣе плодомъ фантазіи мечтателя, чѣмъ результатомъ размышлений государственнаго человѣка, а между тѣмъ, они имѣли такое продолжительное существованіе и настолько проникли въ нравы прославившагося народа, что должны занять мѣсто въ исторіи науки. Отличительный характеръ ихъ состоитъ въ томъ, что они были, такъ сказать, импровизированы, и, безъ предварительнаго перехода къ нимъ, сразу приложены къ управленію народомъ, пользовавшимся до этого совершенно инымъ политическимъ устройствомъ. Читая ихъ, невольно приходитъ въ голову, что это скорѣе уставъ какого нибудь училища, чѣмъ законодательство народа*. Все въ нихъ до того странно, что само существованіе законодателя подверглось сомнѣнію со стороны многихъ ученыхъ, воображавшихъ, что существовало нѣсколько Ликурговъ, какъ предполагалось долгое время существованіе нѣсколькихъ Гомеровъ.

Впрочемъ, каково бы ни было происхожденіе законовъ Ликурга, не подлежитъ сомнѣнію, что въ болѣе или менѣе неприкосновенномъ видѣ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, они заправляли судьбою спартанцевъ. Они считаются осуществле-

* Извѣстный англійскій историкъ Гротъ, въ своей *Исторіи Греции*, (переведенный Мейснеромъ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ *Geschichte Griechenlands*), сравниваетъ Ликургово общество съ ульемъ пчель, и считаетъ его скорѣе воинственнымъ братствомъ, чѣмъ гражданскимъ благоустроеннымъ обществомъ. Населеніе Лаконіи дѣлилось на *спартиатовъ*, *періоковъ* и *плотовъ*. Первые владѣли поземельной собственностью въ самой Спартѣ, главномъ городѣ Лаконіи, управляли государствомъ и платили ему подати. Вторые были побѣжденные ахеяне; они тоже владѣли поземельною собственностью и платили налоги, но не участвовали въ управленіи. (Равенство 9,000 спартанскихъ и 30,000 лаконскихъ поземельныхъ участковъ Гротъ подвергаетъ сомнѣнію). Наконецъ, плоты были крѣпостные, прикрѣпленные къ участкамъ первыхъ двухъ классовъ; они лишены были гражданскихъ правъ, обрабатывали землю господъ, и платили имъ оброкъ натурой. Во времена Клеомена III они получили право выкупаться на волю за 5 аттическихъ минъ; они составляли тогда особую общину въ Лаконіи, *неодамодовъ* — несмѣшивавшуюся съ двумя остальными. (Томъ I, стр. 688—701). Рус. перев.

ніемъ утопіи всеобщаго распредѣленія собственности и одинаковаго воспитанія всѣхъ гражданъ. Они заключали въ себѣ одновременно полную систему политической экономіи, наставленіе въ вѣрѣ, и служили руководствомъ для всѣхъ ремесль. Съ одинаковой точностью они устанавливали порядокъ наследованія престола и порядокъ слѣдованія блюдъ за столомъ. Можно ли представить себѣ что либо, болѣе удивительное, какъ раздѣленіе спартанской территоріи на девять тысячъ участковъ одной величины и на тридцать тысячъ другой, которые были розданы такому же числу отцевъ семействъ, съ условіемъ, чтобы получаемыми съ этихъ участковъ доходами они содержали своихъ женъ и дѣтей. Какъ долго могло продолжаться такое искусственное равенство имуществъ? Признаюсь, я не могу себѣ представить существованіе общества, въ которомъ запрещена покупка и продажа малѣйшей части поземельной собственности, а также отчужденіе ее посредствомъ завѣщанія. Какъ согласить это запрещеніе съ существовавшимъ въ Спартѣ правомъ старѣйшинства, если не предположить, что старшій въ родѣ обязанъ былъ содержать своихъ братьевъ; но въ такомъ случаѣ, во что же обращалось равенство, которое было, какъ увѣряютъ, главной цѣлью законовъ Ликурга?

Законъ запрещалъ давать приданое дочерямъ, но вѣроятно онѣ выходили замужъ, не безпокоясь о будущемъ, ибо государство обязано было содержать и воспитывать дѣтей, которыхъ онѣ произведутъ на свѣтъ. Что эта была за благословенная страна, въ которой гражданину достаточно было только сѣсть за столъ, чтобы всегда найти на немъ обѣдъ, если только онъ представилъ причитающуюся съ него долю ячменя или овощей! Къ довершенію чуда, не существовало ни налоговъ, ни государственной казны; а между тѣмъ, если вѣрить Аристотелю, этотъ народъ—философъ все таки находилъ иногда возможность давать въ ссуду деньги. Аристотель увѣряетъ, что когда депутаты Самоса прибѣгли къ Спартѣ за вспомошествованіемъ, то народное собраніе предписало поголовное воздержаніе отъ пищи, *людямъ и животнымъ*, впродолженіи сутокъ, чтобы сдѣлать небольшое сбереженіе

и выдать его союзникамъ. Но такъ какъ продажа и покупка были воспрещены, то для чего же существовали въ ней деньги? Несмотря на все мое уваженіе къ древности, я сильно подозрѣваю, что всѣ эти рассказы о займахъ, какъ и множество другихъ, суть чистѣйшая мистификація. Но, что не подлежитъ сомнѣнію, такъ это то, что въ Спартѣ существовала эпоха, въ которую чувство собственности заглушалось, по видимому, патріотическимъ увлеченіемъ, основаннымъ на безусловномъ почти подавленіи личныхъ потребностей; ибо законодательство Ликурга было вполнѣ послѣдовательнымъ. Разрушая основы собственности, оно должно было находиться въ непрерывной борьбѣ съ желаніемъ пріобрѣтенія, а потому, и со всѣми склонностями, пробуждавшими это желаніе.

Это въ сущности и предвидѣлъ законодатель. Всѣ дѣти, отрывавшіяся съ самаго нѣжнаго возраста отъ материнскаго вліянія, не принадлежали больше своимъ семействамъ, и составляли собственность государства. Они воспитывались вмѣстѣ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, по строго опредѣленнымъ правиламъ, подъ наблюденіемъ городскихъ властей и чуть не на общественныхъ площадяхъ. Розги считались лучшимъ воспитательнымъ средствомъ; въ видахъ опрятности дѣтямъ коротко остригались волосы; они ходили босикомъ, несмотря ни на какую погоду, и спали на соломѣ. Ихъ учили таскать плоды ради лакомства, и сѣкли, если они попадались на мѣстѣ преступленія. По наступленіи юношескаго возраста, начинался для нихъ новый періодъ воспитанія, готовившаго ихъ къ войнѣ; они предавались военнымъ упражненіямъ съ такимъ увлеченіемъ, что на отвратительныхъ ристалищахъ, служащихъ ареной для такихъ упражненій, они обливались кровью, и полунагіе наносили другъ другу раны предъ глазами своихъ матерей. «Ты кусаешь меня, какъ женщина, говоритъ одинъ; нѣтъ, какъ левъ, отвѣчаетъ другой»—и зрители рукоплещутъ этимъ бѣшеннымъ звѣрямъ, красиво пускающимъ въ дѣло свои ногти и зубы. Что за гнусный народъ! Какимъ именемъ слѣдуетъ назвать подобныя добродѣтели!

Воспитаніе женщинъ представляло такія же оскорбительныя

уродства, такъ что здравый смыслъ рѣшительно отказывается признать воображаемую нравственную силу за подобными пріемами. Одинъ просвѣщенный критикъ имѣлъ полное право сказать, что на женщину смотрѣли въ Спартѣ просто какъ на самку, а не какъ на подругу человѣка. Ее цѣнили только за крѣпость ея тѣла и за энергію ея темперамента. Съ раннихъ лѣтъ ее пріучали владѣть дротикомъ, бѣгать полунагой по присталищу въ присутствіи всѣхъ гражданъ, и даже молодыхъ людей одного съ нею возраста. Нужно ли еще говорить о позорномъ обычаѣ замѣщать мужей любовниками во множествѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ? Слѣдуетъ ли упоминать о кровосмѣсительныхъ связяхъ и скрещиваніи, пристойномъ развѣ только на конскихъ заводахъ, и доведшихъ этотъ грубый народъ до смѣшенія половъ, и все это—подъ предлогомъ улучшенія породы и укрѣпленія будущихъ поколѣній? Я не нахожу ничего удивительнаго въ томъ, что время уничтожило памятники спартанцевъ, если только этотъ народъ имѣлъ какіе нибудь памятники. Мы знаемъ изъ Плутарха, что дома строились въ Лакедемонѣ маленькіе и безъ всякаго искусства. При изготовленіи дверей употреблялась одна только пила, а полы вырубались однимъ топоромъ; древесные стволы, чуть очищенные отъ коры, замѣняли бревна; подобныя жилища какъ разъ подходили къ этому народу, походившему скорѣе на кочевое племя, чѣмъ на цивилизованную націю. Спартанцы питали отвращеніе къ изящной рѣчи, и презирали науки, считавшіяся у нихъ дѣломъ порочнымъ, какъ и все, что составляетъ славу и очарованіе жизни? Даже на своихъ театрахъ они отдавали предпочтеніе бойцамъ предъ поэтами; уже одного этого достаточно для оцѣнки этого народа.

Послѣ всего этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что механическія искусства играютъ такую ничтожную роль въ ихъ исторіи. Какое же искусство нужно было для людей, питавшихся черной похлебкой, сидѣвшихъ на неотесанномъ обрубкѣ и ходившихъ обыкновенно безъ обуви и съ непокрытой головой. Небольшое число ремесленниковъ, встрѣчавшихся въ Спартѣ, занималось, какъ въ Египтѣ, ремесломъ своего

отца, а большинство населенія ничего не дѣлало. Люди эти, столь мало походившіе на афинянъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, были совершенно сходны съ ними отвращеніемъ ко всякому физическому труду. Трудъ представлялся имъ символомъ рабства, жалкое заблужденіе, погубившее древнюю цивилизацію и содержащее въ наше время въ состояніи, близкомъ къ дряхлости, наши молодыя южно-американскія республики. Горе народамъ, возлагающимъ на рабовъ заботу объ удовлетвореніи собственныхъ потребностей и отдающимъ въ такія руки національное производство. Есть ли какое нибудь различіе между илотами Спарты и неграми европейскихъ колоній? чѣмъ отличаются спартанцы, охотившіеся за илотами, отъ испанцевъ, охотящихся за индейцами? Результаты того и другаго господства одинаковы, ибо грубой силы достаточно для завоеванія, но для сохраненія и цивилизаціи необходима истинная свобода*.

Тѣмъ неменѣе, спартанскія учрежденія въ высшей степе-

* Вотъ вкратцѣ дальнѣйшая судьба такъ называемой Ликурговой конституціи. Предъ началомъ Фиванскихъ войнъ, эфоръ Эпитадей издалъ законъ, вслѣдствіе котораго прежнее равенство спартанскихъ поземельныхъ участковъ (если только оно дѣйствительно существовало), должно было исчезнуть, ибо новый законъ позволялъ отчуждать при жизни, или послѣ смерти—завѣщаніемъ, какъ поземельную собственность, такъ и всякое другое имущество. Всѣ земли сосредоточились мало по малу въ рукахъ небольшого числа богачей, число которыхъ, послѣ побѣдъ Лизандра, значительно увеличилось. Среди спартанцевъ явились бѣдные, безземельные, младшіе сыновья и братья, обойденные наслѣдствомъ и самовольные бѣдняки, продавшіе при жизни свои участки богачамъ.

Во времена Агиса III (242—237), вмѣсто 9,000 спартіатовъ было уже только 700, изъ которыхъ около ста владѣли всѣми землями республики. Въ рукахъ этой денежной олигархіи сосредоточивалась вся государственная власть, а избиравшіеся изъ ея среды эфоры открыто нарушали права народнаго законодательнаго собранія. Бѣдныхъ было много, а недовольныхъ еще болѣе. Пользуясь этими обстоятельствами, Агисъ сталъ на сторону народа, и потребовалъ отмѣны званія эфоровъ и уничтоженія долговыхъ обязательствъ, чьихъ бы то ни было и кому бы то ни было, на основаніи права спартанскихъ царей требовать такой отмѣны при вступленіи своемъ на престолъ, права, о которомъ упоминаетъ еще Геродотъ. Агисъ надѣялся та-

ни возбуждали удивленіе, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ народовъ. Аристотель, Платонъ и Ксенофонтъ представляютъ ихъ въ самыхъ яркихъ и живыхъ краскахъ. Но не слѣдуетъ ли смотрѣть на эти изображенія, скорѣе какъ на созданія воображенія, чѣмъ какъ на серьезные научные факты? Не вѣрнѣ ли будетъ видѣть въ нихъ философскія разсужденія, чѣмъ экономическое ученіе? Я не рѣшился бы стать совершенно на сторону такого мнѣнія*. Учрежденія Греціи появились не случайно; наибольшая часть ихъ была плодомъ размышленій многихъ замѣчательныхъ людей, которые развивали ихъ съ логическою и вполнѣ научною послѣдовательностью. Повидимому, они старались осуществить свои теоретическія соображенія, подобно тому, какъ правительства нашего времени настаиваютъ на исполненіи законовъ, изданныхъ по ихъ же почину. Изъ разговоровъ Платона, составляющихъ его *Трактатъ о Республикѣ*, ясно видно, что политическая экономія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ ее въ насто-

кою мѣрой поддержать равенство имуществъ и содѣйствовать возвращенію Ликурговыхъ учрежденій и простоты нравовъ. Богачи, по обыкновенію, оказались сильнѣе великодушнаго защитника бѣдныхъ, и Агисъ палъ подъ ихъ ударами.

Женившійся на его вдовѣ Клеомень III (237—220) переказнилъ непокорныхъ эфоровъ, изгналъ изъ Спарты 80 олигарховъ, привелъ въ исполненіе Агисовы предложенія, и присоединилъ къ нимъ свое, о новомъ передѣлѣ государственныхъ земель. Но, послѣ неудачной борьбы съ Македоніей и Аратомъ, Клеомень принужденъ былъ бѣжать въ Египетъ, въ которомъ онъ и погибъ. Съ нимъ погибли его начинанія, а Спарта снова впала въ руки олигарховъ, утопавшихъ въ грубой, лишенной всякаго афинскаго изящества роскоши. Наконецъ, Ликурговы законы замѣнилъ произволь одного атамана разбойниковъ, Набиса. По смерти послѣдняго, Филопемъ (183) отмѣнилъ ихъ окончательно, а затѣмъ Спарта, вмѣстѣ со всей Греціей, сдѣлалась Римскою провинціей (146). См. Rossbach, *Geschichte der Pol. Oekonomie*, 110—138. Рус. перев.

* См. для рѣшенія этихъ вопросовъ: Миллера—*Geschichte der Dorer*, Кошштадта — *De rerum Laconicarum constitutionis Lycurgeae origine et indole*, Манзо — *Geschichte von Sparta*, Крайуса — *De re publica Lacedaemoniorum*; а также въ Исторіи Греціи Грота (т. I) и Турвиля (ч. VIII). Рус. перев.

ящее время, была не безызвѣстна просвѣщеннѣйшимъ изъ его современниковъ. Онъ говоритъ о выгодахъ, доставляемыхъ раздѣленіемъ труда, съ такою ясностью, которая, по нашему мнѣнію, подрываетъ заслугу Адама Смита въ открытіи этой истины, а можетъ быть и самое первенство въ ея доказательствѣ. Въ настоящемъ случаѣ умѣстно будетъ привести любопытнѣйшія мѣста изъ этого разговора, отличающагося такою естественностью и простотой, вѣрностью взгляда и здравымъ смысломъ*.

«Общество обязано своимъ происхожденіемъ нашему безсилію обойтись безъ посторонней помощи, и нашей потребности въ безчисленномъ множествѣ предметовъ. Поэтому, если нужда заставила человѣка соединиться съ другимъ человѣкомъ, то цѣль общества состоитъ въ доставленіи другъ другу взаимной помощи. — Такъ, но мы отдаемъ другому то, что у насъ есть, чтобы получить за это то, чего у насъ нѣтъ, только изъ за того, что находимъ это выгоднымъ. — Разумѣется. — Итакъ, вообразимъ себѣ мысленно городъ. Онъ сложится по нашимъ потребностямъ. Первая и самая главная изъ нихъ будетъ разумѣется, пища? — Такъ. — Вторая потребность будетъ состоять въ жилищѣ, третья — въ одеждѣ. — Безъ сомнѣнія. — Какимъ же образомъ городъ нашъ будетъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ? Необходимо ли для этого, чтобы одинъ человѣкъ былъ земледѣльцемъ, другой — строителемъ, третій — ткачемъ? Не придется ли присоединить къ нимъ сапожника или какого либо другаго ремесленника? — Разумѣется. — Итакъ, всякій городъ состоитъ изъ многихъ людей; не слѣдуетъ ли каждому жителю работать за всѣхъ; чтобы земледѣлецъ, напримѣръ, приготавливалъ пищу для четырехъ, и употреблялъ бы для этого въ четыре раза больше труда и времени, или же, не выгоднѣе ли было бы, чтобы онъ, не безпокоясь о другихъ, употреблялъ четвертую часть своего времени на приготовленіе себѣ пищи, а три другія части на приготовленіе себѣ жилища, одежды и обуви? — Мнѣ кажется, что первый способъ

* Республика, Платона кн. II.

быль бы удобнѣе для него. Въ самомъ дѣлѣ, мы не раждаемся всѣ съ одинаковыми талантами, и каждый человѣкъ отличается особенными способностями. Поэтому, дѣло пошло бы успѣшнѣе, еслибы каждый человѣкъ ограничился отдѣльнымъ занятіемъ, ибо работа идетъ лучше и легче, когда она соотвѣтствуетъ склонности человѣка и когда послѣдній освобожденъ отъ всѣхъ другихъ заботъ.»

Выгоды, доставляемыя раздѣленіемъ труда, безъ сомнѣнія, никогда не опредѣлялись съ такою ясностью, какъ на этой замѣчательной страницѣ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ ловко переходитъ остроумный авторъ къ опредѣленію монеты. «Итакъ, говоритъ одно изъ разговаривающихъ лицъ Платона, маленькій городъ нашъ наполняется и растетъ отъ прибытія въ него плотниковъ, кузнецовъ и другихъ работниковъ. Теперь уже почти невозможно будетъ получать изъ одного мѣста все, необходимое для существованія. — Городъ почувствуетъ необходимость въ людяхъ, которые бы доставляли ему изъ окрестныхъ мѣстъ то, въ чемъ онъ нуждается. — Но вѣдь люди эти вернутся съ пустыми руками, если они не доставятъ сосѣдямъ чего либо, что могло бы удовлетворить требованіямъ послѣднихъ. — Разумѣется; и нужно будетъ завести людей, которые приняли бы на себя заботу о привозѣ и вывозѣ товаровъ. Это и будутъ такъ называемые купцы.—Я согласенъ съ этимъ; а если торговля будетъ производиться моремъ, то является потребность во множествѣ новыхъ людей, необходимыхъ для мореплаванія. — Но какимъ же образомъ люди будутъ обмѣниваться своимъ трудомъ?—Очевидно, посредствомъ купли и продажи. — Поэтому, является еще необходимость въ рынкѣ и въ монетѣ, символѣ договора.»

Пробѣгая эти простые и ясныя строки, не представляется ли, что читаешь лучшей изъ нашихъ политико-экономическихъ трактатовъ? И дѣйствительно, трудно изложить съ большею точностью естественное промышленное развитіе возникающаго города. По мѣрѣ того, какъ обогащается этотъ воображаемый городъ, положеніе его становится все болѣе сложнымъ; распредѣленіе богатствъ становится неправильнымъ, и подымаетъ множество запутанныхъ вопросовъ. «Что губитъ

ремесленниковъ, спрашиваетъ Адимантъ*?—На что Сократъ отвѣчаетъ: Роскошь и бѣдность.—Какимъ это образомъ?—А вотъ какъ: станетъ ли заботиться о своемъ ремеслѣ разбогатѣвшій горшечникъ?—Нѣтъ.—Не сдѣлается ли онъ болѣе лѣнивымъ и нерадивымъ?—Непремѣнно.—А потому, и худшимъ, противъ прежняго, горшечникомъ?—Да.—Съ другой стороны, если бѣдность отнимаетъ у него возможность приобрести инструменты и все необходимое для его ремесла, то работа его пострадаетъ; дѣти и обучающіеся у него работники будутъ менѣе искусны.—Это вѣрно.—Итакъ, роскошь и бѣдность одинаково вредятъ ремесламъ и занимающимся имъ людямъ.—Кажется, такъ.—Слѣдовательно, вотъ двѣ вещи, отъ распространенія которыхъ должны болѣе всего оберегать нашъ городъ правители—роскошь и бѣдность: отъ роскоши—потому что она поражаетъ изнѣженность и праздность: отъ бѣдности—потому что она вызываетъ униженіе и зависть; а отъ той и другой, потому что обѣ онѣ угрожаютъ государству мятежемъ.» Приведенное мѣсто служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что древніе обращали самое серьезное вниманіе на изслѣдованіе главнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи. Прошло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, и мы все еще не достигли осуществленія утопіи Платона, до такого политико-экономическаго устройства, которое обезпечивало бы за каждымъ человѣкомъ равное распредѣленіе прибыли, доставляемой его трудомъ. Между нами встрѣчаются на каждомъ шагу эти разбогатѣвшіе горшечники, пренебрегающіе своимъ ремесломъ, и бѣдные работники, которыхъ необходимо снабдить инструментами, такъ какъ они не въ состояніи приобрести ихъ. Итакъ, съ незапамятныхъ уже временъ человечество занято разрѣшеніемъ этихъ страшныхъ вопросовъ общественнаго устройства, къ которымъ постоянно подступаютъ революціи, никогда не разрѣшая ихъ! Для рѣшенія ихъ прибѣгали къ диктатурѣ, къ рабству и свободѣ, къ грабительству и товариществу, къ аристократіи и демократіи: загадка остается неразгаданной; счастливо будетъ поколѣніе,

* *О республикѣ*, кн. II.

которому наука укажетъ когда нибудь средства для ея разрѣшенія!

Послѣ такого остроумнаго опредѣленія города и изслѣдованія труда, Платонъ внезапно останавливается, и предлагаетъ общность женщинъ и дѣтей.

«Я предлагаю, говоритъ онъ, чтобы *всѣ* жены нашихъ воиновъ принадлежали *всѣмъ* воинамъ; чтобы ни одна изъ нихъ не жила съ однимъ только человѣкомъ; чтобы дѣти принадлежали тоже *всѣмъ*, и не знали бы своихъ родителей, какъ родители не знали бы своихъ дѣтей*.» Я привожу буквально этотъ удивительный параграфъ, чтобы дать понятіе о той смѣлости мысли, до которой логическая послѣдовательность могла довести одинъ изъ геніальнѣйшихъ умовъ древности. Другую химеру, общность имуществъ, Платонъ тоже принимаетъ за лучшее лекарство противъ застарѣлыхъ язвъ общества. Не было бы тогда ни возмущеній, ни безпорядковъ, ни высокомерія, ни униженія. Лихоимство исчезло бы, вмѣстѣ со скупостью и пороками, распространяемыми между людьми непомѣрною жаждою богатства. Не было бы болѣе тяжбъ, а потому, и кляузничества; всѣ люди жили бы, какъ братья. «Тѣмъ неменѣе, прибавляетъ Платонъ, не станемъ обольщать себя надеждой на осуществленіе проекта этой совершенной республики. Какъ искусный живописецъ живо изображаетъ идеальную красоту, которую невозможно встрѣтить между людьми, такъ и мы желаемъ представить только совершеннѣйшій типъ общества; чѣмъ ближе приблизятся законодатели къ этому образцу, тѣмъ вѣрнѣе доставить людямъ счастье предлагаемое ими общественное устройство.» Таково было мнѣніе самого Платона о своемъ ученіи, представляющемъ странное переплетеніе воззрѣній, полныхъ истины, и утопій, незаслуживающихъ никакого вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить мечты о равенствѣ, волнующія этого философа, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ рабочимъ классамъ. «Природа, по его мнѣнію, не создавала ни сапожниковъ, ни кузнецовъ; подобныя занятія унижаютъ предающихся имъ людей,

* *О Республикѣ*, кн. V.

дѣлаютъ ихъ презрѣнными торгашами, которымъ трудно приискать названіе и которые уже своимъ положеніемъ лишаются всякихъ политическихъ правъ. Что касается до купцевъ, привывшихъ лгать и обманывать, то они могутъ быть только терпимы въ государствѣ, какъ неизбежное зло. Гражданинъ, который унижится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, *долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе*. Если онъ будетъ изобличенъ, то подвергнется годовому заключенію въ тюрьмѣ. При каждомъ повтореніи преступленія, наказаніе будетъ удваиваться. Такой родъ мѣны будетъ дозволенъ только иноземцамъ, и только тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ признаны испорченными менѣе другихъ. Городское начальство должно вести точные списки ихъ товаровъ, и слѣдить за ихъ продажей. Имъ дозволятъ только самую небольшую прибыль *.» Ксенофонтъ выражается съ неменьшею ясностью. Онъ полагаетъ, что «физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина. По бѣльшей части онъ уродуетъ тѣло. Онъ принуждаетъ сидѣть взаперти или близъ огня. Онъ не оставляетъ досуга ни для занятія общественными дѣлами, ни для бесѣды съ друзьями.»

Въ этой то доктринѣ *праздныхъ людей*, воскресшей между нами, состояла вся политическая экономія древнихъ. Сисмонди весьма основательно замѣчаетъ **, что древніе по крайней мѣрѣ никогда не упускали изъ виду, что богатство можетъ быть цѣнимо только настолько, насколько онъ содѣйствуетъ всеобщему счастью, и что, благодаря такому взгляду на богатство, они часто имѣли болѣе здравыя понятія объ этомъ предметѣ, чѣмъ мы. Политическая экономія грековъ была въ высшей степени правительственной, и строго опредѣлялась закономъ. Писатели ихъ требуютъ, чтобы государство входило во все, и ничего не оставляло бы на личный произволъ гражданъ. Государство, на ихъ взглядъ, представляетъ обширное товарищество, въ которомъ каждый членъ долженъ играть предназначенную ему роль, или же, огромную машину, въ кото-

* Платонъ, *Трактатъ о законахъ*, кн. XI.

** *Nouveaux principes d'économie politique*, кн. I, гл. 2.

рой каждый исполняет назначеніе колеса. Все вниманіе ихъ занято исключительно массами, и пренебрегаетъ личностью, — опасная крайность, которую можетъ превзойти только противоположная крайность, къ которой, повидимому, влекутся принципомъ труда великіе цивилизованные народы нашего времени. Сверхъ того, не должно упускать изъ виду, что когда говорятъ о массахъ въ Афинахъ, то подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть только небольшое число свободныхъ людей, содержавшихся трудомъ цѣлыхъ легионовъ рабовъ. Въ этомъ смыслѣ Дюноа имѣлъ полное право сказать *, «что рабское состояніе полезныхъ ремеселъ служило экономической основой каждаго вновь слагавшагося общества.» Руссо полагаетъ, что основа эта была неизбежна, «потому что встрѣчаются несчастныя положенія, при которыхъ сохраненіе свободы возможно только на счетъ свободы прочихъ гражданъ, и при которыхъ гражданинъ можетъ пользоваться полнѣйшей свободой въ такомъ только случаѣ, когда рабъ будетъ находиться въ крайней неволѣ **.» Такое странное воззрѣніе служить доказательствомъ, до какой степени заблужденія можетъ быть доведенъ геніальнѣйшій умъ слѣпымъ поклоненіемъ предъ древними учрежденіями. Но въ настоящее время уже нельзя поддерживать подобныхъ воззрѣній. Болѣе философское изученіе древней исторіи показываетъ намъ, что греки отдавались на произволъ гражданскихъ междоусобій, внѣшнихъ войнъ, общественныхъ интригъ, вслѣдствіе праздной жизни, которую позволялъ имъ вести трудъ рабовъ. Они отличались умѣніемъ управлять колесницей въ ипподромѣ, спорить о грамматическихъ тонкостяхъ и заниматься скверной музыкой, а когда изъ грабителей они обратились въ риторы, то должны были погибнуть, такъ какъ у нихъ не оказалось ни мужества для обороны, ни денегъ для найма защитниковъ, которые дрались бы за нихъ.

У Ксенофонта политическая экономія построена на тѣхъ же основаніяхъ, что и у Платона. Когда дѣло идетъ объ

* *Nouveau Traité d'économie sociale*, т. I, ст. 234.

** *Contrat social*, кн. III.

изслѣдованіи процессовъ труда, объ указаніи самого источника доходовъ, объ опредѣленіи полезности предметовъ, писатель этотъ высказываетъ самыя свѣтлыя истины; но какъ только дѣло доходитъ до распредѣленія прибыли, то греческіе предразсудки берутъ верхъ, и авторъ повторяетъ политическія воззрѣнія Платона и Аристотеля, этихъ вѣрныхъ толкователей современной имъ олигархіи. Какъ жаль, что эти свѣтлые умы въ изложеніи существенныхъ явленій производства, не умѣли видѣть съ такою же ясностью ихъ дальнѣйшихъ послѣдствій! Послушайте слѣдующія опредѣленія Ксенофонта: «Подъ *имуществомъ* слѣдуетъ разумѣть только то, что можетъ принести намъ пользу. — Обрабатываемыя нами земли перестаютъ быть нашимъ имуществомъ, когда воздѣлываніе ихъ становится для насъ убыточно. — Сами деньги не представляютъ имущества, если онѣ не приносятъ намъ пользы.» Ж. Б. Сэй не далъ лучшаго опредѣленія производительныхъ и непроизводительныхъ капиталовъ. Въ другомъ мѣстѣ писатель этотъ говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова: *Руки оказываются слишкомъ длинны, если это руки всего народа.* Онъ предлагаетъ выдавать награды тѣмъ членамъ торговаго суда, которые съ большею справедливостью и скоростью будутъ оканчивать тяжбы; но, сколько намъ кажется, менѣе удачно мнѣніе его, что великое изобиліе денегъ не можетъ понизить ихъ цѣнности. Сверхъ того, творенія Ксенофонта, хотя и преисполнены самыхъ остроумныхъ совѣтовъ земледѣльцамъ и глубокомысленныхъ соображеній для философовъ, не могутъ дать намъ полнаго понятія объ истинныхъ экономическихъ воззрѣніяхъ древнихъ грековъ. Авторъ ограничивается предложеніемъ воздержанія, трудолюбія, лучшаго распредѣленія труда. Онъ тщательно указываетъ на обязанности мужчины и женщины, вступившихъ въ бракъ, на выгоды, доставляемыя порядкомъ, соревнованіемъ и наградами. Наконецъ, онъ энергически высказываетъ презрѣніе къ физическому труду: «Предающіеся ему люди, говоритъ онъ, никогда не достигаютъ почетныхъ должностей, и это вполне основательно. Большая ихъ часть предназначена сидѣть цѣлый день на одномъ мѣстѣ, многіе находятся подъ непре-

рывнымъ дѣйствіемъ огня, что не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на ихъ организмъ, а это въ свою очередь должно отразиться и на ихъ умственные способности. Сверхъ того, трудъ поглощаетъ все ихъ время, не давая имъ ни минуты досуга, ни для друзей, ни для государства.»

Таковъ неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ экономическихъ теорій древнихъ. Читая эти безпощадныя филипики противъ рабочаго класса, невозможно понять, какимъ это образомъ лучшіе изъ писателей древности нисходили, ни съ того, ни съ чего, до такихъ прекрасныхъ страницъ въ пользу тѣхъ самыхъ работниковъ, которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, они осыпали такими сарказмами и презрѣніемъ. Одно только земледѣліе пользовалось почетомъ въ глазахъ древнихъ; на немъ одномъ они сосредоточивали свою заботливость и уваженіе. Ксенофонтъ посвящаетъ ему важнѣйшую часть своего *Хозяйства*. Онъ говоритъ въ немъ о средствахъ образовывать сѣмщиковъ, о способахъ оцѣнить достоинство почвы, объ удобнѣйшемъ времени для паханья, о посѣвахъ, плантаціяхъ, разработкѣ новыхъ участковъ, о хлѣбной торговлѣ; но съ такой краткостью и съ такой сантиментальностью, что книга, его, несмотря на заключающіяся въ ней драгоцѣнныя данныя, скорѣе походитъ на нравственный катехизисъ, чѣмъ на ученый трактатъ. Тѣмъ не менѣе, въ ней невольно останавливаются на себѣ вниманіе общераспространенные предразсудки древнихъ относительно нѣкоторыхъ важныхъ научныхъ вопросовъ, въ особенности, пристрастіе ихъ къ драгоцѣннымъ металламъ. «Серебро, говоритъ Ксенофонтъ, нисколько не похоже на прочія произведенія земли. Если желѣзо или мѣдь станутъ до того обыкновенны, что приготовляемыя изъ нихъ издѣлія будутъ продаваться по чрезвычайной дешевой цѣнѣ, то работники будутъ окончательно разорены. То же самое слѣдуетъ сказать и о земледѣльцахъ въ годъ чрезвычайнаго урожая хлѣба, вина или плодовъ. Совсѣмъ иное случается съ серебромъ. Чѣмъ болѣе отыскиваютъ рудниковъ и чѣмъ болѣе они доставляютъ добычу, тѣмъ сильнѣйшее желаніе выказываютъ граждане обладать ими... Въ случаѣ войны, серебро необходимо также для содержанія арміи и для уплаты со-

юзникамъ. Мнѣ сдѣлають, можетъ быть, возраженіе, что золото по меньшей мѣрѣ столько же полезно, какъ и серебро. Я не стану возражать противъ этого. Я замѣчу только, что если золото сдѣлается обыкновеннѣе серебра, то оно подыметъ цѣну послѣдняго, и само понизится въ цѣнѣ*.»

Итакъ, въ государствахъ древней Греціи, такъ часто приводимыхъ въ примѣръ патріотизма, война велась только при содѣйствіи денегъ, и только за деньги можно было найти защитниковъ и союзниковъ. Да и могло ли это быть иначе? Только богатый классъ пользовался правами гражданства; онъ непрерывно занятъ былъ политическими интригами, и вынуждался самой необходимостью довѣрять наемникамъ честь заботы объ охраненіи національной независимости. Но пришелъ день, когда законы Ликурга и законы Солона подверглись одинакой участи. Части поземельной собственности, которыми эти законодатели думали обезпечить каждаго гражданина, были наконецъ поглощены нѣсколькими честолюбцами; а когда разразилась гроза со стороны внѣшнихъ враговъ, то никто не хотѣлъ защищать отечество, обратившееся въ собственность нѣсколькихъ семействъ.

Этотъ роковой исходъ представляется еще болѣе неизбежнымъ, при чтеніи экономическихъ трактатовъ Аристотеля. Сказать по правдѣ, творенія его относятся болѣе къ политикѣ, чѣмъ къ политической экономіи; но въ нихъ излагаются съ такою ясностью и въ такомъ стройномъ порядкѣ экономическія ученія древнихъ грековъ, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на драгоцѣннѣйшій памятникъ ихъ исторіи. *Политика* Аристотеля раздѣлена на восемь книгъ; онъ послѣдовательно изслѣдуетъ въ нихъ элементы, изъ которыхъ складывается общество, качества, отличающія хорошаго гражданина, различныя формы правительства, причины возмущеній и основы, на которыя должно опираться всякое хорошее законодательство. Ничего не можетъ быть страннѣе разсужденій, которыми этотъ глубокомысленный политическій писатель старается оправдать рабство, какъ учрежденіе, вытекающее изъ

* О способахъ увеличить доходы Аттики, гл. IX.

естественнаго права. «Сама природа, говоритъ онъ *, созда- ла рабство. Животныя раздѣляются на самцевъ и самокъ. Самецъ отличается бѣльшимъ совершенствомъ, и потому, пове- дѣваетъ. Самка стоитъ ниже его, и потому, повинуется. Но и въ человѣческой породѣ встрѣчаются личности, настолько же уступающія другимъ, насколько тѣло уступаетъ душѣ, или насколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самой природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ — это повиноваться... Но если это такъ, то какое же особенное различіе существуетъ между рабомъ и животнымъ? услуги ихъ одинаковы; они доставляютъ намъ пользу только своимъ тѣломъ. Изъ этихъ *принциповъ* мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ — для рабства; что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался.»

Изложивъ странные принципы, на которыхъ онъ строитъ все зданіе своей политики, Аристотель изслѣдуетъ, подъ именемъ *спекуляціи*, теорію богатства, изъ которой онъ желалъ бы сдѣлать отдѣльную науку, и предлагаетъ назвать ее *хре- матистикой* (*государственнымъ хозяйствомъ*). Спсмонди при- далъ, повидимому, важное значеніе принятію такого исключи- тельнаго названія, которое ограничивало политическую эконо- мію однимъ только простымъ изслѣдованіемъ производства богатствъ. Но усилія ученаго женеваго профессора оказа- лись безуспѣшны, и не могли заставить новѣйшихъ эконо- мистовъ принять эту тонкость стагирскаго философа. Въ на- укѣ, исторія которой составляетъ предметъ настоящаго сочи- ненія, существуетъ нѣчто больше, чѣмъ изслѣдованіе матерьяльнаго производства: всѣ согласны, что въ ней должны из- лагаться средства для улучшенія судьбы человѣческаго рода, и сама книга Аристотеля служить лучшимъ подтвержденіемъ этого. Ради какой цѣли присоединилъ бы онъ къ своему смѣ- лому проекту общественнаго устройства все, что имѣетъ от-

* *Политика*, кн. II, гл. I.

ношеніе къ наукѣ о богатствѣ, еслибы онъ не смотрѣлъ на эти великіе вопросы, какъ на неразрывные? Какъ жаль только, что изслѣдованія перваго рода настолько же сопровождались для него неудачей, насколько онъ высказалъ здравыхъ воззрѣній въ изслѣдованіяхъ втораго рода!

Тотчасъ послѣ того, какъ онъ объяснилъ, въ чемъ состоитъ такъ называемое имъ естественное богатство, онъ обращается къ изслѣдованію богатствъ, которыя названы имъ искусственнымп. «Всякій предметъ собственности, говоритъ онъ*, имѣетъ два свойства, оба ему присущія, но имѣющія различное назначеніе. Одно состоитъ въ естественной, другое — въ искусственной пользѣ предмета. Такимъ образомъ, естественная польза обуви состоитъ въ обереженіи ноги во время ходьбы, а ея искусственная польза — быть предметомъ мѣны.» Не приходитъ ли при этомъ въ голову мысль, что читаешь опредѣленіе *цѣнности въ употребленіи и цѣнности въ обмѣнѣ*, опопуляризованное Адамомъ Смитомъ, и вошедшее, какъ основное положеніе, во всѣ политико-экономическіе трактаты? Съ небольшою ясностью и точностью Аристотель излагаетъ выгоды, доставляемыя монетою. Бросивъ взглядъ на различные роды торговли, онъ прекрасно объясняетъ, какимъ образомъ необходимость побудила къ изобрѣтенію монеты. «Люди, говоритъ онъ, согласились отдавать и принимать, при мѣновыхъ сдѣлкахъ, какой либо матерьялъ, отличающійся полезностью и удобствомъ обращенія. Для этой цѣли употреблялось желѣзо, серебро и другіе металлы. Сначала такіе мѣновые знаки цѣнились собственно по своему обѣму и вѣсу; впослѣдствіи на нихъ стали дѣлать мѣтки, обозначающія ихъ цѣнность, чтобы освободить ихъ отъ всякой иной повѣрки. Послѣ неизбежнаго введенія монеты, совершилось полное измѣненіе въ мѣновой операціи: явилась торговля. Вѣроятно, въ началѣ она была весьма проста, но затѣмъ, для нея потребовались болѣе искусные расчеты, чтобы извлечь изъ мѣны возможно большія выгоды. Вслѣдствіе этого, распространилась привычка смотрѣть на монету,

* *Политика*, кн. I, гл. VI.

какъ на единственную цѣль спекуляціи; возникло убѣжденіе, что исключительная задача спекулятора состоитъ въ скопленіи драгоцѣнныхъ металловъ, такъ какъ конечный результатъ его операцій состоитъ въ доставленіи золота и богатствъ. Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что монета представляетъ только воображаемое богатство? Все ея значеніе состоитъ въ томъ, что цѣнность ея признана закономъ. Но въ чемъ же состоитъ ея естественная цѣнность? Если мнѣніе, на которомъ основано ея обращеніе, измѣнить, то что останется отъ дѣйствительной ея цѣнности? Какимъ жизненнымъ потребностямъ можетъ она удовлетворить? Подлѣ цѣлыхъ грудъ золота не придется ли нѣждаться въ самыхъ необходимыхъ для насъ предметахъ? Не безумно ли называть богатствомъ изобиліе, среди котораго можно умереть съ голоду!»

Нельзя охарактеризовать болѣе вѣрными чертами истинныя свойства монеты. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель съ такою же ясностью указываетъ на послѣдствія ростовщичества и барышничества. «Одинъ сициліецъ, говоритъ онъ, имѣлъ на сохраненіи извѣстную сумму денегъ. Онъ скупилъ на нее все, оказавшееся на лице желѣзо. Вскорѣ прибыли изъ различныхъ мѣстностей купцы, и могли найти желѣзо только у него. Хотя онъ и не очень поднялъ цѣну на свое желѣзо, но тѣмъ неменѣе удвоилъ свой капиталъ, состоявшій изъ пятидесяти талантовъ.»

Противъ многихъ изъ новѣйшихъ экономистовъ нерѣдко раздавался справедливый упрекъ, что при оцѣнкѣ общественнаго богатства, они принимали въ расчетъ производителей однихъ только матерьяльныхъ предметовъ, какъ будто бы лица, отправляющія правосудіе или завѣдующія управленіемъ, не оказываютъ такихъ же услугъ обществу, какъ преподаватели или земледѣльцы. Самъ Платонъ впадаетъ въ такую ошибку, за что Аристотель горячо нападаетъ на него: «Развѣ государство, спрашиваетъ онъ, устанавливается для удовлетворенія однихъ только физическихъ потребностей? Развѣ сапожники и земледѣльцы могутъ удовлетворить всѣмъ его нуждамъ? Какая часть человѣка можетъ считаться главною? Разумѣется, скорѣе душа, чѣмъ тѣло. На какомъ же основаніи

одни только ремесла, удовлетворяющія первымъ потребностямъ, болѣе необходимы для государства, чѣмъ занятіе судьи, проносящаго безпристрастный приговоръ, или занятіе сенатора, совѣщающагося о государственномъ благѣ? Развѣ послѣднія занятія не представляютъ живую душу государства*?» Поэтому, Аристотель несравненно ранѣе Сэя возвратилъ уваженіе къ производителямъ нематерьяльныхъ предметовъ, отличіе которыхъ отъ прочихъ производителей принималось за открытіе нашей эпохи. Онъ съ удивительною точностью указалъ также на причины вѣковой вражды, существующей съ самыхъ незапамятныхъ временъ между богатствомъ и бѣдностью. «Всякое политическое общество, говоритъ онъ, дѣлится на три класса: богатыхъ, бѣдныхъ и лицъ достаточныхъ, составляющихъ средній классъ. Первые отличаются высокомеріемъ и недобросовѣстностью въ важныхъ дѣлахъ; вторые становятся обманщиками и плутами въ малыхъ: отсюда тысячи несправедливостей, поражаемыхъ плутовствомъ и нахальствомъ, которыя дѣлаютъ одинаково невозможнымъ участіе тѣхъ и другихъ въ совѣтѣ, и крайне опаснымъ для государства. Богатые, вмѣстѣ съ молокомъ матери, сосутъ любовь къ независимости: выростая среди всѣхъ возможныхъ удовольствій, они со школьной скамьи начинаютъ обнаруживать презрѣніе къ требованіямъ власти. Бѣдные, напротивъ того, преслѣдуемые нуждой, теряютъ всякое чувство собственнаго достоинства: неспособные къ начальствованію, они повинуются рабски, между тѣмъ какъ богатые, неумѣющіе повиноваться, повелѣваютъ деспотически. Государство распадается въ такомъ случаѣ на господъ и рабовъ; нѣтъ болѣе свободныхъ людей. Съ одной стороны—зависть, съ другой—презрѣніе; можно ли встрѣтить въ такомъ государствѣ согласіе и то взаимное расположеніе, которыя составляютъ душу общества? *Что за путешествіе съ товарищемъ, котораго считаешь врагомъ!*».

«Вотъ почему, продолжаетъ Аристотель, средній классъ представляется самой прочной основой для общественнаго

* *Политика*, кн. IV, гл. IV.

устройства, и несомненно доставить государству хорошее правительство, если онъ окажется сильнѣе обоихъ другихъ вмѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, сильнѣе каждаго изъ нихъ порознь. Переходя на сторону того или другаго, классъ этотъ сохранить равновѣсіе, и воспрепятствуетъ преобладанію той или другой крайности. Если управленіе будетъ въ рукахъ людей, слишкомъ бѣдныхъ, или слишкомъ богатыхъ, то оно обратится или въ безумную демагогію, или въ деспотическую олигархію. Но, какая бы партія ни одержала верхъ, заносчивость демократіи, какъ и высокомеріе олигархіи прямо ведутъ къ тираніи. Средній классъ менѣе подверженъ такимъ крайностямъ. Онъ никогда не отличается склонностью къ мятежу; гдѣ онъ представляетъ большинство, тамъ не знаютъ ни мятежей, ни насильственныхъ реакціонныхъ мѣръ, угрожающихъ низверженіемъ правительства. Большія государства менѣе подвержены народнымъ волненіямъ. А почему? потому что средній классъ въ нихъ многочисленъ. Маленькія же государства часто бываютъ раздѣлены на два лагеря. А это почему? потому что они состоятъ только изъ богатыхъ и бѣдныхъ, то есть, изъ *крайнихъ* классовъ, и не имѣютъ *среднихъ*.»

Строки эти какъ будто написаны не далѣе, какъ вчера, и высказаны предъ читателями однимъ изъ тысячи голосовъ нашей эпохи. Я привелъ ихъ съ нѣкоторою подробностью, потому что онѣ даютъ точное понятіе объ экономическихъ воззрѣніяхъ величайшихъ писателей древности. Защищая съ такою горячностью значеніе среднихъ классовъ, они не увлекаются преслѣдованіемъ мечтательной утопіи; они хорошо были знакомы съ тѣмъ, что происходитъ среди гражданскихъ распрей, возбуждаемыхъ между богатыми и бѣдными общественными вопросами. «Партія, одержавшая верхъ, не освобождается отъ враговъ. Она вовсе не думаетъ установить правительство на справедливомъ равновѣсіи, основанномъ на равенствѣ. Побѣдитель смотритъ на управленіе, какъ на награду за звою побѣду: онъ запечатлѣваетъ его духомъ своей партіи *.» Чѣмъ болѣе читаешь Аристотеля, тѣмъ силь-

* *Политика*, кн. IV гл. XI.

нѣе убѣждаешься, что этотъ великій писатель представляетъ по всѣмъ вопросамъ сущность самыхъ передовыхъ понятій цивилизаціи своего времени. Ибо въ Греціи и въ Римѣ, какъ и въ остальной Европѣ, со времени введенія христіанства, существовали эпохи и люди, пользовавшіеся преимуществомъ изображать лучше другихъ отличительныя черты и стремленія цѣлаго ряда поколѣній. Этимъ слѣдуетъ объяснять могущественное вліяніе на свою страну великихъ людей и великихъ писателей Греціи, несмотря на различіе интересовъ множества республикъ, возникшихъ на ея незначительной территоріи. Несмотря на многочисленныя перемѣны, происшедшія въ учрежденіяхъ этихъ республикъ въ различныя эпохи греческой исторіи, политическое устройство ихъ опиралось на неизмѣнныхъ почти основахъ; основы эти представляло рабство. Все негреческое считалось варварскимъ; жрецы, философы, законодатели, воины и ораторы смѣняли другъ друга у кормила правленія, нисколько не измѣняя вѣковѣчныхъ основъ греческой цивилизаціи, состоявшихъ въ отвращеніи къ физическому труду, въ презрѣніи къ торговлѣ и въ равнодушіи ко всему, что было иноземнымъ или рабскимъ. Тщетно великія предпріятія Александра и развитіе греческаго морскаго могущества, казалось, облегчали различнымъ племенамъ Греціи учрежденіе великаго восточнаго государства: внутреннія ихъ распри и злоупотребленія рабствомъ не допускали такого славнаго дѣла, и греческій федерализмъ исчезъ предъ римскимъ единствомъ, какъ только послѣднему пришлось столкнуться съ нимъ.

ГЛАВА IV.

О греческихъ колоніяхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ метрополи.—Онѣ содѣйствовали распространенію въ большей части Европы понятій, заражавшихся въ Афинахъ и въ Спартѣ.— Онѣ основаны были, подобно нашимъ, выселеніями, но пользовались большею независимостью.

Исторія древней Греціи представляетъ, подобно исторіи новѣйшей Европы, замѣчательное явленіе федераціи неболь-

шихъ народовъ, державшихъ въ своей зависимости безпре-
дѣльныя страны силою одного только нравственнаго своего
превосходства. Карта греческихъ колоній представляетъ цѣ-
лый міръ, если сравнить ее съ картой Пелопонеза и дру-
гихъ метрополій, лежащихъ на твердой землѣ. Въ самомъ
дѣлѣ, греки имѣли свои колоніи въ Малой Азіи, на бере-
гахъ Чернаго моря, на островахъ Кипрѣ, Сициліи, въ Гал-
ліи, Испаніи и Африкѣ. Они насчитывали сотни городовъ,
и не подлежитъ сомнѣнію, что бѣольшая часть этихъ горо-
довъ пользовалась самымъ цвѣтущимъ благосостояніемъ, да-
же въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову въ
настоящее время. Въ сущности, колоніи эти были результа-
томъ завоеванія; туземное ихъ населеніе обращалось въ раб-
ство, а земли въ общественное достояніе. Въ позднѣйшія
времена, съ побѣжденными народами заключались договоры;
греки посылали въ завоеванныя страны избытокъ своего го-
лоднаго и мятежнаго населенія, такъ что между туземцами
и переселенцами образовались настоящіе союзы. Пока метро-
полія была въ состояніи держать ихъ въ повиновеніи по-
средствомъ своихъ морскихъ силъ, до тѣхъ поръ зависи-
мость ихъ отъ нея была дѣйствительной; но достаточно бы-
ло временнаго перерыва такихъ сношеній, чтобы сдѣлать
спорнымъ вопросъ о верховной власти метрополіи. Такимъ
образомъ, потеря битвы при Эгосъ-Потамосѣ лишила афи-
нянъ всѣхъ ихъ *клерухій*.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что вну-
треннее управленіе колоній въ древнія времена пользовалось
вообще большею независимостью отъ метрополій, чѣмъ въ
настоящее время. Греки не имѣли въ своемъ распоряженіи
громадныхъ флотовъ новѣйшихъ народовъ, ни могуществен-
ной артиллеріи, дѣйствующей съ дальнаго разстоянія и не
требующей десантныхъ войскъ. Всякій разъ, какъ возмуща-
лась какая нибудь изъ ихъ колоній, имъ необходимо было
отправлять для ея усмиренія войско; что сопровождалось съ
большими расходами, такъ какъ войско должно было быть
весьма многочисленно, чтобы привести возмущившихся къ по-
виновенію. Вотъ почему бѣольшая часть греческихъ колоній

кончила тѣмъ, что совершенно освободилась отъ всякаго внѣшняго вліянія. Трудъ уважался въ нихъ, торговля ихъ находилась въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, и онѣ пользовались вообще бѣльшимъ благосостояніемъ, чѣмъ самыя большіе города метрополіи. Ефесъ, Смирна, Фокея, Милетъ достигли небывалаго благосостоянія. Одинъ Милетъ, обладалъ четырьмя портами и флотомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ ста судовъ. Кто не слыхалъ про чудеса Родоса, про богатства Смирны, про смѣлость фокейскихъ моряковъ, основателей Марсели. Малоазійскіе греки съ давнихъ временъ усовершенствовались крашеніемъ шерсти, разработку рудниковъ, плавку металловъ. Ученые ихъ содѣйствовали успѣхамъ наукъ; философія и астрономія обязаны имъ блистательными открытіями, а искусство—великолѣпнѣйшими памятниками. Они отличались также многими особенными политическими учрежденіями, и были настолько могущественны, что сами могли обратиться къ завоеваніямъ. Островъ Критъ долго отстаивалъ свою независимость, благодаря своей торговлѣ, и палъ только предъ могуществомъ Рима.

Бѣльшая часть настоящей Европы, Галлія, Испанія, южная Италія существовали долгое время въ видѣ греческихъ колоній. Одна Сицилія представляла уже цѣлое государство; а колоніи, расположенныя въ той части недавняго Неаполитанскаго королевства, которая оканчивается двумя Калабріями, достигли такого цвѣтущаго состоянія, что затмили могущество метрополіи, и заслужили названіе *Великой Греціи*. Всѣ эти государства вели свободную торговлю между собою и съ своими метрополіями. Но самыя богатства, извлекавшіяся ими изъ торговли, содѣйствовали ихъ паденію, ослабляя ихъ воинственность и создавая среди ихъ городовъ мятежную, изнѣженную удовольствіями демократію, столь же неумѣющую повиноваться, какъ и неспособную повелѣвать. Взгляните на Коринфъ: что за великолѣпное положеніе для торговли! Онъ лежалъ у двухъ морей, и занималъ перешеекъ, соединяющій Пелопонезъ съ твердой землей. У него былъ одинъ портъ, въ который свозились товары изъ Азіи, и другой, служившій складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шедшихъ изъ Ита-

ліи, а Італія была Европой того времени. Что за громадныя складочныя магазины, какой многочисленный флотъ, какіе памятники искусствъ! но вскорѣ Коринфъ началъ строить храмы въ честь Венеры и содержать при нихъ тысячи куртизанокъ; это печальное злоупотребленіе просвѣщеніемъ и богатствомъ изгнало изъ этихъ благословенныхъ странъ благосостояніе и цивилизацію. Такимъ же образомъ погибли и прочія греческія колоніи, сдѣлавшіяся независимыми государствами. Роскоши и удовольствіямъ онѣ принесли въ жертву сокровища, которыя могли бы употребить на упроченіе своей независимости, и въ настоящее время поросли травой едва замѣтныя слѣды ихъ минувшаго великолѣпія. Онѣ ничего не сдѣлали въ пользу несчастія и бѣдности, онѣ не доставили никакого убѣжища, никакого облегченія классамъ, обойденнымъ природой; онѣ не знали сбереженій, создающихъ капиталы. Оно жили изо дня на день, потребляя съ доходами и свои капиталы, пока не были поглощены потокомъ римской жизни, среди которой онѣ утратили, какъ свои богатства, такъ и свою независимость.

ГЛАВА V.

О политической экономіи римлянъ въ различные періоды ихъ существованія.—Во время республики—они настоящіе завоеватели и грабители.—Въ эпоху имперіи—они строители и администраторы.—Ихъ презрѣніе къ труду.—Причиненныя ими страшныя опустошенія.—Разрушеніе Карфагена.—Первыя попытки организаціи во времена императоровъ.

Исторія одинадцати столѣтій, протекшихъ отъ основанія Рима до вступленія на престолъ Константина, представляетъ три рѣзко отличающіяся одна отъ другой великія эпохи. Первая, почти дикая, оканчивается съ наступленіемъ пунической войны; вторая, исключительно воинственная, кончается сраженіемъ при Акціумѣ; третья заключаетъ въ себѣ царствованіе императоровъ: это—эпоха деспотизма и администраціи. Настоящая политическая экономія римлянъ начинается не-

ранѣе вѣка Августа; до этого они были только земледѣльцами или воинами; подѣ управленіемъ императоровъ они начинаютъ наконецъ цивилизоваться. Только съ этого времени римское правительство начинаетъ оказывать всемірное вліяніе, и они дѣйствительно становятся владыками міра. Тѣмъ неменѣе, несмотря на эти послѣдовательныя перемѣны въ ихъ государственномъ устройствѣ и въ ихъ внутренней политикѣ, съ первыхъ дней своего существованія и до паденія имперіи, римляне представляютъ одну и ту же неизмѣнную фizioномію и тѣ же, почти неизмѣнныя склонности. Поставленные съ перваго дня своего существованія между независимыми народами, какъ эквы, вольски, сабиняне, самнитяне, они поневолѣ становятся завоевателями, чтобы не быть поработченными. Оставшись побѣдителями, они сохраняютъ свои воинственныя привычки, главную черту которыхъ составляетъ презрѣніе къ труду. Съ самыхъ первыхъ временъ они смотрятъ на трудъ, какъ на отличительное свойство плѣнныхъ и рабовъ. Вотъ почему одинъ изъ ихъ историковъ имѣлъ полное право сказать, что въ эту эпоху единственное ремесло ихъ состояло въ томъ, чтобы молоть хлѣбъ и людей. Религія ихъ соотвѣтствовала правамъ, и они воздвигаютъ храмы Юпитеру-грабителю, *Jovi praedatri*. Искусства, промышленность, торговля еще неизвѣстны имъ. Въ эпоху первой пунической войны они не знаютъ, что имъ дѣлать съ прекрасными произведеніями, найденными ими въ городѣ Тарентѣ. Въ Коринфѣ солдаты ихъ играютъ въ кости на великолѣпнѣйшихъ картинахъ великихъ мастеровъ, а одинъ изъ ихъ полководцевъ обращается съ серьезной рѣчью къ одному судохозяину, взявшемуся доставить въ Римъ лучшія произведенія греческаго искусства: «Если ты растеряешь ихъ, то долженъ доставить вмѣсто нихъ новыя.»

Въ эту эпоху они не имѣли даже порядочнаго языка; послѣдній былъ нѣчто въ родѣ того, что представляетъ, сравнительно съ нашей рѣчью, отвратительный языкъ нотаріусовъ, стряпчихъ и канцеляристовъ. Наступленіе новаго года обозначалось новымъ гвоздемъ, торжественно вбиваемымъ ежегодно, въ началѣ сентября, въ стѣну храма Юпитера. Сутки

дѣлились только на три части; грубая мѣдная монета удовлетворяла всѣмъ требованіямъ обмѣна, и вся промышленность, какъ въ греческихъ республикахъ, сосредочивалась въ рукахъ рабовъ. Первые поэты ихъ принадлежали къ этой презираемой кастѣ: Эній, Плавтъ, Теренцій, какъ и множество другихъ великихъ писателей. Римляне этой эпохи отличались въ особенности отвращеніемъ къ мореплаванію, такъ что невѣжество ихъ въ этомъ искусствѣ ставило ихъ нерѣдко въ весьма опасное положеніе. Вотъ почему первымъ условіемъ, какое они налагали при заключеніи мира на побѣжденнаго, состояло въ разрушеніи военныхъ кораблей; они сожгли ихъ болѣе 500 въ Карфагенѣ. Это отвращеніе къ мореходству обратилось въ нихъ въ настоящую мономанію, такъ что, сдѣлавшись господами и на морѣ, они достигли этого не собственными флотами, а уничтоженіемъ непріятельскихъ морскихъ силъ. Еслибы не морскіе разбойники, безнаказанно распоряжавшіеся въ Средиземномъ морѣ, дерзко державшіе въ блокадѣ ихъ порты, и даже захватывавшіе въ плѣнъ государственныхъ сановниковъ, то они охотно отказались бы совсѣмъ отъ мореплаванія, для котораго, къ тому же, они употребляли иностранныхъ матросовъ, грековъ, египтянъ или сицилійцевъ. Самъ Августъ, выигравшій морское сраженіе при Акціумѣ, страшно боялся воды.

Къ эпохѣ первой борьбы ихъ съ Карфагеномъ относятся первыя постановленія противъ торговли. «Торговые народы, говорили они, должны работать для насъ: наше дѣло побѣждать ихъ, и получать съ нихъ дань. Будемъ же лучше продолжать войну, доставившую намъ господство надъ ними, чѣмъ заниматься торговлей, сдѣлавшей ихъ нашими рабами.» Самъ Цицеронъ, несмотря на превосходство своего ума, въ болѣе поздній періодъ республики, все еще раздѣлялъ противуобщественные предразсудки своихъ согражданъ. «Что можетъ выйти порядочнаго изъ лавки, простодушно восклицаетъ онъ? мелочная торговля есть дѣло гнусное; если же она производится въ обширныхъ размѣрахъ и ради снабженія страны, то представляется по меньшей мѣрѣ только терпимымъ занятіемъ.... Ибо торговцы не могутъ получить барыша безъ

обмана *.» При такомъ отношеніи къ торговлѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что римляне искали въ завоеваніи и грабительствѣ тѣхъ средствъ, которыя они считали недостойнымъ получить трудомъ. Первое богатство ихъ начинается съ военной добычи, а исторія ихъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, представляетъ подвиги разбойниковъ. Писатели ихъ только и повѣствуютъ, что о грабежахъ, да объ опустошеніяхъ: дѣло идетъ о разореніи то Сиракузъ, то Тарента, Сирии, нумидійскихъ городовъ, то, наконецъ, о триумфѣ Павла Эмпілія, за колесницей котораго слѣдовало 250 возовъ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ. Манлій опустошаетъ Малую Азію, Семпроній—Лузитанію, Флаккъ—Испанію. Въ Эпирѣ было разрушено и разграблено 70 городовъ, и 150,000 народу обращено въ рабство; разрушеніе одного Карфагена доставило 500 миліоновъ франковъ на наши деньги. Что за радостный день былъ для Рима, когда онъ ограбилъ своего соперника, храмы котораго были обшиты золотыми листьями изъ золота, доставленнаго испанскими рудниками и громаднoй торговлей Средиземнаго моря!

Неоднократно раздавался вопросъ, что было бы съ цивилизаціей вообще, еслибы Карфагенъ остался побѣдителемъ надъ Римомъ, и еслибы торговый духъ великаго африканскаго города одержалъ верхъ надъ воинственной политикой его неумолимаго врага. Достаточно сказать, что Карфагенъ былъ одновременно промышленнымъ и торговымъ городомъ, и что онъ снабжалъ всѣ порты Средиземнаго моря своими издѣліями и сырыми произведеніями. Мореходство доведено было въ немъ до высшей степени совершенства для той эпохи, если судить о немъ по *Описанію морскаго путешествія Ганнона*, представляющему лучшей памятникъ этой науки въ древнія времена **. Поэтому, слѣдуетъ безконечно сожалѣть, что го-

* Цицеронъ, *Трактатъ объ обязанностяхъ*, кн. I, отд. 42. Вотъ это любопытное мѣсто: «*Ne quidquam ingenuum potest habere officina... Mercatura, si tenuis est, sordida putanda est; sin autem magna et copiosa, multa undique apportans, non est admodum vituperanda... Nihil enim proficiunt mercatores, nisi admodum mentiantur.*»

** Время *Перипла Ганнона*, содержащаго путешествіе карфагенца

сударство, носившее въ себѣ всѣ зародыши мирной цивилизаціи, пало подъ ударами исключительно воинственнаго народа. Громадные капиталы, погубленные этой катастрофой, могли бы быть направлены къ труду, и принести огромную пользу всему человѣчеству, между тѣмъ какъ теперь они поглощены были Римомъ, поступивъ въ сундуки патриціевъ, чтобы вызвать самыя гнусныя злоупотребленія ростовщичества, которыя когда либо запятнали собой исторію народа. Съ этихъ поръ въ Римѣ, повидимому, не прекращалась горячка наживы и барышничества; въ немъ только и рѣчи было, что о гражданахъ, преслѣдовавшихся за долги, о воздвигавшихся дворцахъ, объ отнятыхъ за долги имуществахъ. Брутъ и Кассій, Антоній, Силла, самъ великій Помпей занимались ростовщичествомъ, и не стыдились брать по 48 и даже по 70 процентовъ. Верресу удалось въ конецъ разорить Сицилію; Саллюстій устроилъ себѣ волшебные сады на деньги, награбленныя въ Нумидіи. Цицеронъ, управляя Киликіей, считаетъ себя благодѣтелемъ провинціи за то, что понизилъ процентъ за ссуду до 12 на сто, кромѣ комиссіи, въ случаѣ замедленія или отсрочки уплаты. Ювель имѣлъ наконецъ право воскликнуть позже: *Мы глотаемъ народы съ костями*, послѣ того какъ до него сказалъ Саллюстій; что *современники его выжимаютъ деньги всеми возможными средствами* *. Вотъ какимъ людямъ мы удивляемся, вотъ какую цивилизацію ставятъ намъ въ образецъ съ самаго юнаго возраста! Вотъ какую политическою экономіей руководился римскій народъ до первыхъ годовъ имперіи **.

Ганнона къ западнымъ берегамъ Африки, не опредѣлено. Его относятъ то за 1000, то за 570, то за 300 лѣтъ до Р. Х. Сокращенное донесеніе это мореходца, доплывшаго до Гвинейскихъ береговъ и вернувагося назадъ, за недостаткомъ продовольствія, дошло до насъ въ греческомъ переводѣ. Помпоній Мела, Страбонъ, Плиній Старшій, Аристидъ-риторъ принимали рассказы Ганнона баснословными, хотя они, какъ обнаруживается теперь, оказываются заслуживающими уваженія. *Перинлъ* помѣщенъ въ Коллекціи Греческихъ писателей Дидо въ томѣ: *Geographi graeci minores*. Рус. перев.

* *Pecuniam omnibus modis vexant.*

** Экономическая исторія древней Италіи представляетъ одно за-

ГЛАВА VI.

О политической экономии римлян послѣ. основанія имперіи. — Злоупотребленія завоеваніями. — Презрѣніе къ торговлѣ. — Положеніе рабочихъ классовъ. — Высокомѣрная аристократія. — Голодная чернь. — Спасеніе въ безбрачной жизни. — Общественный и личный эгоизмъ. — Отсутствіе фабрикъ. — Польза приносится въ жертву величію.

Среди самого хаоса, пораждавшагося войнами и завоеваніями, которыя поглощали всю дѣятельность Рима до осно-

мѣчательнѣйшее явленіе, которое разоблачено, какъ слѣдуетъ, только писателями послѣдняго времени, въ особенности Дюро-де-ля-Малемъ въ его *Политической экономіи римлянъ*. Явленіе это — обезлюденіе Италіи, причиненное уничтоженіемъ мелкихъ земельныхъ участковъ и сосредоточеніемъ всей земельной собственности въ рукахъ небольшого числа семействъ, которымъ удалось наконецъ захватить всѣ земли полуострова. До пуническихъ войнъ Италія была густо заселена трудолюбивыми крестьянами, обрабатывавшими собственными руками свои небольшіе участки; изъ нихъ набирались тѣ римскія арміи, которыя завоевали западныя страны. Уже во времена Гракховъ это здоровое населеніе значительно уменьшилось, и цѣль, къ которой стремились всѣ реформаторы демократической партіи, состояла въ томъ, чтобы надѣлать его государственными землями. Цѣль эта не была достигнута. На развалинахъ мелкой собственности образовались огромныя помѣстья (*latifundia*); одиночная обработка замѣнена была земледѣіемъ въ большихъ размѣрахъ посредствомъ рабовъ; хлѣбныя нивы обращены были въ пастбища; участокъ земли, кормившій сто или полтора ста свободныхъ крестьянскихъ семействъ, обрабатывался теперь пятьюдесятью рабами, для которыхъ не существовало брака, а потому, и потомства. При такихъ обстоятельствахъ, обезлюденіе должно было идти быстро, и нетрудно было уловить причины его. Уже Плиній говорилъ: *Latifundia perdidere Italiam* (Крупная земельная собственность погубила Италію). Но гораздо труднѣе было отыскать экономическую причину поглощенія мелкой собственности крупною и обѣднѣнія земледѣльца среди возраставшаго богатства государства. Момзенъ, повидимому, вполне объяснилъ этотъ фактъ въ своей *Римской исторіи*, и мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ его интереснаго сочиненія. Разсмотрѣвъ сельское хозяйство Италіи въ шестомъ вѣкѣ отъ основанія Рима, онъ говоритъ затѣмъ слѣдующее:

«Для оцѣнки земледѣльческой системы, бывшей въ ходу въ Италіи, необходимо составить себѣ понятіе о цѣнности различныхъ предме-

ванія имперіи, можно уловить нѣсколько попытокъ къ обновленію общества и къ установленію производства на болѣе правильныхъ основаніяхъ. За это великое дѣло берется миролюбивый Августъ, и съ этихъ поръ ни одинъ изъ его преемниковъ не можетъ оставить совершенно въ сторонѣ этой цѣли. Поголовная перепись населенія и доходовъ имперіи, настоящій *domesday book*, къ сожалѣнію, недошедшая до насъ, доставляетъ ему существеннѣйшія данныя для задуманныхъ преобразованій. Статистика подаетъ руку помощи адми-

товъ, въ особенности, о цѣнѣ хлѣба въ эту эпоху. Средняя величина цѣнъ подвергалась поразительнымъ колебаніямъ, вызывавшимся главнымъ образомъ ошибками самого римскаго правительства, прибѣгавшаго въ этомъ важномъ вопросѣ къ самымъ пагубнымъ мѣрамъ, и не столько по недостатку свѣдѣній, сколько по непростительному потворству столичному пролетарьяту на счетъ итальянскаго крестьянина. Первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи соперничество привознаго хлѣба съ хлѣбомъ, производившимся Италіей. Хлѣбъ, поставлявшійся провинціями бесплатно, или за ничтожное вознагражденіе отъ правительства, отчасти расходился на мѣстѣ на содержаніе римскихъ чиновниковъ и арміи, отчасти уступался сборщикамъ десятины, либо за деньги, либо за обязательство доставить определенное его количество въ Римъ, или куда будетъ назначено. Со времени второй Македонской войны римскія арміи продовольствовались вообще привознымъ хлѣбомъ; и хотя подобная мѣра была выгодна для государственной казны, она тѣмъ не менѣе лишила итальянскаго земледѣльца важнаго сбыта. Но это было только второстепенное зло. Правительство, весьма естественно, съ давняго времени наблюдало за цѣной хлѣба, и неоднократно старалось предупреждать дороговизну закупкой хлѣба внѣ Италіи. Какъ только подвластныя страны стали поставлять ежегодно огромныя массы хлѣба, безъ сомнѣнія превышавшія потребности мирнаго времени, и, сверхъ того, какъ только стало дѣломъ легкимъ имѣть иностранный хлѣбъ по крайне дешевымъ цѣнамъ, то имъ естественно старались переполнить столичный рынокъ, и продавать его по цѣнѣ, которая, сама по себѣ или, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ итальянскими цѣнами, казалась просто насмѣшкой. Уже съ 551 по 554, какъ кажется, по настоянію Сципіона, городъ уступалъ гражданамъ по 24 и даже по 12 ассовъ (1 фр. 20 сан. и 60 сант.) за 6 модіусовъ (или прусскій шефель, равный 54, 96 литрамъ) испанской и африканской пшеницы; нѣсколько лѣтъ спустя (558), болѣе 160,000 шефелей хлѣба было роздано по этой уменьшенной цѣнѣ, по 12 ассовъ. Катонъ тщетно бо-

нистраціи. Становится извѣстно число поземельныхъ собственниковъ, солдатъ, рабовъ, вольноотпущенныхъ.

Налоги начинаютъ взиматься съ большею правильностью, осторожностью и безпристрастіемъ. Наслѣдства облагаются налогомъ въ одну двадцатую; общій налогъ въ одинъ процентъ опредѣленъ на всѣ съѣстные припасы. Таможни, въ одно и то же время, столь сладостная и столь гибельная

ролея противъ такой близорукой политики; въ это дѣло вмѣшалась возникавшая демагогія, и такая чрезвычайная, и по всей вѣроятности повторявшаяся весьма часто раздача хлѣба по крайне низкой цѣнѣ послужила основаніемъ послѣдующихъ хлѣбныхъ законовъ. Но еслибы привозный хлѣбъ и не достигалъ до потребителей такимъ чрезвычайнымъ путемъ, все же онъ ложился гнетомъ на итальянское земледѣліе. Масса хлѣба, уступавшаяся сборщикамъ десятины, приобрѣталась ими на такихъ выгодныхъ условіяхъ, что при перепродажѣ ея они могли пускать хлѣбъ дешевле его дѣйствительной стоимости; къ тому же, въ провинціяхъ, особенно въ Сициліи, производство хлѣба вѣроятно обходилось дешевле, чѣмъ въ Италіи, какъ по причинѣ болѣе плодородной почвы, такъ и вслѣдствіе производства въ большихъ размѣрахъ рабами, по карфагенской системѣ; что касается до перевозки сицилійскаго или сардинскаго хлѣба въ Лаціумъ, то она обходилась не дороже, если не дешевле, чѣмъ доставленіе хлѣба въ Лаціумъ же изъ Этруріи, Кампаніи и даже изъ сѣверной Италіи. Итакъ, естественныхъ условій было уже достаточно для привлеченія на полуостровъ иностраннаго хлѣба и для пониженія цѣны хлѣба, производимаго Италіей. При такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ естественный законъ обмѣна искажался соперничествомъ рабскаго труда, быть можетъ, можно было бы оправдать скорѣе поощреніе итальянскаго хлѣба въ ущербъ привозному; но вмѣсто этого, прибѣгали, повидимому, къ мѣрамъ діаметрально противоположнымъ, и въ провинціяхъ обратились къ запретительной системѣ въ пользу ввозившагося хлѣба въ Италію, ибо, если дозволено было, въ видѣ особой милости, родосцамъ ввозить къ себѣ извѣстное количество хлѣба изъ Сициліи, то мы имѣемъ право заключить, что общее правило состояло въ дозволеніи вывозить хлѣбъ изъ провинцій только въ Италію, и что, слѣдовательно, Италія пользовалась монополіей привознаго хлѣба.

«Послѣдствія такой экономической системы ясны сами собою... Уже во времена Катона Сицилія слыла подъ именемъ житницы Рима. Въ урожайные годы въ итальянскихъ портахъ сицилійскій и сардинскій хлѣбъ уступался за стоимость перевозки. Въ хлѣбороднѣйшихъ мѣстностяхъ полуострова, въ теперешней Романіи и Ломбардіи, во

отрава для промышленности, устанавливаются на болѣе прочныхъ началахъ, не съ цѣлью покровительства, а какъ источникъ дохода; имъ подчиняются, какъ сырые матерьялы, такъ и обработанныя издѣлія. Если товары, за отсутствіемъ сбыта, вывозились обратно, то взятая съ нихъ пошлина возвращалась; но таможенные осмотрщики, должно сознаться, были такъ же мало снисходительны, какъ и наши. Они имѣ-

времена Полибія, за продовольствіе и помѣщеніе въ гостинницѣ платилось въ сутки полъ-аса (два съ половиной сантима); прусскій шефель хлѣба стоилъ въ нихъ полъ-динарія (40 сантимовъ). Эта послѣдняя, средняя цѣна, составлявшая почти двѣнадцатую часть обыкновенной нормальной цѣны, служитъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что итальянское производство совершенно лишено было сбыта, и что цѣнность, какъ хлѣба, такъ и производившей его земли, была рѣшительно подорвана.

«Въ странѣ, отличающейся обширной промышленностью, въ которой земледѣіе не въ состояніи прокормить всего населенія, подобный результатъ еще можетъ показаться полезнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не безусловно вреднымъ; но такая страна, какъ Италия, промышленность которой была незначительна, а земледѣіе имѣло первостепенное значеніе, должна быть систематически разорена подобными мѣрами, а общественное благо должно быть принесено самымъ безразсуднымъ образомъ въ жертву интересамъ столичнаго населенія, въ высшей степени непроизводительнаго, которое, въ сущности, и не могло имѣть особенно дешеваго хлѣба... Съ той минуты, какъ мелкая собственность перестала давать настоящій чистый доходъ, крестьянское сословіе погибло безвозвратно, тѣмъ болѣе, что и среди него, какъ между прочими классами общества, хотя, по правдѣ, и съ болѣею медленностью, стали мало по малу исчезать строгіе нравы и привычки къ бережливости предшествовавшей республиканской эпохи. Быстрое исчезновеніе и поглощеніе крупною собственностью крестьянскихъ участковъ обратилось только въ вопросъ времени... Уже однихъ естественныхъ условій достаточно было, чтобы одиночная обработка всюду уступила мѣсто воздѣлыванію въ широкихъ размѣрахъ; противудѣйствовать имъ путемъ законодательства было затруднительно. Тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ считать весьма важной ошибкой — законъ Клавдія (незадолго до 536), запретившій сенаторскимъ семействамъ заниматься торговыми предпріятіями, и тѣмъ самымъ побудившій ихъ влагать свои громадныя капиталы преимущественно въ земли, то есть, вводить, вмѣсто прежнихъ крестьянскихъ участковъ, фермы и пастбища. (Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, 2-ое изд. Берлинъ, 1856, т. I, стр. 814 и слѣд.) Фран. изд.

ли право распаковывать тюки и даже распечатывать письма, какъ это положительно утверждаетъ Теренцій. Несвоевременное объявленіе товара преслѣдовалось конфискаціей *, а неумышленная утайка — уплатой двойныхъ пошлинъ. Неронъ, ради популярности, хотѣлъ одно время уничтожить этотъ законъ, но сенатъ представилъ ему, что если будетъ отмѣненъ одинъ, то этимъ поданъ будетъ поводъ нападать на всѣ другіе, и императоръ уступилъ предъ такими жалкими доводами. Исторія сохранила намъ одинъ изъ этихъ тарифовъ, а ближайшее ознакомленіе съ нимъ даетъ намъ право предположить, что относительно нелѣпостей, врядъ ли наши таможи значительно превосходили такія же учрежденія древнихъ **.

Позже, при Діоклетіанѣ, когда имперія была раздѣлена на четыре большія префектуры, заключавшія по нѣскольку царствъ, установилось замѣчательное единство по всѣмъ отраслямъ римской администраціи. Одни и тѣ же законы господствовали отъ Тибра до Дуная, и отъ Испаніи до Чернаго моря. Тридцать легионовъ, представлявшихъ дѣйствительную военную силу почти въ 400,000 человѣкъ, держали въ повиновеніи цѣлую массу народовъ, различныхъ по языку, по обычаямъ и по интересамъ. Великолѣпныя дороги соединяли обширные лагеря, расположенные на берегахъ рѣкъ, у горныхъ проходовъ, или на границахъ еще непокоренныхъ странъ. Почтовые станціи, устроенныя для передачи во всѣ части имперіи распоряженій центрального правительства, содержались съ удивительной заботливостью. Громадные водопроводы снабжали водой богатѣйшіе города, число которыхъ кажется въ настоящее время баснословнымъ. Несмотря на всѣ чудеса послѣдняго вѣка, римское величіе удивляетъ и поражаетъ насъ; самыя обширныя монархіи новѣйшей Евро-

* *Quod quid professus non est, perdat* — Если кто не объявитъ, то теряетъ.

** Среди поименованныхъ товаровъ мы встрѣчаемъ перецъ, корицу, мирру, инбирь, нѣкоторые благовонные товары, звѣриныя шкуры, слоновую кость, алмазы и другіе предметы роскоши; наши же тарифы ничего не пощадили, ни даже спичекъ!

ны блѣднѣютъ предъ ста мильонами подданныхъ императора Клавдія. Но, до послѣдняго времени, довольствовались однимъ только удивленіемъ предъ колоссальнымъ велчіемъ имперіи, не стараясь ни измѣрить его, ни добратся до первоначальныхъ причинъ ея возвышенія, ни отыскать объясненіе такого поразительнаго существованія. Какими средствами можно было удовлетворить потребностямъ этихъ мильоновъ людей? Какимъ бюджетомъ покрывались расходы на пищу и одежду этого челоуѣчества, столь отличнаго отъ нынѣшняго? Были ли въ этомъ обществѣ бѣдные? Какъ производились работы, въ широкихъ ли размѣрахъ, въ мастерскихъ, или, какъ во времена республики, вокругъ домашняго очага? Каково было положеніе земледѣльца и ремесленника? Какъ производилась торговля? Политическая экономія ожидаетъ отвѣтовъ на эти важные вопросы, первостепенное значеніе которыхъ, кажется, и не подозрѣвали римскіе писатели.

Рабство представляется по прежнему главнымъ основаніемъ государственнаго устройства. Но это уже не греческое рабство, ни даже рабство республиканской эпохи, отличавшееся патріархальнымъ характеромъ: имперія получила такіе обширные размѣры, что уже нельзя было потребовать отъ однихъ рабовъ той громадной массы труда, какая необходима была для содержанія такого многочисленнаго населенія. Необходимо было, чтобы самъ народъ принялъ участіе въ трудѣ; и дѣйствительно, Римъ наполненъ былъ фабриками*, на которыхъ вольнонаемные работники раздѣляли съ настоящими рабами, если не прибыли, то самыя тяжелыя работы по производству. Богатѣйшіе сенаторы владѣли этими фабриками при содѣйствіи капиталовъ и принадлежавшихъ имъ тысячей рабовъ. Въ торговлѣ появлялись безпрестанно новыя продукты, неизвѣстные плоды, полезныя растенія, какъ

* Слово это не должно принимать въ томъ широкомъ значеніи, какое придается ему въ настоящее время. Въ сущности, римляне не имѣли ничего похожаго на наши фабрики. Мастерскія ихъ были заведеніями, въ которыхъ они заставляли работать своихъ рабовъ подъ надзоромъ управителя изъ свободныхъ.

напримѣръ ленъ и люцерна. И въ то же самое время, какое огромное количество земель оставлялось, или лежало въ запустѣніи! Сколько великолѣпныхъ владѣній обращалось въ безплодные парки, между тѣмъ какъ земледѣльческое населеніе умирало съ голоду! Плиній Старшій жалуется на эти злоупотребленія, которыя повторяются впослѣдствіи съ тою же энергіей Колумелой. Мало по малу производительный трудъ оставлялся ради занятій, вызывавшихся модой, и было время, когда ремесло скомороховъ, гладіаторовъ, гадателей и поваровъ, считалось самымъ прибыльнымъ занятіемъ. Народъ скоро заразился привычками знати; ему потребовались благовонія, какъ патриціямъ; въ одинъ торжественный день императоръ Адріанъ приказалъ раздать ихъ всѣмъ гражданамъ. Слоновая кость, амбра, ладанъ сдѣлались предметами первой необходимости, а для доставленія ихъ потребовалась огромная масса монеты, ибо римскій народъ не производилъ ничего, что могъ бы дать за нихъ въ обмѣнъ.

Съ этихъ поръ начинаетъ обнаруживаться главная причина паденія имперіи и одна изъ глубочайшихъ язвъ ея политико-экономическаго устройства. Римляне желали только потреблять, ничего не производя; а это заблужденіе причиняло непрерывный вывозъ монеты, награбленной ими у побѣжденных народовъ. Колоссальныя сооруженія, которыми они покрывали Европу, тоже поглощали огромное ея количество, и эта масса капиталовъ, проходя черезъ ихъ руки, не приносила имъ никакой выгоды, не оставляла даже слѣда. Они считали себя на жалованіи у всего міра, и никакъ не могли себѣ представить, что эти, такъ легко расточаемые доходы кончатъ тѣмъ, что не возвратятся къ нимъ болѣе. Они отдыхали послѣ стола въ убранныхъ цвѣтами галереяхъ, куда, съ ранняго утра, приходили къ нимъ на поклонъ ихъ кліенты (*officia antelucana*); прибытіе послѣднихъ возвѣщалось рабами *имяпровозглашателями* (*nomenclatores*), привратниками этихъ почти царскихъ чертоговъ. Патриціанскія фамиліи мало по малу сложились въ могущественную аристократію, члены которой требовали, чтобы ихъ величали *ваше чистосердіе, ваше степенство, ваше превосходительство,*

ваша свѣтлость *. Колесницы ихъ, украшенныя чеканнымъ серебромъ, мчались по улицамъ въ сопровожденіи толпы рабовъ, жегшихъ благовонія. Народъ, съ своей стороны, требовалъ участія въ наслажденіяхъ, наполнявшихъ жизнь знатныхъ людей этой эпохи; ему раздавали даромъ хлѣбъ, мясо, масло, и бесплатно пускали въ общественныя бани. Зрѣлища осаждались толпой съ ранняго утра; охотники забирались на нихъ иногда съ вечера.

При такой поголовной беспорядочности въ нравахъ и обычаяхъ, распространившейся въ послѣднія времена республики, возникаетъ въ Римѣ, и разливается по всей его територіи настоящій заговоръ противъ брака. Всѣ старались спастись въ безбрачїи, какъ въ убѣжищѣ, недоступномъ заботамъ и тягостямъ семейной жизни; такъ что, начиная съ Августа, многіе императоры принуждены были преслѣдовать строгими постановленіями такую манію, которая, хотя вслѣдствіе другихъ причинъ, возникаетъ въ современную намъ эпоху. Одинъ цензоръ самымъ серьезнымъ образомъ приглашалъ гражданъ къ браку, какъ на патріотическій подвигъ, а государство конфисковало въ свою пользу наслѣдства, достававшіяся неисправимымъ холостякамъ. Всѣ римляне заразились неодолимымъ отвращеніемъ къ порядочности и къ предпримчивости, ко всему, что требовало расчетливости и бережливости. Работники-пролетарїи встрѣчали въ рабахъ тѣмъ болѣе опасное соперничество, что послѣдніе содержались на счетъ своихъ господъ, и потому, всегда могли подрывать вольнонаемный трудъ. Вслѣдствіе этого, число бѣдныхъ было весьма велико; они помѣщались въ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, отданные на произволь самымъ гнуснымъ порокамъ и самымъ жестокимъ лишеніямъ. Одежда ихъ, приготовлявшаяся большею частью изъ шерстяныхъ тканей и рѣдко обновлявшаяся, могла бы содѣйствовать распространенію между ними заразительныхъ болѣзней, еслибы такія невыгоды ея не предупреждались обычаемъ часто ходить

* Нѣкоторые изъ этихъ титуловъ были усвоены и сохранены до настоящаго времени западной Европой.

въ бани, весьма распространеннымъ въ Римѣ *. Общественная благотворительность, неизвѣстная въ эту эпоху деспотизма и рабства, еще не устраивала убѣжищъ для нищеты и болѣзней, такъ что Вольтеръ имѣлъ полное право сказать: «Что оставалось дѣлать въ Римѣ бѣдняку, въ случаѣ болѣзни, если онъ не могъ найти кого либо, кто позаботился бы о немъ? умереть.»

Такимъ образомъ, среди римскаго великолѣпія и могущества, мы встрѣчаемъ одну только безпорядочную массу пролетаріевъ, рабовъ, вольноотпущенныхъ, слугъ и ремесленниковъ, трудомъ которыхъ удовлетворялось непроизводительное потребленіе богатыхъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Благородныя свободныя художества отданы были въ Римѣ въ рабскія руки; даже врачебнымъ искусствомъ занимались одни только рабы. Торговля все еще находилась въ младенческомъ состояніи, если не называть торговлей такія нехитрыя операціи, какъ обмѣнъ на товары завоеванныхъ странъ въ нихъ же награбленнаго золота. Мы не знаемъ ни одного римскаго города, прославившагося какимъ нибудь спеціальнымъ производствомъ, подобно нашимъ большимъ промышленнымъ центрамъ, какъ Бирмингамъ, Ліонъ или Манчестеръ. Ни одинъ изъ портовъ имперіи не можетъ быть сравненъ съ Марселью, Ливерпулемъ или Нью-Йоркомъ **. Тѣмъ неменѣе, многолюдные города разсѣяны были по всей территоріи римскаго государства, а неизмовѣрное богатство ихъ невольно возбуждаетъ въ насъ удивленіе; но это богатство нисколько не похоже на изобиліе теперешнихъ государствъ, въ которыхъ самыя небогатые люди пользуются бѣльшимъ довольствомъ, чѣмъ привилегированныя лица имперіи. Все римское величіе было внѣшнее и театральное; великія сооруженія предпринимались не столько ради пользы, сколько ради тщеславія. Подлѣ этихъ роскошныхъ построекъ народъ помѣщался въ жилищахъ, недостойныхъ гбсударственнаго ве-

* За посѣщеніе бани платилось 2 лиарда: *quadrante lavari*, по выраженію поэта.

** Цицеронъ говоритъ: «Не одобряю, чтобы народъ, обладающій землей, былъ въ то же время и мореходнымъ.»

личія; дома его, плохо освѣщенные, тѣмъ не менѣе не представляли защиты отъ непогоды. Мы составили бы себѣ весьма ошибочное понятіе о пищѣ, употреблявшейся простымъ народомъ, еслибы судили о ней только по изяществу той посуды, которая служила ему для домашняго обихода. Изыщная ея форма подкупаетъ насъ, такъ что намъ кажется, что ею должно быть пользовался богатый и эстетическій народъ; но эта утварь далеко не удовлетворяла своему назначенію, и стоитъ гораздо ниже предметовъ, соотвѣтствующихъ ей въ нашей жизни. Римляне не знали ни бумаги, ни перьевъ; они писали прописными буквами на листахъ папируса и пергамента желѣзными или деревянными рѣзцами. Стулья ихъ отличались изяществомъ, но не имѣли мягкихъ подушекъ, и колесницы ихъ, сидѣвшія на оси, безъ рессоръ и подвязокъ, были такъ же мало удобны, какъ наши телѣги. Между произведеніями ихъ строительнаго искусства заслуживаютъ безусловнаго удивленія только ихъ водопроводы и военныя дороги, но и тутъ еще приходится сожалѣть, что такія гигантскія сооруженія предпринимались съ одною только военною цѣлью, или ради одного только украшенія нѣкоторыхъ городовъ.

ГЛАВА VII.

О важномъ значеніи путей сообщенія у римлянъ. — Какую пользу могли бы оказать цивилизаціи и торговлѣ ихъ большія дороги. — Очеркъ главнѣйшихъ политико-экономическихъ римскихъ законовъ. — Общій взглядъ на ихъ торговлю.

Большія дороги римской имперіи, великолѣпіемъ и прочностью, превосходятъ все, что только было исполнено въ этомъ отношеніи съ самыхъ незапамятныхъ временъ. Заросшіе травой остатки ихъ, вызывающіе наше удивленіе, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ важномъ значеніи, какое народъ этотъ придавалъ улучшенію этихъ первостепенныхъ условій политическаго могущества и цивилизаціи. И тѣмъ не менѣе, дороги эти, повидимому, не оказали цивилизаціи тѣхъ услугъ,

какія она извлекаетъ изъ нихъ въ настоящее время; для Рима онѣ не послужили источникомъ великаго торговаго благосостоянія; онѣ рѣдко предупреждали голодъ и сопровождающія его бѣдствія. Римляне видѣли въ нихъ только средство для быстраго перемѣщенія армій изъ центровъ на границы имперіи, словомъ, орудіе для завоеваній, а не для промышленности. Никогда, ни въ одной странѣ міра не жертвовалось на это важное предпріятіе такихъ несмѣтныхъ сокровищъ, и никогда ни одинъ народъ не получалъ такой ничтожной выгоды отъ такихъ великихъ пожертвованій*.

Дѣло это объясняется весьма просто. Римляне занимались однимъ только земледѣліемъ, произведенія котораго расходились главнымъ образомъ на мѣстѣ или въ окрестностяхъ, весьма недалеко отстоявшихъ отъ центровъ производства. Главное снабженіе столицы производилось обыкновенно моремъ, единственнымъ путемъ, которымъ доставлялся хлѣбъ изъ Сициліи и Египта, двухъ важнѣйшихъ житницъ имперіи. Поэтому, великолѣпіе римскихъ дорогъ слѣдуетъ представлять себѣ, какъ неизбѣжный результатъ военной системы этого противупромышленнаго и противуторговаго народа. Онъ съ одинаковымъ рвеніемъ заставлялъ участвовать въ ихъ сооруженіи и исправномъ содержаніи солдатъ, чиновниковъ, какъ и всѣхъ подданныхъ. Наблюденіе за дорогами составляло обширное и почетное управленіе, которое довѣрялось самымъ знаменитымъ гражданамъ. Никакой налогъ не считался слишкомъ обременительнымъ, когда дѣло шло о содержаніи ихъ въ исправности; правительство отличалось такою строгостью, что легіоны неоднократно возмущались, вслѣдствіе тяжкихъ работъ, возлагавшихся на нихъ по проведенію и исправленію путей сообщенія. Въ какомъ бы положеніи ни находилось правительство, содержаніе дорогъ никогда не оставалось въ пренебреженіи; самые плохіе императоры одинаково радѣли о нихъ, какъ и самые мудрые: Неронъ и Калигула сдѣлали въ этомъ отношеніи почти столько же,

* «Сооруженія, болѣе великолѣпныя, чѣмъ полезныя», говоритъ о нихъ Светоній.

сколько Траянъ и Адрианъ *. Работы производились на нихъ или посредствомъ натуральной повинности, или на счетъ сборовъ, взимавшихся съ окрестныхъ имѣній, смотря по вѣличинѣ ихъ; для этого стоимость земель опредѣлялась особыми оцѣнщиками, которые и назначали величину слѣдовавшихъ съ нихъ сборовъ. Пути сообщенія раздѣлялись на два большихъ разряда: государственныя или военныя дороги, и проселочныя или общинныя **. Первыя содержались государствомъ, вторыя — городами и деревнями.

Народъ въ собенности расположенъ былъ къ государямъ, сановникамъ и даже къ частнымъ лицамъ, заботившимся объ исправномъ содержаніи дорогъ. Имъ подносили вѣнки, въ честь ихъ выбивали медали и сооружали триумфальныя арки. Вся исторія этой эпохи преисполнена чрезвычайныхъ усилій, чтобы заслужить подобныя доказательства расположенія римскаго народа. Уже въ царствованіе Тиверія можно было съ необычайною быстротою проѣхать всю Италію, Галлію, часть Испаніи. Плиній рассказываетъ, что этотъ императоръ, во время путешествія своего въ Голландію, дѣлалъ около ста лье (около 400 верстъ) въ сутки. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о способахъ сооруженія государственныхъ дорогъ, къ тому же, всѣмъ хорошо извѣстныхъ; но слѣдуетъ сознаться, что въ этомъ отношеніи мы далеко уступаемъ древнимъ, и хотя ихъ пути сообщенія не имѣли особеннаго вліянія на развитіе торговли, тѣмъ неменѣе, нельзя не удивляться ихъ тысячелѣтнему существованію, тогда какъ наши, болѣе необходимыя, могутъ прослужить едва нѣсколько лѣтъ. Въ нихъ ничего не было упущено изъ виду: для пѣшеходовъ устроены были тротуары, а для всадниковъ—особенныя тум-

* См. Bergier, *Histoire des grands chemins de l'Empire romain*, тн. I, гл. XVI.

** «Не всѣ дороги находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Ибо, существуютъ государственныя императорскія дороги, содержащіяся на общественный счетъ; существуютъ и проселочныя, сворачивающія изъ городовъ въ деревни; послѣднія содержатся самими селами.» Siculus Flaccus и *De conditionibus agrorum*.

бы, которыя помогали сходить съ лошади и садиться на нее *; около дорогъ воздвигались обыкновенно надгробные памятники, какъ бы для того, чтобы вызвать въ живыхъ уваженіе къ мертвымъ. Аппіева дорога (изъ Рима въ Неаполь) можетъ считаться самымъ образцовымъ сооруженіемъ въ этомъ родѣ, какое когда либо производилось руками человѣка.

Итакъ, казалось бы, что римляне должны были извлекать безчисленныя выгоды изъ превосходной системы дорогъ, которою они покрыли имперію, какъ огромной сѣтью. Но по этимъ дорогамъ чаще проѣзжали военныя колесницы, чѣмъ мирныя торговыя и промышленныя телѣги; дороги эти не оказывали никакого вліянія на повышеніе или пониженіе прибыли и задѣльной платы, потому что свободнаго труда еще не существовало, и, какъ мы сказали, все было основано на величій, а не на пользѣ. Большія дороги имперіи имѣли цѣлью только облегчить перевозку солдатъ и сборовъ, доставляемыхъ контрибуціей **. Движеніе монеты, постоянно направлявшейся изъ всѣхъ концовъ Галліи къ Ліону, имѣло огромное значеніе для государственной казны, но тѣмъ неменѣе, торговаго движенія, въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову, вовсе не существовало. Странное дѣло! между нами, достаточно было изобрѣтенія векселя, чтобы замѣнить имъ главнѣйшую выгоду, доставлявшуюся большими римскими дорогами, такъ что спеціальная услуга, имѣвшаяся въ виду при ихъ сооруженіи, есть именно та, безъ которой легче всего обходятся въ настоящее время. Такимъ образомъ, великолѣпнѣйшіе труды римскаго правительства въ дѣлѣ сооруженія путей сообщенія не оказали никакого вліянія на будущую производительность государства, потому что они запечатлѣны были исключительно военнымъ характеромъ народа и вообще духомъ его учреждений.

Все римское законодательство, со времени счастливейшихъ дней республики до паденія имперіи, проникнуто неискоре-

* Древніе, какъ извѣстно, не знали употребленія стремянь.

Рус. перев.

** «Чтобы съ большей безопасностью и быстротой пересылались подати», говоритъ Проклій.

нимыми предразсудками этого народа противъ труда и промышленности. Одного бѣглаго взгляда на него достаточно, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Въ первое время республики они издають массу поземельныхъ законовъ *, вы-

* *Leges Cassia, Licinia, Flaminia, Sempronia, Cornelia, Servilia, Flavia, Julia*, и проч. По изысканію Гейне (*Opusc. acad. IV*) и въ особенности Нибура (*Vorträge über Römische Geschichte*), въ первыя времена Рима, принципъ поземельной собственности простирался только на государственныя земли (*ager publicus*), а не на частныя поземельныя имѣнія (*heredium*). Государственныя земли образовались, благодаря завоеваніямъ, и отдавались въ пользованіе патриціанскимъ родамъ за плату (*vectigal*), которую, въ свою очередь, государство отдавало на откупъ. По законамъ Сервія Туллія, существовалъ особенный видъ владѣнія государственными землями—*dominium*—въ пользу плебеевъ, посредствомъ ассигнаціи (*assignatio*) въ полную ихъ собственность, неболѣе, впрочемъ, 7 югеровъ (около двухъ десятинъ). Законъ этотъ, какъ видно, не уважался, а когда Спурий Кассій вступился за интересы народа, то былъ убитъ.

Позже, постоянныя войны, внутреннія неурядица и нашествіе галловъ совершенно измѣнили имущественныя отношенія гражданъ. Богатые аристократы страшно притѣсняли бѣдныхъ, а ростовщичество достигло до крайнихъ размѣровъ. Между свободными гражданами и рабами почти исчезло всякое различіе, а патриціи захватили въ свои руки всѣ земли плебеевъ. Обстоятельства эти вызвали знаменитыя требованія (рогаціи) трибуна Лицинія (376 до Р. X.): ограничить 500 югеровъ патриціанскія владѣнія въ государственныхъ земляхъ, а остальное распределить по 7 югеровъ между плебеями на правахъ ассигнаціи.

Но этотъ надѣлъ оказался недостаточнымъ. Сверхъ того, размѣры частныхъ владѣній въ государственныхъ земляхъ, вслѣдствіе злоупотребленій, все возрастали, а заработная плата постоянно падала, вслѣдствіе постояннаго увеличенія числа рабовъ. Обстоятельства эти побудили трибуна Тиверія Гракха сдѣлать предложеніе о возстановленіи законовъ Лицинія съ слѣдующимъ ограниченіемъ: отецъ семейства, уже владѣющій 500 югерами общественнаго поля, можетъ имѣть еще по 250 на каждого сына, только чтобы размѣры всего имѣнія не превышали 1000 югеровъ; остальную часть земли раздать по 30 югеровъ бѣднымъ римлянамъ и итальянцамъ въ неотчуждаемое владѣніе. Вотъ это то скромное требованіе вызвало бурю, разразившуюся надъ семействомъ Гракховъ. Оба брата, Тиверій и Кай, долгое время представлялись родоначальниками всѣхъ коммунистовъ, между тѣмъ какъ, въ сущности, они требовали исполненія существовавшихъ основ-

званных тщетнымъ желаніемъ раздѣленія земель и равновѣсія въ имуществѣхъ. Закономъ *Теренція Кассія* признано за каждымъ гражданиномъ право получать ежемѣсячно по пяти бушелей хлѣба; закономъ *Кая Семпронія Гракха* была опредѣлена наивысшая цѣна, по которой государство обязано продавать хлѣбъ; закономъ *Клавдія Пульхра* повелѣвалась даровая раздача хлѣба. Однимъ изъ законовъ опредѣлялась даже стоимость обѣда; закономъ *Канинія* запрещалось освобожденіе рабовъ сверхъ опредѣленнаго числа. Между тѣмъ какъ такими неумѣстными льготами содѣйствованами увеличенію числа бѣдныхъ, плодovitость поощрялась настоящими преміями; отецъ трехъ дѣтей пользовался множествомъ привилегій, главнѣйшая изъ которыхъ состояла въ выдачѣ тройнаго количества хлѣба. Были случаи, когда законъ разрѣшалъ расплачиваться съ долгами уплатой одной только четверти занятой суммы.

Между тѣмъ какъ духъ независимости и предприимчивости ослаблялся законами, поощрявшими праздность, всѣ классы гражданъ держались въ самомъ строгомъ подчиненіи, начиная съ домашняго очага, среди котораго безусловно господствовалъ отецъ семейства, облеченный правомъ жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Жена, невыходившая изъ подъ опеки, была не болѣе какъ рабою мужа. Въ семьѣ, всякій вольноотпущенный признавалъ своего патрона, каждый солдатъ — своего начальника. Военная организація давила все общество, подобно желѣзному ярму, отъ котораго никто не

ныхъ государственныхъ законовъ, и дѣлали широкую уступку алчности патриціевъ.

Затѣмъ, среди гражданскихъ смутъ, окончившихся паденіемъ республиканской партіи, аграрные законы все болѣе и болѣе забывались. Богатые обходили ихъ, а бѣдные, противъ воли, изъ за куска хлѣба, должны были соглашаться на ихъ нарушеніе. Крупная поземельная собственность губила Италію. Прикрѣпленіе къ землѣ становилось все тверже, по мѣрѣ умноженія числа людей, лишенныхъ поземельной собственности, которымъ предстояло только два пути: или стать крѣпостными богатыхъ помѣщиковъ, или поступить въ голодный пролетарятъ, и гибнуть съ голоду въ Римѣ, несмотря на даровую раздачу хлѣба и на всѣ хлѣбные законы.

Рус. перев.

смѣлъ уклониться. Ни одинъ гражданинъ не могъ выйти изъ своего сословія, ни даже поступить въ низшее, а физическій трудъ запрещался, какъ дѣло презрѣнное и гнусное, людямъ, которые своимъ рожденіемъ не присуждались къ нему. Августъ утвердилъ смертный приговоръ противъ сенатора Овинія за то, что тотъ унизился до заведенія фабрики, и приговоръ этотъ, совершенно непонятный для насъ, показался римлянамъ дѣломъ весьма естественнымъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что въ Римѣ невозможна была никакая промышленность, когда изъ нея исключалось всякое участіе разумной дѣятельности, и когда къ ней допускалась одна только грубая сила? И какую же это силу представляли несчастные рабы, одичавшіе подъ ударами палки, подъ вліяніемъ разврата господъ и, въ особенности, вслѣдствіе отсутствія какой бы то ни было заработной платы! Въ деревняхъ происходило то же самое: не было ни арендаторовъ, ни свѣдущихъ земледѣльцевъ. Земледѣліе походило на обработку плантацій рабами въ нашихъ колоніяхъ, съ тою только разницею, что подъ тропиками почва плодородіемъ своимъ восполняла недостаточный трудъ человѣка, между тѣмъ какъ римскія нивы не представляли никакого вознагражденія. Оба великіе двигателя, соревнованіе и личный интересъ, не могли оказывать вліянія на умы, поглощенные мыслью о войнѣ и наслажденіяхъ. Римъ кишалъ толпами искателей приключеній, интригановъ, праздношатающихся, привлекавшихся въ столицу даровой раздачей хлѣба и всякаго рода зрѣлищами, расточавшимися императорами, ради снисканія расположенія толпы *. Предмѣстья Рима выросли въ города, а правительство встрѣчало неодолимые затрудненія для прокормленія этихъ несмѣтныхъ массъ непродуцированныхъ потребителей.

Несмотря на безчисленныя предосторожности, принимавшіяся для предупрежденія голода, послѣдній производилъ по временамъ страшныя опустошенія въ столицѣ и въ провинціяхъ. Тщетно караванамъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ,

* Mengotti, *Del commercio de' Romani*.

дано было наименованіе *священнаго флота*; нерѣдко одной бури достаточно было, чтобы задержать его прибытіе, и поставить императора въ крайне опасное положеніе. Все искусство управленія обратилось вскорѣ въ ежедневное снабженіе продовольствіемъ праздною и мятежною черни; ничтожнѣйшее обстоятельство порождало безчисленныя злоупотребленія, а частое ихъ повтореніе придавало имъ силу закона. Смерть любовницы государя, рожденіе наслѣдника престола, кровопролитное сраженіе, невинный триумфъ одинаково требовали огромныхъ расходовъ на даровыя вспомошествованія. Только такой цѣной сохраняли римскіе императоры свой вѣнецъ, и поддерживали свою власть только правильной раздачей своимъ голоднымъ подданнымъ суммъ, собиравшихся налогомъ въ пользу бѣдныхъ. «Эти собаки, говорилъ одинъ изъ цезарей, перестаютъ лаять, только когда набито ихъ брюхо.» Числомъ голодныхъ годовъ можно исчислить число улучшеній въ дѣлѣ торговли и мореплаванія. Первый голодъ, при Августѣ, сопровождался учрежденіемъ флота и магазиновъ для продажи хлѣба; второй голодъ, при Тиверіѣ, породилъ систему поощреній за ввозившійся хлѣбъ. Третій голодъ, при Клавдіѣ, побудилъ императора къ исправленію Остіумскаго порта; четвертый, при Неронѣ, доставилъ торговцамъ хлѣбомъ освобожденіе отъ пошлинъ и награжденіе медалями; голодъ при Антонинѣ Благочестивомъ заставилъ возобновить Терачинскій портъ и маякъ на Гаэтскомъ молѣ. Въ царствованіе Марка-Аврелія новый голодъ вызвалъ заготовленіе запасовъ на семь лѣтъ; наконецъ, въ царствованіе Коммода такого рода бѣдствія сопровождались преслѣдованіемъ и наказаніемъ хлѣбопромышленниковъ за барышничество. Вотъ все, что сумѣли сдѣлать въ Римѣ для торговли вообще, или, вѣрнѣе, для единственной торговли, пользовавшейся почетомъ и состоявшей въ снабженіи народа продовольствіемъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить и малѣйшаго слѣда какой нибудь правильной мѣры; всѣ жили изо дня на день, вовсе не помышляя о средствахъ, которыя такъ легко было развить среди самой имперіи, а на прочія отрасли промышленности почти не обращалось никакого вниманія.

Такимъ образомъ, шерсть, почти единственный сырой матерьялъ для приготовленія тканей, употреблявшихся въ Римѣ, начиная съ одежды сенатора и кончая одеждой простаго солдата, матерьялъ, изъ котораго готовились одѣяла, занавѣсы, ковры, всякаго рода мебель, не вызвалъ въ свою пользу ни одного поощренія со стороны императоровъ. Ни одинъ государственный человѣкъ Рима не нисходилъ къ ближайшему ознакомленію съ этимъ предметомъ производства, что давало бы намъ право предположить, что онъ понималъ важное значеніе такого рода вопросовъ. Завоеванныя провинціи доставляли свойственныя имъ произведенія: Аравія—благовонія, Африка—пшеницу, Испанія—воскъ и медъ, Галлія—вина, масло и металлы, Греція—предметы искусства и галантерейные товары, берега Чернаго моря—кожи и шкуры. Римъ потреблялъ, и платилъ золотомъ, доставлявшимся налогами. Когда послѣднихъ не хватало на пополненіе императорскаго бюджета, то устанавливались новые налоги на трудъ; къ такой мѣрѣ неоднократно прибѣгалъ Александръ Северъ. По мѣрѣ того, какъ императоры окружали себя законовѣдами и легистами, распоряженія ихъ становились все болѣе и болѣе стѣснительными для рабочихъ классовъ. Эти законоискусники внушали имъ постыдныя мѣры, оправдывая ихъ различными софизмами; одинъ изъ прокуроровъ научилъ ихъ чеканить фальшивую монету. Достойнѣйшій питомецъ ихъ, Константинъ, велѣлъ считать наравнѣ съ блудницами женщинъ, торговавшихъ въ лавкахъ, и преслѣдовалъ своими страшными анафемами людей, которые были настолько честны, что въ потѣ лица снискивали себѣ пропитаніе.

Способы взиманія налоговъ свидѣтельствуютъ о неумолимой строгости римскаго финансоваго управленія. Цѣлыя тучи *откупщиковъ* (*publicani*) сновали въ гаваняхъ, при устьяхъ рѣкъ, при выходѣ изъ горъ, и требовали безотговорочно пошлинъ со всѣхъ товаровъ. Къ доходамъ, доставляемымъ сборомъ пошлинъ, они нерѣдко присоединяли еще выгоды монополій на нѣкоторые предметы потребленія. Цифра налога не была ограждена какими либо законными границами; она была до такой степени растяжима въ рукахъ этихъ чинов-

никовъ, что земледѣлецъ никогда въ точности не зналъ, на какую долю своихъ произведеній онъ имѣлъ право разсчитывать. Самъ Неронъ неоднократно пытался ограничить злоупотребленія, бывшія источникомъ обогащенія для его любимцевъ; но онъ встрѣтилъ такія затрудненія, предъ которыми должно было отступить его неограниченное самодержавіе. Всякому извѣстно, до чего дошло, уже во времена Цицерона, лихоимство проконсуловъ, а финансовыя мѣры Верреса нисколько не уступаютъ передъ приѣмами турецкихъ пашей.

Единственная отрасль торговли, повидимому, долго сопротивлявшаяся, всѣмъ стѣсненіямъ, которыми алчность правительства и его чиновниковъ сковывала внѣшнія торговыя сношенія, была торговля благовоніями и индейскими пряностями, потребленіе которыхъ доходило въ Римѣ до баснословныхъ размѣровъ. Громадныя суммы расточались самыми простыми людьми на покупку этихъ дорогихъ и бесполезныхъ товаровъ, требовавшихъ почти такое же количество судовъ, какъ снабженіе столицы хлѣбомъ. Кромѣ несомнѣнныхъ опасностей, которыя предстояло преодолѣть въ поѣздкѣ за ними въ отдаленнѣйшія страны, выставлялись еще вымышленныя опасности, крылатые драконы, лютые звѣри, которыхъ необходимо было побѣдить, чтобы достигнуть страны перца и корицы. Жилища римлянъ повсемѣстно насыщались самыми изысканными благовоніями: они пропитывали ими свои волосы и одежды. Приемные покои въ баняхъ, мѣста собраній представляли не меньшую роскошь въ этомъ отношеніи, какъ дома самыхъ богатыхъ гражданъ. Въ одинъ прекрасный день императоръ Адрианъ залилъ цѣлыми потоками драгоценныхъ благовоній приемные залы театровъ. Солдаты умащали свое тѣло благовоніями, раздача которыхъ составляла не послѣдній предметъ заботливости императоровъ. Неменьшее пристрастіе, какъ и къ благовоніямъ, выказывали римляне къ алмазамъ, драгоценнымъ камнямъ и другимъ бездѣлушкамъ; уже во времена Августа извѣстно было великое множество такихъ коллекцій, а Меценатъ составилъ опись принадлежавшихъ ему такого рода драгоценныхъ вещей, вкратцѣ сохра-

нившуюся въ твореніяхъ Плінія естествоиспытателя. Употребленіе колець распространилось до такой степени, что римляне носили ихъ на всѣхъ сочлененіяхъ руки, и перемѣняли ихъ каждый день недѣли. Вотъ на что были потрачены громадныя капиталы, которые могли предохранить имперію отъ бѣдствій, испытанныхъ ею впоследствии. Самъ Тиверій былъ испуганъ такимъ порядкомъ вещей, ибо, въ одномъ изъ писемъ, адресованныхъ въ сенатъ *, онъ съ горечью говоритъ объ исчезновеніи звонкой монеты, причиненномъ этой непомерной роскошью и тщеславіемъ. Однимъ изъ указовъ его запрещалось приготовленіе золотой столовой посуды и употребленіе шелковой ткани для одежды. Но, несмотря на эти запрещенія, римляне съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пристращались къ самымъ изысканнымъ и дорогимъ предметамъ иностраннаго приготовленія. Персидскіе ковры, индейская кисея, слоновая кость, черное дерево, черепаховая броня, перья рѣдкихъ птицъ обратились для нихъ, наконецъ, въ предметы первой необходимости. Какое огромное количество богатствъ было безполезно потрачено ими на покупку этихъ пустыхъ предметовъ, за которые они не могли предложить ничего, кромѣ золота **!

При системѣ такой расточительности, роскоши и праздности, трудно понять, какимъ образомъ могли римляне покрыть весь міръ памятниками своего зодчества и великолѣпными произведеніями своихъ строителей. Но не должно упускать изъ виду, что сооруженія эти почти ничего имъ не стоили. Всецѣло имъ принадлежать только проекты, а исполненіе ихъ было дѣломъ побѣжденныхъ народовъ. Большая часть этихъ сооруженій произведена была посредствомъ натуральныхъ повинностей или особенныхъ сборовъ, присоединявшихся къ обыкновеннымъ налогамъ. Военноплѣнные или рабы представляли рабочій классъ этого времени, и сгонялись

* Тацита *Лѣтопись*, кн. III, гл. LIII.

** «Индія, Сирія и Аравія поглощаютъ ежегодно по меньшей мѣрѣ сто миліоновъ сестерцій; вотъ во что обходятся наши удовольствія и наши женщины!» Пліній, *Ест. ист.*, кн. XII, гл. XVIII.

на работу, какъ стадо, не смѣя выказать ни ропота, ни жалобы. Съ тою же барщинной системою мы встрѣчаемся и въ феодальную эпоху, въ которую христіанская Европа тоже покрылась памятниками, хотя и вызванными другими вѣрованіями, но исполненными тѣми же средствами.

Сверхъ того, римляне никогда не встрѣчали затрудненія въ средствахъ, если встрѣчалась необходимость увеличить налогами на самихъ себя казну, пополнявшуюся завоеваніями и грабительствомъ *. Они употребляли три рода налоговъ: *portorium*, или таможенная пошлина (сороковая часть всей цѣнности); *decimae* или десятины, составлявшія десятую часть хлѣба и пятидесятую часть прочихъ плодовъ; это былъ поземельный налогъ; наконецъ, пошлины, извѣстныя подъ именемъ *scriptura*, родъ особаго сбора съ общинныхъ земель, какъ пастбища и общественные лѣса **. Долгое время существовалъ налогъ на соль, но былъ отмѣненъ въ эпоху, которая, почему то, не обозначена древними писателями. Всѣ эти налоги сдавались цензорами на откупъ съ публичнаго торга откупщикамъ, представлявшимъ залогомъ и дѣлившимъ съ своими поручителями барыши и убытки. Было еще множество другихъ временныхъ пошлинъ, назначавшихся императорами; такимъ образомъ Августъ установилъ налогъ въ одну двадцатую на наслѣдства, существующій до настоящаго времени; Калигула назначилъ пошлину на сѣстные припасы, вызвавшую самыя горькія жалобы ***; Веспасіанъ приду-

* Въ 586 году отъ основанія Рима народу возвращенъ былъ налогъ этого года, такъ какъ государственная казна была пополнена громадными суммами, доставленными Павломъ-Эмилиемъ послѣ пораженія Персея.

** Жители Италіи (*socii*), пользовавшіеся правомъ римскаго гражданства, въ силу закона *Thoria*, были освобождены, какъ отъ *decimae* и *scripturae*, такъ и отъ всякаго подушнаго и поземельнаго налога. Они платили только *portorium* и $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{30}$ часть съ цѣнности продаваемыхъ рабовъ. Вообще, римскій гражданинъ вовсе не платилъ прямаго налога, и платилъ только косвенный; завоеванныя, а не итальянскія провинціи платили всѣ подати, и даже подушную...

Рус. перев.

*** «Взималъ новый и небывалый налогъ на сѣстные припасы

малъ налогъ на публичныя отхожія мѣста. Пошлина въ пять процентовъ со всѣхъ продававшихся товаровъ тоже должна была приносить весьма значительный доходъ. Она взималась только съ товаровъ, выставлявшихся для продажи на общественныхъ площадяхъ, ярмаркахъ и рынкахъ, или продававшихся съ совершеніемъ купчей; но мы можемъ составить себѣ только приблизительное понятіе о размѣрахъ всѣхъ этихъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе потери знаменитаго *Rationarium imperii*, драгоценнаго статистическаго сборника, составленнаго при Августѣ и погибшиго при его преемникахъ. По мнѣнію Гизо, всѣ налоги имперіи доставляли ежегодно около 960 миліоновъ франковъ*.

ГЛАВА VIII.

Быстрое паденіе имперіи. — Главныя ея причины. — Первое появленіе христіанства. — Вліяніе азійскихъ нравовъ въ Константинополѣ. — Перемены въ понятіяхъ гражданскихъ, религіозныхъ, промышленныхъ, торговыхъ.

Среди этого кажущагося благосостоянія, римскій міръ носилъ въ себѣ дѣятельныя зародыши паденія и разложенія. Огромное число чуждыхъ народовъ, присоединенныхъ побѣдами, одинъ вслѣдъ за другимъ, къ имперіи, незамѣтнымъ дѣйствіемъ на нравы римлянъ, ослабляло ея могущество. Не всѣ народы сплавились безъ сопротивленія въ это громадное единство; многіе изъ нихъ ревниво сохраняли воспоминаніе о своей прежней независимости. Безчисленныя льготы, которыми пользовались жители Рима, вызывали зависть между всѣми вліятельными людьми завоеванныхъ провинцій, такъ что никто не хотѣлъ быть подданнымъ имперіи, но всякій стре-

сначала черезъ откупщиковъ, а затѣмъ, когда онъ сталъ слишкомъ прибыльнымъ, чрезъ центуріоновъ и преторіанскихъ трибуновъ, никого отъ него не освобождая.» Светоній, *in Calig.*, гл. 40.

* См. Прим. къ его переводу Гиббоновой *Исторіи паденія Римской имперіи*, т. I, стр. 377.

мился быть гражданиномъ столицы. Такимъ образомъ, мало по малу совершился глубокий переворотъ, при содѣйствіи длиннаго ряда кандидатовъ на престолъ изъ итальянцевъ, испанцевъ, галловъ или батавцевъ, достигавшихъ верховной власти убійствомъ, интригой или подкупомъ арміи. Затѣмъ, наступила очередь и для варваровъ; со времени Антониновъ, за обладаніе императорскимъ престоломъ спорятъ уже только фракійцы, паннонцы, далматы и иллирійцы: между ними погибло насильственной смертью шестьдесятъ въ продолженіи только полутора вѣка. Этотъ печальный рядъ открывается Максиминиомъ, провозглашеннымъ императоромъ за свой ростъ и колоссальную силу, грубымъ варваромъ, едва говорившимъ на языкѣ народовъ, которыми онъ управлялъ, но отличавшимся умѣніемъ править колесницей, расколотъ дерево, раздробить въ мелкіе куски камень, укротить дикую лошадь, и собравшимъ нѣсколько кубковъ своего поту. Такимъ образомъ, царство разума кончилось, и уступило мѣсто грубой физической силѣ.

Задача объяснить продолжительную агонію имперіи въ этотъ гнусный и дряхлый періодъ не есть дѣло политической экономіи. Да и трудно составить себѣ точное понятіе объ этомъ процессѣ разложенія, усложнявшемся вліяніемъ рабства, варварскихъ вторженій, смѣшенія племенъ, языковъ, обычаевъ, пороковъ, о хаотическомъ состояніи общества, при которомъ научное изслѣдованіе останавливается, и мутится воображеніе. Какое политическое устройство могло устоять предъ сумасбродствами такихъ чудовищъ, какъ Коммодъ, Каракалла или Геліогабаль? Когда появляются на землѣ подобныя существа, то они могутъ играть на ней роль только разрушительныхъ элементовъ, но изъ причиняемаго ими мрака не замедлятъ пробиться первые проблески новой жизни. Этою зарею, просвѣчивающеюся сквозь ночь, покрывавшую имперію, было христіанство: попытаемся прослѣдить его зарожденіе и объяснить его громадное вліяніе, которому суждено будетъ измѣнить внѣшній видъ всего земнаго шара. При его возникновеніи, почти нельзя было предвидѣть предстоявшей ему блистательной будущности, а между тѣмъ, все содѣйствовало его успѣ-

хамъ. Философія уже боролась съ языческими богами, греческій скептицизмъ, прибывшій изъ страны Платона, уже подкапывался подъ древнія римскія вѣрованія, и авгуры уже не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха. Тщетно каждое ремесло избрало своимъ покровителемъ какое нибудь божество: моряки — Нептуна, кузнецы — Вулкана, земледѣльцы — Цереру, винодѣлы — Бахуса, торговцы — Меркурія; боги уже не въ состояніи были защитить самихъ себя, и готовились уступить свое мѣсто другимъ, болѣе сильнымъ покровителямъ человѣчества.

Легіоны, стоявшіе лагеремъ на границахъ, и набранные между населеніемъ завоеванныхъ странъ, открыто измѣняли имперіи, и изъ вспомогательной силы обращались въ силу враждебную. Между тѣмъ, риторы проповѣдывали по городамъ; рабы, посвященные своими господами во всѣ чувственные наслажденія, мечтали о сверженіи ига; Лукіанъ, бывшій Вольтеромъ своей эпохи*, смѣялся надъ общественными отличіями; стоики, эпикурейцы, академики проповѣдывали самыя смѣлыя ученія: все древнее римское зданіе готово было рухнуть. Жестокій ударъ судьбы, во время борьбы съ Митридатомъ, перебившимъ шестьдесятъ тысячъ римлянъ, уже служилъ для нихъ предостереженіемъ, чтобы они не очень довѣрялись своему счастью; нѣсколько позже, Спартакъ, знаменитый вождь рабовъ, разбилъ четырехъ римскихъ полководцевъ. Кто же теперь согласится проливать свою кровь за устарѣвшее народное дѣло? Народа, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, уже не существовало, а была разнохарактерная смѣсь всевозможныхъ племенъ. Имперія состояла изъ городовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго пустынями, лѣсами или непроходимыми болотами; жители деревень, *rustica proles*, мало по малу проникли въ города, въ которыхъ зрѣлища, даровая раздача хлѣба и всякаго рода наслажденія привлекали и возвращали ихъ.

Во время этого всеобщаго паденія стало обнаруживаться на нѣкоторыхъ точкахъ имперіи христіанство. Первое офи-

* Ум. въ 180 по Р. Х.

ціальное свидѣтельство о немъ встрѣчается въ одномъ письмѣ Плинія Младшаго, правителя Виѳиніи *; вскорѣ новое ученіе распространилось съ быстротою молніи, сначала робко, но все же не такъ, чтобы его нельзя было замѣтить. Не успѣли прочесть донесеній о немъ, присланныхъ правителями провинцій, какъ уже смѣло раздался голосъ Тертуліана: «Мы существуемъ только со вчерашняго дня, но уже наполняемъ ваши города, ваши колоніи, армію, дворець, сенатъ, форумъ; мы оставляемъ вамъ только ваши храмы.» Тщетно многими кровавыми преслѣдованіями пытались задуть въ самомъ источникѣ зараждающуюся религію; Константинъ строитъ ей храмы, и судьба ея окончательно рѣшается. Историческіе писатели изобразили съ достаточною подробностью всѣ обстоятельства, подготовившія эту великую эпоху; наше дѣло состоитъ въ оцѣнкѣ ея вліянія на человѣчество, и въ изслѣдованіи того счастливаго переворота, вслѣдствіе котораго греческое и римское рабство должно было уступить мѣсто уваженію къ труду и принципамъ свободы и равенства.

Раздѣленіе имперіи на двѣ огромныя части было въ высшей степени благопріятно для этого безпримѣрнаго переворота. Константинополь представлялъ болѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ Римъ, для принятія христіанскаго Бога; этотъ молодой городъ въ высшей степени подходилъ къ молодой религіи. Новое ученіе неблагодарно приняло въ послѣдствіи своей колыбелью Римъ; настоящая колыбель христіанства — Константинополь. Здѣсь христіанская религія, сдѣлавшись государственнымъ исповѣданіемъ, стала слагаться на правильныхъ основаніяхъ, здѣсь, побѣдоносная, она организовалась, по выходѣ изъ римскихъ подземелій и мрачныхъ убѣ-

* Вотъ это мѣсто изъ Письма Плинія: «Дѣло показалось мнѣ достойнымъ вниманія, въ особенности, вслѣдствіе огромнаго числа обвиняемыхъ; ибо, опасности подвергается множество лицъ всѣхъ возрастовъ. Суевѣріе это заразило не только города, но села и деревни... Они имѣютъ обыкновение собираться въ опредѣленный день до восхода солнца, и вмѣстѣ повторяютъ на два хора пѣснь въ честь Христа, какъ Бога.»

жищъ , скрывавшихъ ее отъ преслѣдованій. Мало по малу присоединились къ ней всѣ замѣчательнѣйшіе умы, утомленные языческимъ многобожіемъ , и христіанскіе священники всюду заняли мѣсто *куріаловъ*, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась въ ту эпоху муниципальная власть. Законодательство начало облекать ихъ властью, которою они уже пользовались на основаніи народнаго довѣрія, и которую всюду старались они оправдать знаніемъ и ловкостью. Ничего не можетъ быть интереснѣе изученія условій , содѣйствовавшихъ этому перевороту. Въ одинъ и тотъ же годъ издано было Константиномъ два указа: однимъ предписывалось празднованіе воскресенья, другимъ запрещалось совѣщаніе съ авгурами. Въ то же время установились первыя отличія между духовною и свѣтскою властью. Съ другой стороны, законы наводнили имперію разнаго рода новыми законами, представляя такимъ образомъ, вмѣсто права меча, право писаннаго закона, и становясь такимъ образомъ, сами того не замѣчая, самыми могущественными поборниками новой религіи. Умиравшій Римъ, погасаль подъ саваномъ памятниковъ; зарождавшійся Константинополь возникаль на грудѣ книгъ. Адвокаты и священники заняли мѣсто архитекторовъ и воиновъ. *Пандекты (законы)*, *Институты (уставы)* и *Евангеліе* сосредоточили на себѣ отнынѣ уваженіе народовъ, и получили всемірное значеніе. Повсемѣстно раздавшійся голосъ тяжущихся послѣдовалъ за шумомъ сраженій: одинъ начальникъ императорской стражи имѣль въ своемъ распоряженіи семсотъ пятьдесятъ стряпчихъ. Патриціатъ сдѣлался только пожизненнымъ достоинствомъ; наследственность его была отмѣнена. Раздѣленіе имперіи на множество *діоцезій*, обширностью равныхъ цѣлымъ государствамъ и управлявшихся *викаріями*, довершило дѣло децентрализаціи, одновременно благопріятствовавшей, какъ нападеніямъ варваровъ, такъ и злоупотребленіямъ правосудія и судопроизводства. Весь міръ готовъ былъ обратиться въ добычу законниковъ, снова угрожающихъ ему еще большею опасностью въ ту минуту, какъ я пишу эти строки. Они обогащались съ такою быстротою и такими безстыдными путями, что по кодексу Феодосія

опредѣлено было наказывать ихъ смертью *. У Амміана Марцелина ** мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ подробности, которыя даютъ поводъ къ удивительнымъ сближеніямъ съ злоупотребленіями настоящаго времени.

Въ системѣ налоговъ, раздѣленіе имперіи вызвало тоже значительныя перемѣны. Константинъ и его преемники отдавали предпочтеніе простому прямому налогу предъ болѣе сложной податной системой древнеримскаго происхожденія. Налоги собирались городами, и представляли самую тяжелую обязанность *декуріоновъ*, членовъ городскихъ муниципальных совѣтовъ. Эти чиновники отвѣчали личнымъ своимъ имуществомъ за правильное поступленіе сборовъ; они обязаны были даже принимать въ свое распоряженіе и на собственный страхъ земли, оставляемыя владѣльцами за невозможностью удовлетворить требованіямъ фиска. На нихъ же возложена была тягостная забота о разложеніи налоговъ, подвергавшая ихъ неудовольствію, а нерѣдко и насилію со стороны народа. Всѣ государственныя земли, неисключая и родовыхъ владѣній императора, были подчинены налогу, и каждый новый владѣлецъ обязанъ былъ уплатить недоимки, числившіяся за его предшественникомъ. Точная оцѣнка земель, пересматривавшаяся каждыя пятнадцать лѣтъ, сдѣлала возможнымъ довольно справедливое разверстаніе сборовъ, ибо въ описяхъ тщательно обозначались отличительныя качества каждаго имущества, цѣнность котораго опредѣлялась по цифрѣ средняго дохода за пять лѣтъ. Налогъ выплачивался вообще золотой монетою, но весьма значительная часть его взымалась натурой, хлѣбомъ, виномъ, масломъ, дровами, сѣномъ, свозившимися въ императорскіе склады на счетъ самихъ плательщиковъ, что пораждало страшныя грабительства. Вслѣд-

* «Строго требуется, чтобы жадные чиновники прекратили свои хищенія; но если, и послѣ увѣщанія, они не прекратятъ ихъ, то будутъ за это казнены смертью.» Кн. I, гл. 7, ст. 1.

** Кн. XXX, гл. IV. Жилъ при Юліанѣ отступникъ и его преемникахъ до 390 по Р. Х. Написалъ въ 31-ой книгѣ *Исторію (Rerum gestarum) римскихъ императоровъ отъ Нервы до смерти Валентиана* (96—378). Первые 13 книгъ потеряны. Рус. перев.

ствіе повсемѣстныхъ жалобъ, императоры обратились къ другимъ мѣрамъ, между которыми слѣдуетъ упомянуть о патентныхъ сборахъ со свидѣтельствъ на всякаго рода промыслы и торговлю. Даже жалованіе государственнымъ чиновникамъ нерѣдко приходилось выдавать натурой; по словамъ Лампридія, губернаторъ провинціи получалъ, кромѣ 4,000 франковъ жалованія на наши деньги, шесть кувшиновъ вина, два мула, двѣ лошади, два парадныхъ костюма, одинъ простой, ванну, повара, кучера, а если онъ не былъ женатъ, то еще и казенную наложницу, *quod sine his esse non posset* *, говоритъ этотъ писатель. Въ случаѣ, если онъ оставлялъ мѣсто, то обязанъ былъ возвратитъ муловъ, лошадей, кучера и повара. Если императоръ былъ доволенъ его управленіемъ, то все остальное губернаторъ сохранялъ за собой; въ противномъ же случаѣ, онъ долженъ былъ возвратитъ вчетверо все, имъ полученное. Въ другомъ сочиненіи упоминается, что губернаторы какихъ то двухъ большихъ провинцій получали еще масло на содержаніе четырехъ лампъ. Съ каждымъ днемъ ввѣривалась какая нибудь азіатская черта въ нравы и въ финансовое управленіе римской имперіи. Число евнуховъ, шпионовъ, домашней челяди достигло до чрезвычайныхъ размѣровъ, а съ нимъ усилились до послѣдней степени доносы, продажность и фаворитизмъ. Въ эту то эпоху варвары, разсѣянные по берегамъ Чернаго моря, при устьяхъ Дуная и на многихъ другихъ границахъ, ознакомившись съ слабѣйшими сторонами имперіи, стали готовиться къ тому великому вторженію, которому суждено было измѣнить внѣшній видъ земнаго шара, послѣ того какъ сами они будутъ измѣнены вліяніемъ христіанства. Поэтому, намъ слѣдуетъ теперь ближе ознакомиться съ вліяніемъ христіанства на европейское общественное развитіе и съ измѣненіями, вызванными окончательной его побѣдой въ политической экономіи древнихъ народовъ.

* Гл. 42. «Такъ какъ безъ нея ему нельзя обойтись.» Лампридій жилъ во времена Діоклетіана и Константина. До насъ дошли его біографіи Коммода, Діадумена, Геліогабала и Александра Севера.

ГЛАВА IX.

Измѣненія, произведенныя въ общественной экономіи Европы вліяніемъ христіанства. — Его крѣпкая и искусная организація. — Монастыри создаютъ общинную жизнь. — Религіозный принципъ вызываетъ учрежденіе больницъ, богадѣленъ. — Священникъ стоитъ въ настоящее время ниже своего назначенія. — Взглядъ на этотъ вопросъ.

Когда христіанство, преслѣдуемое и униженное, обратилось вдругъ въ господствующую религію, и начало въ свою очередь преслѣдовать своихъ гонителей, то событіе это должно было произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе на тогдашнюю Европу. И дѣйствительно, что за удивительная перемѣна судьбы! Все разомъ измѣняетъ свой видъ; какъ бы волшебствомъ, все преобразовывается на новыхъ основаніяхъ. Политическая власть, покоившаяся до того исключительно на одной физической силѣ, ищетъ опоры въ разумѣ и вѣрованіяхъ; она окружаетъ и подкрѣпляетъ себя религіознымъ авторитетомъ, пустившимъ въ сердца уже глубокіе корни. Еще языческій по внѣшнему виду міръ, съ быстротой, поистинѣ изумительной, спѣшитъ вывести слѣдствія изъ евангельскаго ученія, какъ уже всѣ угнетенные угадываютъ непостижимымъ инстинктомъ приближеніе для нихъ минуты освобожденія. Хотя христіанская религія явилась вполне организованной, съ своей строгой и благородной іерархіей, тѣмъ не менѣе, всякій тотчасъ же понялъ лежавшій въ ея основаніи принципъ равенства. Она привлекала знатныхъ людей догматами подчиненія и повиновенія, а простой народъ ученіемъ о независимости и равенствѣ предъ Богомъ. Она поднимала раба, не унижая господина, и томящемуся подъ игомъ рабства человечеству предлагала надежду на будущую жизнь, какъ убѣжище противъ тираніи въ настоящей. Языческая религія рѣдко вмѣшивалась въ политическія дѣла, но первые христіанскіе священники принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и занимались управленіемъ, когда никто еще не подозрѣвалъ ихъ могущества. Самыя ереси, раздиравшія христіанство при его

возникновеніи, были не бесполезны для дѣла общественнаго прогресса: онѣ открыли собою въ Европѣ право свободнаго изслѣдованія.

Человѣкъ, менѣе всего пристрастный къ христіанству, проникается удивленіемъ и благоговѣніемъ предъ величіемъ этого прекраснаго зданія. Нельзя смотрѣть безъ восхищенія, какъ слагалась эта крѣпкая и плодотворная организація, нераздѣльная со всѣми своими великолѣпными развѣтвленіями, какъ, неизмѣнная, она разливалась по всей землѣ, подобно мирному ручью, орошающему гладкую поляну. Первые епископы, въ одно и то же время, столь высокоумные и кроткіе, столь безпощадные къ сомнѣнію и снисходительные къ слабостямъ, столь гордые съ знатными людьми и столь смиренные съ бѣдняками, представлялись настоящими народными трибунами, протестовавшими во имя неизмѣнныхъ правъ человѣчества. Все напоминало въ нихъ древнія преданія римской республики: общественное избраніе, возобновленная проповѣдь на *форумѣ*, общія собранія, доступъ къ самымъ высокимъ должностямъ всѣхъ, безъ различія состоянія и происхожденія. Отъ всѣхъ этихъ исконныхъ правъ гражданина не оставалось ничего, кромѣ безплоднаго и смутнаго воспоминанія; христіанская религія все обновила, все окружила прежнимъ почетомъ. Прошло нѣсколько только лѣтъ со смерти Константина, и уже освобожденіе рабовъ допускалось по одному только удостовѣренію епископа, наложничество запрещено, имущества малолѣтнихъ и женщинъ освобождены отъ конфискаціи, заключенные въ тюрьмахъ стали навѣщать, бѣднымъ стали оказывать пособіе, словомъ, *открыта была благотворительность*. Позже, она подвергнется изслѣдованію, но теперь она будетъ исполняться.

Политическая экономія обязана великимъ множествомъ и другихъ услугъ вліянію христіанства, разсѣявшему узкое и эгоистическое чувство національности, бывшее источникомъ безконечныхъ распрей между Афинами и Спартой, между Римомъ и Карфагеномъ, ареной, поглотившей безъ всякой пользы такія несмѣтные общественныя богатства. Уже введеніе соборовъ представляетъ одну изъ счастливѣйшихъ идей,

созданныхъ цивилизующей силой христіанства, даже если смотрѣть на нихъ только какъ на съѣзды, на которые приглашались всѣ свѣтлые умы для обсужденія какого либо вопроса. И сколько времени потребовалось, чтобы восторжествовать этимъ благороднымъ побужденіямъ надъ варварскими и воинственными предразсудками! Всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, удалось Ж. Б. Сэю объяснить, въ его прекрасной теоріи сбыта, начало торговой солидарности между народами, и, послѣ многихъ затрудненій, передать хоть отчасти дипломатіи рѣшеніе международныхъ споровъ, зависѣвшихъ въ прежнія времена исключительно отъ одного меча. Чему же обязаны мы этой перемѣной, если не вліянію христіанства? И что же такое, наконецъ, въ настоящее время свобода гражданская, религіозная и торговая, какъ не дальнѣйшее развитіе основной христіанской идеи? Безъ новаго начала равенства предъ Богомъ, греческое и римское рабство, по прежнему, давило бы міръ; слабый продолжалъ бы зависѣть отъ произвола сильнаго, и по прежнему производить богатство, которое потреблялось бы, безъ всякаго вознагражденія, богатымъ.

Что касается до распредѣленія власти, то едвали можно найти лучшій примѣръ этого распредѣленія, какъ въ удивительномъ устройствѣ церкви первыхъ временъ христіанства. Папѣ, занимавшему престолъ въ Римѣ, подчинялись всѣ высшіе члены духовенства, отъ которыхъ, въ свою очередь, зависѣло назначеніе на низшія должности духовной іерархіи. Все это воинство повиновалось однимъ и тѣмъ же законамъ, и носило одинъ и тотъ же костюмъ, отъ Парижа до Японіи и отъ Китая до Рима. Одно и то же богослуженіе совершалось на двухъ противоположныхъ точкахъ земнаго шара, на одномъ и томъ же языкѣ; именами святыхъ христіанства начинались всѣ письменные акты о рожденіи, и дни года различались только по апостоламъ и мученикамъ церкви. Христіанское воскресеніе сдѣлалось днемъ повсемѣстнаго отдыха; всюду, какъ только открывались двери христіанскихъ храмовъ, то запирались двери мастерскихъ. Не было ни одного, сколько нибудь важнаго обстоятельства человѣческой жиз-

ни, которое избѣгло бы религіознаго вліянія, или осталось бы свободнымъ отъ церковнаго вмѣшательства. Христіанскій священникъ ожидалъ у купели родившагося на свѣтъ младенца, и давалъ ему имя; впослѣдствіи, онъ благословлялъ его вступленіе въ бракъ; и наконецъ, по наступленіи смерти, его же молитва сопровождала умершаго въ могилу. Какія могущественныя средства придуманы были христіанствомъ въ послѣдующія эпохи, чтобы овладѣть цѣликомъ всею жизнью человѣка! Воспитаніе юношества и его обученіе всюду поручено было священнику. При содѣйствіи катихизиса, безъ особенныхъ усилій, достигалось нравственное подчиненіе человѣка; первое таинство, причащеніе, доставляло новую связь, скрѣпляющуюся еще сильнѣе страшною и таинственною силою исповѣди. Далѣе, какъ будто бы всего этого было еще недостаточно, является епископъ, во всемъ величій своего духовнаго могущества, чтобы миропомазаніемъ освящать рукоположенныхъ, давать отпущенія, произносить приговоры, связывать и разрѣшать, на правѣ верховнаго судьи и намѣстника самого Господа. Такимъ образомъ, ни дѣтскій, ни зрѣлый возрастъ, ни старость, ни сама смерть, не могли уйти изъ подъ вліянія церкви, вліянія, самаго могущественнаго и самаго неминуемаго, какое когда либо существовало.

Но это далеко еще не все: мы только едва обозначили безчисленныя преимущества духовной власти. Кто же имѣетъ въ настоящее время въ своемъ распоряженіи, въ послѣдней деревушкѣ какой либо обширной страны, достаточно обширное помѣщеніе для собранія народа, лучшее и быстрѣйшее средство, чтобы созвать его, кафедру, съ которой можно бы было обратиться къ нему съ проповѣдью, чтобы поднять или вразумить его? Только священникъ. Только въ его распоряженіи имѣются храмы, кафедры и колокола; онъ сзываетъ свою паству, когда ему заблагоразсудится, вовсе не нуждаясь для этого въ позволеніи гражданской власти; онъ приказываетъ, и ему немедленно повинуются. Даже въ глазахъ невѣрующихъ, Пасха, Рождество Христово, Троица, день всѣхъ святыхъ, продолжаютъ быть праздниками, а дни

поста — днями воздержанія. Наши города, наши улицы до сихъ поръ носятъ имена святыхъ; а искусства и ремесла избираютъ себѣ въ покровители какого нибудь святаго. Погибающіе моряки обращаются съ молитвой къ своей защитницѣ, Богородицѣ; траву начинаютъ косить съ Иванова дня, а рѣзать виноградъ только послѣ дня Св. Михаила. Разгнѣванный священникъ попрежнему обращается, въ случаѣ надобности, къ своей паствѣ со строгимъ предостереженіемъ, и то предписываетъ намъ смиреніе, чтобы наказать насъ за тщеславіе, то отказываетъ наслѣдникамъ въ панихидѣ по покойнику, умершему безъ покаянія. Онъ сопровождаетъ на эшафотъ раскаивающагося, въ надеждѣ на милосердіе Божіе, преступника, и заставляетъ трепетать робкую молодую дѣвушку, представляя ей въ страшныхъ краскахъ слѣдствія простаго признанія въ любви. Онъ описываетъ адъ—и люди проникаются ужасомъ; онъ показываетъ рай—и всѣ проникаются надеждой. Если случится какому нибудь дерзкому мошеннику украсть изъ храма священную утварь, то все приходитъ въ волненіе, и проникается негодованіемъ; преступника обзываютъ нечестивцемъ, а преступленіе святотатствомъ, требующимъ очищенія. Стоило посмотреть въ былыя времена на этихъ распростертыхъ вѣрующихъ, пламенно цаловавшихъ и обливавшихъ слезами паперти храмовъ и вымаливавшихъ молитвами и постами отпущенія за такія преступныя покушенія.

Это удивительное и внезапное возвышеніе церкви, какъ и глубокія измѣненія, причиненныя ею въ общественномъ устройствѣ, выразились лучше всего въ учрежденіи монастырей, поднявшихъ и разрѣшившихъ такое великое множество вопросовъ между людьми. На востокѣ, эти монастыри имѣли цѣлью уединеніе и размышленіе; ихъ вызвало тамъ желаніе удалиться въ одиночество, избѣгнуть искушеній и людскаго общества; на западѣ, напротивъ того, они возникли изъ стремленія къ общинной жизни, изъ потребности въ соединеніи и во взаимномъ вспоможеніи. Когда западное общество, подъ гнетомъ повсемѣстнаго развращенія нравовъ, не представляло уже просвѣщеннымъ людямъ ни одного центра для дѣятельности національной, провинціальной или му-

ниципальной, то монастыри открыли свои убѣжища всѣмъ, желавшимъ жить, думать и рѣшать дѣла общими силами, и скоро сдѣлались главными центрами всего умственного движенія. Изъ нихъ распространялись, какъ смѣлыя богословскія и философскія истины, подтверждавшіяся самыми остроумными доказательствами, такъ и опыты суроваго самоумерщвленія, которые закаляли души, ненаходившія болѣе удовлетворенія въ языческой цивилизаціи. Вскорѣ возникли самыя дѣятельныя сношенія, а нерѣдко и горячіе споры, между различными обителями такого рода, уже многолюдными неменѣе городовъ, и ежеминутно пополнявшимися новыми пришлецами, привлекавшимися въ нихъ свободой мысли и обезпеченнымъ матерьяльнымъ существованіемъ. Монастыри открыли дорогу честолюбивымъ людямъ, желавшимъ достигнуть почестей, и обратились въ убѣжище для наукъ, изгнанныхъ изъ міра, поглощеннаго удовольствіями и грубой чувственностью. Населеніе этихъ благословенныхъ оазисовъ вскорѣ усовершенствовало всѣми возможными способами ремесла, необходимыя для поддержанія собственнаго своего существованія и независимости. Промышленность, бывшая во времена республики и имперіи, домашнимъ занятіемъ рабовъ въ пользу хозяина, сдѣлалась, въ новыхъ религіозныхъ общинахъ, предметомъ серьезнаго изученія; онѣ не долго питались одними только сухими плодами и овощами; вскорѣ онѣ почувствовали необходимость въ ремеслахъ, и въ этихъ ремеслахъ они выказали такое же превосходство, какими отличались во всемъ остальномъ новые общинники. Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ этой же средѣ положены были первыя основанія промышленныхъ корпорацій, устройство которыхъ ошибочно приписывается Людовику Святому. Послѣдній только далъ болѣе правильную организацію ремесленнымъ цехамъ, но вовсе не создавалъ ихъ. Возникновеніе ихъ сливается съ происхожденіемъ монастырей. Отсюда вышли свободныя промыслы, чтобы впослѣдствіи распространиться по городамъ, опираясь на принципъ товарищества.

Другимъ благимъ плодомъ христіанства, окончательно отличившимъ его отъ всего окружавшаго его, разлагавшаго-

ся общественная строя, былъ принципъ взаимной любви, требовавший соблюденія, и обращенный въ священную обязанность для каждаго гражданина. Что болѣе всего бросается въ глаза въ римскомъ многобожии, какъ не полнѣйшее равнодушіе къ страданіямъ ближняго, и къ несчастію угнетеннаго. Въ древнемъ римскомъ обществѣ существовала неодолимая стѣна между богатымъ и бѣднымъ, между патриціемъ и плебеемъ: послѣдній, можно сказать, долженъ былъ быть роковымъ образомъ жертвою перваго, подобно тому, какъ въ животномъ царствѣ однѣ породы предназначены служить пищей другимъ. Христіанство сглаживало это раздѣленіе, провозглашеніемъ общественной и частной благотворительности, крайнюю необходимость которой чувствовалъ самъ императоръ Юліанъ, этотъ философъ, называемый отступникомъ. «Не должны ли мы краснѣть, говорилъ онъ*, что нечестивые галилеяне, не довольствуясь тѣмъ, что кормятъ своихъ бѣдныхъ, кормятъ еще и нашихъ, покидаемыхъ нами среди безвыходной нищеты!» Вотъ гдѣ начало больницъ, приютовъ, милостыни, самымъ точнымъ образомъ указанное страшнѣйшимъ изъ враговъ христіанства. Какой шагъ впередъ сдѣланъ былъ политической экономіей! Хотя, въ послѣдствіи, христіанство и не вполне исполнило свое великое назначеніе, хотя многимъ другимъ обстоятельствамъ суждено было остановить развитіе высокой мысли, призывавшей всѣхъ, безъ различія богатства и происхожденія, на пиръ жизни, тѣмъ неменѣе, мы твердо надѣемся, что, рано или поздно, оно достигнетъ этой цѣли, и что *Божія воля будетъ исполнена.*

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ христіанской вѣры, мало по малу преобразовалась вся древняя цивилизація, основанная на рабствѣ, въ цивилизацію новую, опирающуюся на свободу. Часть этой заслуги, тѣмъ неменѣе, принадлежитъ Сократу, Цицерону, и тѣмъ великодушнымъ философамъ, творенія которыхъ пережили паденіе Греціи и Рима, и предвидѣли ту лучшую будущность для человѣчества, къ которой мы приближаемся. Все еще дышало язычествомъ въ Римѣ и во всей

* Juliani, *Epistola*, 49.

имперіи, когда христіанство явно совершало свое коренное пересозданіе общества; Лукіанъ уже преслѣдовалъ насмѣшкой своихъ боговъ въ то время, какъ Христось ниспровергалъ ихъ алтари. Съ другой стороны, опираясь на свое дарованіе, нѣсколько талантливыхъ рабовъ уже приступило къ освобожденію труда въ то время, какъ религія протянула имъ руку помощи; они добивались уже болѣе человѣколюбиваго обращенія со стороны господъ, прежде чѣмъ ученіе о любви и равенствѣ предъ Богомъ обратило благотворительность въ обязанность. Вотъ почему трудно уловить переходъ отъ древняго порядка вещей къ новому; самые лучшіе писатели теряются въ различныхъ догадкахъ по этому вопросу, и прекраснѣйшее сочиненіе, посвященное изслѣдованію законовъ, послужившихъ причинами этого общественнаго преобразованія, все еще далеко неудовлетворительно*.

Припоминая славныя событія первыхъ временъ христіанства и величественныя подробности его простой и мудрой организаціи, нельзя освободиться отъ грустнаго и тягостнаго чувства при видѣ паденія, которое грозитъ въ настоящее время этой религіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что все зданіе, несмотря на всѣ подведенные подъ него подкопы, держится еще довольно крѣпко, освѣщая свое настоящее блескомъ прошедшаго; богослуженія его совершаются попрежнему; его храмы открыты, его іерархія та же самая: но за то прежняя вѣра исчезла, и какъ перемѣнились роли! Священникъ уже не увлекаетъ болѣе, и даже самъ потерялъ способность увлекаться; онъ растратилъ въ бесплодной борьбѣ съ общественнымъ прогрессомъ силы, ослабленный нетерпимостью и революціонными столкновеніями. Онъ все еще на кафедрѣ, но сама кафедра безмолвна; его голосъ уже не проникаетъ въ глубину человѣческаго сердца, какъ бывало прежде, когда онъ подымалъ массы на завоеваніе святаго гроба. Религія все еще существуетъ, но у нея нѣтъ болѣе дѣятелей, которые удовлетворяли бы, какъ ея назначенію, такъ и потребностямъ нашей природы. И въ то же время, несмотря на безчислен-

* Савиньи, *Histoire du droit romain au moyen âge.*

ныя наши попытки политическихъ преобразованій, ни одно челоѣческое учрежденіе не можетъ сравниться съ устройствомъ церкви; никакая центральная власть не въ силахъ заставитьъ лучше ея повиноваться себѣ; все горе состоитъ въ отсутствіи умѣнья достойно повелѣвать во имя ея. А между тѣмъ, сколько экономическихъ вопросовъ останется неразрѣшимымъ, пока она не протянетъ имъ руки своей! Народное образованіе, справедливое распредѣленіе прибыли, доставляемой трудомъ, преобразование тюремъ, успѣхи земледѣлія и великое множество другихъ задачъ не можетъ быть окончательно рѣшено иначе, какъ при ея посредничествѣ;—да иначе и быть не можетъ, потому что въ сущности, кромѣ ея, никто не въ состояніи разрѣшить вопросы, ею же такъ правильно поставленные.

Но суждено ли намъ дожить до этой пламенно ожидаемой развязки? Мы мало надѣемся на это, хотя, повидимому, мы и могли бы опираться въ этомъ отношеніи на религіозную реакцію, всюду замѣчающуюся въ настоящее время. Европа отнеслась съ глубокимъ уваженіемъ къ вліянію, которое было нѣкогда источникомъ всякаго рода свободы; но это уваженіе священники приняли за простое возвращеніе къ древнимъ понятіямъ, скорѣе за отреченіе отъ прогресса, чѣмъ за самый прогрессъ. Роковое заблужденіе, останавливающее движеніе всего міра! Странное ослѣпленіе сословія, упрямо отказывающагося жить вмѣстѣ съ челоѣчествомъ и двигающагося въ хвостѣ, вмѣсто того, чтобы идти во главѣ его! О, еслибы только понимало духовенство то удивительное преобразование, котораго оно можетъ быть орудіемъ, то громадное вліяніе, которое оно можетъ имѣть на судьбу челоѣчества! Больницы, тюрьмы, школы, мастерскія, международныя сношенія, какъ и сношенія частныхъ лицъ, земледѣліе, пути сообщенія, отношенія между хозяевами и работниками, все подпало бы подъ непосредственное его вліяніе, все охотно избрало бы себѣ въ посредники и руководители цивилизованнаго священника, стоящаго въ уровень съ требованіями девятнадцатаго вѣка, снисходительнаго, просвѣщеннаго, нѣсколько менѣе говорящаго объ ужасахъ загробной жизни, чѣмъ

о потребностяхъ настоящей, и неотказывающаго безсильной политикѣ въ своемъ горячемъ содѣйствіи и преданности. Тогда, вскорѣ припомнили бы люди, что священники долгое время были первыми провозвѣстниками цивилизаціи, а въ храмахъ мы слышали бы нѣчто иное, кромѣ разглагольствованій противъ развращенія вѣка, противъ роскоши и богатствъ! Странная борьба, совершающаяся предъ нашими глазами, мирныя стремленія обществъ подъ прикрытіемъ воинственной обстановки, можетъ быть, уступили бы свое мѣсто всеобщему согласію, къ которому мы стремимся, еслибы представители прекрасной христіанской организаціи были людьми, способными понимать и сохранять ее. Но я смѣло подтверждаю, что христіанство также далеко отстоитъ въ настоящее время отъ этого вліянія, какъ отстояло отъ него римское язычество въ ту минуту, какъ христіанство нанесло ему послѣдній ударъ. (X) Что сдѣлано имъ изъ Испаніи, Португаліи и Южной Америки, лучшихъ его владѣній? Что случилось въ его рукахъ съ несчастною Ирландіей?

ГЛАВА X.

Экономическія слѣдствія вторженія варваровъ и раздробленія Римской имперіи.—Элементы ея новаго общественнаго устройства.

По мѣрѣ того, какъ погасали послѣдніе лучи римскаго величія, среди разврата, пошлости и безсилія, погубившихъ наконецъ имперію, на горизонтѣ ея показывались варвары, пришедшіе раздѣлить между собою ея остатки. Въ сущности, они уже съ давняго времени расположили въ свою пользу многихъ въ самомъ сердцѣ имперіи, охраненіе громаднхъ пространствъ которой было поручено имъ недалновиднымъ правительствомъ. Въ пограничныхъ легіонахъ было тогда болѣе варваровъ, нежели римлянъ. Въ своемъ завоеваніи они почти нигдѣ не встрѣтили особеннаго сопротивленія, и безпрепятственно могли вступить на ея беззащитную территорию. Но, несмотря на это, только послѣ многихъ на-

шествій, продолжавшихся болѣе столѣтій, имъ удалось наконецъ достигнуть своей цѣли. Въ походъ отправились отцы; его окончили ихъ сыновья. Что это были за люди? откуда шли они? какой силѣ повиновались они въ то время, какъ двигались неумоимо по развалинамъ римскаго міра такою смѣшанной толпой, что мы не въ состояніи даже назвать ихъ по имени, или указать на таинственное ихъ отечество? Не подлежитъ только то сомнѣнію, что они шли изъ такой страны, гдѣ неизвѣстно было рабство *, и гдѣ царила неукротимая свобода. Они избирали своихъ начальниковъ только послѣ самыхъ тягостныхъ испытаній, и напоминаютъ собой тѣ арабскія племена Атласа, съ которыми мы недавно познакомились въ Африкѣ.

Когда они показались на границахъ, всѣ почти верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи своихъ стадъ и шатровъ, то знали одинъ только законъ—силу, одну только страсть—употреблять еѣ въ дѣло. Застигнувъ имперію за философскими, богословскими и политическими спорами, они, безъ особеннаго труда, обратили своими копьями въ бѣгство легіоны этихъ говорунъ, давно уже разучившихся сражаться. Станный внѣшній видъ варваровъ, оригинальная ихъ одежда и невиданное, страшное ихъ оружіе, все приводило въ ужасъ при ихъ появленіи; они наводили на римлянъ эпохи паденія неменьшій ужасъ, чѣмъ на жителей Мексики, тысячу лѣтъ спустя, солдаты Фердинанда Кортеса. Это было, въ полномъ смыслѣ слова, новое племя, сильное, неустрашимое и гордое, съ лихвою отплачивавшее за презрѣніе, которымъ римляне не переставали его преслѣдовать. О внѣшнемъ видѣ этихъ

* Шатобрианъ, знаменитый авторъ *Études historiques sur la chute de l'empire romain* (т. III, стр. 146), полагаетъ, что варварамъ извѣстно было рабство. Если дѣло идетъ о рабствѣ, налагавшемся временво на побѣжденныхъ, во имя права завоеванія, то эта истина не подлежитъ сомнѣнію; но имъ не были извѣстны, какъ римлянамъ, рынки, на которыхъ продавались бы рабы, какъ это существуетъ въ нашихъ колоніяхъ. Рабство ихъ нисколько не походило на наше невольничество; мало того, это было вовсе не рабство въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не могло бы породить свободы. Прим. автора.

народовъ можно судить по описаніямъ современныхъ историковъ; а по смущенію, съ которымъ они говорятъ о нихъ, можно составить себѣ понятіе о глубокомъ впечатлѣніи и ужасѣ, произведенномъ на римлянъ ихъ появленіемъ. Уже самимъ Тацитомъ овладѣвало какое то смутное, пророческое предчувствіе, когда онъ описывалъ истребленіе легионовъ Вара.

А между тѣмъ, цивилизаціи *суждено* было пройти чрезъ руки этихъ варваровъ, чтобы освободиться отъ грязи, покрывавшей ее въ эпоху разложенія имперіи. Со встрѣчи варварства съ древнимъ міромъ начинается всеобщее перерожденіе: рабство стало слабѣть, потому что не было больше людей, прибывавшихъ изъ рабскихъ странъ. Рабы становятся дороже; ихъ начинаютъ, поэтому, болѣе беречь, какъ вещь, уже болѣе рѣдкую, или употреблять для своей защиты. По мѣрѣ того, какъ число ихъ переставало пополняться завоеваніями, и стало пополняться естественнымъ расположеніемъ, они становились членами римскихъ семействъ; ихъ новое положеніе походило довольно близко на положеніе нашихъ наемныхъ слугъ; а хозяева ихъ теряли мало по малу прежнія привычки деспотизма, естественно порождаемая чувствомъ собственности. Вотъ какимъ образомъ совершился переходъ отъ рабства къ крѣпостному состоянію, къ новому виду зависимости, существенно отличающемуся отъ рабства, ибо въ послѣднемъ человѣкъ прикрѣплялся къ человѣку же, а во второмъ онъ прикрѣплялся къ землѣ. Въ законахъ варваровъ, все, казалось, благопріятствовало личной свободѣ. Наслѣдства дѣлились между всѣми дѣтьми на равныя части, а если и допускалось нѣкоторое предпочтеніе, то всегда въ пользу младшаго, какъ слабѣйшаго. Человѣческая личность, въ особенностяхи, считалась у нихъ неприкосновенною, ибо уголовные ихъ законы покровительствовали ей болѣе, чѣмъ самой собственности. Одинъ только конь, товарищъ и необходимое орудіе ихъ независимости, пользовался нѣкоторымъ покровительствомъ закона, подобнымъ тому, какимъ ограждалась личность человѣка; уже только сѣсть на него, безъ позволенія хозяина, считалось преступленіемъ, преслѣдовавшимся большою пеней. Охота ограждена была особенными законами, а

защита лѣсовъ возложена была на всѣхъ, такъ какъ лѣса считались общимъ убѣжищемъ и оградой свободы.

За нанесеніе раны, съ умысломъ или нечаянно, налагались пени по особенной росписи: столько то платилось за четыре вышибенные зуба, столько то за выбитый глазъ, за ноготь большого пальца или за разбитый носъ. Къ смертной казни прибѣгали рѣдко; эти грубые варвары были умѣреннѣе насъ въ этомъ отношеніи. Что болѣе всего насъ поражаетъ въ нихъ, такъ это единство ихъ обычаевъ, или, если хотите, ихъ *законовъ*, несмотря на ихъ различное происхожденіе, ибо одни изъ нихъ пришли съ сѣвера, а другіе съ юга или востока: какъ будто бы, рѣшившись сойтись въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, они прежде обмѣнялись обычаями, и во всемъ сговорились. «Я страстно желалъ стереть съ лица земли римское имя», говорилъ Атаульфъ, преемникъ Алариха, въ то самое время, когда тщеславные римляне называли своихъ завоевателей *полководцами, находящимися на службѣ имперіи*. Римъ постепенно исчезалъ предъ новою цивилизаціею, вышедшею изъ лѣсовъ, и все еще надѣялся господствовать, когда пересталъ уже существовать. Если завоеватели и оказывали ему кое какое уваженіе, то послѣднее относилось только къ силѣ, вступившей съ ними въ союзъ и пособившей имъ довершить ихъ дѣло. Сила эта было христіанство. Христіанская церковь встрѣтила варваровъ на пути къ завоеванію языческаго міра, и предложила имъ свои услуги, которыя и были приняты ими весьма охотно. У нея была уже готовая организація и установившаяся іерархія; къ ней уже давно обращены были симпатіи народовъ, и она явилась умной посредницею въ эту беспорядочную, воинственную толпу, умѣвшую дѣйствовать только мечемъ и огнемъ. Беспорядокъ могъ не мѣшать вторженію; но онъ никакъ не могъ существовать на ряду съ правильнымъ государственнымъ устройствомъ. Церковь уже захватила въ то время въ свои руки муниципальную власть; римская городская община была обращена въ приходъ, а на церковныхъ старостъ можно уже было смотрѣть, какъ на правителей. Это были первыя звѣнья новой системы; доказательствомъ этого служить то, что Аларихъ, приказавшій,

послѣ взятія Рима, перенести въ болѣе безопасное мѣсто церковную утварь, назначилъ для ея сопровожденія двойной конвой изъ римлянъ и готовъ, ѣхавшихъ подлѣ нея съ обнаженными мечами и пѣвшихъ гимны во славу Христа *.

Дѣйствительно, несмотря на все видимое различіе между принципами христіанства и обычаями варваровъ, между ними существовало весьма значительное сходство. У германцевъ, какъ и у первыхъ христіанъ, все было основано на выборномъ началѣ; собранія вѣрующихъ, какъ въ храмахъ, такъ и на соборахъ разсуждали о дѣлахъ церкви точно такъ же, какъ разсуждали варвары о политическихъ дѣлахъ на своихъ полупредставительныхъ, полувоенныхъ сходбищахъ, превратившихся впослѣдствіи въ періодическія *Майскія собранія*. Мало по малу духовенство овладѣло воображеніемъ этихъ наивныхъ людей, требовавшихъ одновременно, чтобы ими руководили и чтобы ихъ возбуждали. Только религія могла остановить ихъ незнавшую усталыи руку, подъ ударами которой погибло болѣе трети всей Европы. Чума, голодъ и пожары слѣдовали за ними; города падали тысячами, какъ будто бы были разрушены землетрясеніемъ. «Еслибы океанъ затопилъ Галлію, говоритъ одинъ писатель, то онъ не причинилъ бы ей болѣшихъ опустошеній, чѣмъ это вторженіе». На востокѣ, окрестности Константинополя не менѣе пострадали отъ этого страшнаго разрушенія; покинутыя поля заросли терновникомъ, лѣса опустѣли. Въ какую сторону древнихъ римскихъ владѣній ни бросишь взгляда, всюду встрѣчаешь одну и ту же картину: Сицилія, Испанія, Африка, Великобританія были покорены. Цѣлые потоки варваровъ разлились по этимъ прекраснымъ странамъ, неся за собою опустошеніе, разрушая памятники, уничтожая всѣ средства промышленности, вмѣстѣ съ остатками древняго искусства.

Изъ этого хаоса должна была выйдти новая цивилизація. Всему римскому міру слѣдовало подвергнуться этому испытанію, чтобы выдержать затѣмъ будущее, полное возрожденіе. Уже съ первыхъ дней пробужденія можно было замѣ-

* Orosii, *Hist.* VII, 39.

титъ перемѣну. Языческіе храмы исчезли, и всюду уже возвышались христіанскія церкви съ пристроенными къ нимъ монастырями, въ которыхъ благочестивые отшельники собирали въ тишинѣ остатки наукъ и искусствъ. Пустыни населились людьми, бѣжавшими отъ общественнаго разрушенія; здѣсь они добровольно подвергали себя болѣе жестокимъ лишеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ покинутомъ имъ мірѣ. Всеобщее уваженіе къ нимъ все возрастало; къ нимъ отовсюду стекалась толпа поклонниковъ, которые ревностно проповѣдывали отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Такимъ образомъ, въ самую эпоху владычества меча, полагала церковь первыя основы независимой мысли; какъ жаль только, что, противопоставивъ нѣкогда нравственную силу варварству, въ послѣдствіи она сама задумала подавить свободу мысли для поддержанія деспотизма! Въ самомъ дѣлѣ, варвары были удивительно способны подчиниться ему. Въ новыя времена, только развѣ бытъ дикихъ народовъ сѣверной Америки можетъ сравниться съ привычками этихъ новыхъ людей, для которыхъ открытый воздухъ, бродячая жизнь, полнѣйшая свобода, даже въ сопровожденіи тысячи опасностей, казались ни съ чѣмъ несравнимымъ благополучіемъ; а между тѣмъ, мы наслѣдовали отъ нихъ много добродѣтелей и много пороковъ, которые незамѣтно проникли въ наше общество, такъ что мы не могли бы указать съ точностью источника ихъ происхожденія.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ отдать справедливость тому вліянію варваровъ, въ силу котораго личное достоинство человѣка, скажу даже, его нравственное чувство, получили свои права, освободившись отъ продолжительнаго гнета, въ которомъ томились они подъ восточнымъ игомъ римскихъ императоровъ. Если организація власти и подчиненность ей представляются прекрасными элементами общественнаго порядка, то и личная свобода оказывается столько же необходимымъ для него элементомъ, и хотя послѣдняя была принесена варварами, тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ признать безконечную, ими оказанную услугу. Такимъ образомъ подготовлялось ими освобожденіе работника и прекращеніе его эксплуатаціи, по-

средствомъ смѣшенія кастъ, до этого непримиримыхъ, и временнаго подчиненія ихъ подъ одно общее иго. Мы не можемъ себѣ представить, какъ могли многіе просвѣщенные люди увидѣть въ этихъ простыхъ и несомнѣнныхъ фактахъ оправданіе теоріи, заранѣе осужденной, какъ наблюденіемъ, такъ и опытомъ? Что должно думать, напримѣръ, о тѣхъ писателяхъ, которые дѣлятъ европейскіе народы на двѣ касты, изъ коихъ одну представляютъ потомки побѣдителей, а другую — потомки побѣжденных? И кто можетъ серьезно утверждать въ настоящее время, что церковь должна быть всегда владычицей міра, потому что одно время ей случилось держать въ своемъ повиновеніи его царей? Двѣнадцать вѣковъ прошло надъ смѣшавшимся прахомъ поколѣній, столь различныхъ по своему происхожденію; и если не произошло еще полнаго примиренія между потомками столькихъ умершихъ, то мы приближаемся къ нему все болѣе и болѣе, при содѣйствіи гражданскаго равенства и союза между всѣми родами труда.

Между общественными правами варваровъ и римскою цивилизаціею, съ которою они сливались, существовала одна разительная противоположность. Почти всѣ они жили по деревнямъ, занимаясь скотоводствомъ и земледѣліемъ, когда тронулись въ походъ на завоеваніе римскаго міра, и нашли его расселившимся главнымъ образомъ по городамъ. Какъ ни глубоко было паденіе императорской власти, организація ея все еще существовала, и колеса администраціи продолжали еще свое дѣйствіе, несмотря на повсемѣстное паденіе политическаго могущества. Во всѣхъ городахъ существовала еще уважавшаяся мѣстная іерархія, когда первый потокъ варваровъ подступилъ къ ихъ стѣнамъ. Трудно вообразить себѣ впечатлѣніе, произведенное на эти нестройныя полчища порядкомъ, господствовавшимъ въ большихъ римскихъ городахъ. Казаки, вошедшіе въ Парижъ въ 1814 на коняхъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, были удивлены не болѣе при видѣ нашей цивилизаціи. Мало по малу, по мѣрѣ того какъ вторженіе разширилось, завоеватели становились собственниками; они захватили множество помѣстій, и отчасти по при-

страстію къ своимъ древнимъ сельскимъ привычкамъ, отчасти же изъ прирѣнія къ городской жизни, селились предпочтительнѣе въ деревняхъ. Отсюда держали они въ повиновеніи города, и упрочивали за поземельною собственностью первостепенное значеніе. Разсѣянные по селамъ галльскіе, батавскіе, италіянскіе и испанскіе поселяне подпали непосредственно подъ ихъ иго, стали обрабатывать для нихъ землю, и обратились въ колоновъ, прежде чѣмъ сдѣлались ихъ крепостными; затѣмъ, потребность защиты отъ нападений со стороны сосѣдей, а можетъ быть также и со стороны мятежныхъ городовъ, превратила хижины варваровъ въ замки, а села — въ сборные военные пункты, что собственно и послужило предварительными мѣрами для устройства феодальной системы.

Такимъ образомъ, эти вожди воинственныхъ дружинъ, захвативъ, въ видѣ добычи, обширныя помѣстья, служившія источникомъ большихъ доходовъ, привыкали мало по малу къ богатству, и принуждали подвластныхъ имъ людей къ работѣ и оброку. Ихъ столкновение съ римскими обычаями измѣняло съ каждымъ днемъ предразсудки, принесенные ими изъ глубины своихъ лѣсовъ; они забывали свои привычки, или измѣняли ихъ, подъ вліяніемъ городского населенія. Они перестали уже быть варварами, ибо поселились среди общества, которому предстояло ассимилировать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это поглощеніе не обошлось бы человѣчеству цѣною такого количества крови и слезъ, еслибы оно совершилось разомъ и безъ всякаго пнаго потрясенія, кромѣ прибытія завоевателей; но судьбѣ угодно было, чтобы, за отсутствіемъ враговъ, которыхъ можно было бы побѣдить, и народовъ, которыхъ можно было бы покорить, варвары начали войну другъ противъ друга. Самымъ гибельнымъ оказалось не первое вторженіе, а второе, третье, четвертое, цѣлый рядъ вторженій одной орды вслѣдъ за другой, когда онѣ стали оспаривать другъ у друга обладаніе римскимъ міромъ. Франки, вестготы, бургунды, занявшіе большую часть теперешней французской территоріи, не одновременно овладѣли ею, и утвердились въ ней на весьма различныхъ услови-

яхъ. При *дворахъ*, если этимъ словомъ можно назвать известныя центры завоеванія, тулузскомъ, ліонскомъ и суассонскомъ, образъ мыслей часто былъ неодинаковъ; тамъ господствовало одно только общее убѣжденіе, что праздность есть неотъемлемое право побѣдителя, и что трудъ—исключительный удѣлъ побѣжденнаго и людей, лишенныхъ собственности. Но, должно согласиться, что римляне сами проложили путь къ этому переходу, не переставая, до послѣднихъ дней своей независимости, безжалостно обходиться съ подвластными имъ народами; пришедшіе варвары только заняли ихъ мѣсто; роль ихъ была готова, и она была имъ уступлена безъ всякаго сопротивленія.

Въ какомъ же положеніи находились въ это время промышленность, техническія искусства, всѣ римскія учрежденія, система налоговъ, всемірная торговля съ ея великими рынками, Африкой, Испаніей, Малой Азіей, Сициліей и всей Италіей? Во всемъ обнаружилась внезапно самая глубокая перемѣна, уничтожившая, прежде всего, великіе центры интеллигенціи и умственнаго развитія. Все, что переманило на свою сторону христіанство изъ греческой и римской философіи; всѣ школы, которыя оно пересоздало и оживотворило своимъ духомъ, все исчезло передъ завоевателями, до тѣхъ поръ, пока новая религія не покорила въ свою очередь сами завоевателей, и не заставила ихъ служить себѣ для достиженія своихъ цѣлей. Въ матеріальномъ отношеніи совершился такой же великій переворотъ; искусства, если не были вовсе изгнаны, то, по меньшей мѣрѣ, были забыты, какъ нѣчто совершенно лишнее. Почти внезапно прекратились всѣ колоссальныя сооруженія, всѣ смѣлыя предпріятія, возбуждавшія въ римлянахъ энтузіазмъ даже въ эпоху самаго печальнаго ихъ упадка. Къ чему могла служить теперь ихъ изящная мебель и домашняя утварь, эти статуи, прекрасныя ткани, для полудикихъ потребителей, которые не могли ни оцѣнить ихъ назначенія, ни вознаградить за ихъ изготовленіе? Безпечность дошла до такой степени, что бѣольшая часть промышленныхъ секретовъ быта затеряна, и многіе изъ нихъ исчезли навсегда. Нѣсколько ремесленниковъ сохранило, правда,

въ своихъ мастерскихъ преданіе о способахъ приготовленія самыхъ необходимыхъ предметовъ, но, тѣмъ не менѣе, между римскимъ искусствомъ и искусствомъ христіанскимъ не было ничего общаго. Нѣтъ никакой переходной ступени между храмами язычества и базиликами новаго исповѣданія, такъ какъ нельзя принять за эту переходную форму тѣ грубыя и безобразныя постройки чисто варварскаго періода, которымъ не существуетъ даже названія ни на какомъ языкѣ. Чтобы встрѣтить что либо замѣчательное, истинно прекрасное и величественное, для этого необходимо обратиться къ тому времени, когда христіанская образованность окончательно заступила мѣсто римской, сбросивъ съ себя оболочку вандализма.

Какъ бы то ни было нельзя отрицать, что нашествіе варваровъ принесло съ собою значительныя измѣненія въ общественномъ устройствѣ Европы. Оно упростило римское законодательство, обремененное бесполезными подробностями и сдѣлавшееся непонятнымъ, вслѣдствіе различныхъ тонкостей. Оно даже позволяло завоеваннымъ народамъ признавать или не признавать новый порядокъ вещей, съ условіемъ, что въ такомъ случаѣ, они будутъ пользоваться или нѣтъ, смотря по ихъ рѣшенію, предоставляемыми этимъ порядкомъ преимуществами. Такимъ образомъ, по салическому закону, жизнь римлянина цѣнилась менѣе, чѣмъ жизнь варвара, жестокое оскорбленіе со стороны побѣдителя, которое смягчалось рипуарскимъ * закономъ, по которому члены духовенства были поставлены выше самихъ побѣдителей. Это вліяніе церкви мало по малу усилилось до того, что варвары рѣшаются оставить свои титулы, чтобы замѣнить ихъ латинскими *dux*, *comes*, *préfectus*. Правильную, до мельчайшихъ подробностей, систему доказательствъ по римскому праву завоеватели замѣщаютъ особенными испытаніями огнемъ и водою, а вскорѣ за этимъ, судебными поединками, дурную привычку къ которымъ мы сохранили до настоящаго времени. Какое еще нужно большее доказательство въ подтвержденіе ихъ побѣды и

* Ст. 7, 11, 36.

господства? «Такъ какъ самъ Богъ управляетъ судьбою войны между народами, и награждаетъ побѣдой болѣе праваго, то почему же не рѣшать оружіемъ, кто правъ и кто виноватъ и въ частныхъ дѣлахъ?» Вотъ что говорили варвары, вполне убѣжденные, что римляне въ частныхъ съ ними дѣлахъ не рѣшатся, какъ отдѣльные лица, на борьбу, столь плохо удавшуюся имъ, какъ народу. Такимъ образомъ, это безумное нововведеніе внесло въ человѣческія ссоры новый элементъ, пагубныя послѣдствія котораго долго придется испытывать послѣдующимъ поколѣніямъ. Та часть завоеванныхъ земель, которую взяли себѣ варвары, сдѣлалась постояннымъ источникомъ разнаго рода притѣсненій, и только подъ другими именами, представляла то же систематическое грабительство, которому слѣдовали римляне вездѣ, куда только проникало ихъ оружіе. Ремесленники потеряли право работать на самихъ себя; они были приписаны, на основаніи права побѣды, къ вождямъ своихъ побѣдителей, и въ видѣ купцевъ, плотниковъ, сапожниковъ, портныхъ, красильщиковъ, серебрянниковъ, увеличивали своимъ трудомъ доходъ, уже доставляемый ихъ владѣльцамъ помѣстьями. Это было то же римское рабство, съ тою только разницею, что прежде римляне пользовались имъ, а теперь испытывали его на себѣ. Цивилизація вѣроятно потеряла бы отъ такой перемѣны ролей, еслибы вскорѣ не нашлось мощной руки, которая организовала бы разбросанные элементы новаго государственнаго порядка, присоединивъ римское просвѣщеніе къ вандалской силѣ, и подчинивъ полудикую любовь къ независимости повиновенію и уваженію къ закону. Такимъ великимъ реформаторомъ былъ Карлъ Великій.

Существеннѣйшей и характеристической чертой нашествія народовъ, получившихъ названіе варваровъ, былъ переходъ ихъ изъ состоянія кочевыхъ завоевателей въ состояніе осѣдлыхъ поземельныхъ собственниковъ. Различные способы распредѣленія между ними части завоеванной территоріи, смотря по обычаямъ каждаго племени, вызвали глубокія измѣненія въ системѣ поземельной собственности, не принеся замѣтнаго улучшенія въ положеніе земледѣльцевъ. Въ законахъ вестготовъ и бургундовъ мы находимъ, что оба эти

племени оставляли за собою двѣ трети завоеванныхъ земель *; франки же не слѣдовали этому правилу, и брали, что хотѣли. Но, въ дѣйствительности, они не захватывали всей земли, а бургунды не пользовались даже всѣми тѣми землями, которыя принадлежали имъ на правахъ побѣдителей; ибо, въ одномъ прибавленіи къ ихъ законамъ **, прямо говорилось, что тѣ, которые придутъ позже въ завоеванную страну, получаютъ уже въ половину менѣе. Еще долго послѣ завоеванія, каждый варваръ поступалъ на содержаніе какого нибудь римлянина, подобно тому, какъ поступали нѣкогда афиняне съ завоеванными народами, и какъ поступали въ свою очередь сами римляне въ подвластныхъ имъ странахъ. Такимъ образомъ, собственность перешла только изъ однѣхъ рукъ въ другія, но греческая и римская система—жить на чужой счетъ—существовала по старому; въ этомъ отношеніи не произошло никакой перемѣны, кромѣ того, что теперь пришла очередь варварамъ мстить своимъ прежнимъ притѣснителямъ. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на случившуюся рѣзкую перемѣну, въ ней все таки нельзя еще уловить никакого рѣшительнаго экономическаго переворота. Новая поземельная аристократія не отличалась отъ древнихъ владѣтелей помѣстій (latifundia) ничѣмъ, кромѣ менѣе изящныхъ и менѣе цивилизованныхъ привычекъ; но жестокость обоихъ сословій, въ сущности, была одинакова: варваръ только билъ своихъ слугъ собственноручно, а болѣе образованный римлянинъ приказывалъ ихъ бить другому.

Римскій міръ до того былъ проникнутъ идеями рабства и деспотической іерархіи, что варварамъ оставалось только замѣнять своими названіями уже готовые императорскія учрежденія. Всѣ почти власти остались тѣ же. Городское управленіе уступило свое мѣсто дружинѣ варварскаго вождя; и если оставить въ сторонѣ слѣдствія, вытекавшія изъ этой перестановки, то совершившійся переворотъ можно было считать

* Монтескьё, *Esprit des lois*, кн. XXX, гл. 8.

** Ut non ampliùs à Burgundionibus qui infrà venerunt requiratur quàm in praesens necessitas (fuerit), medietas terrae. (Ст. 11).

однимъ только замѣщеніемъ прежнихъ общественныхъ властей новыми. Но вскорѣ главные вожди завоевателей освободили подвластныхъ имъ начальниковъ отъ службы, и одарили ихъ пожизненными помѣстьями (бенефиціями), которыя, вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій, обратились мало по малу въ ихъ наслѣдственныя владѣнія. Отличія проникли въ самую глубь общественнаго порядка; явились земли, освобожденныя отъ налоговъ, *салическія* *, и *аллодіальныя*, владѣльцы которыхъ присвоили себѣ мало по малу права надъ сосѣднимъ населеніемъ, и сдѣлались, подъ именемъ *сеньоровъ*, настоящими тиранами. Охота была страстно любимымъ ихъ занятіемъ, которое воспрещено было крестьянамъ. Опаснѣе было убить оленя или кабана, чѣмъ человѣка. Тѣмъ неменѣе, всѣ эти притѣсненія никогда не были утверждены закономъ, и собственно говоря, никогда не существовало закона, которымъ бы оправдывалось открытое насиліе; такъ что, когда эти злоупотребленія внесены были въ писанный законъ, то они давно уже существовали въ видѣ обычая. Духовенство постоянно смягчало эти жестокости своимъ вліяніемъ на людей, бывшихъ представителями грубой силы. Пополнявшееся исключительно туземцами, людьми ловкими и прозорливыми, оно не пренебрегало ничѣмъ, чтобы склонить своихъ властелиновъ подъ иго религіи; оно учило ихъ латинскому языку, разумѣется, искажая его, но, тѣмъ неменѣе, доставляя имъ возможность знакомиться все болѣе и болѣе съ законами и обычаями, которые рано или поздно должны были произвести на нихъ свое дѣйствіе.

Особенное обстоятельство, весьма основательно обратившее на себя вниманіе историковъ, преимущественно помѣшало германскому элементу поглотить весь предшествовавшій завоева-

* Какой смыслъ имѣетъ прилагательное *салическій*, относимое къ землѣ, съ точностью неизвѣстно. Извѣстно только то, что такъ назывались земли, по преимуществу, составлявшія собственность феодальнаго владѣльца; переходить онѣ могли только къ наслѣднику мужескаго пола. Въ формулахъ Маркульфа говорится однако о нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ перехода и въ женскую линію.

нію порядокъ вещей. Варвары имѣли обыкновеніе собираться въ своихъ лѣсахъ и болотахъ вокругъ своихъ начальниковъ, выслушивавшихъ совѣты общаго собранія и разсуждавшихъ съ нимъ, прежде чѣмъ рѣшиться на какое нибудь предпріятіе. Расселившись и утвердившись по завоеваннымъ землямъ, они стали являться съ меньшею исправностью на эти собранія, вслѣдствіе чего власть ихъ начальниковъ стала незамѣтно ограничиваться меньшею областью. Кромѣ того, многіе изъ варваровъ поступили въ монашескіе ордена, и, по привычкѣ къ неводержности, нерѣдко рѣшали оружіемъ вопросы религіи. Въ Испаніи, вестготы, подъ вліяніемъ соборовъ, издали множество законовъ, состоявшихъ изъ смѣшенія принциповъ римскаго права и религіозныхъ предразсудковъ. Въ Англіи, высадившіеся саксонцы встрѣтили туземцевъ, предоставленныхъ собственной участи; они окончательно утвердились въ странѣ неранѣе, какъ послѣ столѣтней борьбы съ ними. Долгое время этотъ славный островъ казался будто стертымъ съ лица земли, и считался какою то таинственной страной, о которой ходили самыя чудесныя разказы. Когда онъ былъ открытъ во второй разъ, то въ немъ все уже приняло новый видъ; тамъ образовалось семь независимыхъ королевствъ, которыя, несмотря на свою взаимную вражду, успѣли наконецъ сгладить послѣдніе слѣды римскаго владычества и положить начало новому политическому устройству. Галлія и Испанія раздѣлены были между двумя сильными монархіями: франковъ и вестготовъ; Африка досталась собственно такъ называемымъ вандаламъ и маврамъ. Италія повиновалась чужеземцамъ; о римскомъ величіи не было болѣе и помину, за исключеніемъ развѣ одной только восточной имперіи, простиравшейся отъ береговъ Дуная до береговъ Нила и Тигра. Сверхъ того, тогда же образовалось множество новыхъ народностей, общественное развитіе которыхъ вскорѣ займетъ наше вниманіе.

ГЛАВА XI.

Послѣднее мерцаніе цивилизаціи въ Константинополѣ при Юстиніанѣ. — Этотъ императоръ сводитъ въ одно цѣлое все римское законодательство. — Что такое былъ его *Кодексъ*. — *Пандекты*. — *Институты*. — Законодательство Юстиніана есть архивъ прошедшаго. — *Капитуляріи* Карла Великаго — программа будущаго.

Между новымъ порядкомъ вещей, порожденнымъ наше- ствіемъ варваровъ и умиравшею римскою цивилизаціею, существуетъ переходная эпоха, вполне заслуживающая вниманія экономиста, хотя она и не запечатлѣна однимъ изъ тѣхъ глубокихъ переворотовъ, которые обыкновенно нарушаютъ весь общественный бытъ какого нибудь народа. Эта эпоха есть царствованіе на Востокѣ Императора Юстиніана, въ высшей степени замѣчательное, какъ полное выраженіе перехода отъ одного міра къ другому, изъ которыхъ первый кончался, а второй только что возникалъ. Изучая ее, намъ представляется, что геній древней цивилизаціи пожелалъ сдѣлать свое завѣщаніе, и завернулся, подобно куколкѣ, въ шелкъ и золото, чтобы приготовиться къ послѣднему превращенію. Все собирается, и приводится къ итогу: законы, искусства, ремесла, земледѣльческіе приемы. Въ первый еще разъ сырой матерьялъ, шелкъ, дѣлается предметомъ императорской заботливости, и принимаетъ участіе въ политическихъ соображеніяхъ, подобно тому, какъ въ наше время, хлопчатая бумага, сахаръ и чай. Въ пользу общественной казны вводятся разнаго рода монополіи: монетная система искажается, общественныя должности продаются. Все это нисколько не вызываетъ нашего удобренія, но мы указываемъ на эти явленія, какъ на первые признаки систематической политической экономіи. Въ самой наукѣ смѣлые опыты свидѣтельствуютъ объ умственномъ движеніи: изобрѣтаются зажигательныя зеркала, греческій огонь, насосы для орошенія полей. Врачебная наука оставляетъ свою рутину, а архитектура пытается поднять свой

первый куполь*. Всюду воздвигаются дворцы и храмы; во всѣхъ почти городахъ сооружаются водопроводы, мосты, больницы; повидимому, всѣ спѣшатъ увеличить число произведеній искусства, какъ бы изъ страха, чтобы варвары не помѣшали ихъ докончить, и съ надеждой, что они переживутъ нашествіе. Отъ Бѣлграда до Эвксина и отъ слиянія Савы до устьевъ Дуная, тянулась цѣпь восьмидесяти укрѣпленій, прикрывавшихъ берега этой великой рѣки. Казалось, римская имперія хотѣла обозначить свои послѣдніе предѣлы, и, наскучивъ, завоеваніями, запиралась наконецъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Но, между тѣмъ какъ Римская имперія ограждала себя такимъ образомъ на востокѣ, куда скоро спасутся отъ гибели науки и искусства, остальная Европа испытывала на себѣ законъ побѣдителя, и латинскія постановленія всюду замѣщались обычаями варваровъ. Германскій ростокъ, привитый къ старому римскому стволу, началъ приносить свои плоды, въ которыхъ слышался еще вкусъ прежняго дерева. За этой толпой вождей-разрушителей, крещенныхъ трепетавшимъ отъ ужаса христіанствомъ, является наконецъ великій человекъ, истинный представитель новаго общественнаго порядка, столько же заботившійся о возстановленіи цивилизаціи, сколько грубые его предшественники о ея разрушеніи. Я говорю о Карлѣ Великомъ, первомъ государѣ изъ племени дикихъ завоевателей, царствованіе котораго растолковываетъ главную мысль этихъ четырехъ или пятивѣковыхъ вторженій.

Противуположность этой мысли съ стремленіями римскихъ императоровъ ни въ чемъ не выражается до такой очевидности, какъ въ двухъ главныхъ сторонахъ дѣятельности царствованія Юстиніана и Карла Великаго. Въ самомъ дѣлѣ, оба эти государя оставили по себѣ болѣе прочный памятникъ въ *Пандектахъ* и *Капитуляріяхъ*, чѣмъ во всѣхъ своихъ побѣдахъ. Я не знаю болѣе обширнаго и болѣе плодотворнаго предмета для изученія, какъ эти два законодательства двухъ великихъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ такъ хорошо представляетъ собою умиравшую, а другой зараждавшуюся

* Храма св. Софіи въ Константинополѣ.

цивилизацию. Въ нихъ должна искать политическая экономія рѣшенія вопроса о положеніи народовъ на двухъ оконечностяхъ Европы, въ то время, когда римская цивилизациія удалилась въ Константинополь, чтобы очистить мѣсто чуть не всемірной монархіи челоуѣка, который возложилъ на свою голову короны Германіи, Франціи и Италіи. Такимъ же точно образомъ, кодексъ Наполеона пережилъ его побѣды, и когда нибудь принесетъ ему болѣе чести, чѣмъ всѣ другіе памятники его блестящаго царствованія. Онъ представляетъ важнѣйшія общественныя явленія его эпохи, подобно тому, какъ законы Юстиніана даютъ самое точное понятіе о коллективной мудрости римлянъ.

Римскіе законы собраны были въ первый разъ въ царствованіе этого государя въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ: *Кодексъ*, *Пандектахъ* и *Институтахъ*. При вступленіи его на престолъ, гражданское судопроизводство отличалось огромной массой текстовъ, одно перечисленіе которыхъ было уже дѣломъ, превышавшимъ челоуѣческія силы. Судьба дала ему въ помощники знаменитаго Трибоніана, который привелъ въ порядокъ и разсѣялъ весь этотъ хаосъ, и менѣе чѣмъ въ пятнадцать мѣсяцевъ пересмотрѣлъ всѣ указы предшествовавшихъ царствованій. Этотъ первый трудъ получилъ названіе *Кодекса Юстиніана*, и былъ обнародованъ съ необыкновенной торжественностью по всей имперіи. Затѣмъ, семнадцать юрисконсультовъ, подъ руководствомъ того же Трибоніана, составили, въ продолженіи трехъ лѣтъ, *Пандекты*, колоссальное извлеченіе изъ двухъ или трехъ миліоновъ судебныхъ приговоровъ, которому предшествовало изданіе *Институтовъ*. Такимъ образомъ, главныя положенія римскаго права сопровождались теперь юридическими примѣчаніями, такъ что правосудіе получило, наконецъ, возможность обращаться за совѣтами къ *вѣчнымъ оракуламъ**, небоясь запутаться въ лабиринтѣ юридическихъ тонкостей. Къ несчастію, эти оракулы, подобно всѣмъ другимъ, оказались лжецами; ибо, при составленіи ихъ, старались примѣнить ихъ къ современнымъ нра-

* Такъ называлъ Юстиніанъ свои своды законовъ.

вамъ. Трибоніанъ былъ участникомъ въ искаженіяхъ, имѣвшихъ цѣлью согласить законы республики съ деспотизмомъ неограниченнаго самодержавія. Въ то же самое время, чтобы помѣшать новому уложенію подвергнуться на будущее время измѣненіямъ, благопріятнымъ для гражданской свободы, императоръ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, какъ за поддѣлку, вовсе запретилъ какія бы то ни было толкованія новаго текста. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сдѣлалъ новое изданіе своихъ законовъ, добавленное *Новеллами*, которыя довершили величественное зданіе его законодательства.

Въ сводахъ Юстиніана мы находимъ самыя драгоцѣнныя подробности о положеніи различныхъ классовъ общества въ Константинополѣ въ половинѣ шестаго вѣка. Хотя граждане и считались, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, равными передъ закономъ, но уже не соединялось никакихъ правъ съ званіемъ *гражданина*, нѣкогда столь высокимъ и страстно желаемымъ. Всякій отпущенный рабъ получалъ его тотчасъ же по своемъ освобожденіи, и это не мало содѣйствовало уничтоженію домашняго рабства. Власть господина надъ рабами была тоже значительно ограничена. Право отца на жизнь и смерть дѣтей было вовсе отмѣнено, а послѣднія получили право приобрѣтать собственность, которая уже не зависѣла отъ власти родителей. Оставленіе дѣтей, долгое время допускавшееся, какъ извинительный обычай, теперь наказывалось, какъ преступленіе, если за нимъ слѣдовала ихъ смерть; установлены были нѣкоторыя стѣсненія для развода, неограниченная свобода котораго низвела бракъ на степень самаго безстыднаго наложничества*. Вліяніе церкви обнаружилось самымъ замѣтнымъ образомъ въ исчисленіи причинъ, какъ со стороны мужчины, такъ и со стороны женщины, подававшихъ законный поводъ къ разводу. Принципы религіи уже проникли въ самое

* Св. Иеронимъ видѣлъ мужа, погребавшаго свою двадцать первую жену, которая, въ свою очередь, похоронила двадцать два его предшественника, бывшихъ слабой его. Сенека такъ выражается о женщинахъ своего времени: «не по числу консуловъ, а по числу своихъ мужей считаютъ онѣ свои года.» *De Beneficiis*, III, 16. Года считались въ Римѣ по консуламъ, и носили ихъ имена. Прим. автора.

законодательство. Объ этомъ вмѣшательствѣ въ особенности свидѣтельствуется та заботливость, съ которою ограждены были права сиротъ и несовершеннолѣтнихъ.

Все это касалось личной независимости; но и права собственности вовсе не были забыты. *Институты* содержатъ въ этомъ отношеніи множество замѣчательныхъ постановленій. Они допускаютъ принципъ самаго широкаго и свободнаго наслѣдованія. Права первородства были отмѣнены; различіе въ правахъ наслѣдованія между мужчинами и женщинами уничтожено; по пресѣченіи прямой линіи, имѣніе должно переходить въ боковыя. Новые законы мирли, по возможности, всѣ интересы, и, повидимому, отстраняли всѣ поводы къ тяжбамъ. Обширныя подробности по этимъ вопросамъ составляютъ содержаніе 12-ти книгъ *Пандектовъ*. Книги 17, 18, 19 и 20 того же свода заключаютъ въ себѣ замѣчательныя постановленія о займахъ, о договорахъ, касающихся найма, и объ условіяхъ арендъ на пятилѣтніе сроки. Законный процентъ за ссуду денегъ назначенъ былъ четыре для высшихъ слоевъ общества и шесть — для всѣхъ остальныхъ. Тѣмъ неменѣе, дозволялось брать и восемь процентовъ, фабрикантамъ и купцамъ, и двѣнадцать за застрахованіе морскихъ кладей. Духовенство, болѣе строгое или менѣе просвѣщенное, всегда было противъ этихъ процентовъ, которые Іоаннъ Златоустъ и отцы церкви преслѣдовали, довольно, впрочемъ, слабыми аргументами, и которые позже Шекспиръ называлъ на своемъ живописномъ языкѣ *потомствомъ безплоднаго металла*.

Однако же, несмотря на эту улучшенную редакцію законовъ, сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, простой народъ вовсе не получалъ отъ новаго законодательства тѣхъ выгодъ, которыя можно было бы ожидать. Хотя формы судопроизводства и были значительно упрощены, а сами законы изложены съ большею ясностью, тѣмъ неменѣе, въ нихъ много еще было неопредѣленностей и противурѣчій, питавшихъ цѣлыя тучи адвокатовъ и легистовъ. Отсутствие тяжущихся, проживавшихъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, порождало разнаго рода замедленія въ ходѣ процесса, недоразумѣнія и значительныя издержки, всякій разъ, когда дѣло переносилось въ

высшую инстанцію. Римское право снова сдѣлалось таинственною наукою, которою съ безпримѣрною наглостью злоупотребляли юристы, достойные учителя законниковъ настоящаго времени. Богатые безпощадно притѣсняли бѣдныхъ, а судебныя издержки обыкновенно поглощали всю цѣнность иска. Тѣмъ неменѣе, эти формальности и проволочки, несмотря на то, что обходились дорого, все же служили огражденіемъ личности и собственности отъ насилія и отъ произвола судьи; такъ что, это все таки былъ шагъ впередъ. Сколько преобразованій заключалъ въ себѣ уже одинъ пересмотръ римскихъ законовъ, приспособленныхъ къ новому времени и такъ глубоко запечатлѣнныхъ его вліяніемъ! Кто могъ бы подумать, что по прошествіи двѣнадцати столѣтій, они еще во многихъ случаяхъ будутъ управлять человѣческими обществами, весьма отличными отъ римскаго? Но, впродолженіи этого длиннаго ряда вѣковъ, они необходимо должны были запечатлѣться духомъ многихъ новыхъ учрежденій, и доставить великому человѣку* главныя основы законодательства, тоже славнаго, хотя и менѣе самобытнаго.

ГЛАВА XII.

Политическая экономія Карла Великаго. — Экономическая сторона его *Капитуляріевъ*. — Капитулярій *de Villis*. — Вліяніе на общество царствованія этого великаго человѣка.

Царствованіе Карла Великаго составляетъ переходъ отъ варварства къ феодализму. Онъ возстановилъ единство власти и территоріи, одинаково прерванныя рядомъ незначительныхъ государствъ, наполняющихъ весь этотъ періодъ, со времени перваго нашествія. Королевства Мецское, Орлеанское, Суассонское, Парижское, Аквитанское, Бургундское, сливаются въ одну великую монархію; всѣ эти мелкіе деспоты, неспособные ни на какую великую идею, олицетворяются въ одномъ, способномъ привести ее въ исполненіе. Еще въ первый разъ, со

* Наполеону I.

времени Цезаря, великаго полководца и организатора, является человѣкъ, достойный передать свое имя своему вѣку. Самая характеристическая черта этого замѣчательнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ былъ настоящій, безъ всякой примѣси римской крови, франкъ, какой когда либо всходилъ на престоль. Почти всѣ его предшественники, варварскаго или неварварскаго происхожденія, повиновались римскому или христіанскому вліянію; онъ же чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы подчинить другихъ своему вліянію. Прочіе только царствовали, Карлъ Великій хотѣлъ управлять. Быть можетъ, ему удалось бы даже предупредить водвореніе феодальнаго порядка строгимъ обузданіемъ современной ему аристократіи, еслибы безсильные его преемники не погубили его дѣла, и не отдали на произволь случайности судьбы человечества.

Его пятьдесятъ три похода были проникнуты одною политическою мыслью, повидимому, забытою со временъ римлянъ. Главною задачею его было возстановленіе въ Европѣ могущественной власти, настолько сильной, чтобы она могла обуздывать всѣхъ честолюбцевъ, и подчинять ихъ одному центральному правительству. Онъ велъ войну со всякою угрожавшею ему независимостью и со всѣми враждебными ему началами до тѣхъ поръ, пока не достигъ главнѣйшей цѣли своей, — образованія имперіи. На сѣверѣ и югѣ онъ встрѣтилъ двухъ сильныхъ противниковъ: саксонцевъ и арабовъ; онъ побѣдилъ обоихъ. Къ несчастію, побѣды его не давали ему досуга заняться внутреннимъ устройствомъ; при томъ же, онъ встрѣчалъ менѣе затрудненій въ военныхъ предпріятіяхъ, чѣмъ во внутреннихъ преобразованіяхъ; но, хотя его великія начинанія погибли вмѣстѣ съ его смертію, тѣмъ неменѣе, толчекъ, данный имъ Европѣ, былъ слишкомъ силенъ, чтобы движеніе могло прекратиться. Послѣ его смерти, она не могла уже вернуться къ тому состоянію, въ которомъ находилась до его царствованія; онъ оживотворилъ ее мыслью, которая проявлялась въ дѣлахъ его преемниковъ, въ политикѣ государствъ, образовавшихся изъ его монархіи, въ самихъ войнахъ ихъ, какъ между собою, такъ и съ общими ихъ врагами.

Достаточно указать на его заботы о возстановленіи строгой административной іерархіи, наблюденіе за которой поручено было особымъ ревизорамъ, *missi dominici*,* посланнымъ непосредственно имъ самимъ, и обязаннымъ давать ему отчетъ о состояніи провинцій, объ уничтоженіи злоупотребленій и объ исполненіи его повелѣній. Онъ присутствовалъ такимъ образомъ всюду, и, несмотря на медленность, съ которою можно было получать тогда извѣстія на этой громадной территоріи, совершенно почти лишенной дорогъ, онъ могъ съ достаточною быстротою знать, что дѣлается на всѣхъ пунктахъ имперіи. Тридцать пять общихъ народныхъ собраній его царствованія, хотя послѣднія вовсе не походили на наши новѣйшія парламентскія засѣданія, много способствовали осуществленію задуманныхъ имъ преобразованій. Представители на этихъ собраніяхъ пользовались, кажется, только совѣщательнымъ голосомъ: императоръ принималъ рѣшеніе по собственному своему усмотрѣнію; но онъ, тѣмъ не менѣе, получалъ отъ нихъ самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о положеніи страны, о ея нуждахъ и страданіяхъ. Архіепископъ Гинкмаръ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ происходили эти общія собранія, и передалъ намъ исторію происхожденія *Капитуляріевъ*, которые можно считать за ихъ протоколы. «Въ то время, говоритъ онъ, существовалъ обычай назначать ежегодно два собранія, на которыхъ, согласно съ повелѣніемъ короля, подносились вельможамъ статьи закона, называвшагося *capitula*, изданнаго, по вдохновенію Бога, самимъ Государемъ.»

Законъ подвергался, поэтому, предварительному разсмотрѣнію и обсужденію, ибо, въ противномъ случаѣ, къ чему же были эти мирныя собранія, преніями которыхъ руководилъ самъ король, *въ силу дарованной ему отъ Бога мудро-*

* По мнѣнію историка уголовного права, Дюбуа (*Histoire du droit criminel des peup. mod. Paris. 1860*), эти агенты короля были, такъ сказать, центрами, вокругъ которыхъ скоплялась вся масса юстиціи, принадлежавшая *de facto* тѣмъ народнымъ представителямъ, о которыхъ говоритъ Тацитъ, что они завѣдывали менѣе важными дѣлами: *de minoribus rebus consultant*.

сти, по выраженію его историка. Это, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ заслугъ Карла Великаго, потому что руководящая мысль всѣхъ преобразованій его царствованія принадлежала въ такомъ случаѣ ему одному. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его была безпримѣрна; хотя непрерывныя войны поминутно заставляли его переноситься съ одного конца Европы на другой, онъ, тѣмъ неменѣе, не переставалъ издавать указъ за указомъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, нерѣдко касавшимся такихъ мелочныхъ предметовъ, что съ трудомъ вѣришь, какъ могло снизойти до нихъ неограниченное самодержавіе. Поэтому, въ его *Капитуляріяхъ* слѣдуетъ искать сущности его политической экономіи, и справедливости мнѣнія, что она обязана ему нѣсколькими главнѣйшими изъ своихъ учрежденій. Замѣтимъ прежде всего, что несправедливо приписываютъ одному Карлу Великому сводъ всѣхъ краткихъ изречѣній, мнѣній, предписаній и узаконеній, которыя носятъ его имя*. Около половины его принадлежитъ его предшественникамъ, и значительная часть—его преемникамъ; одного заглавія свода (*Capitula regum francorum*)** достаточно для дѣйствительнаго его опредѣленія и для точнаго обозначенія его содержанія. Лучшее изданіе этого свода*** весьма неполно, и представляетъ запутанный, безпорядочный сборникъ, безъ всякихъ критическихъ толкованій, написанный, къ тому же, на худомъ латинскомъ языкѣ времени паденія, непонятномъ для самыхъ неутомимыхъ изслѣдователей древности; тѣмъ неменѣе, онъ представляетъ неисощимый родникъ самыхъ драгоцѣнныхъ матерьяловъ, собраніе которыхъ было бы желательно для каждой эпохи нашей исторіи. Изъ шестидесяти пяти капитуляріевъ Карла Великаго наибольшее значеніе для исторіи политической экономіи, несмотря на

* См. примѣчаніе на стр. 27.

** Законы франкскихъ королей.

*** Принадлежитъ Балюзу (2 т. in-fol. Парижъ, 1677). Первый собралъ ихъ Анзегизъ, Сен-Вандрильскій аббатъ, и раздѣлилъ на главы (*Capita*), въ 827. Позже ихъ дополнилъ одинъ Маинцскій діаконъ, Бенедиктъ, и наконецъ, ихъ издалъ бібліотекаръ Кольбера, Балюзъ.

Рус. перев.

всю несвязность своего содержания, имѣть знаменитый капитулярій *de Villis* (о деревняхъ), въ которомъ этотъ великій человекъ пытался изложить свои взгляды на финансы и на управленіе своими удѣльными имѣніями. Этотъ капитулярій состоитъ изъ 70-ти параграфовъ, неимѣющихъ между собою никакой связи и очень похожихъ на наставленія богатаго помѣщика своему управляющему. Въ нихъ государь требуетъ прежде всего, чтобы ему служили вѣрно, и чтобы заботились о его подданныхъ и охраняли ихъ отъ бѣдности. Онъ не хочетъ, чтобы ихъ подвергали барщинѣ или утомительнымъ трудамъ, и требуетъ чтобы имъ платили за ихъ ночныя работы, если послѣднія потребуются отъ нихъ. Крѣпостные же его, въ свою очередь, обязаны были заботиться о приготовленномъ ими винѣ, и хранить его въ доброкачественныхъ сосудахъ, чтобы оно не подверглось какой нибудь порчѣ. Въ случаѣ же уклоненія отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, ихъ подвергали наказанію плетью, или иначе, по благоусмотрѣнію короля или королевы. Затѣмъ, они должны были ходить за пчелами и гусями, заботиться о содержаніи садковъ и умноженіи въ нихъ рыбы, о распложеніи коровъ, кровныхъ кобылъ и овецъ. «Мы желаемъ прибавляетъ государь, чтобы съ нашими лѣсами обходились бережливо и разумно, чтобы ихъ не разчищали, и содержали бы въ нихъ ястребовъ и соколовъ. Для нашего личнаго употребленія всегда должны быть готовы жирныя гуси и куры, а яйца, оставшіяся, за удовлетвореніемъ нашихъ фермъ, должны отсылаться для продажи на рынокъ. Каждое помѣстье наше должно быть снабжено хорошими перинами, тюфяками, одѣялами, мѣдной, свинцовой, желѣзной и деревянной посудой, цѣпями, крючьями*, топорами, буравами, такъ чтобы ничего не приходилось занимать у сосѣдей.» Карлъ Великій хотѣлъ, чтобы ему представляли отчетъ въ количествѣ получаемыхъ имъ овощей, масла, сыра, меда, деревяннаго масла и уксуса, даже рѣпы и *другихъ* мелочей, по точному выраженію его Капитуляріевъ. Спрашивается только, какъ могъ онъ найти досугъ

* Для подвѣшиванія котловъ.

просматривать подобные отчеты, если послѣдніе доставлялись ему.

Въ этомъ же самомъ Капитуларіи находимъ мы любопытное исчисленіе тѣхъ ремесль, которыя онъ считалъ необходимыми въ каждомъ изъ большихъ своихъ владѣній. Въ нихъ требовались кузнецы, *серебреники*, портные, токари, плотники, *птицеловы*, *ткачи сътей*, люди, умѣвшіе готовить яблочный и грушевый квасъ. Всякій крѣпостной челоуѣкъ, приходившій къ государю жаловаться на своего владѣльца, имѣлъ свободный доступъ къ его особѣ; ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было отказать просителю въ этой милости. Рождество назначено было Карломъ Великимъ для представленія ему различныхъ отчетовъ, и ни одинъ скондомъ не выказывалъ большей требовательности въ этомъ отношеніи. Шестдесятъ вторая статья Капитулярія *de Villis* служить яснымъ доказательствомъ этого: «Необходимо, говорится въ ней, чтобы мы знали, сколько дохода приносятъ намъ всѣ эти предметы», и затѣмъ перечисляются быки, мельницы, лѣса, рѣчныя суда, виноградники, огороды, шерсть, ленъ, пенька, фрукты, пчелы, рыба, кожи, воскъ, медъ, старья и новыя вина, и проч. Все, что не потреблялось при дворѣ государя, должно было немедленно продаваться. Экономный императоръ наивно прибавляетъ: «Мы надѣемся, что все это не покажется вамъ * чрезмѣрно тягостнымъ, потому что вы, въ свою очередь, сами можете требовать того же у себя въ помѣстьяхъ.» Еще съ большею мелочностью заботился онъ о перевозкѣ винъ и муки, предназначавшихся для его личнаго потребленія. «Вино, писалъ онъ, вы должны отправлять, какъ слѣдуетъ, въ бочкахъ, обтянутыхъ желѣзными обручами, а не въ козыхъ мѣхахъ; что же касается до муки, то ее слѣдуетъ укладывать въ прочныя, обитыя кожею повозки, чтобы, при переправахъ черезъ рѣки, не подмочить ее. Я хочу, чтобы мнѣ представляли обстоятельные отчеты о количествѣ роговъ съ моихъ козловъ и козъ, а также и шкуръ съ ежегодно ловимыхъ волковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдуетъ ста-

* Рѣчь обращена къ вассаламъ.

рательно истреблять волчатъ.» Наконецъ, послѣдняя статья этого страннаго документа содержитъ въ себѣ, быть можетъ, самый рѣдкій перечень всѣхъ растений и плодовыхъ деревьевъ, извѣстныхъ въ девятомъ вѣкѣ *, разведеніе которыхъ требуется августѣйшимъ землевладѣльцемъ во всѣхъ своихъ садахъ.

Таково, въ сущности, главное содержаніе знаменитаго капитулярія *de Villis*; онъ лучше очерчиваетъ домашнее хозяйство, чѣмъ политическую экономію Карла Великаго. Въ другихъ капитуляріяхъ новаго Цезаря встрѣчаются болѣе важныя мѣры относительно нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ, и между ними слѣдующее замѣчательное постановленіе, которое Гизо весьма справедливо находитъ настоящей попыткой ко введенію таксы. «Благочестивѣйшій государь, нашъ король, приказалъ, чтобы никто, будь онъ духовное лицо или мірянинъ, не смѣлъ, какъ во время урожая, такъ и во время неурожая, продавать съѣстные припасы дороже узаконенной цѣны за бушель, и проч.» Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается налогъ въ пользу бѣдныхъ, съ цѣлью искорененія нищенства. «Что же касается до шатающихся по странѣ нищихъ, то мы желаемъ, чтобы каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ кормилъ своихъ бѣдныхъ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ, такъ и въ своихъ домахъ, и не позволялъ бы имъ просить милостыню. Если же встрѣтятся такія нищіе, и не захотятъ работать, то запрещается подавать имъ что либо.» Иногда поведѣнія законодателя выражались въ видѣ вопросовъ: «Попросите епископовъ и аббатовъ, чтобы они объяснили истинный смыслъ такъ часто употребляемыхъ ими словъ: *отказать-*

* Считаю интереснымъ привести главнѣйшія изъ нихъ для моихъ друзей, садоводовъ: Лилія, роза, божья трава, шалфей, рута, огурцы, тыква, перецъ, тминъ, розмаринъ, овечій горохъ, анисъ, горькая тыква, латукъ, крессъ, лапушникъ, горчица, мята, макъ, проскурнякъ, мальва, капуста, лукъ, порей, рѣдька, бобы, горохъ, кервель и повиллица. Изъ деревьевъ Карлъ Великій желалъ, чтобы воздѣлывались въ его помѣстьяхъ яблоки, сливы, рябина, груши, каштаны, персики, орѣхи, миндаль, шелковица, фиги и вишни. Онъ вычисляетъ даже нѣсколько разновидностей яблони.

ся отъ міра сего; по какому признаку можно отличить тѣхъ, которые отказываются отъ свѣта, отъ тѣхъ, которые не отказываются отъ него? Потому ли только, что они не носятъ оружія и не женаты, по церковному? Спросите также, отказался ли отъ свѣта тотъ, кто ежедневно, *не разбирая средствъ*, только и думаетъ объ увеличеніи своихъ богатствъ, то обѣщая людямъ блаженство царства небеснаго, то угрожая имъ вѣчными муками ада; или же, во имя Бога, или какого нибудь святаго, грабитъ всѣхъ и каждаго, богатаго и бѣднаго, пользуясь ихъ простотой и неопытностью?»

Языкъ Карла Великаго былъ одинаково выразителенъ, какъ въ его намекахъ, такъ и въ прямыхъ повелѣніяхъ. Вѣроятно, развращеніе и вліяніе духовенства въ его царствованіе уже получили весьма опасный характеръ, если онъ рѣшился обратиться къ нему съ такимъ рѣзкимъ выговоромъ. Въ другомъ мѣстѣ *, онъ предлагаетъ духовнымъ лицамъ не божиться, не напиваться пьяными, не посѣщать непотребныхъ домовъ, не содержать наложницъ и не требовать слишкомъ много за требы. Ростовщичество было въ то время такимъ же обычнымъ злоупотребленіемъ для духовенства, какъ и для прочихъ классовъ общества. Капитуляріи возвращаются къ нему болѣе чѣмъ въ двадцати статьяхъ, и всячески стараются покрыть его позоромъ. Но эти благочестивыя распоряженія не препятствовали самому императору произвольно опредѣлять цѣнность своей монеты, хорошей, какъ и дурной, и налагать страшныя пени на людей, сомнѣвавшихся въ ея доброкачественности. Впрочемъ, эти насильственные распоряженія вознаграждались мѣрами, нерѣдко благопріятными для крѣпостныхъ, для крестьянъ и для бѣдныхъ, которыхъ приказано было призрѣвать въ особыхъ, для этого устроенныхъ домахъ, и ухаживать за ними во время болѣзни. Церковные уставы занимаютъ въ капитуляріяхъ значительное мѣсто. Судя по этому, нельзя сомнѣваться въ тогдашнемъ значеніи духовенства и монашества, которыя всегда почти стояли во главѣ управления, благодаря своей образованности, и къ которымъ

* *Capitula episcoporum.*

Карль Великій обращался за совѣтомъ въ самыхъ пустыхъ даже дѣлахъ. Они были избавлены отъ военной службы, самой трудной въ то время повинности, отъ которой никто не освобождался и которую каждый обязанъ былъ нести безъ жалованія и безъ опредѣленнаго срока. Всякое оскорбленіе, нанесенное духовному, прямо, или косвенно, наказывалось съ двойною строгостью.

Въ капитуляріяхъ Карла Великаго трудно отыскать слѣды какой либо системы налоговъ. Государственный доходъ, по видимому, состоялъ тогда изъ денежныхъ взысканій, весьма значительныхъ и часто тогда взимающихся, и изъ доходовъ съ оброчныхъ статей императорскихъ помѣстій. Особенная заботливость Карла Великаго относительно этого предмета не оставляетъ сомнѣнія, что поземельная рента его имѣній составляла главнѣйшую статью его бюджета. Нѣсколько пошлинъ, взимающихся на заставахъ, устроенныхъ при большихъ дорогахъ и на мостахъ, приносили ему дополнительные доходы, которыми онъ пользовался сообща съ значительнѣйшими земледѣльцами, и которыя впоследствии, въ феодальную эпоху, породили неимовѣрныя злоупотребленія. Къ царствованію же Карла Великаго слѣдуетъ отнести возстановленіе римскихъ законовъ, воспрещавшихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи, вывозъ хлѣба во время неурожая, и мы уже видѣли, что онъ готовъ былъ назначить *наивысшую цѣну*, по которой долженъ продаваться хлѣбъ, то есть, прибѣгалъ къ мѣрѣ, только усиливавшей то бѣдствіе, которое имѣлось въ виду предупредить. Тѣмъ неменѣе, Карла Великаго можно считать, для тѣхъ полуварварскихъ временъ, государемъ, лучше другихъ понимавшимъ настоящія выгоды торговли. Его капитуляріи заключаютъ въ себѣ множество постановленій, болѣе либеральныхъ, чѣмъ такія же узаконенія римскихъ императоровъ. Онъ поставилъ на границахъ государства особыхъ чиновниковъ, обязанностью которыхъ было стараться облегчать сношенія съ иностранцами, и завелъ при устьяхъ рѣкъ, первыя *сторожевыя суда*, какъ для устрашенія морскихъ разбойниковъ, такъ и вообще для покровительства мореплаванію. Онъ же задумалъ вырыть судоходный каналъ

для соединенія Рейна съ Дунаемъ. По его повелѣнію, установлена была для всей имперіи правильная система вѣсовъ и мѣръ. Онъ жестоко наказывалъ за выдѣлку фальшивой монеты, и строго преслѣдовалъ всякаго рода барышниковъ и перекупщиковъ. Указы его запрещали закупку хлѣба на корню, какъ средство для обогащенія постыдное, имѣвшее цѣлью воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ земледѣльца, и только подымавшее цѣну хлѣба. Въ то же самое время онъ утвердилъ за церквами на вѣчныя времена ихъ земли, запретивъ давать имъ какое либо иное назначеніе, и всячески старался увеличить ихъ доходы, предписывая отказываться въ пользу церкви имѣнія и уплачивать ей десятину, отъ которой не были освобождены его собственныя помѣстья. Мы должны сознаться, что въ его эпоху съ крѣпостными обходились съ бѣльшимъ человѣколюбіемъ и съ большею совѣстливостью, чѣмъ съ несчастными неграми нашихъ колоній. Нельзя было разлучать крѣпостнаго съ его женою, а статья капитулярія, содержащая это постановленіе, опиралась на слова Евангелія: *Что соединено Богомъ, то не можетъ быть разлучено человекомъ* *. Продать или купить крѣпостнаго можно было только въ присутствіи императорскихъ чиновниковъ. Всякая тайная продажа считалась недѣйствительной, и преслѣдовалась.

Эта заботливость о крѣпостныхъ людяхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эту эпоху и въ это царствованіе учрежденіе это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространялось. Безпрерывныя пожалованія императоромъ имѣній вельможамъ и церквамъ ежедневно уменьшали число земледѣльцевъ, бывшихъ въ состояніи прокормить себя своимъ трудомъ; положеніе ихъ становилось до того невыносимымъ, что они стали предпочитать крѣпостное состояніе и даже рабство. Мало по

* Но исполнялись ли въ точности предписанія человѣколюбивыхъ капитуларіевъ, неизвѣстно. Въ настоящее время, три исторіи французскихъ крестьянъ: Дониоля, Лемари и Бонмера, въ особенности послѣдняя, свидѣтельствуютъ о невыносимо тяжкомъ ихъ положеніи въ средніе вѣка и новыя, до 1789 года.

малу исчезли почти все свободные люди, а мелкие поземельные ихъ участки были поглощены теми огромными поместьями, которые щедрою рукою жаловалъ императоръ военной и церковной аристократіи. Такимъ образомъ, смѣшивались понятія о политической власти съ понятіями о поземельной собственности, и тотчасъ же породили феодальную анархію, какъ только мощная рука верховнаго владыки перестала держать въ повиновеніи честолюбивыхъ и сильныхъ вассаловъ. Самъ Карлъ Великій приготовилъ это великое событіе, раздѣливъ имперію между своими дѣтьми, и ослабивъ дѣло собственныхъ рукъ своихъ. Это — самая слабая сторона его славы; а недолговѣчность его дѣяній подала поводъ многимъ историкамъ высказать о немъ слишкомъ строгій приговоръ. Какъ бы то ни было, справедливость требуетъ признать, что Карлъ Великій нисколько не походилъ, ни на большинство своихъ предшественниковъ, ни на большинство своихъ преемниковъ. Все, что мы знаемъ о его просвѣщенной любви къ наукамъ и о благородныхъ усиліяхъ его для ихъ распространенія, все эти смѣлыя попытки централизаціи въ эпоху всеобщаго распаденія, это чудесное созданіе великой имперіи менѣе чѣмъ въ сорокъ лѣтъ, могутъ считаться дѣломъ только высокаго генія, и легко объясняютъ намъ, почему этотъ государь еще при жизни былъ удостоенъ имени Великаго, а по смерти причисленъ къ лику святыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не былъ чуждъ пороковъ своего времени, и что его личная нравственность часто не соответствовала строгости его капитуляріевъ, но темъ неменѣе, его царствованіе не прошло безъ пользы, а труды его нельзя считать обыкновенными, въ особенности, если сравнить ихъ съ жалкими дѣяніями такъ называемыхъ *королей — дармоядовъ*. Карлъ Великій мечталъ о возстановленіи римскаго величія, въ основаніи котораго лежали бы германскія начала. Варваръ и потомокъ варваровъ, онъ успѣлъ укротить принесшую его войну, и достигъ бы своей цѣли, еслибы не взялся за соединеніе элементовъ, слишкомъ несходныхъ, то есть, народовъ, уже раздѣленныхъ различіемъ языка, противоположными интересами и географическими условіями. «Карлу Великому, говоритъ Ре-

нуарь *, казалось, что всё его подданные были или военные, или духовные. Онъ былъ великъ, но только самъ собою и для самого себя. Нѣтъ ни одного человѣка, который стоялъ бы рядомъ съ нимъ, или даже подходилъ бы къ нему. Ему одному принадлежитъ вся слава его царствованія. Движимый временными и случайными требованіями, онъ нерѣдко издавалъ законы ради поддержанія своего управленія, обуздывая возникавшія злоупотребленія; но единства законодательство его не имѣло, и рѣдко отличалось заботами о будущемъ.» Отъ него осталась только наслѣдственность *бенефиций* (пожалованныхъ имѣній), давшая начало феодализму, со всѣми его страданіями и съ зародышами обновленія. Самъ по себѣ феодализмъ былъ ужасенъ; но, за отсутствіемъ монархическаго единства, онъ все же былъ лучше окружавшей его тогда повсемѣстной анархіи; къ изслѣдованію его послѣдствій мы и обратимся.

ГЛАВА XIII.

Утвержденіе феодальной системы и экономическія ея послѣдствія. — Монархія Карла Великаго распадается, вслѣдствіе принципа наслѣдственности леновъ. — Повсемѣстное распространеніе крѣпостнаго права.

Капитуляріи Карла Великаго утвердили главнымъ образомъ власть церкви. Съ этой минуты церковь является посредницей между угнетеннымъ человѣчествомъ и его притѣснителями, и эта роль ея заслуживаетъ полнаго нашего вниманія, такъ какъ капитуляріи сохраняли силу закона во Франціи до самаго царствованія Филиппа Красиваго. Одна только церковь сдерживала своеволие бароновъ, пока не сломила ихъ власти, принявъ сторону народа, подобно тому, какъ она довершила паденіе римской имперіи, заключивъ союзъ съ варварами. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло и полувѣка послѣ смерти Карла Великаго, какъ его имперія уже распалась на семь коро-

* Raynouard, *Histoire du droit municipal en France*, т. II, стр. 385.

левствъ, а графы, герцоги и другіе владѣльцы леновъ, созданные политикой этого великаго человѣка, пользуясь обстоятельствами, начали помышлять о независимости. Лены становились все болѣе и болѣе наследственными, а короли охотно давали на это свое согласіе. Въ одномъ капитуляріи Карла Лысаго, 877 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія: «Если послѣ нашей смерти кто либо изъ нашихъ вѣрно-подданныхъ, движимый любовью къ Богу и преданностью къ нашей особѣ, захочетъ удалиться отъ міра, и если у него есть сынъ, или какой либо другой родственникъ, способный служить общественному дѣлу, то первый можетъ передать сему послѣднему свои поземельные имѣнія, на какихъ ему угодно условіяхъ*.» Другая статья подтверждала это постановленіе, и довершила раздробленіе имперіи на мельчайшіе атомы, такъ какъ къ концу IX вѣка считалось двадцать девять большихъ, болѣе или менѣе независимыхъ леновъ, а къ концу X уже болѣе пятидесяти**.

Это новое раздробленіе общества живописно изображено современными историками: «Государство, нѣкогда столь прекрасно сплоченное, говоритъ одинъ изъ нихъ***, нынѣ разъединено; нѣтъ уже болѣе человѣка, котораго бы можно было считать императоромъ; вмѣсто короля мы видимъ только корольковъ, а вмѣсто королевствъ — только клочки королевствъ.» И дѣйствительно, великая организація Карла Великаго исчезла, и уступила мѣсто слабымъ и буйнымъ феодальнымъ союзамъ, которые не могли бы оказать никакого сопротивленія, еслибы имъ пришлось встрѣтиться съ какимъ нибудь могущественнымъ завоевателемъ. Съ этой эпохи исторія Франціи становится сухою компиляціей провинціальныхъ лѣтописей, постоянно занятыхъ только своими мѣстными интересами, по которымъ весьма трудно слѣдить за общимъ ходомъ цивилизаціи. Самымъ талантливымъ и самымъ добросовѣстнымъ историкамъ приходится прибѣгать къ предположеніямъ для

* *Capitulaires*, éd. Baluze, т. II, стр. 266.

** Гизо, *Cours d'Histoire moderne*, т. II, стр. 435.

*** *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, т. II, стр. 302.

объясненія этого безпримѣрнаго разложенія общества, совершившагося почти мгновенно и неожиданно. Огюстенъ Тьерри приписываетъ это явленіе племеннымъ различіямъ, а Гизо утратѣ политическихъ и административныхъ преданій и отсутствію широкихъ политическихъ воззрѣній. Оба эти мнѣнія мы можемъ считать справедливыми, но только не въ одинаковой степени. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвали внѣшнія политическія связи, развивался духъ племенной, или скорѣе мѣстной особы, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ условій, оцѣнка которыхъ едва ли теперь возможна; тогдашняя Европа должна была походить на нѣкоторыя части нынѣшней Азіи, въ которыхъ смѣлые паши, или независимые владѣтели грабятъ подвластныя имъ племена, не поддерживая другъ съ другомъ даже федеративной связи.

Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что новыя толпы завоевателей безнаказанно вторглись въ нашу страну, и что нападенія съ юга сарациновъ, а съ сѣвера — нормановъ, повергли нашихъ злосчастныхъ предковъ въ самыя ужасныя бѣдствія. Нигдѣ не было болѣе связи, никто не хотѣлъ повиноваться; междоусобныя войны и опустошенія заставили бросить земледѣліе, а голодъ присоединился ко всѣмъ этимъ ужасамъ. Толпа морскихъ разбойниковъ овладѣла Марселью въ 848, а, вскорѣ затѣмъ норманы сожгли Бордо. Они поднялись на судахъ вверхъ по Сенѣ, и ограбили въ 856 Парижъ. Народъ искалъ спасенія въ церквахъ вмѣсто того, чтобы сражаться, а короли соглашались на самыя позорныя договоры, въ силу которыхъ эти самыя норманы, окончательно разоривъ страну, оставляли ее за собою, обязуясь только защищать ее отъ новыхъ нападеній. Такъ получила свое названіе Нормандія отъ имени своихъ опустошителей, и сама столица Карла Великаго, Аахенъ, была ограблена толпою тѣхъ же прашлецовъ, на которыхъ покойный великій государь смотрѣлъ не иначе, какъ на разбойниковъ. Одинъ только Пистойскій указъ * содѣйствуетъ водворенію нѣкотораго по-

* *Capitulaires*, éd. Baluze, т. II, стр. 174. — Онъ состоитъ изъ 37 статей и 3 дополнительныхъ параграфовъ. Между прочимъ онъ имѣлъ

рядка среди этого хаоса анархии и непрекращавшихся смуть; еще не успели пасть укрѣпленные замки бароновъ, какъ они стали снова воздвигаться, чтобы простоять до временъ Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV. Между сеньоромъ, захватившимъ въ свое владѣніе землю, и крестьяниномъ стали возникать новыя отношенія. Феодальные аббаты, герцоги, графы и бароны старались о приобрѣтеніи расположенія и поддержки со стороны своихъ вассаловъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ заботились объ увеличеніи своихъ богатствъ. Они цѣнили земли гораздо больше по ихъ населенію, чѣмъ по доставляемому ими доходу. Башня, грозившая сосѣдямъ и иноземцамъ, приняла подъ свою защиту вассала. Меньшіе въ родѣ, свободные люди и горожане, подъ условіемъ повиновенія, допущены были къ пользованію землей, и могли вступать въ бракъ, не нарушая только интересовъ своего господина. Бароны, пользовавшіеся правомъ сражаться на конѣ, позволяли имъ носить оружіе, и сражаться пѣшкомъ; военный шатеръ содѣйствовалъ такимъ образомъ установленію между ними дружественныхъ отношеній, сблизившихъ понемногу сословія и приготовлявшихъ, хотя и въ весьма отдаленномъ будущемъ, господство равенства. Отдѣльныя села стали сливаться въ одну общину, члены которой были связаны общими интересами, одинаковыми желаніями и даже родственными узами. Кто можетъ сказать, до какой степени эта политическая система, исключительно муниципальная, изъ которой должна была выйти со временемъ вольная община, съ ея промышленными корпораціями, содѣйствовала развитію цивилизаціи и политической экономіи? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ; но переходъ былъ весьма продолжителенъ и тягостенъ, а башня вскорѣ обращена противъ самихъ сель. Безконечныя распрѣя возникли между тысячами сеньоровъ, ко-

въ виду всеобщую перечеканку монеты, при изготовленіи которой дозволено было только десяти городамъ; имъ же опредѣлялось отношеніе золота къ серебру, при чемъ положено было, что одинъ фунтъ золота стоилъ двѣнадцать фунтовъ серебра; указъ заключалъ въ себѣ, кромѣ того, различныя постановленія о пекарняхъ, о надзорѣ за рынками о повѣркѣ вѣсовъ и мѣръ... Прим. автора.

торые смывали нанесенныя имъ обиды кровью своихъ подданныхъ; въ продолженіи болѣе трехъ столѣтій Европа представляла обширную арену, на которой сильный, безъ всякаго состраданія, грабилъ слабого. Не было болѣе столицы, которая давала бы толчекъ общему движенію, ни городовъ, которые принимали бы его; существовали только монастыри, да замки, раздѣленные рѣками безъ мостовъ, недоступными болотами и непроходимыми лѣсами. Правосудіе, чаще жертва насилія, чѣмъ могучій каратель его, засѣдало въ мрачныхъ твердыняхъ, куда приходили съ жалобой ко всемогущему барону. Торговля, обращенная въ простую разноску товаровъ, скрывалась отъ глазъ, за которыми въ настоящее время она гоняется; къ тому же, что она могла предложить заманчиваго людямъ, закованнымъ въ желѣзо, малѣйшія желанія и капризы которыхъ удовлетворялись безчисленными собственными работниками? Число этихъ работниковъ, тѣмъ неменѣе, ежедневно уменьшалось вслѣдствіе разоренія городовъ, то внѣшнимъ врагомъ, то гражданскими усобицами; такъ что, вскорѣ остались только тѣ ремесла, которыхъ производство ограничивалось предметами безусловной необходимости. Духъ свободы погасъ съ исчезновеніемъ большихъ городовъ; не было больше вольностей, не было энергическаго и открытаго соперничества, которое возбуждало бы соревнованіе, какое мы встрѣчаемъ позже среди средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ; все это было замѣщено повсемѣстнымъ умственнымъ и матерьяльнымъ разъединеніемъ, хаотическимъ смѣшеніемъ народовъ и князей. Современники этой эпохи разложенія до того были перепуганы ею, что принимали ее за неизбѣжный конецъ свѣта, и готовились къ нему, какъ къ событію, неподлежащему сомнѣнію. До насъ дошло множество завѣщаній и дарственныхъ записей того времени, вызванныхъ близкимъ ожиданіемъ этой роковой катастрофы. Большая ихъ часть начиналась словами: *adventante mundi vespero*, т. е., такъ какъ близокъ конецъ свѣта. Къ счастью, онъ не пришелъ, и не причинилъ никакихъ бѣдствій, кромѣ тѣхъ, которыя были слѣдствіемъ внушеннаго имъ страха. Во многихъ мѣстахъ работы были прекращены; рабы были

отпущены на волю; люди забывали свою ненависть, и многие грѣшники раскаялись. Какое торжество для церкви, и какіе успѣхи ревностной вѣры. Но въ то же самое время, какое глубокое невѣжество массъ! И чего можно было ожидать отъ нихъ при такой закоsnѣлой дикости!

Поэтому, не удивительно, что это время было самымъ благопріятнымъ для всевозможныхъ злодѣйствъ и насилій. Не было болѣе и рѣчи о политическихъ войнахъ, а слышалось только о грабежахъ разбойниковъ, да о нападеніяхъ пиратовъ. Сеньоры, получившіе право чеканить монету, отправляли правосудіе и самодержавно распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, порвали послѣднія связи всякаго національнаго единства, и представляли Европѣ картину самыхъ кровавыхъ междоусобій. Безчисленные замки ихъ, казалось, поддерживали эту лихорадочную жажду къ самоуправству, доставляя убѣжище всѣмъ возмутителямъ общественнаго спокойствія. Исторія, если только можно такъ назвать этотъ длинный рядъ гнусныхъ подвиговъ, обратилась въ одинъ только беспорядочный, безсвязный, неимѣющій никакого значенія перечень событій, болѣе приличный толпѣ дикарей, чѣмъ жителямъ цивилизованной страны. Однако же, и сквозь этотъ хаосъ можно разсмотрѣть главнѣйшія условія общественнаго положенія работниковъ того времени. Почти всѣ они ушли въ деревни, и дѣлились тамъ на три класса: крѣпостныхъ, крестьянъ и свободныхъ людей. Первые, прикрѣпленные къ землѣ, *adscripti glebae*, считались *вещью* своихъ хозяевъ, настоящею недвижимою ихъ собственностью; несмотря на постановленія капитуляріевъ, выходившихъ, впрочемъ, изъ употребленія, господа снова присвоили себѣ право жизни и смерти надъ ними; они брили имъ головы, пытали ихъ, запрещали имъ вступать въ бракъ, и не позволяли имъ свидѣтельствовать въ судѣ противъ свободныхъ людей. Отъ послѣднихъ они отличались особеннымъ костюмомъ, и не смѣли располагать, посредствомъ завѣщанія, даже тѣмъ рубищемъ, которое едва прикрывало ихъ наготу*. Никакая власть не имѣла права

* Въ этомъ заключалась *mainmorte*. Это право, довольно перемѣнчивое, по словамъ Гизо (*Hist. de la civil. en France, leç. XVII*) имѣеть

стать посредницей между господномъ и его крѣпостнымъ, который, въ этотъ святотатственный періодъ исторіи, находился въ худшемъ положеніи, чѣмъ рабочій скотъ. Поселяне, (*Villani*—жители деревень) отличались отъ крѣпостныхъ тѣмъ, что должны были платить господамъ извѣстный оброкъ, и сами могли пользоваться только оставшимся, за уплатою его, излишкомъ. Впрочемъ, это правило допускало множество исключеній; вообще же, поселяне подлежали оброку и барщинѣ *по произволу и милости господина—taillables et corvéables à merci et à miséricorde*. Небольшое число свободныхъ людей сохраняло тѣнь независимости подъ именемъ *conditionales, tributarii, arimanni*, и эти названія показываютъ уже, что они пользовались ею безусловно. Вѣроятно, это были мелкіе собственники, также платившіе оброкъ сеньорамъ, деньгами или личными услугами, и находившіеся въ такомъ жалкомъ и ненадежномъ положеніи, что часто они сами отказывались отъ своей свободы, болѣе тяжелой, чѣмъ само рабство. Это пренебреженіе званіемъ свободнаго человѣка называлось *abnoxiatio*, и мильоны людей прибѣгали къ нему, чтобы воспользоваться, по крайней мѣрѣ, защитою, которую доставляли своимъ подданнымъ нѣкоторые бароны и монастыри. Взрывы ихъ отчаянія раздавались по всей Европѣ; историки отмѣчаютъ ихъ одновременно во Франціи, въ Англіи и въ Германіи*.

Политическая экономія не въ силахъ объяснить положеніе собственности въ эту плачевную эпоху. Все, что мы знаемъ, это — что одна принадлежала на вѣчныя времена, а другою только можно было пользоваться. Съ теченіемъ времени, большинство вольныхъ собственниковъ, *francs-tenanciers*, мало по

много значеній. Само слово происходило отъ обычая, по смерти крѣпостнаго, отрѣзывать у него кисть руки, и подносить ее его феодалу-помѣщику, въ знакъ того, что все, принадлежавшее мужику, принадлежитъ господину, несмотря на существованіе наслѣдниковъ.

Рус. перев.

* Для ознакомленія съ положеніемъ крестьянъ въ средніе вѣка, см. Dareste de la Chayanne, *Histoire des classes agricoles en France*, Parsi, 1858.

малу превращалось въ вассаловъ, въ ленниковъ, съ цѣлью пріобрѣсть себѣ покровителей, подобно тому, какъ въ низшихъ слояхъ общества, многіе свободные люди, по той же причинѣ, шли въ крѣпостные. Поземельная собственность сдѣлалась такимъ образомъ символомъ силы; посредствомъ цѣлаго ряда захватовъ, къ ней присоединилось множество привилегій, бѣльшая часть которыхъ существуетъ до сихъ поръ, и представляетъ не послѣднюю сторону экономическихъ затрудненій настоящаго времени. Всякій узнаетъ безъ труда преобладаніе феодальной собственности въ затрудненіяхъ отчужденія поземельныхъ имуществъ, въ видахъ общественной пользы или въ видахъ юридическихъ интересовъ; въ неудовлетворительности гипотечной системы, въ распредѣленіи налоговъ, благопріятномъ для поземельной собственности, и въ ея преимуществахъ въ избирательной системѣ, стоящихъ выше прочихъ видовъ собственности? Взгляните на учрежденія Англіи и Германіи; посмотрите, что дѣлается въ Испаніи и Италіи: въ нихъ до сихъ поръ еще господствуетъ феодализмъ! Онъ встрѣчается даже во Франціи, несмотря на революціонные законы, на мельчайшія части раздробившіе поземельную собственность. «Ремесленникъ и купецъ до сихъ поръ въ глазахъ многихъ людей суть сыновья вольноотпущеннаго и раба; и напротивъ того, всѣ предрасположены въ пользу поземельнаго собственника. И это предрасположеніе существуетъ не въ силу того, что онъ земледѣлецъ и работникъ, а въ силу отвлеченнаго его качества, какъ собственника, владѣльца земли, наслѣдника патриція или феодальнаго барона *.» Это самое объясняетъ отчасти, почему цивилизація неполнѣ погнбла въ феодальной періодъ, несмотря на мракъ, нѣсколько вѣковъ тяготѣвшій надъ всѣмъ міромъ. Если великія политическія идеи исчезли въ эту безотрадную эпоху, то, взамѣнъ ихъ, явились великія личности, проникнутыя до такой степени чувствомъ собственнаго значенія, что онѣ заслуживаютъ вниманія историка. Рыцарское вооруженіе и привилегія рыцаря сражаться на конѣ укрѣпили въ сеньорахъ чувство независи-

* Michel Chevalier, *Lettres sur l'Amérique du Nord*, т. II, стр. 268.

мости и чувство своихъ правъ; они сдѣлались, поэтому, единственными представителями человѣческаго достоинства. Феодалыне бароны, настоящіе республиканскіе дворяне, хотя и менѣе просвѣщенные, чѣмъ римскіе и афинскіе граждане, создали для себя международное право, основанное на честномъ исполненіи даннаго обѣщанія и на уваженіи къ клятвѣ. Въ религіозномъ значеніи присяги они искали защиты противъ собственныхъ своихъ страстей, которыя не могло болѣе обуздывать могущественное центральное правительство. Поставивъ въ то же самое время женщинъ подъ покровительство французской вѣжливости (*galanterie*), они подготавливали, быть можетъ, сами того не подозревая, самыя серьезныя перемѣны въ будущемъ. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ, въ союзѣ съ духовенствомъ, они зажгли священное пламя крестовыхъ походовъ, просвѣтившихъ міръ торговлей, между тѣмъ какъ сами они перерождаются свободой, вызванной собственными ихъ распрями *.

Аббатство въ двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Изложивъ образованіе сеньорій, сель и приходовъ, небезынтересно будетъ представить въ настоящемъ случаѣ изображеніе духовной сеньоріи въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, ея администраціи и обязательствъ, налагавшихся ею на своихъ подданныхъ различныхъ классовъ, начиная съ благороднаго, обязаннаго ленной службой, до крѣпостнаго, обязаннаго службой домашней. Мы имѣемъ два, весьма подробные и почти современные документа, оба помѣщенные въ *Alsatia illustrata* Шенфера, о Мармутьерскомъ аббатствѣ, близъ Саверна, въ Альзасѣ, *Majus monasterium, Maurusmunster*. Одинъ изъ этихъ документовъ, *Urbarium*, относится къ 1120 году, и содержитъ списокъ земель, принадлежавшихъ аббатству. Другой, 1144 года, представляетъ уставъ для управленія его имѣніями. При помощи этого документа и комментаріевъ къ нему Антона и Лангеталя, мы можемъ представить довольно вѣрную картину того, что носило названіе кантона (округа) въ средніе вѣка.

* Мы приводимъ изъ вышеупомянутой *Исторіи* Дареста главу, подъ заглавіемъ: *Аббатство въ двѣнадцатомъ вѣкѣ*, представляющую въ самыхъ яркихъ краскахъ экономическое состояніе общества этой эпохи.

Аббатству принадлежала земля Moresmark, на которой расположено было четырнадцать деревень различной величины: Баренбергъ, Домпетеръ или Домпьеръ (*Domus Petri*), Сигристъ (*Signum Christi*), Раутенбургъ, Вейлеръ, Гумбертингенъ, Мармутъе, Швабвейлеръ, Оттервейлеръ, Швейнтеймъ, Вестгофенъ, Тоценгеймъ, Онольшеймъ и Целль. Кроме того, аббатству принадлежало нѣсколько менѣе важныхъ поземельныхъ имѣній въ Сааргау, и право на десятину въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ селахъ.

Земли его были двоякаго рода. Однѣ, которыя непосредственно обрабатывались, составляли главное имущество; онѣ назывались *Terra dominica*. Другія оно отдавало въ аренду на феодальномъ правѣ. Аббатство пользовалось всеми доходами первыхъ; что же касается до вторыхъ, то онѣ облагались различными услугами и натуральными повинностями.

Однѣ доходы шли на содержаніе монаховъ; другіе — на содержаніе аббата. Поэтому, было и два бюджета: 1) монастырскій, для покрытія расходовъ по монастырю, на содержаніе поклонниковъ и бѣдныхъ, на потребности богослуженія и приходскихъ, священниковъ, и 2) аббатскій. Будучи главою этой духовной сеньории, аббатъ обязанъ былъ заботиться и объ ея управленіи. Между прочими феодальными обязательствами, онъ долженъ былъ лично приводить своихъ вооруженныхъ людей Мецскому епископу, своему феодальному начальнику, которому, такъ же какъ и Императору Германскому, онъ обязанъ былъ натуральною повинностью, *gîte*, (т. е. былъ обязанъ кормить и доставлять имъ ночлегъ у себя, и *rouvoirie*, (состоявшую въ томъ, что прислуга его сюзерена имѣла право брать все, что ей для путешествія требовалось, во время такихъ ночлеговъ, у вассала своего господина). Такъ какъ эти повинности были весьма отяготительны, то бюджетъ аббата былъ значительнѣе монастырскаго: въ сущности, послѣдній составлялъ только отдѣльную статью перваго.

Главныя лица аббатства были: повѣренный, правитель или судья, маршалъ, камерарій, меры и лѣсничіе. Повѣренный (*avoué, advocatus, voigt*) три раза въ году созывалъ ассизы, и судилъ на нихъ всѣхъ вассаловъ аббата, несмотря на ихъ санъ, хотя бы даже бароновъ. Жалованье его состояло изъ трети пеней и особыхъ сборовъ на эти судилища. На Рождество и на Пасху онъ получалъ по два поросенка, по одному кабану, по два хлѣба, по шести мѣръ сѣна, одной овса и по четыре мюйда вина; на 14 сентября (*Pentecôte*)—шесть годовалыхъ барановъ, четыре хлѣба, овса и вина.

Правитель или судья (*causidicus*) имѣлъ весьма сложныя обязанности. Какъ судья, онъ разбиралъ споры аббата съ его вассалами; судилъ въ ассизахъ деревенскихъ, на которыхъ присутствовали всѣ свободные оброчные. Въ то же самое время онъ былъ во главѣ всего управленія: ему подчинены были всѣ служащіе, кроме повѣрен-

наго. Онъ завѣдывалъ всѣми работами, заключалъ въ Ивановъ день ежегодные контракты, обнародывалъ всѣ распоряженія, назначалъ дни сѣнокоса, сбора винограда и пр. Онъ же велъ списки продаваемого, назначалъ цѣны вину, и опредѣлялъ время, въ которое монастырскіе крестьяне имѣли право продавать его. Наконецъ, онъ завѣдовалъ финансовымъ управленіемъ. Къ нему поступали всѣ денежные и натуральные сборы, чрезъ посредство меровъ, и въ его рукахъ сосредоточивались всѣ доходы и расходы. У него было два помощника, *ministri* или *comites*. Жалованье его состояло изъ трети пеней и множества вознагражденій разнаго рода, деньгами и натурой.

Маршалъ (*maréchal*) завѣдывалъ монастырскими конюшнями и лошадыми, и пользовался въ извѣстное время года правомъ пасти скотъ на всѣхъ лугахъ монастырской территоріи. Отъ монастыря онъ получалъ пищу, особую ферму и три помѣщенія (*tres curias*), вѣроятно вслѣдствіе того, что долженъ былъ жить въ разныхъ мѣстахъ въ лѣтнее время.

Камерарій (*camerarius*) вѣдалъ исключительно квартиру аббата, жилъ на всемъ готовомъ, и получалъ особыя оброки, на него исключительно предназначавшіеся.

Меры, (*villici, majores*), были старостами деревень, которыми они управляли подъ наблюденіемъ правителя. Они получали особыя фермы, свободныя отъ общихъ поборовъ, и нѣкоторую долю собиравшагося ими оброка. Два изъ нихъ управляли каждый двумя деревнями, и пользовались, вслѣдствіе этого, двумя фермами. За все это они отбывали натурою нѣкоторыя повинности, когда аббатъ, или правитель лично производили въ ихъ деревняхъ судъ. Въ такомъ случаѣ, они обязаны были платить особую подать, состоявшую для каждаго изъ нихъ изъ одного поросенка, восьми хлѣбовъ и четырехъ сетьеровъ вина.

Въ одну изъ деревень, Баренбергъ, ежегодно пріѣзжалъ правитель возобновлять сѣмные контракты арендаторовъ, которыхъ было двадцать одинъ или двадцать два человѣка. По мнѣнію Лангеталя, эти контракты не измѣнялись при возобновленіи.

Лѣсничихъ (*forestiers*) было шестеро. Они завѣдывали охраненіемъ и управленіемъ монастырскихъ лѣсовъ. Каждый имѣлъ въ пользованіи по двѣ фермы, и платилъ ежегодно аббату натурою подать, состоящую изъ одного поросенка, четырехъ сетьеровъ вина, восьми хлѣбовъ, мѣры овса и одного топора, а правителю—шесть копенъ сѣна, шесть сетьеровъ вина, шесть куръ и двѣнадцать хлѣбовъ. Они пользовались нѣкоторыми доходами съ лѣса.

Лѣса, расположенныя внѣ деревень, были внѣ вѣдѣнія меровъ; но крестьяне имѣли право пользоваться ими въ нѣкоторой степени. *Urbarium* называетъ этихъ крестьянъ, смотря по праву ихъ на эти

лѣса, то *socci*, то *consocii*, что даетъ право предположить, что между ними встрѣчались слѣды древняго общиннаго права.

Это были главныя власти аббатства, которымъ подчинены были второстепенные чиновники, какъ келари (казначей), стража, монетный приставъ (аббатъ имѣлъ право чеканить монету), соляной, почтарь, и проч.... Это относительно управления.

Монастырскіе подданные дѣлились на четыре класса.

Къ первому принадлежали бароны, обязанные аббату только воинскою службою на конѣ. Они подлежали непосредственному суду аббата, или вѣрнѣе, его повѣреннаго, и составляли судъ бароніи. Число фермъ, обязывавшее этою военной службой, или, если хотите, *леновъ рыцаря*, было тридцать по всему протяженію сеньоріи.

Свободно-оброчные люди составляли второй классъ. Они платили ежегодно поземельный оброкъ, смотря по величинѣ своего участка, но этотъ оброкъ былъ незначителенъ, ибо наибольшій не превышалъ пяти шиллинговъ. Изъ нихъ составлялись сельскіе совѣты и ассизы, подъ предсѣдательствомъ правителя. Число такихъ фермъ простиралось, въ 1144, до восьмидесяти.

Къ третьему классу принадлежали крѣпостные или арендаторы крѣпостныхъ фермъ (*mensa servilia*). Эти, кромѣ оброка деньгами и натурою, яцами и курами, отбывали еще аббату три дня въ недѣлю барщину, впрочемъ, весьма точно опредѣленную*.

Свои имущества они не смѣли продавать кому либо, кромѣ односельчанъ и монастырскихъ людей. Лежавшіе на нихъ оброки были довольно разнообразны; главный состоялъ изъ извѣстнаго процента съ продаваемого ими вина.

Наконецъ, послѣдній классъ состоялъ изъ людей, вовсе неимѣвшихъ поземельныхъ участковъ, и исполнявшихъ обязанности служителей. На нихъ лежала служба внѣ монастыря и тѣ сельскія работы, исполненіе которыхъ не лежало на крѣпостныхъ предыдущаго класса. Они содержались и кормились на счетъ монастыря, но денегъ не получали вовсе: были между ними такіе, которые, вмѣсто пищи,

* На это не существовало общаго правила; число рабочихъ дней, установленное на древнихъ обычаяхъ, измѣнилось, смотря по времени года. Въ Прюмскомъ аббатствѣ (въ Рейнской Пруссіи) крѣпостные обязаны были, смотря по времени, двумя, тремя и четырьмя днями барщины. — Въ одной деревнѣ, принадлежавшей Мармутѣе, барщина отбывалась въ апрѣлѣ и въ маѣ по три дня въ недѣлю, впродолженіи четырехъ недѣль; съ мая по Ивановъ день — полдня (послѣ обѣда) въ недѣлю; съ Иванова дня до сѣнокоса (бывшаго въ іюлѣ), каждая ферма обязана была двухдневной барщиной въ недѣлю; во время уборки хлѣба — три полудня (послѣ обѣда) — А отъ Мартынова дня до Рождества, для разныхъ работъ, перевозки дровъ, три полныхъ дня въ недѣлю. Лангеталь, кн. II, стр. 359.

получали для своего содержанія соотвѣствующій ему небольшой участокъ земли.

Быть можетъ, небезынтересно обозначить, на основаніи *Urbanium*'а, съ большою подробностью, работы крѣпостныхъ, снимавшихъ крѣпостныя фермы, и работы, требовавшіяся отъ простыхъ служителей.

«Крѣпостные третьяго класса жали хлѣбъ, свозили его въ житницы и выгружали его; этимъ ограничивались ихъ работы по уборкѣ хлѣба; они не были обязаны ни вязать снопы, ни складывать ихъ въ скирды. То же самое должно сказать и относительно ихъ работъ во время винодѣлія; они обязаны были срѣзать виноградъ и свезти его въ давилню; остальное исполнялось служителями. То же и относительно сѣна; они косили его, свозили въ сараи, и выгружали. Они должны были также привезти дрова на кухню и въ пекарню — и только. Наконецъ, они свозили и навозъ, но уже вывезенный изъ конюшни. Они являлись съ восходомъ солнца, и отправлялись домой съ его закатомъ, ничего не получая за свою работу.»

Каждая ферма (вѣроятно, только крѣпостная) обязана была выслать одного косца, но всѣ сильные и здоровые люди должны были принять участіе въ уборкѣ сѣна на всемъ протяженіи монастырскихъ земель. Отъ этой обязанности никто не освобождался, иначе какъ съ разрѣшенія владѣльца деревни. Каждый косецъ получалъ отъ аббата хлѣбъ, и одинъ годъ — мясо и медъ, а другой годъ — сыръ и вино. Каждый сѣмщикъ фермы обязанъ былъ вспахать четыре морга земли съ такимъ же стараніемъ, какъ собственное свое поле: три морга онъ долженъ былъ вспахать осенью и одинъ — весною. За эту работу каждый пахарь получалъ три хлѣба, и осенью — пива, а весною — вина. Каждая ферма обязана была выставить одного жнеца, какъ для озимыхъ, такъ и для яровыхъ жатвъ; жнецъ получалъ два раза въ день пищу, и сверхъ того, одинъ хлѣбъ.»

Подробности эти необходимы для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ крѣпостныхъ барщинниковъ (*servi triduanii*). Что же касается до служителей, слывшихъ подъ названіемъ людей св. Мартына, то они состояли въ полномъ распоряженіи правителя и его помощниковъ: *Ad omnia in omnibus, ac si proprii servi, obtemperabunt*. Ихъ дѣломъ было: «вязать снопы, складывать скирды, молотить хлѣбъ и просѣвать его, давить виноградъ и готовить вино; колоть дрова, топить печи на кухнѣ и въ пекарнѣ, помогать при приготовленіи хлѣба и пива; убирать комнаты аббата, собирать его въ путь, держать въ порядкѣ тюрьму сенъоріи, очищать отхожія мѣста и производить прочія работы, исполняемыя обыкновенно рабами и слугами.»

Сравненіе документа 1120 съ документомъ 1144, подало Лангеталю поводъ къ весьма интереснымъ замѣчаніямъ. Такимъ образомъ; по послѣднему, барщина оказывается упрощенной, оброки уравнены, подушная подать съ крестьянъ отмѣнена; дозволенъ денежный вы-

купъ многихъ барщинъ; наследственность званія мера, существовавшая до этого времени на дѣлѣ, была освящена закономъ. Извѣстно, что въ XII вѣкѣ произведены были повсемѣстные пересмотры жалованныхъ грамотъ на феодальныя помѣстья, и что пересмотръ этотъ былъ всегда благопріятенъ для земледѣльцевъ, успѣвшихъ улучшить свое положеніе и увеличить свою свободу. (Daresté de la Chavanne. *Histoire des classes agricoles en France*. Изд. 1858. стр. 175 и пр.)

Прим. франц. изд.

ГЛАВА XIV.

Крестовые походы и ихъ вліяніе на успѣхи политической экономіи въ Европѣ.—Десятина Саладина.—Переворотъ въ обычаяхъ.—Успѣхи мореплаванія, промышленности и торговли.

Полурыцарское и полурелигіозное предпріятіе, какимъ были крестовые походы, оказалось событіемъ весьма счастливымъ, среди феодальной анархіи, господствовавшей во всей Европѣ. Оно задумано было духовенствомъ, но исполненіе его принадлежитъ исключительно рыцарству, которому такъ дорого обошлась эта благородная горячка; что же касается до народа, то онъ извлекъ изъ нихъ дѣйствительныя выгоды, и самую первую изъ нихъ было его освобожденіе отъ великаго множества своихъ притѣснителей. Въ самомъ дѣлѣ, сколько важныхъ событій порождено было знаменитыми крестовыми походами! Освобожденіе общинъ, измѣненіе крѣпостнаго состоянія, появленіе средняго сословія (буржуазіи), пробужденіе промышленности, воскрешеніе торговли и мореплаванія, и появленіе блестящихъ и поэтическихъ итальянскихъ республикъ. Все это было дѣломъ не одного дня; но разъ начатое, оно не переставало двигаться вѣрнымъ шагомъ къ своей конечной цѣли. Съ каждымъ новымъ днемъ, поколѣніе за поколѣніемъ приносило этому дѣлу свою дань ума и энтузіазма: до такой степени міръ, утомленный феодальнымъ безначаліемъ, жаждалъ остановиться на мысли, преисполненной славы и будущности!

Чрезвычайно любопытно прослѣдить за успѣхами этого преобразования чрезъ смутную исторію одинадцатаго вѣка: все,

какъ бы волшебствомъ, содѣйствуетъ этой перемѣнѣ, отъ похищенія престола Гуго Капетомъ до странствованій трубадуровъ. По числу охотниковъ, принявшихъ участіе въ отважномъ предпріятіи, можно было подумать, что вся Европа готова ринуться на востокъ, продолжать вторженіе, едва усѣвшееся на западѣ. Въ походѣ приняли участіе не одни воины; вслѣдъ за ними двинулись безчисленные толпы работниковъ купцовъ, праздношатающихся, нищихъ, богачей, монаховъ, женщинъ, и даже грудныхъ дѣтей *. Нестройная толпа эта нерѣдко причиняла гибель арміи, сопровождавшею ее всюду беспорядочностью и нищетой. Голодъ производилъ въ ней большія опустошенія, чѣмъ мечъ непріятели, такъ что, въ настоящее время мы не можемъ даже составить себѣ понятія о тѣхъ бѣдствіяхъ, печальную картину которыхъ передаютъ намъ историки. Одинъ изъ лѣтописцевъ, свидѣтель событія, восклицаетъ: «О еслибы небо не допустило папу позволять слабымъ становиться въ ряды крестоносцевъ; еслибы оно внушило ему вручить сильнымъ мечъ, вмѣсто котомки, и лукъ, вмѣсто посоха!» Нельзя не упомянуть здѣсь о пагубной страсти, проникшей съ этой эпохи въ европейскіе нравы и получившей свое происхожденіе между крестоносцами; о говорю объ азартной игрѣ. Жажда быстрого обогащенія овладѣла всѣми, начиная съ главныхъ военачальниковъ и кончая послѣднимъ солдатомъ. Послѣ завоеванія Константинополя, рыцари не разъ проигрывали въ кости города и провинціи Греческой имперіи. Товарищи Людовика Святого, въ бытность свою въ Даміеттѣ, ставили на кости своего коня и свои доспѣхи.

Невольно рождается вопросъ, какая причина могла побудить эту несмѣтную массу людей покинуть свою родину, чтобы добровольно подвергнуть себя подобнымъ опасностямъ? Главная роль въ этомъ отношеніи несомнѣнно принадлежитъ религіозному настроенію умовъ; но и бѣдность, крѣпостное состояніе, надежда на лучшую будущность тоже имѣли значительное вліяніе. Однимъ изъ законовъ, вызванныхъ кре-

* Michaud, *Histoire des Croisades*, т. VI, стр. 43.

стовыми походами, присуждались земли, дома, даже города, тому, кто первый водрузитъ знамя въ землѣ невѣрныхъ. Первые крестоносцы были избавлены отъ податей и освобождались отъ обязанности уплатить свои долги*. Имѣнія ихъ поступали подъ покровительство церкви, и, вопреки коренному обычаю феодальнаго права, имъ дозволялось закладывать и продавать свои лепы, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ, не испрашивая разрѣшенія сеньоровъ. Крестоносцы были подсудны только духовнымъ судилищамъ. Всѣми овладѣла такая религіозная горячка, что ремесленники, купцы, земледѣльцы покидали свои работы и занятія. Бароны и сеньоры спѣшили освободиться отъ своихъ помѣстій. Земли и замки отдавались за самыя ничтожныя суммы, и это обстоятельство, вызвавъ глубокія измѣненія въ системѣ собственности, оказало немалое содѣйствіе постепенному и рѣшительному освобожденію общинъ. Осѣдлые горожане мало по малу обогатились, вслѣдствіе продажи помѣстій странствующимъ рыцарствомъ, а вмѣстѣ съ землями, перешла такимъ образомъ и власть въ руки новыхъ владѣльцевъ. Было время, когда земли вовсе не находили покупателей. Крестоносцы пренебрегали всѣмъ, что не могли увезти съ собою; произведенія земли продавались за безцѣнокъ, такъ что, вмѣсто дороговизны, вдругъ наступило изобиліе.

* Вотъ нѣкоторыя постановленія относительно этихъ преимуществъ: «Воины, надѣвшіе крестъ, получаютъ право уплатить свои долги, какъ христіанамъ, такъ и евреямъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, считая съ перваго праздника Всѣхъ Святыхъ; отъ уплаты же процентовъ освобождается каждый со дня принятія креста. Если какой нибудь рыцарь, или духовный, заложитъ на извѣстный срокъ свое имѣніе, или горожанину—крестоносцу, или же рыцарю, или духовному—некрестоносцу, то закладчикъ сохраняетъ на первый годъ право пользоваться доходами съ заложеннаго имущества, а залмодавецъ, по окончаніи срока заклада имущества или фермы, имѣетъ право удержатъ закладъ еще на годъ, въ вознагражденіе за первый, потерянный годъ. Ни одинъ крестоносецъ не можетъ быть призванъ къ суду за неисполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ, со дня его отправленія до дня возвращенія, исключая тотъ случай, когда призывъ къ суду сдѣланъ былъ ранѣе принятія имъ креста.»

Прим. автора.

При внимательномъ изученіи подробностей этого великаго общественнаго движенія, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкотораго сходства съ предшествовавшимъ нашествіемъ варваровъ. Это были тѣ же надежны на наслажденія и на обогащеніе; и подобно тому, какъ Европа казалась варварамъ страной несравненно лучшей, чѣмъ ихъ лѣса и болота, такъ и теперь востокъ представлялся крестоносцамъ ни съ чѣмъ несравнимымъ Эльдорадо, *настоящимъ преддверіемъ Рая*, по наивному выраженію одного изъ нихъ *. Любовь къ простору и свободѣ, увѣренность въ освобожденіи отъ крѣпостнаго рабства, съ женами и дѣтьми, привлекала подъ знамена тысячи людей. Монахи, которымъ надоѣла строгая монастырская дисциплина, могли избавиться отъ нея путешествіемъ въ святую землю; даже преступники, получившіе отпущеніе посредствомъ индульгенцій, толпами становились подъ знамя креста, и направлялись въ Іерусалимъ. Люди, имѣвшіе настолько здраваго смысла, чтобы устоять противъ общаго увлеченія, извлекли значительныя выгоды изъ приобрѣтенія земель и всякаго рода предметовъ, а также изъ продажи лошадей и оружія, спросъ на которыя усилился до небывалыхъ размѣровъ. Кому неизвѣстны страшныя бѣдствія, погубившія безумную и грубую толпу въ первый походъ на востокъ, куда прибыли здоровыми и невредимыми только весьма немногіе изъ пилигримовъ. При второмъ походѣ, принуждены были установить нѣкоторый порядокъ при вербованіи охотниковъ, и налагать нѣкоторыя условія на тѣхъ, кому разрѣшалось отправиться въ походъ. Третій походъ вызвалъ введеніе *Саладиновой Десятины* **, особаго насильственнаго налога, предназначавша-

* Были, впрочемъ, и болѣе положительные въ своихъ желаніяхъ. Въ письмѣ къ графу Фландрскому, Алексѣй приводитъ между прочими причинами, одушевлявшими крестоносцевъ, *amor auri et argenti et pulcherrimarum feminarum voluptas*, любовь къ золоту, и серебру и надежду обладать красивѣйшими женщинами міра. Прим. автора.

** Содержаніе этого интереснаго постановленія сохранено Ригордомъ, *хронографомъ* Филиппа—Августа, ведшимъ на дурномъ латинскомъ языкѣ лѣтопись царствованія этого государя. Постановленіе это начиналось такимъ образомъ: «Все, непріявшіе креста, должны

гося на удовлетвореніе нуждъ крестоносцевъ, и отъ котораго освобождались только лично отправлявшіеся въ походъ. Феодализмъ до того проникъ въ нравы и законы, что негодование противъ людей, сопротивлявшихся этой десятинѣ, основывалось главнымъ образомъ на томъ, что они отказывали самому Иисусу Христу, верховному сюзерену, въ томъ, что всякій добрый вассаль обязанъ приносить своему сеньору. Если, несмотря на эти чрезвычайныя мѣры, все таки денегъ не доставало вождямъ, отправлявшимся въ походъ, но они принимались открыто грабить евреевъ, грековъ и даже христіанъ. Случалось, что недостатокъ въ продовольствіи и лишенія достигали до такихъ размѣровъ, что приходилось облагать налогомъ даже церковныя и монастырскія имѣнія, что вызвало горькія жалобы со стороны духовенства. Это называлось тогдашними монахами *отдавать на разграбленіе туркамъ виноградникъ Господа*, гнусное дѣло, достойное мукъ ада.

Переворотъ, произведенный крестовыми походами, имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на развитіе европейскихъ учреждений, чтобы не вызвать тщательнаго изслѣдованія, какимъ образомъ могли продовольствоваться эти отдаленныя экспедиціи. Въ началѣ, какъ мы видѣли, достаточно было одного энтузіазма; крестоносцы-волонтеры содержали себя сами на деньги, доставшіеся имъ отъ продажи земель, или полученныя въ долгъ; позже, пришлось кормить ихъ и выдавать имъ жалованье, потому что всюду жители бѣжали при ихъ приближеніи, оставляя имъ однѣ пустыни. Существуетъ одно странное письмо Папы Иннокентія III къ предводителямъ пятаго крестоваго похода: «Вы посвятили себя, говорилъ онъ, на службу распятому, которому принадлежитъ вся земля.

отдать въ этомъ году по меньшей мѣрѣ десятину своего движимаго имущества и всѣхъ своихъ доходовъ. Воинъ-некрестоносецъ долженъ отдать крестоносцу-рыцарю, своему феодальному владѣльцу, десятую долю своей движимости и полученнаго имъ отъ него лена. Всѣ міряне должны отдать свою десятину, подъ присягой и подъ страхомъ анафемы, а духовные, подъ страхомъ отлученія отъ церкви.» Въ настоящее время, мы знаемъ только приношенія, вынужденныя силой.

Прим. автора.

Еслибы вамъ отказали въ необходимомъ продовольствіи, то не можетъ показаться дѣломъ несправедливымъ, если, *со страхомъ Божиимъ и съ напирніемъ возвратитъ забраное*, вы возьмете его всюду, гдѣ только найдете его.» Ученый историкъ крестовыхъ походовъ, сообщающій это письмо, весьма справедливо прибавляетъ: «Мы считаемъ излишнимъ говорить, что крестоносцы съ большою охотой слѣдовали совѣтамъ папы, и даже вовсе не дожидались ихъ, чтобы добыть себѣ необходимое продовольствіе.» Впрочемъ, обычай грабить не всегда спасалъ ихъ отъ голода, и исторія крестовыхъ походовъ полна рассказовъ о ихъ бѣдствіяхъ. Нѣкоторый порядокъ въ снабженіи ихъ съѣстными припасами появился только въ то время, когда походы стали производиться моремъ, при посредствѣ государствъ, лежавшихъ по берегамъ Средиземнаго моря.

Результаты крестовыхъ походовъ оцѣнивались различно, смотря по точкѣ зрѣнія, на которую становились историки. Если смотрѣть на нихъ по отношенію къ гражданской свободѣ, то нельзя не признать, что они содѣйствовали смягченію рабства тѣмъ обстоятельствомъ, что множество крѣпостныхъ, принадлежавшихъ дворянству, перешло теперь въ болѣе мягкую зависимость отъ духовенства. Уменьшеніемъ богатства и числа поземельныхъ владѣльцевъ они подготовили господство средняго сословія. Постоянное требованіе на солдатъ уменьшило количество населенія и улучшило положеніе тѣхъ, которые остались дома. Въ то же самое время послѣдніе, на которыхъ возложено было мѣстное управленіе, на время отсутствія владѣльцевъ, исполняли свои обязанности съ большей умѣренностью, и вызвали въ населеніи привычки, противъ которыхъ вернушіеся изъ похода бароны не въ силахъ были бороться. Миръ царствовалъ въ селахъ во все то время, въ которое владѣльцы замковъ сражались въ Святой Землѣ. Придуманное духовенствомъ *Божіе перемиріе* (*trève de Dieu*) *, еще болѣе освященное походами въ Свя-

* Въ первый разъ о немъ упоминается въ 1041 г., въ царствованіе французскаго короля Генриха I, когда былъ изданъ законъ, по

тую Землю, поставило подъ защиту церкви земледѣльца и мирныя его занятій, я скажу даже, его независимость. Неизвѣстно, къ чему бы привелъ этотъ союзъ, еслибы крѣпостные люди, отирававшіеся въ Иерусалимъ, вздумали обратить въ пользу своего возрожденія тотъ энтузіазмъ, который подымалъ ихъ на завоеваніе гроба.

Духовенство незамѣтно заступало мѣсто дворянства въ управленіи правосудія и въ покровительствѣ вдовамъ и сиротамъ, чужестранцамъ, бѣднымъ и *прокаженнымъ (lépreux)**. Оно принимало подъ свою опеку всѣхъ малолѣтнихъ, покинутыхъ своими семействами; ограничивая духовными наказаніями свои уголовныя приговоры, оно замѣшало топоръ сеньоровъ оружіемъ, менѣе смертельнымъ, но неменѣе уважаемымъ. Его возрастающее съ каждымъ днемъ преобладаніе пробудило наконецъ зависть въ баронахъ, которые составили въ тринадцатомъ вѣкѣ противъ него союзъ, требуя, чтобы оно отдавало *Кесарю Кесарево*. Потребовалось вмѣшательство папъ, чтобы успокоить эту распрю, которая снова возникнетъ въ будущемъ, и послужить дѣлу свободы. Она вызоветъ парламенты, ту мѣщанскую справедливость, дочь духовенства, оказавшую такія услуги человѣчеству воскрешеніемъ уваженія къ древнему римскому правилу, требовавшему, чтобы *мечъ уступалъ тогѣ (cedant arma togæ)*. Необходимо припомнить также, что забота о будущемъ, огромное число завѣщаній и договоровъ, которые должны были заключить

которому съ среды вечера до понедѣльника утра воспрещалось *грабить* земледѣльцевъ, во время войны. Рус. перев.

* Это были не только больные, но и люди, составлявшіе какое то особенное сословіе, особенную касту въ народѣ, ибо прокаженному воспрещалось даже вступать въ бракъ съ непрокаженною, а мѣстами, чтобы стать горожаниномъ (*bourgeois*), надо было имѣть свидѣтельство о непронсхожденіи отъ прокаженнаго. Для нихъ строили особыя дома (*ladrerries, leproseries, maladreries*). Преслѣдованіямъ ихъ не было конца; ихъ считали то общественными врагами, то отравителями, подкупленными невѣрными сарацинами или евреями. Ихъ называли также *mesaux* и *ladres* (отъ *Lasarus*). И теперь еще въ Италіи зовутъ *ladri*—воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ.

Рус. пер.

всѣ, отправлявшіеся въ походъ, усиливали уваженіе къ праву и правосудію, а потому, оказывали услугу законодательству и юриспруденціи. Еще болѣе значительные успѣхи сдѣланы были промышленностью, мореплаваніемъ и торговлей. Казалось, что моряки всѣхъ странъ сговорились свидѣться въ восточныхъ моряхъ. Бременъ и Любекъ познакомились съ Генуею и Венеціею. Балтійское море, таинственное убѣжище норманскихъ пиратовъ, было открыто и изслѣдовано. Ганзейскіе города, оградивъ свою свободу общими интересами торговли, приготовили на сѣверѣ союзъ, вступившій въ соперничество съ итальянскими республиками, и, подобно имъ, содѣйствовавшій успѣхамъ цивилизаціи. Кораблестроительное искусство увеличило размѣры кораблей, чтобы облегчить перевозку пилигримовъ. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ третьяго крестоваго похода, изъ портовъ Венеціи и Генуи вышли грозные флоты, какихъ еще никогда не видали волны Средиземнаго моря. Барселонскіе моряки издали первое собраніе морскихъ законовъ, которые были приняты всею Европой. *Иерусалимскіе ассизы* заключаютъ нѣсколько такого рода постановленій, и исторія сохранила намъ многія постановленія Ричарда-Львиное-Сердце, относительно поддержанія порядка на его флотахъ. Морскіе разбои были прекращены. Морская полиція, строго содержавшаяся двумя или тремя заинтересованными этимъ дѣломъ европейскими государствами, оказала большое содѣйствіе успѣхамъ торговли, положивъ первыя основанія для ея безопасности. Караваны судовъ слѣдовали вдоль береговъ, на которыхъ сражались крестоносцы, и обогащались продажей имъ военныхъ принадлежностей и сѣстныхъ припасовъ.

Промышленность извлекла не меньшія выгоды, чѣмъ торговля, отъ толчка, даннаго мысли человѣческой многочисленными походами въ Святую Землю. Извѣстно, что крестоносцы набирали войско преимущественно изъ людей, знавшихъ какое нибудь мастерство; путешествіе этихъ пилигримовъ-промышленниковъ не всегда было безплодно для ихъ страны; между тѣмъ какъ товарищи ихъ отправлялись на завоеваніе Святой Земли, промышленность тоже имѣла свои кре-

стовые походы, и завоевала у сарацннъ и грековъ секреты и приемы, болѣе драгоцѣнные, чѣмъ побѣды мечемъ *. Въ Дамаскѣ выучились крестоносцы искусно обрабатывать металлы и готовить ткани; они встрѣтили на востокѣ фабрики шерстяныхъ матерій, образчики которыхъ вызвали удивленіе въ королевѣ Маргаритѣ. Многіе греческіе города имѣли фабрики шелковыхъ издѣлій, вызвавшія разведеніе тутовыхъ деревьевъ въ Италиі, а затѣмъ, громадное развитіе ея прекрасныхъ шелковыхъ тканей. Тирскіе стеклянные заводы содѣйствовали усовершенствованію превосходныхъ венеціанскихъ фабрикъ, пользовавшихся въ средніе вѣка такую заслуженною извѣстностью. Сами вѣтряныя мельницы перешли въ Европу тоже съ крестоносцами. Сахарный тростникъ, который они увидѣли въ первый разъ въ Триполи, былъ перевезенъ ими въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ Сицилію; множество другихъ, неменѣе полезныхъ растений, между прочимъ маисъ или кукуруза (*maïs—blé de Turquie*), также одолжены имъ своимъ разведеніемъ въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе, сколько потребовалось времени и усилій, чтобы завоеванія эти могли принести плодъ, въ особенности, если припомнить, что самые передовые люди эпохи, Жуанвиль на примѣръ, чистосердечно вѣрили, что перецъ и корица *растенія райскія*, и что пряности ловятся сѣтями изъ Нила, куда ихъ заноситъ вѣтромъ **.

Вообще же, крестовые походы усилили власть королей, и внесли важныя измѣненія въ феодальное право. Рыцари, обратившись въ подданныхъ, горожане, сдѣлавшись купцами, города, обогатившись торговлей, обезнечили государственные доходы новыми обильными и вѣрными источниками, которые въ свою очередь, упрочили королевскую власть. Теперь, уже

* Michaud, *Histoire des croisades*, т. VI, стр. 346. Переведена на русскій языкъ И. Бутовскимъ, подъ заглавіемъ *Исторія крестовыхъ походовъ*, 5 ч. СПб. 1841.

** *Memoires de Joinville*, т. II, стр. 36, изд. Дюканжа. Жуанвиль—французскій историкъ начала XII вѣка, другъ Людовика Святаго, сопутствовавшій этому королю въ его крестовыхъ походахъ.

можно было выставить противъ дворянства третіе сословіе, которое, благодаря покровительству королей, обратилось мало по малу въ классъ сильный и уважаемый. Не всѣ государства Европы достигли въ одинаковой степени этихъ результатовъ, но главною вызвавшею ихъ причиною были, тѣмъ не менѣе, крестовые походы. Ниже, мы подробнѣе разсмотримъ освобожденіе общинъ, а здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что только со времени экспедицій крестоносцевъ начали онѣ пользоваться нѣкоторою независимостью. Сама торговля, къ которой выказывали иногда уваженіе даже варвары, погибла бы среди феодальнаго безначалія, еслибы потребности святой войны не возвратили ей прежней свободы. Въ то время, какъ въ Византіи все было отдано въ монополію, хлѣбъ, вино, масло, всѣ предметы продовольствія *, въ прибрежныхъ городахъ Средиземнаго моря, подъ покровительствомъ крестоносцевъ, продавались безъ всякихъ стѣсненій всякаго рода съѣстные припасы. Венеціанцы распространяли начала свободы торговли всюду, куда только ни проникало ихъ политическое вліяніе. Имъ обязаны мы учрежденіемъ первыхъ факторій или торговыхъ конторъ, послужившихъ образцемъ для такихъ же, современныхъ намъ заведеній. Короли Іерусалима, нуждавшіеся въ венеціанскихъ купцахъ, давали имъ многочисленныя привилегіи и дарили имъ земли. Вотъ какимъ образомъ возникло въ Европѣ стремленіе къ заведенію колоній, а, вмѣстѣ съ нимъ, и тѣ кровавыя распри, тѣ промышленныя предпріятія и финансовыя операціи, въ которыхъ евреи, эти великіе финансисты среднихъ вѣковъ, играли роль, вполне заслуживающую нашего вниманія.

* Heeren, *Essai sur l'influence des croisades.*

ГЛАВА XV.

Значеніе евреевъ въ средніе вѣка.—Услуги, оказанныя ими политической экономіи.—Дѣйствительно ли они—первые основатели кредита?—Происхожденіе *векселя* и *ломбардовъ* (*Monts-de-piété*).

Между тѣмъ какъ феодальная система покрывала Европу шлагбаумами, заставами и всякаго рода преградами *, торговля искала себѣ убѣжища среди одного, гонимаго всѣми народа, и готовилась въ его рукахъ къ той блистательной будущности, которую должны были обезпечить за ней крестовые походы. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть любопытнѣе быстро возрастанія богатствъ среди непрерывныхъ смуть феодальнаго безначенія, и въ рукахъ людей, самымъ безжалостнымъ образомъ обираемыхъ въ эту эпоху грабительства и насплія. Для исторіи политической экономіи небезынтересно будетъ изложить въ бѣгомъ очеркѣ, какимъ образомъ возникло это замѣчательное явленіе, имѣвшее самое рѣшительное вліяніе, несмотря на условія, менѣе всего для него благоприятныя.

Я не войду въ настоящемъ случаѣ въ изложеніе исторіи еврейскаго народа и безконечныхъ его несчастій. Гонимый язычниками, гонимый христіанами и магометанами, онъ, казалось, только и питался преслѣдованіями и оскорбленіями, втайнѣ вознаграждая себя золотомъ за поношенія его вѣрваній, и постоянно оказывался тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ

* Чтобы дать понятіе о разнообразіи всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ поборовъ, достаточно упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. За переходъ чрезъ мостъ платился *pontaticum*, за входъ въ гавань *portaticum*. Сеньоры взимали *ripaticum* съ судовъ, проходившихъ мимо береговъ ихъ владѣній, и *tranaticum* — за провозъ черезъ оныя товаровъ на саняхъ. За освобожденіе отъ постоя платился *mansionaticum*, за вдыхаемую торговыми возами на дорогахъ пыль взибался *pulveraticum*. Еще уплачивались *teloneum*, *paraverdum*, *cespitaticum*, *coenaticum* и множество другихъ, съ такими же варварскими наименованіями, какъ и поводъ, вызвавшій ихъ установленіе.

сильнѣе его ненавидѣли. Уже во времена Карла Великаго, при дворѣ стараются расположить въ свою пользу евреевъ, хотя послѣдніе не пользовались еще никакими правами, и не считались даже гражданами. При Людовикѣ Благочестивомъ, имъ отказываютъ въ милости Божьяго суда и испытанія водою и огнемъ; но, взаменъ этого, они получаютъ особенныхъ судей; а въ 828 мы встрѣчаемъ особеннаго чиновника, весьма важнаго сановника, облеченнаго въ званіе *министра евреевъ* (*maitre des juifs*), который творилъ надъ ними судъ и защищалъ ихъ. Вотъ почему много евреевъ переселилось въ эпоху второй династіи во Францію, въ особенности, въ ея южные города, куда привлекали ихъ выгоды торговли, возможность найти убѣжище бѣгствомъ за границу, и удобства сношеній съ своими единовѣрцами въ Азіи. Было время, когда они, казалось, готовы были захватить всю власть въ свои руки; *министръ* ихъ жилъ при дворѣ, и былъ самымъ близкимъ совѣтникомъ государя; принцы и вельможи заискивали ихъ расположенія богатыми подарками; они даже надѣляли ихъ преимуществами, которымъ завидовали свободные люди.

Феодальная система не признавала за евреями никакихъ правъ; они подчинялись общему крѣпостному закону, и повинивались поземельнымъ владѣльцамъ, на земляхъ которыхъ жили. Какъ еретики, они не могли пользоваться, подобно прочимъ крестьянамъ, покровительствомъ закона, и потому, они обмѣнивались, продавались и даже давались на подержаніе, какъ рабочій скотъ. Но, несмотря на это, ихъ существованіе все еще было сносно, пока не поднялись на нихъ первыя систематическія гоненія при Филиппа I, который, въ 1096 году, изгналъ ихъ изъ Франціи. Немного спустя, благодаря своимъ богатствамъ, они возвратились назадъ, и были бы, можетъ быть, оставлены въ покоѣ, еслибы не крестовые походы, возбуждившіе релігіозный фанатизмъ, а слѣдовательно, и жестокія преслѣдованія евреевъ. На нихъ пали расходы не одного похода въ святую землю, при содѣйствіи безчисленныхъ, нелѣпныхъ и гнусныхъ обвиненій, ставившихъ ихъ въ необходимость непомѣрными контрибуціями выкупать свою

жизнь, день за днемъ, отъ ярости народа. Послѣ непродолжительнаго покровительства Филиппа-Августа, они прирешены были, во все время царствованія этого государя, къ самому жалкому существованію, и должны были переносить всякаго рода оскорбленія; а позже, имъ приказано было носить особый костюмъ, который выдавалъ ихъ, и нерѣдко подвергалъ ихъ убійству и грабежу. Людовикъ Святой преслѣдовалъ ихъ самыми безпощадными законами, освободилъ ихъ должниковъ, запретилъ имъ всякія жалобы на христіанъ, и довелъ свою жестокость до того, что лишилъ ихъ права заключать какіе бы то ни было договоры *. Указомъ 1254 строго требовалъ съ, «чтобы евреи не занимались болѣе ростовщичествомъ, колдовствомъ и хуленіемъ христіанскаго Бога, а существовали бы впередъ трудами рукъ своихъ и иными способами, но не ссудою денегъ.» Эти повелѣнія исполнялись тѣмъ съ большею строгостью, что король объявилъ, что издалъ ихъ для облегченія своей совѣсти и для спасенія своей души. Но этого все еще было мало, и въ 1239 мы находимъ въ рѣшеніяхъ Бретаньскаго суда ** гнусное распоряженіе, въ силу котораго запрещалось преслѣдовать кого бы то ни было за убійство жида. Позже, въ 1288, Парижскій парламентъ налагалъ на нихъ большіе штрафы за слишкомъ громкое пѣніе въ синагогахъ. Филиппъ Красивый попеременно то изгонялъ ихъ, то снова призывалъ, смотря по нуждѣ, какую имѣлъ въ ихъ богатствахъ. Преемникъ его смотрѣлъ на нихъ только съ коммерческой точки зрѣнія, и позволилъ имъ требовать уплаты долговъ, съ условіемъ, чтобы они заплатили ему двѣ трети той суммы, которую они получаютъ. «Въ случаѣ, если они не въ состояніи будутъ, говорится въ указѣ, получить обратно свои синагоги и кладбища, то мы прикажемъ отвести имъ помѣщеніе, и оказать имъ гостепріимство за сходную цѣну.» По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, король имѣлъ право изгнать ихъ изъ Франціи не иначе, какъ давъ имъ годъ времени на вывозъ пожитковъ. Наконецъ,

* *Ordonnances des rois de France* т. I, стр. 53 и 54.

** *D'Argentré, Histoire de Bretagne* кн. IV, гл. XXIII, 2

онъ обезпечиваль имъ нѣкоторую личную свободу и безопасность собственности, что однако нисколько не помѣшало имъ въ 1321 году, до истеченія двѣнадцати лѣтняго срока, быть въ конецъ ограбленными и претерпѣть всякаго рода гоненія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они сносились съ прокаженными и даже съ невѣрными. По обыкновенію, ихъ обвинили также въ отравленіи фонтановъ, вслѣдствіе чего многихъ изъ нихъ сожгли. По рѣшенію нѣсколькихъ соборовъ, имъ воспрещено было заниматься врачебнымъ искусствомъ, а христіане, которые осмѣлятыя прибѣгнуть къ ихъ помощи, подвергались отлученію отъ церкви. Въ настоящее время мы не знаемъ, какъ и назвать подобныя несправедливости, но мы, тѣмъ неменѣе, поступаемъ точно такъ же въ нашихъ колоніяхъ, въ которыхъ цвѣтнымъ людямъ воспрещены нѣкоторыя занятія; до такой степени справедлива истина, что времена измѣняются, но предразсудки остаются тѣ же.

Такимъ образомъ, исторія евреевъ въ средніе вѣка представляетъ только однообразный и безконечный рядъ превратностей. Въ 1340 году запрещаютъ ихъ должникамъ платить имъ долги; 1346 г. ихъ принуждаютъ принять христіанство, или оставить государство. Въ Италіи, Испаніи, Германіи, они подвергаются тѣмъ же оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ, которыя иногда прекращаются, когда правительства нуждались въ ихъ деньгахъ, и немедленно возобновляются по удовлетвореніи ихъ требованій. За саномъ *министра евреевъ* слѣдуетъ въ 1359 году званіе *общаго охранителя* (*gardien général*), какъ будто бы евреи составляли какой то отдѣльный народъ среди французскаго народа; но наступаетъ плѣненіе Короля Іоанна, и евреи помогаютъ внести за него выкупъ: за эту услугу на нихъ посыпался цѣлый градъ милостей. Имъ возвратили ихъ кладбища, позволили пріобрѣтать дома, освободили отъ повинностей и отъ солянаго налога; воспретили королевскимъ судьямъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, и даже предписали вѣрить ихъ непряжнему показанію въ тяжбахъ ихъ между собою. Всѣми этими милостями они обязаны были собранію государственныхъ сословій (*états généraux*). Счастливое и удивительное для той эпохи слѣдствіе

вмѣшательства народа въ собственныя свои дѣла! Но эти счастливые дни продолжались недолго, и мы снова видимъ евреевъ, принужденныхъ цѣною золота выкупать, одно за другимъ, тѣ самыя права, за которыя уже столько разъ они платили. Въ 1393 Карль VI прогоняетъ евреевъ въ Германію, гдѣ ихъ ожидали новыя гоненія, на этотъ разъ болѣе продолжительныя, чѣмъ въ какой либо иной странѣ. Досто-вѣрно только одно: они никогда не пользовались расположеніемъ народовъ. Услуги, которыя они оказывали правительствамъ, ссужая ихъ деньгами, дорого обходились народу; этимъ и объясняется, почему, въ то время какъ правительства оказы-вали евреямъ самое усердное покровительство, народъ такъ безжалостно преслѣдовалъ ихъ. Отчужденіе, среди котораго они находились въ обществѣ, продолжительное запрещеніе при-обрѣтать недвижимое имущество заставили ихъ обратить свои спекуляціи къ торговлѣ и промышленности, въ которыхъ вско-рѣ они получили несомнѣнное превосходство. Къ несчастію, и за это дѣло они принялись съ недовѣрчивостью и опасе-ніями, которыя мало по малу приучили ихъ искать въ хитро-сти защиты отъ насилія, и привели ихъ къ тѣмъ постыднымъ приемамъ, которыми переполнена ихъ исторія.

Ничего не можетъ быть интереснѣе изученія торговаго бы-та этого народа, который, не имѣя ни территоріи, ни гаваней, ни армій, постоянно лавируя по вспѣвающимъ волнамъ и борясь съ противными вѣтрами, тѣмъ неменѣе достигъ при-стани съ богатыми грузами и безчисленными сокровищами. Евреи занимались торговлей, потому что имъ рѣдко дозво-лялось что либо иное, и занятія ихъ никогда не знали безо-пасности. Между тѣмъ какъ безчисленныя заставы и тиранія феодальныхъ сеньоровъ дѣлали невозможными какія бы то ни было торговыя операціи, кромѣ мелочной торговли въ се-лахъ и городахъ, болѣе смѣлые, болѣе дѣятельные евреи за-мышляли самыя широкія предиріятія, и неслышно работали въ пользу сліянія материковъ и сближенія государствъ. Они увер-тывались отъ заставъ и замковъ, тщательно скрывая подъ внѣшнимъ видомъ бѣдности дѣйствительное свое богатство и тайны своихъ сдѣлокъ. Они отпраплялись въ отдаленнѣй-

шія страны, и доставляли зажиточнымъ потребителямъ самыя дорогія и рѣдкія произведенія. Въ постоянныхъ своихъ переходахъ изъ страны въ страну они пріобрѣтали вѣрныя свѣдѣнія о потребностяхъ всѣхъ мѣстностей; они знали, гдѣ можно было купить и гдѣ слѣдовало продать: нѣсколько образчиковъ и записной книжки достаточно имъ было для самыхъ важныхъ торговыхъ операцій. Сношенія ихъ между собою были основанны на данномъ обѣщаніи, строгое исполненіе котораго вынуждалъ ихъ собственный интересъ среди окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Для торговли пропали и слѣды остроумныхъ изобрѣтеній, бывшихъ плодомъ ихъ усилій, но вліянію ихъ торговля обязана тѣми быстрыми успѣхами, на которыхъ съ отрадой останавливается глазъ среди ужасовъ феодальнаго варварства. Мало по малу, евреи захватили въ свои руки всю звонкую монету, такъ какъ она была единственной вещью, которую они могли пріобрѣтать въ собственность и держать въ безопасности, а ростовщичество вскорѣ представилось имъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для обогащенія. Еслибы они имѣли право снаряжать суда, и открыто пускаться въ торговыя спекуляціи, то они, можетъ быть, возобновили бы чудеса Тира и Карфагена; но, какъ рабы, которыхъ можно было безнаказанно грабить, они пріучились возвращать себѣ все, отнятое у нихъ насиліемъ, посредствомъ ростовщичества. Напрасно издавались противъ послѣдняго строгіе законы: они только затрудняли займы, а слѣдовательно, и подымали величину процента. Тогда, какъ и теперь, заимодавцы умѣли ловко обходить законы, мѣшавшіе ихъ расчетамъ, и требовали тѣмъ бѣльшіе проценты, чѣмъ рискованнѣе было предпріятіе. Мало по малу, при помощи своихъ капиталовъ, евреи сдѣлались обладателями всѣхъ имуществъ, и не разъ приведенные въ отчаяніе должники избивали ихъ, скорѣе какъ кредиторовъ, чѣмъ какъ еретиковъ*. Таковъ былъ порядокъ вещей до открытія мыса Доброй Надежды и Америки, когда европейскіе народы обратились къ несравненно

* Arthur Beugnot, *Les Juifs d'Occident*, ч. II, стр. 35.

болѣе важнымъ предпріятіямъ, чѣмъ мелочная торговля евре-
евъ и ихъ ростовщичество. Но тѣмъ неменѣе, впродолженіи
почти пяти столѣтій, въ исторіи этого народа слѣдуетъ изу-
чать движеніе торговли и болѣе или менѣе смѣлая попытка,
поставившія ее въ число великихъ силъ для политическаго
развитія общества. Евреи начали торговлей рабами въ цар-
ствованіе первой династіи; затѣмъ, они сдѣлались также сбор-
щиками заставныхъ пошлинъ (*telonarii*), но до такой степе-
ни злоупотребили этимъ откупомъ, что правительству при-
шлось отстранить ихъ отъ него. Позже, мы видимъ, что они
водворяются въ Виеннѣ, въ Дофинѣ, и заводятъ торговля
сношенія съ Левантомъ, черезъ посредство Марсели; вслѣд-
ствіе этихъ сношеній, они получаютъ множество дипломати-
ческихъ порученій, которыя исполняются ими съ большою
ловкостью. Монахъ Сен-Гальскаго монастыря рассказываетъ
въ своей лѣтописи про одного еврейскаго купца, который
сдѣлался любимцемъ Карла Великаго, и ѣздилъ, по его по-
рученію, въ заморскія страны за самыми драгоцѣнными пред-
метами. Сами священники и епископы сдѣлались данниками
евреевъ, и не разъ закладывались въ руки еретиковъ священ-
ные сосуды для удовлетворенія разорительныхъ тратъ ду-
ховенства. Только у евреевъ можно было найти самыя рос-
кошныя и рѣдкія матеріи, торговля которыми доставляла имъ
огромные барыши; они распространяли одновременно, какъ
ихъ употребленіе, такъ и потребность въ нихъ по замкамъ
и аббатствамъ. Они захватили также въ свои руки изготовле-
ніе золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, и торговлю драгоцѣн-
ными металлами. Феодализмъ гораздо менѣе стѣснялъ, чѣмъ
это обыкновенно принимается, всѣ эти доходныя занятія; по-
земельные владѣльцы допускали ихъ, правда, на весьма тя-
гостныхъ условіяхъ, но тѣмъ неменѣе, они были настолько
благоразумны, что никогда не запрещали ихъ безусловно.
Такимъ образомъ, среди повсемѣстныхъ разбоевъ, совершав-
шихся по всѣмъ дорогамъ и грозившихъ каждому путеше-
ственнику, евреи, снабженные особыми пропускными листами,
безопасно проѣзжали по всей Европѣ, и самовластно рас-
поряжались всею торговлей Франціи впродолженіи десятаго

и одинацатаго вѣка. Уже въ эту эпоху они значительно упростили торговые приемы, а епособы ихъ сношеній между собой сдѣлали бы честь самымъ искуснымъ негоціантамъ нашихъ большихъ городовъ.

Появленіе ломбардскихъ, тосканскихъ и другихъ итальянскихъ купцевъ довершило усовершенствованіе дѣла, начатаго евреями, и дало рѣшительный толчекъ средневѣковой торговлѣ. Съ этого времени евреи начали извлекать пользу изъ всего, и пустили въ обращеніе, какъ движимыя, такъ и недвижимыя имущества, лошадей, земли и дома. Ригордъ утверждаетъ даже, что почти половина Франціи, въ сущности, принадлежала тогда евреямъ. Тщетно королевскими указами опредѣлялась величина процента за ссуду, устанавливались условія для закладовъ, мѣры для преслѣдованія должниковъ и множество другихъ неменѣе важныхъ экономическихъ вопросовъ: евреи продолжали давать въ заемъ и продавать тѣмъ, кто нуждался въ ссудѣ и продажѣ, и кому было не до сопровождавшихъ ихъ условій. Полагаютъ даже, что въ это время появились первые векселя, изобрѣтеніе которыхъ одни относятъ къ седьмому, а другіе — къ половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Вопросъ этотъ не разъясненъ еще, какъ слѣдуетъ, да и не заслуживаетъ разъясненія въ такой степени, какъ это принималось нѣкоторыми писателями. Эпоха этого открытія, предположивъ даже, что она будетъ опредѣлена достоверно, можетъ быть предметомъ одного только любопытства, но, повидимому, ей суждено навсегда остаться подъ сомнѣніемъ. Изобрѣтеніе векселя основательно приписываютъ, скорѣе итальянскимъ купцамъ, нежели еврейскимъ мелочнымъ торговцамъ, такъ какъ послѣдніе начали вести позже итальянцевъ обширную торговлю между отдаленными мѣстностями, которая вѣроятно и подала поводъ къ его изобрѣтенію. Само названіе векселя, первоначально итальянское (*cambiale, lettera di cambio*), указываетъ, повидимому, на его дѣйствительныхъ изобрѣтателей; въ доказательство чего еще можно привести и то, что городъ, гдѣ впервые стали употреблять векселя, Ліонъ, былъ складочнымъ мѣстомъ итальянской торговли. Можно допустить, впрочемъ, и то, что ломбардцы пользова-

лись векселями одновременно съ евреями, и одинаково понимали доставляемые имъ выгоды*.

Впослѣдствіи они вступили въ борьбу между собой, и исторія итальянскихъ республикъ въ средніе вѣка перепол-

* Курсель-Сенель, въ ученой статьѣ, помѣщенной въ *Dictionnaire de l'Économie politique* Гильомена (изд. 1853 въ 2 т.) относитъ употребленіе такого комерческаго приѣма къ древнимъ временамъ. Мы считаемъ необходимымъ привести въ настоящемъ случаѣ историческую часть этого интереснаго труда.

«Мы не смѣемъ утверждать, чтобы финикія не знали употребленіе векселя... Намъ мало что извѣстно объ этомъ народѣ, который распространилъ употребленіе письма между западными странами, и такъ мало писалъ самъ, который намѣренно покрывалъ непроницаемой тайной свои промышленные и торговые приѣмы, какъ и открытія своихъ мореходцевъ. Какъ бы то ни было, трудно предположить, чтобы многочисленныя финикійскія конторы, разсѣянныя по Индейскому океану, Красному морю и Средиземному, за самые Геркулесовы столбы, не знали, ни обмѣна долговыми обязательствами, ни перевода уплаты на Азіонгабаръ, Карфагенъ, или на какой бы то ни было городъ, въ которомъ находились финикійскіе купцы, пользовавшіеся однимъ и тѣмъ же письмомъ, языкомъ и почти одинаковыми законами.

«Афиняне, знавшіе билеты на предъявителя, счетъ процента, сохранные банки и перепродажу обязательствъ, безъ сомнѣнія, знали и то, что можно назвать элементарной формой векселя. Въ защитительной рѣчи противъ банкира Пазіона, Исократъ, говоря отъ имени одного молодого человѣка, прибывшаго изъ Понта въ Афины посмотрѣть на этотъ городъ и изучить торговлю, выражается такимъ образомъ: «Такъ какъ я хотѣлъ, чтобы мнѣ посланы были деньги изъ Понта, то и обратился къ Стратоклу, отправлявшемуся въ эту страну, съ просьбой передать мнѣ свое золото, въ замѣнъ котораго онъ получитъ золото отъ моего отца. Я считалъ дѣломъ весьма для себя выгоднымъ не отправлять моихъ денегъ моремъ, переполненнымъ спартанскими пиратами... Когда Стратокль выразилъ безпокойство, отъ кого онъ можетъ потребовать свое золото, если отецъ мой откажется удовлетворить его, согласно моимъ письмамъ, и если, по возвращеніи своемъ, онъ уже не застанетъ меня въ Афинахъ, тогда я привелъ его къ Пазіону, который и далъ обѣщаніе уплатить ему, если выдетъ такой случай, капиталъ и проценты.»

«Это уже настоящій вексель, купленный Стратокломъ, и въ высшей степени вѣроятно, что афинская торговля, пронишая до Инда, до самаго Сереса, въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, а съ другой стороны, до Вислы, на которой она встрѣтилась съ финикіянами, гораздо ранѣе

нена ссорами, подымавшимися между ними изъ за преимуществъ, которыми однѣ хотѣли пользоваться въ ущербъ другимъ. Евреи занимались всевозможными промыслами; они были даже управителями, прокурорами, главными финансовыми

кліента Исократы испытала выгоды, доставляемыя обмѣномъ долговыхъ обязательствъ, при содѣйствіи котораго можно, такъ сказать, пересылать капиталы, не подвергая ихъ ни бурямъ, ни морскимъ или сухопутнымъ разбойникамъ.

«Римляне тоже знакомы были съ векселемъ въ такомъ видѣ. «Дайте мнѣ знать, пишетъ Цицеронъ Аттику, можно ли выслать сыну моему, въ Афины, необходимыя ему деньги, посредствомъ обмѣна, или же слѣдуетъ ему просто выслать ихъ (*permutarine possit, an ipsi ferendum sit.*» Это мѣсто, въ которомъ вексель названъ даже почти собственнымъ своимъ именемъ, не позволяетъ сомнѣваться въ его существованіи въ древнія времена.

«Правда, ни римскіе законы, по крайней мѣрѣ дошедшіе до насъ ни исторія, не представляютъ намъ точныхъ свѣдѣній о векселѣ. Но, какъ мы уже замѣтили, если исторія нашей эпохи такъ охотно пренебрегаетъ торговлей, то исторія отдаленныхъ временъ обращала на нее еще меньше вниманія. Сверхъ того, каждое занятіе, каждое сословіе людей, и банкировъ неменѣе чѣмъ другихъ, имѣли свои коллегіи или товарищества и свои секреты въ древности и въ средніе вѣка. Операции обмѣна, какъ и всѣ другія банковыя операции, руководствовались своими правилами и неписанными обычаями, тайну которыхъ знали одни посвященные, и о которыхъ рѣшительно не имѣли никакого понятія законодатели и простые смертные.

«Что евреи сохраняли лучше другихъ тайну векселя, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; ибо, со времени первыхъ Цезарей, они разсѣялись по всей имперіи, какъ это свидѣтельствуютъ *Дѣянія Апостоловъ*, и почти исключительно занимались торговлей драгоценными металлами и монетою. Евреи должны были всюду носить съ собою употребленіе векселя, до изгнанія въ 1181, какъ и послѣ него, что было весьма естественнымъ слѣдствіемъ безконечныхъ преслѣдованій, которыя они испытывали въ продолженіи пятнадцати вѣковъ.

«Въ средніе вѣка, какъ и прежде, мы встрѣчаемъ вексель всюду, гдѣ кипѣла торговля, въ Амальфи, въ Сиенѣ, во Франціи, въ городахъ на Рейнѣ и на Эльбѣ. Въ 1255, говоритъ Матье Парисъ, англійскій король Генрихъ III, нуждаясь въ деньгахъ для втораго сына своего Эдмунда, и понуждаемый папой завоевать владѣнія Швабскаго дома въ Италиі, условился о займѣ съ сиенскими и флорентинскими купцами. Когда наступилъ срокъ платежа, а король не имѣлъ де-

чиновниками, даже посредниками при заключеніи браковъ, смотря по большому или меньшему отстраненію ихъ отъ правильныхъ торговыхъ занятій папскими буллами или завистью ихъ совмѣстниковъ. Такимъ образомъ, все содѣйствовало приведенію ихъ въ безвыходное положеніе, вслѣдствіе чего имъ оставались только ростовщичество и однѣ денежные операціи. Едва зависть однихъ успѣвала выгнать ихъ изъ города, какъ интересы другихъ призывали ихъ назадъ; капиталы ихъ сдѣлались уже столь необходимыми для промышленныхъ центровъ, что даже повелѣнія властей, предписывавшихъ евреямъ перейти въ другое мѣсто, зачастую оставались безъ исполненія. Поэтому, ихъ ссудныя конторы распространились наконецъ даже въ селахъ, а тосканскіе евреи изъ одного цен-

негъ, то Ирфордскій епископъ, Эгебланкъ, предложилъ ему слѣдующее удобное средство: онъ посоветовалъ ему расплатиться съ долгомъ выдачею векселей на англійскихъ епископовъ на всю сумму долга; этотъ советъ былъ принятъ. Какъ ни протестовали епископы, доказывая, что они не вступали ни въ какія коммерческія сдѣлки, папскіе суды присудили ихъ къ уплатѣ, такъ какъ папа одобрилъ мѣру короля. Вотъ любопытный, хотя и не совсѣмъ честный образчикъ употребленія векселя въ тринадцатомъ столѣтіи.

«Но, ни въ средніе вѣка, ни въ древности, мы не встрѣчаемъ и слѣда передачи векселя и ея послѣдствій. «Евреи, говоритъ Савари, нашли способъ получать обратно свои вещи, порученныя друзьямъ, при содѣйствіи секретныхъ писемъ, которыя передавали путешественникамъ и иностраннымъ купцамъ.» Поэтому, по такимъ векселямъ получали даже не предъявители, какъ по запискѣ Стратокла: это были, собственно говоря, увѣдомленія о передачѣ счета, и мы сомнѣваемся, чтобы имѣлъ иное значеніе полисъ, введенный въ Амстердамъ ломбардскими изгнанниками.

«Въ формулѣ векселя отъ 1 февраля 1384, приведенной въ трактатѣ Нугье, нѣтъ ни имени предъявителя, ни порученія выдать деньги, ни намекъ на протестъ или гарантію. Это просто увѣдомленіе о передачѣ счета.

«Впрочемъ, достаточно только припомнить положеніе торговли въ средніе вѣка и въ древности, чтобы убѣдиться, что вексель новѣйшаго времени, съ передачей и ея обезпеченіями, и протестомъ, вовсе не могъ существовать. Собственность, въ особенности движимая, до такой степени была мало обезпечена, что обращаться за содѣйствіемъ къ судамъ было бесполезно. Если и существовалъ вексель, то онъ могъ имѣть обращеніе только между весьма незначительнымъ

трального пункта управляли множествомъ второстепенныхъ конторъ, принадлежавшихъ флорентинскимъ и пизанскимъ торговымъ домамъ. Богатство и великолѣпіе ихъ превосходили всякое описаніе, и возбуждали противъ нихъ фанатическихъ завистниковъ. Извѣстна исторія знаменитаго Бернардина Фельтрскаго, доведшаго свою религіозную ревность до того, что онъ сталъ даже проповѣдывать крестовый походъ противъ евреевъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ выказывалъ имъ непримиримую вражду. Онъ всюду преслѣдовалъ ихъ, какъ ростовщиковъ, жаждущихъ человѣческой крови, и чтобы подорвать ихъ конторы, задумалъ противудѣйствовать имъ тѣми заведеніями для ссуды подъ залоги, которыя получили названіе *monts-de-piété* и *ломбардовъ**. Въ началѣ,

числомъ банкировъ, хорошо знакомыхъ другъ съ другомъ, и пользовавшихся такой репутаціей, чтобы не приходилось ни въ какомъ случаѣ обращаться къ судамъ.

«Какъ бы то ни было, въ такомъ видѣ вошелъ въ употребленіе вексель въ новѣйшія времена. Когда Людовикъ XI издалъ указъ 1462, то послѣдній не былъ новымъ вексельнымъ закономъ: король дозволилъ только купцамъ употреблять его на Ліонской ярмаркѣ, какъ будто до того это запрещалось имъ. Указы, узаконившіе или, вѣрнѣе, признавшіе консульскіе приговоры тулузскихъ судовъ, а въ 1563 — парижскихъ, признаютъ эти суды компетентными во всѣхъ подробностяхъ вексельнаго дѣла; а потому, въ архивахъ этихъ судовъ слѣдуетъ искать торговыхъ законовъ этого времени, бывшихъ просто обычаями.

«Вексель новѣйшаго времени, съ передачей и вытекающими изъ нея обязательствами, получилъ свое происхожденіе неранѣе великаго торговаго движенія, ознаменовавшаго конецъ нятнадцатаго вѣка, и введенъ во французское законодательство только указомъ 1673, въ эпоху, когда выростала во Франціи торговля среди граждански устроеннаго общества, и овладѣвала общественнымъ мнѣніемъ. *Diction. de l'Écon. pol.*, статья *Lettre de change*. Фран. изд.

* Они названы были такъ, (*горы благочестія*), потому что безпроцентныя свои ссуды производили не подъ вѣрныя залоги, но изъ благочестія и любви къ ближнему. Первые заведенія такого рода были основаны въ Перуджѣ, Савонѣ, Мантуѣ, Флоренціи, и вообще въ городахъ Ломбардіи, отъ которыхъ происходитъ другое, весьма распространенное ихъ названіе — *ломбардовъ*, получившее право гражданства и въ нашемъ языкѣ. Замѣтимъ еще, что еще въ 1393 францисканцы давали въ долгъ, подъ залоги, за 5 и 6 процентовъ. Рус. перев.

всѣ свои операціи они производили безвозмездно, и за ссуживаемыя деньги вовсе не брали процентовъ, между тѣмъ какъ евреи брали иногда по 30 и по 40 на сто. За то и успѣхъ ихъ былъ колоссальный; всѣ почти города Италіи завели у себя такія ссудныя учрежденія, которымъ позже пришлось превзойти, что касается до злоупотребленія ростовщичествомъ, самыя безсовѣстныя операціи евреевъ.

Какъ бы то ни было, эти ссудныя заведенія не могли замѣнить еврейскихъ учреждений, что служить доказательствомъ, съ какою проицательностью поняли евреи настоящія условія раціональнаго денежнаго обращенія. Хотя ломбарды производили ссуды за самое ничтожное вознагражденіе, тѣмъ не менѣе, соединенныя съ ихъ услугами формальности, исполненіе которыхъ было необходимо, чтобы воспользоваться ихъ вспомоществованіемъ, неизбѣжное замедленіе выдачи ссуды, необходимость доказать законность владѣнія закладываемыми предметами, въ особенности же, обязательство, для закладчика, объявить свое имя, вскорѣ удалили отъ нихъ заемщиковъ, находившихъ деньги въ любое время, безъ оглашенія и формальностей, у еврейскихъ банкировъ. Богатые и бѣдные, сеньоры и крестьяне, одинаково прибѣгали къ нимъ, а въ Ливурно они пользовались такимъ значеніемъ во время Медичисовъ, что тамъ сложилась поговорка: *Безопаснѣе побить самого великаго герцога, чѣмъ жидка*. Папа Сикстъ V, возвратилъ имъ всѣ источники обогащенія, отнятые у нихъ его предшественниками, и даже освободилъ ихъ товары отъ пошлинъ. Римская ссудная казна (Sacro monte della pieta), прекратила свое соперничество съ ними, потому что завѣдывавшіе ею христіане превзошли злоупотребленіями своихъ соперниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ ссудныя заведенія обратилась въ то, что они представляютъ и въ настоящее время, то есть, въ заведенія, содѣйствующія своимъ ссудами скорѣе разоренію бѣдныхъ людей, чѣмъ облегченію ихъ участи.

Такимъ образомъ, все говоритъ въ пользу того, что евреи имѣли весьма значительное вліяніе на развитіе политической экономіи въ Европѣ, сохраняя, среди феодальнаго безнача-

лія, торговыя преданія, которымъ предстояло усовершенствоваться и очиститься въ пятнадцатомъ вѣкѣ *. Повсемѣстному гоненію противъ евреевъ обязаны мы первыми опытами кредита и рациональнаго денежнаго обращенія. Быть можетъ, только имъ однимъ, сосредоточенію ихъ вниманія на торговлѣ золотомъ и серебромъ, вниманію, которое вызвано было предразсудками ихъ современниковъ, закрывавшихъ имъ всѣ прочія занятія, обязаны мы тѣмъ великимъ денежнымъ переворотомъ, который долженъ былъ быть довершенъ открытіемъ американскихъ рудниковъ и учрежденіемъ европейскихъ банковъ. Такимъ образомъ, среди самыхъ мрачныхъ событій тлѣетъ и брезжетъ искра свѣтлаго будущаго, болѣе яркое проявленіе которой мы прослѣдимъ теперь въ исторіи ганзейскихъ городовъ.

ГЛАВА XVI.

Ганзейскіе города. — Обстоятельства, вызвавшія союзъ ихъ. — Удивительное устройство ихъ конторъ. — Значеніе Брюгге. — Начало комиссіонной торговли.

Между тѣмъ какъ евреи создавали и распространяли по Европѣ торговую науку, несмотря на феодальное безначаліе и непрерывно возобновляемыя противъ нихъ гоненія, въ Германіи слагался могущественный союзъ, чтобы довершить дѣло крестовыхъ походовъ, начатое имъ, впрочемъ, еще ранѣе. Такимъ образомъ, сѣверъ и югъ шли рука объ руку въ завоеваніи главнѣйшихъ элементовъ народнаго богатства, и производительныя силы всегда находили себѣ убѣжище отъ грубаго насилія и деспотическаго произвола. Какъ ни трудно слѣдить за этими завоеваніями, среди превратностей,

* Недавно появились два, весьма интересныя сочиненія о судьбѣ евреевъ въ средніе вѣка, и позже, до нашего времени: J. Bedarride, *Les Juifs en France, en Italie et en Espagne*. Paris. 1859, и De la Rigodière, *Histoire des persécutions religieuses en Espagne*. Paris. 1860 г. Рус. перев.

неперестававшихъ волновать европейское общество со времени Карла Великаго до царствованія Карла V, тѣмъ немѣнѣе, нельзя не видѣть непрерывныхъ усилій, предпринимавшихся то въ одной странѣ, то въ другой, для возвращенія работнику принадлежащаго ему мѣста, и труду—его преимуществъ. Даже среди самого угнетѣннѣя труда нельзя не замѣтить невольнаго къ нему уваженія, а исторія безпрестанно то изгоняемыхъ, то снова возвращаемыхъ евреевъ служить только указаніемъ, какимъ образомъ правительства пробирались ощупью къ установленію необходимаго кредита, то есть, къ ненарушиму уваженію къ данному обѣщанію и къ собственности. Учрежденіе Ганзейскаго союза есть одна изъ такихъ многотрудныхъ попытокъ, занимающая не послѣднее мѣсто въ исторіи политической экономіи.

Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о первоначальномъ существованіи этого знаменитаго союза, по которымъ мы могли бы опредѣлить время его возникновенія. Даже бѣольшая часть *актовъ* о присоединеніи къ союзу исчезла изъ архивовъ главнѣйшихъ городовъ, входившихъ въ его составъ. Ни одного перечня разбиравшихся вопросовъ, ни одного протокола совѣщаній не дошло до насъ отъ первой эпохи этихъ богатыхъ центровъ, занятыхъ болѣе дѣломъ, чѣмъ перепиской и разговорами. Достовѣрно извѣстно только то, что, начиная съ XIII вѣка, многіе приморскіе города сѣверной Германіи соединились между собою для взаимной обороны, и въ особенности, для защиты своей торговли. «Первоначальныя средства ихъ были слабы, говоритъ ученый историкъ этихъ городовъ*, но развитіе ихъ было быстро, успѣхи—удивительны, и, безъ сомнѣнія, они вовсе не предвидѣли, что со временемъ богатство ихъ будетъ безгранично господствовать на обоихъ сѣверныхъ моряхъ, и имѣть огромное значеніе въ политическомъ равновѣсіи Европы.» Первые, заключенные между ними договоры имѣли цѣлью обузданіе морскаго разбойничества и уничтоженіе грабительства, извѣстнаго подъ именемъ *права кораблекрушенія*, немилосерд-

* Sartorius, *Geschichte des Hanseatischen Bundes*, т. I.

но прилагавшагося въ тѣ времена ко всѣмъ мореплавателямъ. По мѣрѣ увеличенія ихъ барышей, они все болѣе и болѣе чувствовали необходимость вѣрнѣе защищать ихъ отъ тѣхъ морскихъ грабительствъ, которыя соотвѣтствовали поборамъ сухопутныхъ бароновъ. Привилегіи, которыя нельзя было пріобрѣсть законнымъ путемъ или открытою силою, покупались за деньги. Посредствомъ взаимной обороны, они достигли бѣльшаго вліянія, и мало по малу упрочили за собой множество льготъ, сдѣлавшихся источникомъ ихъ чрезвычайнаго обогащенія.

Крестовые походы вскорѣ предоставили еще больше пищи для предприимчивой дѣятельности ганзейскихъ городовъ. Суда ихъ участвовали въ экспедиціяхъ въ святую землю, и часто посѣщали Средиземное море; имъ неоднократно случалось принимать и высаживать смѣлыхъ искателей приключеній, и они не могли не замѣтить превосходства отдаленныхъ предприятий предъ бѣдною и ограниченою каботажной торговлею вдоль Балтійскихъ береговъ. На западѣ и въ Нѣмецкомъ морѣ, Кельнъ, Бременъ, Любекъ и Гамбургъ выхлопотали себѣ весьма важныя привилегіи. Имъ дозволили образовать торговое общество въ Лондонѣ, съ правомъ завести особую контору и склады; они воспользовались этимъ правомъ съ такою ловкостью, что менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ, вся англійская торговля перешла въ ихъ руки. Въ Швеціи, Даніи, Норвегіи, Ливоніи господство ихъ было безгранично, и до самаго Великаго Новгорода любекскіе купцы пользовались всѣми признаваемымъ вліяніемъ на конторы прочихъ ганзейскихъ городовъ. Въ концѣ тринадцатаго вѣка семь приморскихъ городовъ Балтійскаго моря составили особый союзъ для защиты своихъ привилегій, которыя оспаривалъ у нихъ въ своихъ портахъ норвежскій король. Они вооружили флотъ, и силою заставили этого государя уважать ихъ права. Въ слѣдующемъ вѣкѣ политическое значеніе ихъ получило такіе размѣры, что къ нимъ присоединилась бѣльшая часть внутреннихъ городовъ Германіи съ цѣлыми провинціями. Всѣ желали участвовать въ этомъ союзѣ, представлявшемъ столько выгодъ и такъ немного опасностей. Небольшіе города при-

нимались въ составъ союза въ видѣ кліентовъ, съ условіемъ принятія на себя причитающейся доли общихъ издержекъ, какъ выкупной платы за свою безопасность. Полагаютъ, что съ этою цѣлью составленъ былъ первый договоръ объ общей конфедераціи въ засѣданіи, собранномъ въ Кельнѣ, когда союзъ впервые принялъ названіе Ганзейскаго или *Ганзы*, означавшемъ на старомъ туземномъ нарѣчій *корпорацию*. Съ этого времени, лѣтописи не упоминаютъ болѣе, ни объ *имперскихъ купцахъ*, ни о *германскихъ мореходцахъ*, а говорятъ только о конторахъ и факторіяхъ ганзейскихъ городовъ *. Къ несчастію, союзъ этотъ въ самомъ сердцѣ своемъ носилъ сѣмена безпорядковъ, которыя должны были, рано или поздно, сдѣлаться причиною его паденія и разрушенія. Союзу недоставало исполнительной власти, которая была бы достаточно сильна, чтобы могла принудить союзниковъ подчиняться рѣшенію, принятому большинствомъ; у него не было начальника, который направлялъ бы всѣ силы къ общему благу. «Это было тѣло, имѣвшее сто рукъ, но неимѣвшее головы **.» Напрасно ганзейскій законъ гласилъ, что непокорные города будутъ исключены изъ конфедераціи, и что взаимныя распри городовъ будутъ судиться верховнымъ совѣтомъ; на дѣлѣ, эти постановленія никогда въ точности не исполнялись, и вообще, предпріятія союза никогда не отличались настойчивостью и единомысліемъ. Господствовавшее тогда въ Европѣ безначаліе заразило и его; да и какъ иначе объяснить право каждаго изъ его городовъ заключать союзы съ государями и государствами, чуждыми конфедераціи. Нерѣдко случалось также, что интересы одного, или нѣсколькихъ членовъ союза

* Еще ранѣе, въ 1327, такой союзъ заключили южно-нѣмецкіе города: Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Страсбургъ, Базель, Фрейбургъ, Цюрихъ, Бернъ, Золотурнъ, Констанцъ, Уберлингенъ, Липдау, Равенсбургъ, жители кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, графы Кибургъ, Монфортъ и епископъ Констанцскій. Но еще въ 1241, такой же торговый союзъ заключили между собою города Гамбургъ и Любекъ. (Scherr, *Deutsche Cultur und Sittengeschichte*, 1858).

Рус. перевод.

** Schoell, *Cours d'histoire des États Européens*, т. XV, стр. 291.

находились въ противурѣчїи съ интересами всѣхъ остальныхъ, а это влекло за собой войны, весьма гибельныя для всей конфедераціи. Короли Данїи, Швеціи и Норвегіи, и всѣ феодалыныя владѣльцы, привыкшіе къ поборамъ и грабительству, стали непрїязненно смотрѣть на независимость нѣсколькихъ торговыхъ городовъ и на заносчивать горожанъ, бывшую слѣдствіемъ этой независимости. Дѣлаясь все сильнѣе, по мѣрѣ своего обогащенія, города эти стали наконецъ принимать къ себѣ на службу подданныхъ своихъ непрїятелей, и противупоставлять торговую и денежную аристократію, аристократіи феодалыной, которая вела съ ними войну. Укрѣпивъ же себя военной силой, они легко могли сопротивляться въ тѣ времена, когда еще неизвѣстна была артиллерія, которая могла бы пробить ихъ стѣны *. Они не замедлили обнаружить свое могущество въ первую же войну съ Вольдемаромъ, королемъ Данїи, котораго они принудили бѣжать изъ своего государства, и распространили затѣмъ такой ужасъ по Балтійскому морю, что всѣ ихъ враги поспѣшили смириться предъ ними. Такимъ образомъ, уничтожены были флоты грозныхъ нормановъ, державшихъ въ страхѣ всю Европу и основывавшихъ государства болѣе чѣмъ за 500 миль отъ береговъ своего отечества. Флоты ганзейскаго союза, подъ начальствомъ любекскихъ сенаторовъ, очистили сѣверныя моря отъ пиратовъ, а по Стральзундскому договору 1379 года, они получили въ полное свое распоряженіе на пятнадцать

* Имена всѣхъ ганзейскихъ городовъ никогда не были точно извѣстны. Самые знаменитые изъ нихъ, и тѣ, которые приводились обыкновенно въ официальныхъ актахъ конфедераціи, числомъ своимъ, не превосходили сорока или сорока пяти: Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Стральзундъ, Грейфсвальдъ, Кольбергъ, Анеламъ, Демминъ, Штетинъ, Киль, Бременъ, Гамбургъ, Мустаргардъ, Кульмъ, Торнъ, Эльбингъ, Данцигъ, Кёнигсбергъ, Рига, Дерптъ, Ревель, Перновъ, Кельнъ, Сестъ, Мюнстеръ, Оснабрюкъ, Магдебургъ, Брауншвейгъ, Гильдесгеймъ, Гацверъ, Люнебургъ, Утрехтъ, Цволь, Девентеръ, Зютфенъ, Зирикзе, Бриль, Мидльбургъ, Дортрехтъ, Роттердамъ, Амстердамъ, Кампенъ, Гронингенъ, Гардервикъ, Ставеренъ. Другіе извѣстны были подъ общимъ именемъ ганзейскихъ городовъ. Число ихъ простиралось до восьмидесяти. Прим. автора.

лѣтъ крѣпости Сканин, съ принадлежавшими имъ округами. Эту эпоху можно считать за начало международнаго морскаго права и преобладанія торговли надъ морскимъ разбойничествомъ. Вездѣ, гдѣ развѣвалось знамя Ганзы, уваженіе къ мирнымъ договорамъ заняло мѣсто злоупотребленій физической силой. Торговые агенты, склады, конторы, магазины появились всюду, гдѣ только торговля могла имѣть какое нибудь значеніе. Россія была дѣйствительно открыта этими смѣлыми мореплавателями, впервые проложившими путь до Новгорода. Естественныя произведенія этихъ обширныхъ и плодородныхъ, хотя и худо обработанныхъ странъ сдѣлались и остались съ тѣхъ поръ главнымъ предметомъ торговли Балтійскаго моря. Это были шкуры, кожи, мѣха, зерновой хлѣбъ, конопляное сѣмя, смола и строительный лѣсъ, предметы, въ которыхъ нуждалась Европа, и которые ганзейскіе города стали доставлять ей тотчасъ же въ изобиліи. Между этими городами существовала полнѣйшая свобода торговли, нестѣснявшаяся ни политическими требованіями, ни таможенными тарифами, ни фискальными законами.

Надо мысленно перенестись въ наши современныя конторы на востокѣ или въ Китаѣ, чтобы составить себѣ понятіе о торговыхъ обычаяхъ, которыми пользовались по всей Европѣ ганзейскіе города въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіи. Въ Англіи и Россіи купцы ихъ пользовались значительными привилегіями. Они имѣли въ Новгородѣ особаго агента, на которомъ лежала обязанность поддерживать порядокъ между ганзейцами, и разбирать тяжбы между ними на основаніи законовъ *Союза*. Этотъ повѣренный, совмѣстно съ нѣсколькими присяжными, имѣлъ право приговаривать ганзейцевъ къ большимъ денежнымъ пенямъ и даже къ смертной казни, съ правомъ апелляціи на его рѣшеніе въ Любекъ, или въ Ганзейскій сеймъ. Церковь и зданіе факторіи были окружены оградой, замыкавшейся на ночь и строго охранявшейся. Ганзейскіе купцы векорѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ всю торговлю страны; русскіе обязаны были продавать только имъ, а однимъ изъ статутовъ конфедераціи, ганзейскому купцу воспрещалось платить имъ звонкой монетой: всѣ сдѣлки дол-

жны были совершаться путемъ мѣны. Это породило контрабанду, сухимъ путемъ и водою, чрезъ Швецію и Финляндію, продолжавшуюся до тѣхъ поръ, пока англичане, открывъ дорогу въ Архангельскъ, чрезъ Бѣлое море, фактически не уничтожили монополіи ганзейской конфедераціи. Вотъ почему связи ея начали мало по малу слабѣть, и съ этого времени одинъ городъ за другимъ отпадали отъ союза, во главѣ котораго такъ долго игралъ самую блестящую роль Любекъ.

Для лучшаго ознакомленія съ вліяніемъ ганзейскихъ городовъ на развитіе науки о народномъ богатствѣ, необходимо взглянуть на организацію конторъ, которыя заведены были ими въ Новгородѣ, Бергенѣ, Брюгге, Лондонѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ эти учрежденія подчинялись однимъ и тѣмъ же общимъ правиламъ, за немногими видоизмѣненіями, вызывавшимися мѣстными условіями. Конторы эти состояли изъ отдѣльнаго ряда зданій, чаще всего на берегу моря или рѣки, — чтобы суда могли удобно подходить къ нимъ для нагрузки и выгрузки товаровъ. Каждое отдѣльное зданіе имѣло свое названіе и особенное назначеніе. Повѣренныя и надсмотрщицы помѣщались вблизи товаровъ, которые складывались, смотря по своему характеру, въ сараяхъ, магазинахъ или погребахъ, какъ въ нынѣшнее время въ лондонскихъ *докахъ*. Обширные огороды служили, въ случаѣ надобности, дополнительными мѣстами для складовъ, и доставляли необходимыя овощи для потребленія конторскаго населенія. Въ зимнее время, общая зала служила мѣстомъ собранія для этой многочисленной промышленной семьи вокругъ одного и того же очага; обширныя спальни служили мѣстомъ для ночлега. Никто изъ жителей конторы не смѣлъ вступать въ бракъ, а нарушеніе этого закона наказывалось лишеніемъ ганзейскаго права и права гражданства. Представьте себѣ уставъ религіозной общины, примѣненный къ торговому товариществу, и вы поймете внутреннее устройство этихъ факторій, главнѣйшія черты которыхъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, повторяются въ наше время въ англійскихъ факторіяхъ въ Кантонѣ.

Какъ въ настоящее время въ Кантонѣ, запрещалось, *подъ страхомъ смертной казни*, посѣщать ту часть города, кото-

рая была населена туземцами. Входы въ контору охранялись ночью часовыми и огромными собаками, яростно бросавшимися на чужихъ. Сверхъ того, по уставу конфедерации, повѣренные союза, кажется, не имѣли права производить торговлю на свой собственный счетъ; они считались не болѣе какъ прикащиками, дѣйствовавшими отъ имени своихъ хозяевъ, и возвращались, по истеченіи десяти лѣтъ, въ Германію, богатые опытностью и приобретенными свѣдѣніями. Для покрытія расходовъ конторы, съ каждаго товара взималась небольшая пошлина, при ввозѣ или при вывозѣ. Такое же назначеніе получали суммы, доставляемыя пенями за нарушение постановленій союза или какихъ либо формальностей; сверхъ того, каждый городъ конфедерации платилъ определенную подать на содержаніе конторы.

Эти конторы съ подчиненными имъ отдѣленіями, охватили своей сѣтью всю Европу, и дали необычайный толчекъ торговлѣ и промышленности. Факторія Брюгге обратилась въ складочное мѣсто для всѣхъ европейскихъ произведеній, а городъ насчитывалъ до 35,000 домовъ. Въ эпоху своего благосостоянія ганзейскіе города владѣли рыбными ловлями, рудниками, земледѣіемъ и промышленностью всей Германіи. Польскій зерновой хлѣбъ, воскъ и медъ, богемскіе и венгерскіе металлы, рейнскія и французскія вина, англійская шерсть и олово, голландскія полотна и бельгійскія сукна обращались въ огромныхъ массахъ на ихъ рынкахъ. Купцы южной Европы доставляли въ складочные магазины Брюгге произведенія востока и Италіи, индейскія пряности, шелковыя издѣлія и москательные товары, потребленіе которыхъ было весьма значительно. Но, вскорѣ благосостояніе Брюгге возбудило зависть въ другихъ городахъ союза, участвовавшихъ въ поддержаніи его повѣренныхъ, и Кельнъ первый рѣзко разорвалъ связи съ конфедерацией. Правители центральной ганзейской факторіи сдѣлали ту большую ошибку, что раздѣлили на два разряда всѣ товары, изъ которыхъ одни должны были продаваться непременно въ складахъ союза, между тѣмъ какъ другіе были освобождены отъ этого условія. Мало по малу, число такихъ свободныхъ товаровъ принуждены

были увеличить, то есть, дать преобладаніе такъ называемымъ въ настоящее время *мнимымъ складамъ* надъ *дѣйствительными складами*. Возникшія по этому случаю несогласія побудили многихъ купцевъ поручать свои товары фламандскимъ торговымъ домамъ, для избѣжанія требованій со стороны складовъ; *комиссіонная торговля*, которую ожидала впереди такая блистательная будущность, вызвана была протестомъ противъ самовластныхъ тарифовъ.

Англичанамъ тоже вскорѣ надоѣли привилегіи, которыя они предоставили ганзейскимъ городамъ и которыя дѣйствительно были непомерны. Въ силу одной, наиримѣръ, тяжбы между англичанами и нѣмцами должны были окончательно рѣшаться двумя чиновниками по назначенію короля; нѣмцы были освобождены отъ подсудности такъ называемому Адмиралтейскому суду. Въ Лондонѣ, въ Бостонѣ и въ Линнѣ имъ отведены были для жительства, въ полную собственность, отдѣльные кварталы; они были избавлены отъ множества таможенныхъ пошлинъ и другихъ повинностей, которыя платили другіе купцы. Ссоры съ ними начались, когда англичане замѣтили, что ганзейскіе купцы, пользуясь своими привилегіями, наводняли ихъ страну нѣмецкими сукнами и захватили въ свои руки всѣ торговыя операціи. Доказано было, что нѣмцы ввезли въ одинъ только годъ 44,000 кусковъ сукна, между тѣмъ какъ англійскія фабрики не могли поставить ихъ болѣе 1,100. Позже, королева Елизавета старалась всѣми силами покровительствовать тѣмъ учрежденіямъ, которыя были основаны такъ называемыми *авантюристами**, съ цѣлью соперничества съ ганзейскими городами, и осяятила своимъ авторитетомъ тѣ таможенныя стѣсненія, на которыя можно смотрѣть, какъ на начало промышленной борьбы, совершающейся на нашихъ глазахъ. Съ этой эпохи, торговля становится политическою силою; народы сражаются между собой столько же тарифами, какъ и пушками, а политическая экономія вступаетъ въ совѣты государей и въ европейское право.

* Подъ этимъ именемъ учреждена была компанія англійскихъ купцевъ, имѣвшая цѣлью освободиться отъ торговаго господства нѣмцевъ.

Прим. автора.

Ганзейскіе города оказали чрезвычайную услугу дѣлу свободы и цивилизаціи сближеніемъ народовъ могущественными узами интересовъ и промышленности. Учрежденіе въ Брюгге складочнаго мѣста, связывающаго сѣверъ съ югомъ, обратило этотъ городъ въ средоточіе для негоціантовъ всей Европы, и въ главнѣйшій центръ денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ. Въ этомъ городѣ числилось шестьдесятъ восемь ремесленныхъ цеховъ, и уже въ началѣ четырнадцатаго вѣка (1310) въ немъ существовала особая контора *застрахованій*, и маклера, хорошо знакомые съ главными основаніями промѣна *. Отсюда, какъ изъ общаго центра, выходили почти всѣ торговыя распоряженія, которыя пробудили бы отъ спячки средневѣковую промышленность, еслибы не препятствовало тому цеховое устройство, бывшее тогда въ полномъ ходу во всей Европѣ. Тѣмъ неменѣе, ганзейскимъ городамъ обязано своимъ существованіемъ рациональное устройство новѣйшихъ рыбныхъ промысловъ, сельдянаго и китоваго, торговаго мореплаванія, складовъ комиссіонной торговли и множество льготъ (каковы бы онѣ ни были), которыми пользуются въ настоящее время европейцы на востокѣ и въ Китаѣ. Они приучили феодальное варварство къ уваженію труда, и вліяніемъ промышленныхъ познаній и бережливости замѣнили силу меча и рыцарскихъ доспѣховъ. Они же подготовили освобожденіе французскихъ и англійскихъ общинъ, показавъ на самихъ себѣ, на чьей сторонѣ окажется сила, если общины вздумаютъ всюду распространиться и войти въ тѣсный союзъ между собою. Имъ же, наконецъ, мы обязаны отмѣною первыхъ торговыхъ преградъ и первыми опытами общественнаго кредита, примѣръ котораго они подавали всякій разъ, какъ этого требовали интересы конфедераціи. Распространявшееся ими представительное и избирательное право, особый родъ іерархіи, установленный ими между городами, союзными, покровительствуемыми и подчиненными, побуждали каж-

* Такъ какъ въ Англии жители ганзейскихъ городовъ слыли подъ названіемъ *Эстерлинговъ* (*Esterlings*), а торговыя сдѣлки съ ними производились на монету Эстерлинговъ, то вѣроятно отсюда произошло названіе *фунта стерлинга*. Прим. автора.

дѣй изъ нихъ къ защитѣ своихъ преимуществъ, и подстрекали ихъ къ приобрѣтенію новыхъ. Такимъ образомъ, нить экономическаго прогресса никогда не теряется, даже среди переворотовъ, въ которыхъ она, повидимому, исчезаетъ, а производительныя силы челоуѣка непрерывно одерживаютъ верхъ надъ его разрушительными стремленіями.

ГЛАВА XVII.

Освобожденіе городскихъ общинъ и его вліяніе на ходъ экономическаго и общественнаго развитія.

Между тѣмъ какъ ганзейскіе города слагались въ конфедерацію на сѣверѣ, на югѣ совершалось великое дѣло освобожденія общинъ. Римскія преданія сохранились тамъ живѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, и, подъ самымъ владычествомъ варваровъ, большія города Прованса и Лангедока никогда не переставали пользоваться благодѣянiami муниципальнаго управленія. Въ то самое время, какъ сѣверные города приобрѣтали мало по малу значеніе своими богатствами, южные пытались завоевать себѣ независимость; они желали свободно располагать своими богатствами и соединить съ ними нѣкоторыя привилегіи, въ эпоху, когда отсутствіе этихъ привилегій служило признакомъ рабскаго состоянія. Горожане ихъ добились права судиться себѣ равными; и освободиться отъ суда сеньоровъ, жестокаго, пристрастнаго и продажнаго. Они требовали, чтобы платимые ими налоги были опредѣлены и ограничены, чтобы имъ дано было право вѣдать свои интересы и охранять порядокъ въ своихъ городахъ и бургахъ. «Вотъ, говоритъ аббатъ Гиберъ, лѣтописецъ двѣнадцатаго вѣка, что разумѣютъ нынѣ подъ этимъ новымъ и омерзительнымъ словомъ, община: оброчные люди платятъ оброкъ не болѣе одного раза въ годъ своимъ владѣльцамъ; если они совершаютъ какое либо преступленіе, то наказываются за него закономъ опредѣленной пеней; что же касается до денеж-

ныхъ сборовъ, обыкновенно взимаемыхъ съ крѣпостныхъ, то они совсѣмъ освобождены отъ нихъ *.»

Въ самомъ дѣлѣ, зарождавшаяся свобода не иначе должна была представляться духовному лицу того времени. Церкви было изъ за чего встревожиться, когда поднялся всеобщій заговоръ противъ всѣхъ привилегій вообще, и когда вскорѣ онъ могъ направиться и противъ ея собственныхъ, ибо, мало по малу, она заняла мѣсто феодалныхъ сеньоровъ, достигнувъ освобожденія отъ налоговъ и получивъ первостепенныя фискальныя преимущества. Имѣнія ея ежедневно увеличивались всякаго рода добровольными пожертвованіями; а вмѣстѣ съ богатствомъ, увеличивались и ея притязанія, до такой степени, что начали беспокоить королей. Самъ Людовикъ IX, признанный святымъ, принужденъ былъ приводить духовенство въ порядокъ, а преемникамъ его, нерѣдко отлучаемымъ отъ церкви, пришлось выдержать продолжительную борьбу съ папствомъ, естественнымъ покровителемъ притязаній духовенства во всѣ времена. Такимъ образомъ, продолжался этотъ непрерывный, безсмертный протестъ человечества въ пользу болѣе справедливаго распредѣленія выгодъ, доставляемыхъ трудомъ. Въ несчастные для себя дни церковь присоединила свой голосъ къ этому протесту, и доставила могущественное оружіе защитникамъ гражданскаго равенства въ эпоху, когда весь міръ склонялся предъ феодалнымъ игомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ феодализмъ, церковь изъявляла желаніе сдѣлаться его наследницей, и восстановить свою власть надъ царями, которые бросились теперь въ объятія народа, и изъ среды освобожденныхъ общинъ вызвали среднее сословіе.

Этотъ великій переворотъ совершился не въ одинъ день; мы видимъ его результаты, но не можемъ съ точностью опредѣлить его эпохи. Вѣроятно, движеніе началось съ богатыхъ городовъ, и нечувствительно распространилось, смотря по обстоятельствамъ, на всѣ другіе, изъ которыхъ одни требовали подтвержденія привилегій, которыми они съ давнихъ временъ

* *Mémoires de Guibert*, кн. III, гл. 7.

владѣли, а другіе опирались на оказанныя ими услуги, и ходатайствовали объ освященіи того, что уже на дѣлѣ было завоевано ими. Тѣмъ неменѣе, обыкновенно Людовику Толстому приписываютъ первыя льготныя хартии, потому что онъ первый изъ королей прибѣгнулъ къ помощи горожанъ, чтобы дать отпоръ притязаніямъ дворянства. Но было бы ошибочно думать, чтобы въ эпоху, когда города начали слагаться въ общины, они не имѣли никакихъ народныхъ и мѣстныхъ учреждений, обязанныхъ слѣдить за интересами населенія. У нихъ были свои меры (*maïres*), старосты (*échevins*), перы (*pairs*), присяжные консулы*. Всѣмъ извѣстна энергическая и слав-

* *Maïre*, отъ латинскаго *maior*, въ первый разъ упоминается въ капитуляріяхъ Карла Великаго; онъ значилъ тогда нѣчто болѣе, чѣмъ простой управляющій королевскаго помѣстья, виллы (*villa*, отсюда латинское названіе мера — *villicus*), и былъ, по объясненію Герара, полнымъ собственникомъ подобной виллы; званіе управляющаго передавалъ иногда своему сыну, конечно, съ согласія короля; онъ судилъ жителей этой виллы, виллановъ. Его феодальныя обязанности, относительно короля, или аббата, или инаго феодальнаго юридическаго, лица были весьма нетягоствы, и чаще всего ограничивались уплатою денежнаго оброка. Позже, мерами назывались правители средневѣковыхъ французскихъ городовъ; до Людовика XIV, ихъ выбирали граждане; но Людовикъ XIV сталъ ихъ назначать самъ, держалъ ихъ въ этомъ званіи два три года, и сдѣлалъ себѣ изъ этого права средство награжденія своихъ вѣрноподанныхъ и любимцевъ: Революція 1789 г. уничтожила это злоупотребленіе. Теперь ихъ назначаетъ императоръ, но не иначе, какъ изъ лицъ, избранныхъ сельской и городской общиной. Въ настоящее время обязанности мера состоятъ въ обнародованіи и приведеніи въ исполненіе законовъ и указовъ, и вообще мѣръ общей безопасности, надзоръ за общинными зданіями, дорогами, улицами, веденіе общинныхъ счетовъ, представленіе, куда слѣдуетъ, общиннаго бюджета и т. д.

Старосты (*échevins*) были городскіе судьи, назначавшіеся или королемъ, или по выбору гражданъ. *Missi dominici* Карла Великаго смотрѣли за ними. Въ эпоху освобожденія общинъ, они составляли городской совѣтъ, котораго президентомъ былъ меръ; кромѣ завѣдыванія городскими интересами, они составляли судъ первой инстанціи, и могли приговаривать къ тюремному заключенію. Съ французской революціей, вмѣстѣ съ муниципальнымъ устройствомъ монархической Франціи, исчезли и эти чиновники.

ная распря жителей Везелейя съ аббатомъ и монахами, хотѣвшими удержать ихъ на вѣчныя времена подъ феодальнымъ игомъ. Ничего не можетъ быть интереснѣе въ исторіи среднихъ вѣковъ этой долгой борьбы монаховъ, опиравшихся на права церкви, и нѣсколькихъ горожанъ, требовавшихъ независимости своей общины; борьбы серьезной, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, въ которой приняли участіе епископы, сеньоры, римской дворъ и французскій король, ради разоренія и обращенія въ крѣпостное рабство бѣднаго городка. Города Турнэ, Нойонъ, Мо, Дижонъ, пользовались весьма широкими привилегіями, между которыми постоянно играли главную роль торговля льготы и нѣкоторыя особенныя права относительно дорогъ, монеты, повинностей и налоговъ. Аббатъ Сугерій, бывшій первымъ министромъ и біографомъ Людовика Толстаго, положительно говоритъ*, что жители окрестныхъ приходоу помогали этому государю при осадѣ Тури. Впослѣдствіи, королева Бланка, въ отсутствіе сына своего, Людовика Святаго, поручила охраненіе городовъ муниципальнымъ ополченіямъ. Чѣмъ болѣе изучаешь этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что главною причиною пробудившагося стремленія общинъ къ свободѣ и освобожденія ихъ были скопленныя въ городахъ богатства.

Если эти общины не составили, подобно германскимъ, одной общей конфедераціи, то это потому, что онѣ нашли себѣ опору въ короляхъ Франціи, заинтересованныхъ, неменѣе самихъ общинъ, въ ослабленіи могущества бароновъ. Королевская власть была слишкомъ слаба, сама по себѣ, чтобы безъ помощи общинъ бороться съ безчисленными сеньорами, сн-

Перы (pairs или pairs-roturiers, въ отличіе pairs-baons) помогали муниципальному совѣту города судить горожанъ.

Консулы были тоже судьи, въ XVI вѣкѣ вѣдавшіе главнымъ образомъ торговля тяжбы, а ранѣе, кажется, и уголовныя преступленія. Это званіе было въ большемъ почетѣ, чему доказательствомъ служить то, что консулы нѣкоторыхъ городовъ были избавлены отъ пытки.

Рус. перев.

* *De vitâ Ludovici Grossi*, (Duchesne, *Hist. franc. script.*, т. IV, стр. 301).

дѣвшими за стѣнами своихъ замковъ, откуда они грабили въ свою личную пользу богатства Франціи. Общины, въ свою очередь, были столь же безсильны безъ королевской опоры; между ними и королями образовался настоящій наступательный и оборонительный союзъ, оказавшій немалыя услуги основанію національной независимости и единства. Лѣтописи Сен-Денискаго аббатства прославляютъ преданность городовъ Корби, Амьена, Арраса, Бовэ и Компьена, которые послали своему королю вспомогательный отрядъ войскъ въ Бовинское сраженіе. Королевская власть была настолько благоразумна, что объявила свободными тѣ города, которые находились въ зависимости только отъ нея; мѣра эта привлекла къ ней огромное число преданныхъ людей, которые не всегда имѣли право жаловаться на ея неблагодарность. Я не рѣшился бы утверждать, что, поступаая такимъ образомъ, короли и города слѣдовали заранѣе принятой системѣ, и съ общаго согласія полагали основаніе новому общественному порядку; но движеніе совершалось такъ быстро, что исторія едва успѣваетъ слѣдить за его усилѣніемъ, и даже въ наше время все еще старается доискаться его причинъ.

Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что этотъ переворотъ обязанъ своимъ существованіемъ вліянію богатства и труда, которые и позже шли рука объ руку къ новымъ завоеваніямъ. Въ Европѣ происходило въ это время настоящее обновленіе, первые признаки котораго должны быть отнесены къ первымъ крестовымъ походамъ. Всюду возникали новыя идеи, и быстро распространялись; человѣческій разумъ освобождался, опираясь на великій принципъ товарищества. На югѣ люди соединялись ради завоеванія святой земли, на сѣверѣ — ради безопасности торговли. Искусства и ремесла слагались въ корпораціи, дотолѣ неизвѣстныя, и размножались съ такою быстротой, что вскорѣ явилась необходимость дать имъ правильное устройство, чтобы предупредить столкновенія между ними, и не допустить чрезмѣрнаго ихъ могущества, вреднаго среди государства. Трудъ всюду входилъ въ почетъ; муниципальная магистратура пріобрѣтала все большее значеніе, старосты и купеческіе головы (*prévôts*) ста-

ли считаться равными сеньорамъ, и располагать городскимъ мнѣніемъ и городскими богатствами. Прочитайте указы пяти или шести первыхъ королей третьей династіи: вы найдете, что большое число ихъ посвящено политико-экономическимъ вопросамъ, ярмаркамъ, рынкамъ, монетѣ, обмѣну, продажѣ и куплѣ, вѣсамъ и мѣрамъ, свободѣ торговли и въ особенности привилегіямъ общинъ. Королевская власть серьезно беретъ за управленіе; она вмѣшивается во все, а правительственная наука обнаруживается главнымъ образомъ новыми и смѣлыми воззрѣніями, съ которыми она подступаетъ къ политико-экономическимъ вопросамъ. Ниже мы увидимъ, съ какою твердостью сумѣлъ поставить ихъ Людовикъ Святой; и хотя ему и не удалось, или ему не достало времени разрѣшить ихъ, но нельзя не удивляться громадной работѣ, совершенной въ его царствованіе, среди вѣдшихъ заботъ по крестовымъ походамъ и внутренней борьбы съ феодалами, противившимися королевской власти. «Извѣстно, что у королей руки длинны», говорилъ уже аббатъ Сугерій, но у Людовика Толстаго и у Людовика Святаго онѣ были еще длиннѣе, чѣмъ у его предшественниковъ.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить, какимъ образомъ крѣпло среди средневѣковаго мрака благотворное вліяніе искусствъ и промышленности, вліяніе, бывшее одновременно слѣдствіемъ и причиной нашей гражданской свободы. Общины приняли названія *заговоровъ* (*conjurations*), *товариществъ* (*amitiés*), *союзовъ* (*confédérations*), *братствъ* (*confréries*), ясно обозначавшихъ, какъ цѣль ихъ возникновенія, такъ и ихъ организацію. Каждая община построила себѣ башню съ каланчей, съ которой подавался сигналъ для сбора или для битвы; она завела собственную стражу, и избрала себѣ начальниковъ; у каждой была городская казна и общинная печать, отличительные признаки ихъ самоуправленія и независимости. Онѣ не позволяли возводить вблизи городскихъ стѣнъ никакихъ укрѣпленій, которыя могли бы возбуждать въ нихъ безпокойство, и при всякомъ удобномъ случаѣ онѣ обнаруживали свое верховное право надъ окрестною мѣстностью. Примѣръ итальянскихъ республикъ и ганзейскихъ

городовъ, бывшихъ такими же независимыми общинами, научилъ ихъ требовать уваженія къ своему праву. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, *экономическое* значеніе освобожденія общинъ, необходимо припомнить, какимъ жестокимъ притѣсненіямъ подвергались жители городовъ и бурговъ. Сеньоры требовали отъ горожанъ безграничнаго кредита; нерѣдко они бесплатно брали все, что имъ вздумается, и, какъ извѣстно, это одна изъ тѣхъ привычекъ аристократіи, отъ которой ей всего труднѣе отвыкнуть. Вотъ причина, почему горожане (Суассона, между прочимъ) упоминали въ своихъ хартіяхъ, что не будутъ вѣрить въ долгъ епископу, болѣе чѣмъ на три мѣсяца, и что если онъ не заплатитъ въ условленное время, то лишается права на дальнѣйшій кредитъ. Ремесленныя товарищества, получившія съ этихъ поръ чисто промышленный характеръ, были глубоко преданы дѣлу общинной свободы; они имѣли цѣлью избавиться отъ притѣсненій со стороны дворянства, и оградить себя отъ насильственныхъ поборовъ, которыя, подъ видомъ свободы, повергли бы ихъ снова во все бѣдствія крѣпостнаго состоянія.

Привилегіи общины тѣмъ отличались отъ муниципальных правъ, что для нихъ необходимо было королевское согласіе, которое и придавало имъ особенное значеніе. Иногда онѣ пріобрѣтались договоромъ съ феодалнымъ владѣльцемъ, который уступалъ ихъ за деньги; но такъ какъ эти привилегіи вносили весьма важныя измѣненія въ финансовое положеніе города, то уменьшая, то вовсе отмѣняя повинности, которыя онъ платилъ баронамъ, то послѣдніе нерѣдко оказывали сильное сопротивленіе попыткамъ къ освобожденію городскихъ общинъ. Въ предисловіи къ общинной хартіи Дурлана сказано, «что хартія эта пожалована, по причинѣ несправедливостей и притѣсненій, которыя терпѣли граждане вышеозначеннаго города отъ сильныхъ бароновъ.» Филиппъ Августъ, жалуя хартію городу Сень-Жанъ д'Анжели, говорилъ, что онъ охотно соглашается на это, дабы жители могли лучше защищать и охранять, *какъ его, такъ и свои права*. Если есть что либо, неподлежащее сомнѣнію, такъ это то, что свобода всегда шла рука объ руку съ трудомъ, и что ни

одна эпоха не представляетъ одновременно такого быстрого экономического и общественнаго развитія, какъ та, которая подлежитъ теперь нашему изслѣдованію. Гизо * замѣтилъ, что поразительнымъ признакомъ общаго стремленія умовъ къ реформамъ, служитъ то обстоятельство, что въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ издано было 236 правительственныхъ актовъ, относящихся къ общинамъ, а именно: 9 при Людовикѣ Толстомъ, 23 при Людовикѣ VII, 78 при Филиппѣ-Августѣ, 10 при Людовикѣ VIII, 20 при Людовикѣ Святомъ, 15 при Филиппѣ Смѣломъ, 46 при Филиппѣ Красивомъ, 6 при Людовикѣ X, 12 при Филиппѣ Длинномъ и 17 при Карлѣ Красивомъ. Если теперь принять въ соображеніе, что не одни короли давали хартии и были посредниками въ дѣлахъ общинъ, то легко понять всю важность переворота, совершавшагося тогда въ жизни народовъ.

Этотъ переворотъ, ибо это дѣйствительно былъ переворотъ, былъ непосредственнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ громаднаго скопленія богатствъ въ средневѣковыхъ промышленныхъ городахъ. Бароны, владѣльцы земли, презирали всякое промышленное занятіе, и поручили горожанамъ заботу объ удовлетвореніи своихъ потребностей и удовольствій. Звонкая монета, поступавшая къ нимъ, путемъ налоговъ и грабежей, мало по малу перешла въ сундуки горожанъ, въ обмѣнъ за шерстяныя и шелковыя ткани, перчатки, оружіе и предметы роскоши, на которые такъ падка была аристократія. «Сеньоры были расточительны, а горожане, напротивъ того, считались очень скупыми **» и потому, не удивительно, что бережливостью они скопили значительную массу капиталовъ, которые получили еще бѣольшую цѣнность, благодаря безопасности, упрочившейся вслѣдствіе освобожденія общинъ. Доказательство этого мы находимъ у Жуанвиля. «Кругомъ Парижа, говоритъ онъ, шаталось такое множество преступниковъ и воровъ, что вся страна была переполнена ими. Король, весьма заботившійся о простомъ народѣ, узнавъ всю

* *Cours d'histoire moderne*, т. V, ст. 132.

** *Carpefigue, Histoire de Philippe-Auguste*, т. IV, стр. 243.

истину, велѣлъ произвести изслѣдованіе по всему королевству, чтобы *учинено было хорошее и строгое правосудіе (afin que l'on fit bonne justice et roide)*, которое не щадило бы ни богатаго, ни бѣднаго. Земля начала тогда поправляться, а водворившееся въ ней правосудіе привлекло къ ней народъ, который такъ размножился и оправился, что *продажи, имѣнія, наймы и прочія вещи получили вдвое бѣольшую цѣнность, противъ того, что было прежде, чѣмъ король взялся за это дѣло.*»

Такимъ образомъ, почти одновременно появились свободныя общины въ Италіи, Испаніи, Германіи, Франціи и Англіи. Онѣ встрѣчаются всюду, потому что всюду стала развиваться промышленность и торговля. Генуя, Флоренція, Венеція, Барселона, Бременъ, Любекъ, Гамбургъ, Брюгге, Парижъ, Ліонъ, Марсель, Лондонъ, Бристоль, казалось одно время, управлялись одними и тѣми же законами. Движимое богатство гордо заняло мѣсто подлѣ поземельной собственности, и потребовало принадлежащихъ ему правъ. Земля, уже беспильная отнынѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ новаго общества, стала терять свое нравственное значеніе; часть власти земледѣльцевъ перешла въ руки ремесленниковъ. Явилась демократія, сильная духомъ товарищества и всѣми средствами правильно-организованнаго и дисциплинированнаго труда. Возникло третье сословіе; средній классъ, о которомъ мечтали нѣкогда Платонъ и Аристотель, становится сословіемъ политическимъ, даетъ королю субсидіи или отказывается въ нихъ, судится собственными судьями, самъ охраняетъ себя, самъ управляется. Вмѣстѣ съ средствами существованія, увеличивалось и народонаселеніе. Промышленность совершенствовалась, торговля подала знакъ къ сближенію между собою всѣхъ народовъ, а недоступныя замки становятся данниками промышленности. Въ первомъ томѣ собранія указовъ третьей династіи болѣе ста посвящены вопросамъ труда и промышленности, общественнымъ сооруженіямъ, торговлѣ и обмѣну. Указы эти, безъ сомнѣнія, оставляютъ еще много желать, ибо они издавались вообще съ цѣлями фискальными и стѣснительными; но ихъ число и само разнообразіе

показываютъ важное значеніе тѣхъ вопросовъ, которые они старались рѣшить. Въ слѣдующей главѣ мы постараемся представить съ нѣкоторою подробностью ихъ направленіе и содержаніе, такъ какъ въ своей совокупности они могутъ считаться официальной точкой отправленія для экономической науки въ Европѣ.

ГЛАВА XVIII.

Экономическое законодательство первыхъ королей Франціи третьей династии. — Указы о евреяхъ. — О деньгахъ. — Противъ ихъ вывоза. — О хлѣбной торговлѣ. — Противъ роскоши. — Официальное происхожденіе современныхъ торговыхъ предразсудковъ.

Выше мы сказали, что существуетъ достовѣрное свидѣтельство чрезвычайнаго толчка, даннаго производству богатствъ крестовыми походами и торговлей ганзейскихъ городовъ съ двѣнадцатаго по четырнадцатое столѣтіе; свидѣтельство это — собраніе указовъ первыхъ королей Франціи третьей династии. Между этими указами болѣе ста постановленій прямо касаются промышленныхъ и торговыхъ вопросовъ, въ особенности ростовщичества и евреевъ, звонкой монеты, работниковъ, вѣсовъ и мѣръ, и даже попытокъ ко введенію таксъ и преслѣдованій противъ роскоши. Политическая экономія того времени выразилась цѣликомъ въ этихъ замѣчательныхъ памятникахъ, изслѣдованіе которыхъ, казалось мнѣ, заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, такъ какъ они представляютъ самымъ нагляднымъ образомъ мнѣнія нашихъ предковъ по многимъ вопросамъ, раздѣляющихъ насъ до настоящаго времени. Еслибы торговля и промышленность не получили въ то время такого чрезвычайнаго значенія, то и правительство той эпохи, безъ сомнѣнія, не обратило бы на нихъ такого серьезнаго вниманія, чтобы въ царствованіе Филиппа Красиваго издать 56 указовъ, касавшихся одной только монеты, выпускавшейся королемъ и феодалными владѣльцами, и болѣе десяти, относительно евреевъ и итальянскихъ купцевъ.

Внимательное изученіе этихъ памятниковъ экономического законодательства среднихъ вѣковъ довольно близко знако-

митъ насъ съ вліяніемъ, которое имѣло правительство на финансовыя и промышленныя вопросы этой интересной эпохи. Это изученіе тѣмъ болѣе важно, что большая часть нашихъ нынѣшнихъ торговыхъ предразсудковъ не имѣетъ инаго происхожденія, кромѣ продолженія крайне исключительнаго и стѣснительнаго законодательства тринадцатаго вѣка. Такимъ образомъ, всѣ современные намъ законы о ростовщичествѣ, находящіеся въ такомъ противурѣчїи съ дѣйствительными потребностями, здравымъ смысломъ и обоюдною выгодой заимодавцевъ и заемщиковъ, суть ничто иное, какъ повтореніе указовъ противъ ссудъ за проценты, и въ особенности противъ евреевъ, изданныхъ въ царствованіе Людовика Святаго и его преемниковъ. Наши скверныя таможенныя законы, столь исключительныя, столь враждебныя для иностранцевъ, представляются плодомъ узкихъ національныхъ и эгоистическихъ стремленій, распространившихся въ эпоху, когда національное единство, быть можетъ, нуждалось въ нихъ для своего упроченія, но нисколько не для своего обогащенія. Вмѣшательство правительства въ покупку и продажу товаровъ, и попытки къ введенію таекъ, возобновленныя въ терроръ 1793, начинаются съ той эпохи, какъ Филиппъ Красивый * счелъ нужнымъ назначить цѣну на хлѣбъ, и обязать, торговцевъ снабжать имъ рынокъ, какой бы ни чувствовался въ странѣ недостатокъ въ немъ. Все наше хлѣбное законодательство восходитъ къ указамъ, воспрещавшимъ его вывозъ, а первыя заблужденія системы торговаго *баланса* встрѣчаются въ указѣ 28 іюля 1303, которымъ запрещался вывозъ золота и серебра. Кто можетъ сказать, до какой степени постановленія такого рода, постоянно повторявшіяся, содѣйствовали укрѣпленію въ народномъ пониманіи пагубныхъ предразсудковъ!

Итакъ, мы разсмотримъ въ бѣгломъ очеркѣ, слѣдуя хронологическому порядку, указы, изданные со времени вступленія на престоль Филиппа-Августа, до эпохи Карла Красиваго, то есть, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ. Изъ всѣхъ королей

* *Recueil du Louvre*, Ordonnance de mars 1304, т. I, стр. 426.

этого двухсотлѣтняго періода не было ни одного, который не считалъ бы необходимымъ выказать свое могущество или свою христіанскую ревность жестокимъ гоненіемъ евреевъ: то и дѣло, что издавались указы противъ этихъ средневѣковыхъ паріевъ, считавшихся, по преимуществу, самымъ удобнымъ матеріаломъ для обложенія его всякаго рода податями. Филиппъ-Августъ издалъ четыре такихъ знаменитыхъ указа, изъ которыхъ первымъ онъ только угрожалъ имъ, вторымъ—ограничилъ ихъ, третьимъ изгонялъ ихъ, а четвертымъ освободилъ ихъ должниковъ отъ уплаты имъ долга. Людовикъ VIII, тоже издалъ противъ нихъ указъ. Онъ воспретилъ взиманіе какихъ бы то ни было процентовъ, и заставилъ заплатить сеньорамъ, суммы, занятыя у евреевъ. Мы уже упоминали, что Людовикъ Святой обращался съ ними съ неменьшею жестокостью; Филиппъ Красивый и Людовикъ X, прозванный Своенравнымъ, дѣйствовали въ духѣ своихъ предшественниковъ. Затѣмъ, мѣсто евреевъ занимаетъ монета, и не прошло ни одного царствованія безъ того, чтобы не было сдѣлано нѣсколькихъ распоряженій по этому предмету. Людовикъ Святой хотѣлъ, чтобы его монета всюду замѣнила монету феодальныхъ сеньоровъ, и такое распоряженіе, на которое уже пытались его предшественники, оказало бы благотворное дѣйствіе, еслибы позже сами короли не злоупотребляли своимъ правомъ, ради искусственнаго увеличенія своихъ средствъ умышленнымъ искаженіемъ монеты. Такія поддѣлки повторялись съ удивительною настойчивостью, несмотря на постоянно сопровождавшія ихъ неудачи. То вдругъ запрещалось владѣть золотой и серебряной посудой людямъ, имѣвшимъ менѣе шести тысячъ франковъ годоваго дохода; то вдругъ повелѣвалось людямъ, обладавшимъ такой посудой, представить треть ея на монетный дворъ, на которомъ коронные чеканщики выплачивали за нее по старымъ цѣнамъ, чтобы перепродать ея съ барышемъ въ видѣ низкопробной монеты*. Самимъ королямъ приходилось извиняться предъ соб-

* Ordonnance de Philippe le Bel въ *Collection du Louvre*, т. I, стр. 324.

ственными своими подданными, и обѣщать имъ вознагражденіе за ихъ потери*.

Постановленія о хлѣбной торговлѣ занимаютъ замѣтное мѣсто въ собраніи указовъ. Всякая война, голодъ, неурожай служили достаточнымъ поводомъ для запрещенія вывоза съѣстныхъ припасовъ, подъ опасеніемъ весьма тяжелыхъ наказаній; но эти запрещенія всегда почти имѣли видъ стѣсненій, и потому, обыкновенно сопровождались смягченіемъ подобной мѣры. «Принявъ въ соображеніе, говорилось въ одномъ изъ указовъ, что наши враги могутъ воспользоваться нашими продовольственными запасами, а также и то, что намъ выгодно, чтобы товары ихъ оставались у нихъ, мы повелѣваемъ, чтобы первые не вывозились, а вторые не ввозились.» Итакъ, опасеніе войны побудило запретить ввозъ иностранныхъ товаровъ, какъ Филиппа Красиваго въ 1304, такъ и Національный Конвентъ въ 1793; въ настоящее время, среди глубокаго мира, при полномъ развитіи цивилизаціи, царитъ та же система, и защищается тѣми же аргументами! Иногда указы были проникнуты, впрочемъ, благоразумной и осмысленной заботливостью, какъ напримѣръ въ томъ случаѣ, когда они предписывали доставленіе свѣдѣній о количествѣ потребнаго для городовъ и провинцій хлѣба, съ цѣлью успокоить гражданъ и просвѣтить городское начальство. Февральскій указъ 1304, изданный Филиппомъ IV, представляетъ по этому вопросу даже замѣчательно свѣтлый взглядъ и прозорливость. «Предписываю послать по всѣмъ городамъ и селеніямъ Парижскаго виконтства за свѣдѣніями, чтобы знать,

* Вотъ извлеченіе изъ этого любопытнаго документа: «Намѣреваясь, вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ, чеканить скорѣ монету, въ которой, быть можетъ, окажется нѣкоторая недоста- ча по вѣсу, примѣси и объему... и дабы чрезъ это получающимъ таковую монету не пришлось впослѣдствіи потерпѣть изъянъ или убытокъ, мы съ своей стороны настоящимъ указомъ обѣщаемъ, что всѣхъ, которые впредь въ платежахъ, или иначе, получаютъ этого ро- да монету, и при этомъ обнаружится уменьшеніе въ ея цѣнности, по причинѣ меньшаго вѣсу, примѣси или объема, сполна изъ нашей казны вознаградить и даже непотерпѣвшихъ обезпечить.» *Ordonnances des rois de France*, т. I, стр. 325.

сколько и гдѣ находится зерноваго хлѣба, пшеницы, ржи, ячменя, овса и всякаго другаго рода хлѣба, какъ въ городахъ такъ и въ деревняхъ, и сколько имъ потребно будетъ на продовольствіе до новой жатвы, а также и для посѣва; весь же излишекъ, предписываю доставить на рынки этого виконтства, *но не вдругъ, все вмѣстѣ, а мало по малу*, такъ, чтобы хлѣба достало до новой жатвы; но изъ означеннаго виконтства хлѣба отнюдь не вывозить безъ особеннаго дозволенія. Кто захочетъ купить хлѣбъ, тотъ обязанъ платить за него чистыми деньгами, а покупать его для храненія въ житницахъ воспрещается, подъ опасеніемъ конфискаціи.»

Однако, несмотря на всѣ эти предосторожности, имѣвшая цѣлью предупредить одновременно, какъ опасенія народа, такъ и барышничество хлѣбопромышленниковъ, тотъ же государь принужденъ былъ, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ обнародовать таксу, по которой никто не смѣлъ требовать, *подъ опасеніемъ конфискаціи имущества*, за сетьеръ * лучшей пшеницы парижской мѣры дороже сорока парижскихъ су, а за хлѣбъ низшаго достоинства — по соразмѣрности. Сетьеръ лучшихъ бобовъ и лучшаго ячменя парижской мѣры долженъ былъ продаваться по тридцати су, лучшій овесъ — по двадцати, лучшія отруби — по десяти су. Имѣвшій хлѣба болѣе, нежели сколько ему было нужно, для него самого и для посѣва, излишекъ долженъ былъ отсылать на рынскъ; если же, послѣ обнародованія настоящаго указа, найдено будетъ у кого либо большее его количество противъ необходимаго, то весь хлѣбъ конфисковался въ пользу короля **. Кто бы могъ

* *Setier, sextier, sextarius*, называется мѣра сыпучихъ тѣлъ. При Карлѣ Великомъ, она равнялась шестнадцатой доли мюйда (*muid, modius*, имѣлъ тогда около 70 литровъ), т. е. 4, 3 литра, а позже, въ XII вѣкѣ, когда мюйдъ увеличился, — его двѣнадцатой долѣ. На наши мѣры сетьеръ составляетъ около 4 четвериковъ. Рус. перев.

** Намъ казалось небезполезнымъ привести, для сравненія, *побужденія* этого указа и *побужденія* декрета Национальнаго Конвента, установившаго *таксы*. Вотъ указъ Филиппа Красиваго:

«Филиппъ, Божіей милостью, король Франціи, судѣ Вермандуаскому привѣтъ. Мы столько же заботимся о спокойствіи и будущемъ благоденствіи подвластныхъ намъ народовъ, сколько сострадаемъ бѣд-

подумать въ тогдашнюю эпоху, что несмотря на этотъ грозный указъ недостатокъ хлѣба увеличится, а рынки останутся пусты? А между тѣмъ, въ дѣйствительности такъ и слу-

ствіямъ и страданіямъ несчастныхъ, изыскивая всѣ мѣры и средства, по данной намъ отъ Бога власти, дабы помочь ихъ нищетѣ и предотвратить ихъ разореніе.

«Поэтому, когда въ послѣднее время, по волѣ Всевышняго, дороговизна всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, въ особенности же хлѣба, гороху, бобовъ, ячменя, овса и другаго зерна, которыми масса народа обыкновенно существуетъ, до того въ разныхъ частяхъ нашего государства возрасла, что *безчисленное множество простаго народа, если только ему не окажется помощи безотлагательными мѣрами*, не въ состояніи будетъ дольше существовать безъ сильнаго урона въ своей численности,

«То мы, соболѣзнуя общему разоренію, *особенно же когда во время нужды всѣ почти обычныя права бывають публично пограны*, заблагодарасудили издать указъ, которымъ всенародно объявляемъ и запрещаемъ, подъ опасеніемъ лишенія всего ищущества, дабы никто изъ нашихъ подданныхъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не вздумалъ, въ округахъ, виконтствахъ, префектствахъ и другихъ мѣстностяхъ нашего государства, откуда доставляется хлѣбъ, продавать и покупать, либо заставлять покупать и продавать, сетьеръ лучшей пшеницы парижской мѣры выше сорока парижскихъ су, сетьеръ же пшеницы или хлѣба низшаго качества по соразмѣрно низшей цѣнѣ; принимая также во вниманіе достоинство и цѣну лучшаго сетьера или лучшаго гороху, той же вышесказанной мѣры, приказываемъ продавать по сорока парижскихъ су, а низшаго достоинства — по низшей соразмѣрно цѣнѣ, какъ сказано.

«Желаемъ также, чтобы бобы и ячмень лучшаго достоинства продавались по тридцати парижскихъ су за сетьеръ парижской же мѣры, овесъ — по двадцати парижскихъ су, отруби — по десяти парижскихъ су — тоже лучшаго достоинства и той же мѣры — прочее же низшаго качества — по соразмѣрно низшей цѣнѣ, такимъ же образомъ, какъ сказано выше, принимая въ расчетъ качество зерна.

«Поэтому, предписываемъ вамъ и повелѣваемъ, съ этою цѣлью, въ городахъ, мѣстечкахъ, большихъ селахъ и другихъ мѣстностяхъ вашего округа, откуда поставляется хлѣбъ, указъ сей и повелѣніе публично и торжественно обнародовать, и за точнымъ исполненіемъ каждой части его строго блюсти. Еслибы кто либо оказался его нарушителемъ, то, наказавъ виновнаго, сдѣлать предостереженіе, что никому не будетъ пощады, развѣ съ особеннаго нашего соизволенія или повелѣнія.»

Вотъ теперь побужденія, вызвавшія законъ о таксахъ, предста-

чилось, ибо тогда, какъ и теперь, подобный законъ долженъ былъ принести свои плоды. Тщетны были прибавлены къ указу обѣщанія, что народъ, снабженный королевскимъ про-

вленный въ Конвентъ Куше, представителемъ Уазскаго департамента, отъ имени Комиссіи о продовольствіи.

«Спѣшу представить Національному Конвенту изслѣдованіе Комиссіи о *таксѣ* на различные предметы первой необходимости, за исключеніемъ дровъ и угля, цѣны которыхъ установлены Конвентомъ вчера отдѣльнымъ декретомъ.

«Настоящій законъ ожидается съ большимъ нетерпѣніемъ, а корыстолюбіе и алчность, дѣйствуя своими гнусными операціями за одно съ нашими внѣшними врагами, не позволяютъ откладывать его долѣе.

«Мы чувствуемъ все его значеніе и трудности; онъ даже вызвалъ опасенія въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей: мы остались въ меньшинствѣ, надѣясь менѣе на собственные наши силы, чѣмъ на нашу добрую волю.

«Въ обыкновенное время цѣна товаровъ естественно обуславливается и уравнивается взаимными выгодами продавцевъ и покупателей: равновѣсіе это безошибочно. Вмѣшиваться въ него бесполезно самому лучшему даже правительству. Какъ бы просвѣщенно оно ни было, какими бы ни было одушевлено благими намѣреніями, оно не придумаетъ равновѣсія, болѣе справедливаго, но всегда можетъ поколебать его своимъ вмѣшательствомъ.

«Но если подымается поголовный заговоръ безпримѣрной недобросовѣстности, предательства и злодѣйства, чтобы нарушить это естественное равновѣсіе, морить насъ голодомъ и грабить, то *спасеніе народа становится главнымъ дѣломъ*.

«Общество имѣетъ право оказать сопротивленіе этому заговору торговли и тираніи, возстановить и утвердить крѣпкой рукой равновѣсіе, которое должно существовать между нашимъ производствомъ и нашими нуждами.

«Но въ такомъ случаѣ, благоразуміе требовало бы остановиться на установленіи, посредствомъ таксъ, благотворныхъ и справедливыхъ границъ, которыя не слѣдовало бы переходить ни въ какомъ случаѣ. Законной торговлѣ необходимо предоставить ея права, и не касаться въ остальные ея интересы; послѣдніе все еще безчисленны, какъ вслѣдствіе разнообразія мѣстныхъ условій въ различныхъ частяхъ Франціи, такъ еще болѣе, вслѣдствіе обстоятельствъ, порождаемыхъ безчисленными войнами и неслыханнымъ заговоромъ противъ насъ всей Европы.

«Комиссія ваша усмотрѣла, что было бы безконечнымъ трудомъ и безвыходнымъ лабиринтомъ входить во всѣ подробности относитель-

пускомъ, можетъ безопасно доставлять на рынокъ всякаго рода хлѣбъ, и что никто не смѣетъ ни останавливать, ни забирать лошадей и возозъ: нарушение неизмѣнныхъ законовъ,

по каждаго отдѣльнаго товара и всѣхъ мѣстныхъ условій, вслѣдствіе чего и исполненіе закона, по его запутанности, было бы неисполнимо.

«Она старалась остановиться на общемъ и простомъ принципѣ, который можно бы было прилагать къ каждому отдѣльному случаю во всякое время, и смотря по требованіямъ купли и продажи.

«Съ этою цѣлью, ею избрано было основаніе, которое представляло бы эти требованія въ ихъ естественномъ и первоначальномъ видѣ; она остановилась на относительной цѣнѣ товаровъ 1790.

«Въ это время всѣ товары были въ настоящей своей цѣнѣ, обусловленной отношеніемъ между странами производительными и потребляющими, а распредѣленіе различій, необходимыхъ для торговой дѣятельности, было уже готово: оставалось сдѣлать нѣкоторыя добавленія, соотвѣтственно съ обстоятельствами, болѣе или менѣе затрудняющими наше настоящее положеніе.»

За этимъ слѣдовалъ декретъ, первая статья котораго состояла въ слѣдующемъ:

Товары, признанные Національнымъ Конвентомъ предметами первой необходимости, на которые оно нашло нужнымъ назначить таксу, суть:

Свѣжее мясо,	Сахаръ,
Солонина и свиное сало,	Медъ,
Коровье масло,	Писчая бумага,
Деревянное масло,	Кожи,
Скотъ,	Желѣзо,
Соленая рыба,	Чугунъ,
Вино,	Свинець,
Водка,	Сталь,
Уксусъ,	Мѣдь,
Сидръ (квасъ),	Пенька,
Пиво,	Ленъ,
Дрова,	Шерсть,
Древесный уголь,	Ткани,
Каменный уголь,	Полотно,
Свѣчи,	Сырые матерьялы для
Ламповое масло,	фабрикъ,
Соль,	Деревянные башмаки,
Сода,	Башмаки,
Мыло,	Рѣпа,
Поташъ,	Табакъ.

ПРИМ. АВТОРА.

управляющихъ обмѣномъ, не замедлило усилить зло, которое имѣлось въ виду предупредить; такъ что Филиппъ принужденъ былъ отмѣнить свой указъ о таксѣ на хлѣбъ почти вслѣдъ за его обнародованіемъ. Выраженія, употребленныя имъ при этомъ случаѣ, настолько замѣчательны, что ихъ стоитъ привести буквально; къ тому же, они принадлежатъ исторіи науки, которой рѣдко удастся встрѣчать въ рѣчахъ королей подобную откровенность. «Филиппъ, Божіею милостію, король Франціи, Санлискому судѣ * привѣтъ. *Для обузданія общаго бѣдствія (pour réfréner la commune tempête)* и нужды, вслѣдствіе дороговизны хлѣба, гороха, бобовъ, ячменя и другихъ произведеній, которыми питается народъ, мы недавно приказали, установили, опубликовали и воспретили, чтобы ни одинъ изъ подданныхъ нашихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи всего своего имущества, не смѣлъ продавать лучшую пшеницу дороже 40 су, бобы и ячмень дороже 30 су, овесъ дороже 20 су, и отруби дороже 10 су; отъ нашего постановленія и указа мы надѣялись, на большее облегченіе и большее снабженіе нашего народа, чего до сихъ поръ еще не послѣдовало. Поэтому, вслѣдствіе наступленія непредвидѣнныхъ условій, мы считаемъ необходимымъ измѣнить наши совѣты и постановленія: для скорѣйшаго вспоможенія нуждамъ нашего народа, мы *отмѣнили и отмѣняемъ* цѣны, назначенныя нами на означенные роды хлѣба, и приказали и постановили, что если кто либо изъ жителей нашего королевства будетъ имѣть вышеозначенный хлѣбъ, то можетъ продавать его на рынкѣ *по той цѣнѣ, какую мо-*

* *Bajulus, bailli*, былъ представителемъ короля, или вообще феодальнаго владѣльца въ каждомъ городѣ области, принадлежавшей тому или другому; онъ судилъ, именовъ своего феодальнаго главы, его вассаловъ, подъ-вассаловъ и крѣпостныхъ, и управлялъ его финансами. На югѣ Франціи эти чиновники иногда назывались *сенешалами (Sénéchal)*. До XIV ст. случалось, что они были и военными начальниками городовъ и ихъ округовъ (*bailliages*). Вообще власть этого судьи была огромна, несмотря на отвѣтственность предъ центральнымъ Королевскимъ парламентомъ, куда они должны были являться лично съ отчетами. Въ 1789 суды, называвшіеся *bailliages*, уничтожены.

жетъ получить. Поэтому, мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы каждый могъ безопасно и мирно являться на рынокъ, не опасаясь, ни за своихъ лошадей, ни за повозки.

Такимъ образомъ, опыта нѣсколькихъ недѣль достаточно было, чтобы доказать бесполезность насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ снабженія народа продовольствіемъ. Указы Филиппа Красиваго поучительны въ томъ отношеніи, что представляютъ собой какъ бы экономическую драму, которая завязывается, усложняется и кончается развязкой по всѣмъ правиламъ науки, то есть, въ пользу свободы. Трудно даже понять, какимъ образомъ, послѣ такихъ очевидныхъ уроковъ опыта, мы встрѣчаемъ ту же борьбу въ царствованіе многихъ послѣдующихъ королей, и даже въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, между аббатомъ Галіани и Тюрго, между администраторами и *экономистами*. Мало того: вразумленный неудачной попыткой *таксъ*, Филиппъ Красивый пошелъ дальше, и рѣшился на мѣру, на которую мы не смѣемъ рассчитывать, даже въ Парижѣ, въ ту минуту, какъ я пишу эти строки. Годъ спустя послѣ отмѣны своихъ указовъ и восстановления свободной торговли хлѣбомъ, онъ освободилъ потребителей отъ монополіи булочниковъ, и позволилъ каждому гражданину снабжать себя хлѣбомъ, какъ заблагоразсудитъ. «Мы повелѣваемъ и желаемъ, чтобы каждый житель Парижа или прибывшій въ Парижъ, имѣлъ право печь хлѣбъ, какъ для своего употребленія, такъ и для продажи сосѣдямъ, подѣ условіемъ дѣлать его добросовѣстно и достаточной величины, съ платою обычныхъ пошлинъ. Мы повелѣваемъ и желаемъ, чтобы всякій желающій могъ въ каждый день недѣли доставлять въ Парижъ хлѣбъ и всякіе другіе съѣстные припасы, и продавать ихъ безопасно и мирно. Желаемъ равномерно, чтобы всѣ, привозимые въ Парижъ съѣстные припасы, тотчасъ по поступленіи ихъ на рынки, были всѣмъ доступны по той самой цѣнѣ, по какой покупаютъ ихъ оптовые купцы.» Замѣчательно, что 500 лѣтъ спустя, Сень-Жюсту пришлось сознаться въ Національномъ Конвентѣ, почти словами Филиппа Красиваго, въ безсиліи *таксъ* противъ недостатка хлѣба. «Изданные вами недавно законы о съѣст-

ныхъ припасахъ, говорилъ онъ, были бы хороши, еслибы люди не были скверны. Когда вы издали законъ о таксахъ, враги народа, будучи богаче его, скупили хлѣбъ по цѣнѣ, превышавшей таксу. Рынки перестали снабжаться хлѣбомъ вслѣдствіе алчности продавцевъ: *цѣна товара понизилась, но самъ товаръ сдѣлался рѣже*. Комиссіонеры сельскихъ общинъ спѣшили покупать его наперерывъ другъ передъ другомъ, а какъ боязнь итается и распространяется сама собой, то каждый хотѣлъ имѣть запасъ хлѣба, и готовилъ голодъ, желая избавиться отъ него*.» Кого не поразитъ сходство двухъ этихъ признаній, несмотря на раздѣляющія ихъ пять столѣтій? Дѣло въ томъ, что ни въ какую эпоху нельзя безнаказанно нарушать существеннѣйшіе законы, управляющіе производствомъ богатствъ, не вызывая пагубныхъ послѣдствій почти тотчасъ же вслѣдъ за ихъ нарушеніемъ; исторія полна такихъ уроковъ, которые, къ несчастію, не мѣшаютъ возобновенію старыхъ ошибокъ.

Поразительнымъ доказательствомъ этого служатъ постоянныя попытки государей къ искаженію, по своей прихоти, законодательства о монетѣ. Намъ трудно понять терпѣніе, съ которымъ переносилъ народъ эти непрерывныя колебанія въ цѣнности зототыхъ и серебряныхъ денегъ, то есть, настоящую поддѣлку ихъ, отъ которой страдала торговля, и на которую слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на банкротство. То вздумается королю объявить, что *petits royaux* будутъ ходить по одиннадцати парижскихъ су; то объявятъ, что будетъ введена снова доброкачественная монета временъ Людовика Святаго, и что никто не смѣетъ платить по иному курсу; то воспретятъ употребленіе иностранныхъ денегъ, то наконецъ, употребленіе билоновой монеты. Совершенное искаженіе всѣхъ цѣнностей неизбѣжно вызвало вмѣшательство въ договоры, въ арендные контракты, въ условія найма, которое привело къ постановленію, что уплаты годовыя, какъ и полугодовыя будутъ производиться *ходячею монетою***.

* Moniteur, 14-го Октября, 1793 г., стр. 92.

** «Если условіе заключалось на сумму или на количество денегъ,

кто не смѣлъ теперь разсчитывать на правильные доходы, и самъ король, желая продать свои лѣса, на которые не было покупателей, вынужденъ былъ принести публичное покаяніе и объявить, что купившіе эти лѣса во время доброкачественной монеты, заплотятъ такую же монетой, а купившіе во время *дурной*, заплотятъ *дурною*. Каждый указъ объ искаженіи монеты сопровождался пагубнымъ исходомъ, противъ котораго прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ. Изученіе этой борьбы весьма интересно, потому что она показываетъ опасность и бесполезность вмѣшательства верховной власти въ тѣ сдѣлки, которыя требуютъ отъ нея только свободы и безопасности. Нарушая эти основныя правила, французскіе короли открыли путь торговымъ кризисамъ, и начали тотъ длинный и печальный рядъ мѣръ, который наполняетъ первую эпоху нашей экономической исторіи. Сколько попытокъ сдѣлано было для воспрепятствованія вывоза золота и для привлеченія на государственный монетный дворъ драгоценныхъ металловъ, которые коронные монетчики передѣлывали день и ночь въ низкопробную монету! Даже пилигримамъ съ трудомъ дозволялось нарушать эти строгія постановленія, воспрещавшія вывозъ звонкой монеты. Удерживая ее, казалось, что удерживаютъ богатство; никто еще не понималъ простѣйшихъ законовъ обращенія, и такимъ образомъ полагались основанія тому поклоненію золоту, послѣднимъ выраженіемъ котораго была *запретительная система*. Однихъ принуждали продавать серебряную посуду, другихъ — расплавлять ожерелья и кольца. Выдѣлывая изъ одного хорошаго эку два скверныхъ, думали, что увеличиваютъ государственное богатство, а когда эти фальшивыя королевскія деньги вызывали общее повышеніе цѣнъ, то противъ такого неизбѣжнаго слѣдствія не умѣли пріискать дру-

уплачиваемое въ нѣсколько лѣтъ, на пять тысячъ ливровъ, напри- мѣръ, или больше, или меньше, съ *разсрочкой на десять лѣтъ*, по стольку то тысячъ ливровъ ежегодно, то уплачивать ихъ *тою монетой, какая будетъ обращаться по нашему указу въ минуту наступленія срока для каждого платежа.*» (Ordonnances, т. I, стр. 444).

Прим. автора.

гой мѣры, какъ изданіе законовъ противъ роскоши и ограниченіе потребленія. «Мы желаемъ говорится въ одномъ указѣ 1294 г., чтобы всѣ, имѣющіе менѣе шести тысячъ ливровъ дохода, не смѣли употреблять за столомъ ни золотой, ни серебряной посуды, ни для питья, ни для ѣды, ни для какого либо инаго употребленія; въ случаѣ же неповиновенія, виновный будетъ наказанъ смертью, его имущество конфисковано, а серебро его обращено въ монету, на *общую пользу нашего королевства.*»

Другой указъ того же года предписываетъ:

«Ни одна горожанка не смѣетъ имѣть экипажа.

«Ни одинъ горожанинъ или горожанка не смѣютъ носить зеленое или сѣрое платье, ни обшитое горностаемъ, и сбуютъ имѣющееся у нихъ въ теченіе года отъ ближайшей Пасхи. Они не смѣютъ носить ни золотыхъ украшеній, ни драгоценныхъ камней, ни золотыхъ и серебряныхъ коронъ.

«Герцоги, графы и бароны, обладающіе землями, приносящими шесть тысячъ ливровъ дохода, или болѣе, могутъ дѣлать себѣ ежегодно только по четыре костюма, не болѣе, столько же и ихъ жены.

«Рыцарь, получающій дохода со своей земли три тысячи ливровъ, можетъ имѣть три пары платья въ годъ, не болѣе; изъ нихъ одно должно быть лѣтнее.

«Никому не дозволяется имѣть за обѣдомъ болѣе двухъ блюдъ и одной похлебки со свинымъ саломъ, безъ обмана; въ *постъ* же, дозволяется имѣть двѣ похлебки съ сельдями и два блюда.

«Повелѣвается, чтобы прелаты и бароны не носили платье изъ ткани, дороже 25 турецкихъ су за парижскій онъ.»

Кто бы подумалъ, что всѣ эти указы, равносильные самымъ дикимъ спартанскимъ утопіямъ, эти *пohлебки изъ сельдей*, столь же нелѣпыя, какъ и черная лакедемонская похлебка, принадлежатъ эпохѣ, когда промышленность всюду стремилась къ возрожденію, когда ганзейскіе города и итальянскія республики уже достигли высокой степени богатства и славы! Но именно этими богатствами и можно объяснить слѣпое упрямство королей, запрещавшихъ вывозъ золота.

Франція этой эпохи мало имѣла предметовъ, которые могла бы предложить въ обмѣнъ на произведенія, въ которыхъ она нуждалась; напрасно древніе указы запрещали всякую иную торговлю, кромѣ обмѣна товара на товаръ, такъ какъ съ одной стороны имѣлись только одни экю, а съ другой—товары. Звонкая монета неизбѣжно должна была исчезать; она и отправлялась въ кассы итальянскихъ республикъ, которыя вскорѣ начали держать наемныя войска на золото народовъ, бывшихъ данниками ихъ торговли и промышленности. Тщетно, отъ времени до времени, королевскій гнѣвъ падалъ на смѣлыхъ купцевъ, которыхъ называли тогда то ломбардцами, то ростовщиками; общая нужда сдѣлала ихъ необходимыми, такъ что они постоянно возвращались, посѣвая въ сердцахъ народовъ первую недовѣрчивость, до сихъ поръ ими сохраняемую, противъ вывоза золота*. Вотъ гдѣ первоначальный источникъ нашихъ политико-экономическихъ предразсудковъ; это—или дѣло политической злобы, какъ запрещеніе всякой торговли съ фламандцами** ; или дѣло религіознаго фанатизма, какъ гоненія противъ евреевъ. Предразсудки эти непрерывно господствовали, какъ въ администраціи, такъ и въ народѣ, между которымъ они въ полномъ ходу до настоящаго времени, освящаемые поддержкой самихъ правительствъ; этимъ объясняются и всѣ затрудненія противъ ихъ искорененія, несмотря на торжественныя опроверженія и изобличенія опыта и исторіи. Такова сила всего, что прочно организовано, а ничто не было организовано съ такимъ талантомъ и искусствомъ, какъ возраждавшаяся промышленность, возникновеніе которой при Людовикѣ Святомъ и составитъ предметъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія.

* «Такъ какъ мы узнали, что въ королевство наше прибыли многіе итальянцы, которые занимаются *нечестными* сдѣлками и договорами, то мы намѣрены отказать этимъ итальянцамъ въ вышеозначенныхъ льготахъ и преимуществахъ.» *Ordonnance de Louis le Hutin*, 9 Juillet, 1315.

Прим. автора.

** См. другой указъ Людовика Своенравнаго, отъ 28 февраля 1315, и шестьдесятъ или восемьдесятъ указовъ противъ евреевъ, менѣе чѣмъ въ четыре царствованія.

Прим. автора.

ГЛАВА XIX.

Устройство цеховъ въ царствованіе Людовика Святаго. — *Книга Ремесль* Этьена Буало. — Общій очеркъ цеховой системы. — Ея прежнія выгоды и новѣйшія неудобства.

По приведеннымъ выше указамъ можно составить себѣ понятіе о той анархіи, въ которой находилось европейское общество въ концѣ двѣнадцатаго и въ тринадцатомъ вѣкѣ. Только недвижимая собственность пользовалась спокойствіемъ и обезпеченіемъ; на ней одной сосредоточивались всѣ права, всѣ преимущества, всѣ льготы. Но уже рядомъ съ нею возникаетъ движимое богатство, созданное трудомъ демократіи, и напрасны всѣ усилія, имѣвшія въ виду лишить его того мѣста въ государствѣ, котораго оно домогается и которое предстоитъ ему вскорѣ занять. Мало по малу оно завоевываетъ себѣ свободу въ городахъ, то покупая, то само присуждая себѣ права гражданства; съ каждымъ днемъ издаются въ его пользу указы, и возрастанію его могущества содѣйствуютъ даже тѣ усилія, которыя поднимаются собственно на его гибель. Въ дѣйствительности, общины были уже свободны, когда имъ уступлены были ихъ льготы, а гоненія противъ евреевъ, то изгонявшихся, то снова возвращавшихся, уже свидѣтельствовали о важномъ значеніи, которое имѣли капиталисты. Законодательство становится все болѣе гуманнымъ, по мѣрѣ того, какъ богатѣли низшіе классы населенія. Имъ покровительствуютъ на ярмаркахъ и на рынкахъ; имъ даютъ суды, составленные изъ равныхъ имъ людей, и освобождаютъ ихъ отъ множества притѣсненій, которыми прежде угнетали ихъ. Но въ самую эпоху ихъ освобожденія, происходитъ среди нихъ весьма замѣчательное явленіе, поразительнымъ образомъ характеризующее феодальныя стремленія того времени: это — іерархическая организація работниковъ подъ управленіемъ корпорацій или цеховъ. Въ то время еще никому не приходило въ голову освободить человѣка, какъ человѣка; принципа равенства еще не существовало. Считалось

необходимымъ, чтобы были мастера, подмастерья и ученики, какъ были сеньоры, вассалы и крѣпостные въ дѣлѣ земледѣлія. Никто еще не сознавалъ свободнаго труда; работникъ долженъ былъ работать на хозяина, какъ крестьянинъ на помещельнаго владѣльца. Этою цѣною покупалась свобода; король продавалъ ее, какъ товаръ, но въ покупателяхъ никогда не было недостатка. Да и какимъ образомъ могъ бы встрѣтиться этотъ недостатокъ въ нихъ среди той промышленной арміи, которая внезапно возникла изъ феодальнаго мрака!

За Людовикомъ IX навсегда останется слава первой мысли о правильномъ устройствѣ этой промышленной арміи*. То,

* Въ настоящее время считается доказаннымъ, что организація ремеслъ относится ко временамъ, предшествовавшимъ Людовику Святому. Вотъ что говоритъ по этому поводу Левассёръ въ своей прекрасной *Исторіи рабочихъ классовъ* (*Histoire des classes ouvrières*, 1859, 2 т. изд. Гильомена): «Нѣкоторыя корпораціи несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ римскимъ школамъ, хотя и нѣтъ возможности прослѣдить за ними въ исторіи съ V по XI столѣтіе. Молчаніе лѣтописцевъ и архивовъ о подобныхъ предметахъ нисколько не удивительно для эпохи варварства и невѣжества, въ которую промышленность не имѣла никакого значенія, и въ которую болѣе замѣчательныя событія сохранили такъ мало слѣдовъ. Но какъ только употребленіе письма распространилось, то появляются и доказательства древняго существованія нѣкоторыхъ корпорацій. Парижскіе водовозы суть вѣроятно прямыя потомки прежнихъ поставщиковъ воды въ городъ. Всегда была необходима компанія судовщиковъ для перевозки съѣстныхъ припасовъ и предметовъ, необходимыхъ для потребленія Парижа. Исторія, со времени паденія римской имперіи, теряетъ ихъ слѣды; но снова нападаетъ на нихъ во времена Людовика VII, который жалуетъ имъ въ 1121 привилегіи, какъ компаніи, давно уже существующей. Уже въ началѣ XII вѣка не знали, къ какому времени относится учрежденіе корпораціи парижскихъ мясниковъ; хартія 1134 говоритъ о «древнемъ ихъ устройствѣ»; другая, 1162, упоминаетъ о «древнихъ правахъ, которыми съ давнихъ поръ пользовались мясники», и повѣлеваетъ возстановить ихъ.

«Еслибы мы имѣли о промышленной организаціи хартіи, предшествующія XI и XII вѣку, то вѣроятно мы встрѣтили бы въ нихъ водовозовъ и мясниковъ, которые, вслѣдствіе того, что всегда были необходимы для Парижа, не могли такъ легко погибнуть, какъ многіе другіе, среди водоворота исторической жизни. Снова устроившіеся ремесленные цехи возникали тѣмъ быстрѣе, чѣмъ промышленнѣе

что было потеряно ею относительно независимости, съ лихою вознаграждалось усиленіемъ ея могущества и жизненности; съ этой эпохи трудъ принялъ движеніе, которое уже никогда не остановится. Нельзя не удивляться той глубокой проницательности, съ которой разсчитаны были малѣйшія подробности въ любопытномъ законодательномъ памятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *Положенія о ремеслахъ въ Парижѣ* (*Établissements des métiers de Paris*), цѣликомъ дошедшемъ до насъ со времени царствованія Людовика Святаго **. Этьену Буало поручилъ Людовикъ IX привести въ исполненіе

и многолюднѣе былъ городъ, населенный ремесленниками. Ремесленный цехъ явился ранѣе общины, хотя и нельзя сказать, насколько именно; но эта мирная и неслышная организація труда несомнѣнно происходила среди бѣльшаго еще разнообразія, чѣмъ шумное преобразование общины. Тѣмъ неменѣе, XI и XII столѣтія представляются, повидимому, эпохой, въ которую ремесленники почувствовали необходимость соединенія, и стали составлять первые союзы. Статутъ парижскихъ свѣчниковъ кажется относится къ 1061. Въ *Перечень ремеселъ*, составленномъ по приказанію Этьена Буало, ремесленники часто требуютъ привилегій, пожалованныхъ или даже только подтвержденныхъ Филипомъ-Августомъ, а потому, относящихся не позже какъ къ 1223. Въ 1160 Людовикъ Младшій жалуетъ Теси (Thesi), женѣ д'Ива (d'Yves), и ея наслѣдникамъ, званіе мастера въ пяти ремеслахъ, чеботарномъ, портупейномъ, дубильномъ, сыромятномъ и кошелечномъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что эти ремесла имѣли уже цеховое устройство. Въ Руанѣ сапожники и чеботари составляли корпорацію, которой король Генрихъ I, умершій въ 1135, пожаловалъ нѣкоторыя права.

«Такимъ образомъ, ремесленные цехи существовали ранѣе тринадцатаго, и даже ранѣе двѣнадцатаго вѣка; но только около 1260, по сообщеніи имъ толчка общиннымъ движеніемъ, которое ими же было вызвано, они получаютъ полную и правильную организацію.» (Т. I, стр. 193 и слѣд.) Фран. изд.

** Существуютъ три или четыре рукописи этого памятника. Древнѣйшая принадлежитъ Императорской библіотекѣ. Въ Архивахъ префектуры полиціи находится хорошая съ него копія. Прим. автора.

Послѣ выхода настоящаго сочиненія, *Перечень ремеселъ* Этьена Буало (*Registre des métiers*) напечатанъ былъ въ собраніи неизданныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Франціи, Депингомъ въ 1837.

Фран. изд.

великую мысль свою—дать для промышленности и торговли покровительственные уставы и устройство, которое обезпечивало бы ихъ благосостояніе. Эти *Положенія* имѣли слишкомъ большое вліяніе на развитіе общественнаго богатства и на судьбу труда, чтобы не занять почетнаго мѣста въ исторіи политической экономіи; на этомъ основаніи, мы посвятимъ имъ отдѣльное изслѣдованіе. Уже одно предисловіе къ нимъ дастъ намъ надлежащее о нихъ понятіе.

«Этьенъ Буало, голова города Парижа, всѣмъ гражданамъ и жителямъ Парижа, и проч. привѣтъ. Касательно того, что мы видѣли въ Парижѣ въ наше время, измозженное язвами и необузданными страстями, развращенное самимъ собою и безуміемъ молодыхъ и неопытныхъ людей, какъ между иностранцами, такъ и между жителями города, незанимающимися никакимъ ремесломъ по той причинѣ, что они не продали иностранцамъ ни одной вещи своего ремесла, которая была бы сдѣлана такъ хорошо и такъ добросовѣстно, какъ это слѣдовало бы... намѣреніе наше состоитъ включить въ первую часть этого творенія, насколько мы можемъ лучше, всѣ ремесла Парижа, указы о нихъ, способъ производства каждаго ремесла и пени за нихъ. Во второй части думаемъ мы условиться о пошлинахъ, взимаемыхъ на шоссейныхъ дорогахъ, рынкахъ, проходахъ, рѣкахъ, ярмаркахъ, вѣсовыхъ, вьючныхъ, повозочныхъ и обо всѣхъ другихъ предметахъ, вошедшихъ въ обычай. Въ третьей и послѣдней части—о судѣ и расправѣ, касающихся тѣхъ, которые подлежатъ суду и расправѣ въ городѣ Парижѣ и его предмѣстьяхъ. Дѣлаемъ мы это ради пользы всѣхъ, даже бѣдныхъ людей, иностранцевъ, прибывающихъ въ Парижъ для покупки товаровъ, чтобы они не были обмануты недоброкачествомъ товаровъ; а также ради наказанія тѣхъ, кто будетъ брать за нихъ непристойные барыши или, по безразсудству, станетъ запрашивать и получать за нихъ безбожныя, противузаконныя и безумныя цѣны. Когда это дѣло было окончено, собрано, приведено въ порядокъ и постановлено, то мы прочитали его предъ великимъ собраніемъ самыхъ мудрыхъ, самыхъ праводушныхъ и старѣйшихъ людей Парижа, болѣе всего опыт-

ныхъ въ этомъ дѣлѣ, которые, всѣ вмѣстѣ, весьма одобрили это твореніе, а потому, мы и приказали всѣмъ парижскимъ ремесленникамъ, всѣмъ дорожнымъ и таможеннымъ людямъ не дѣлать и не поступать противъ него.»

Итакъ, король имѣлъ главнымъ образомъ въ виду положить конецъ безчисленнымъ мошенничествамъ, совершавшимся въ ущербъ покупателямъ, и издать для каждаго ремесла особыя постановленія. Нѣкоторыя изъ ремеслъ остались свободны; многія обложены были особыми пошлинами, и небольшое число ихъ могло существовать только при покровительствѣ Короля. Таковы были, (кто могъ бы повѣрить этому?) ремесло чеботаря и промыселъ продавца луку и чесноку*. Работники обязаны были соблюдать, подъ опасеніемъ денежной пени, множество мелочныхъ условій техники, обозначенныхъ въ *Положеніяхъ*. Такъ на примѣръ *прядильщикамъ* воспрещалось смѣшивать пеньковую нить съ льняною. Булочникъ, имѣвшій привилегію короля, могъ продавать морскую рыбу, жареное мясо, финики, изюмъ, простой перецъ, корицу, патоку и солодковый корень, а ножевщикъ не имѣлъ права изготовлять рукоятки къ своимъ ножамъ. Ремесленникъ, приготовлявшій деревянную посуду и корыта, не смѣлъ выточить деревянной ложки. Одно шляпочное производство подраздѣлялось на пять отдѣльныхъ ремеслъ. Вводя, такимъ образомъ, въ производство начала раздѣленія труда, Людовикъ Святой много содѣйствовалъ усовершенствованію промышленности, а обезпечивая покупателямъ *добросовѣстные* товары, онъ оказалъ больше услугъ торговлѣ, чѣмъ сколько сдѣлано было для нея въ десять царствованій его преемниковъ. *Книга ремеслъ* содержитъ въ себѣ правила болѣе чѣмъ для полутора ста разныхъ ремеслъ, число и разнообразіе которыхъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ важнаго зна-

* Никто не можетъ быть чеботаремъ, не купивъ у короля право на ремесло.

Никто не можетъ быть продавцемъ фруктовъ или овощей, а именно, чесноку, луку, не купивъ у короля права на ремесло. (*Living des métiers*).
Прим. автора.

ченія городской промышленности того времени*. Большая часть этихъ правилъ, которыя показались бы невыносимыми для нашего времени, произвела настоящій переворотъ въ

* Вотъ названія главныхъ ремеслъ, организованныхъ Этьеномъ Буало, въ томъ видѣ, какъ они обозначены въ его *Книгѣ*:

Ламповщики,	Дѣлатели проволочныхъ кольчугъ,
Бочари,	Подвязчики,
Оловянники,	Дѣлатели панцырей,
Сукновалы,	Продавцы четокъ костяныхъ и ро-
Красильщики,	говыхъ,
Башмачники,	Продавцы четокъ кораловыхъ,
Горшечники,	Продавцы четокъ янтарныхъ,
Котельники,	Эмальеры,
Ткачи суконъ,	Гранильщики кристаловъ,
Продавцы сельдей,	Продавцы золотой проволоки,
Кузнецы,	Продавцы оловянныхъ издѣлій,
Слесаря,	Продавцы листового золота,
Булочники,	Продавцы нитокъ и шелку,
Мельники,	Шелковыя пряжи,
Хлѣбники,	Бахромщики,
Хлѣбомѣры,	Шелковые ткачи,
Вѣстовщики,	Булавочники,
Виномѣры,	Продавцы распятій и ножевыхъ ру-
Трактирщики,	коятокъ,
Пивовары,	Живописцы образовъ,
Продавцы соли и морской рыбы,	Продавцы деревяннаго масла,
Продавцы фруктовъ и овощей,	Продавцы сальныхъ свѣчей,
Серебреники,	Футлярщики,
Канатчики,	Продавцы ноженъ,
Продавцы игрушекъ,	Продавцы шкатулокъ,
Ножевщики,	Гребенщики и фонарщики,
Продавцы ножевыхъ рукоятокъ,	Столяры,
Латуньщики,	Яицепродавцы и повара,
Проволочники,	Продавцы куръ,
Продавцы желѣзныхъ щитовъ,	Продавцы игорныхъ костей,
Продавцы проволочныхъ щитовъ,	Продавцы наперстковъ,
Кольчужники,	Пуговичники,
Портные,	Брадобреи,
Прядильщики льна въ Парижѣ,	Баньщики,
Прядильщики льна внѣ Парижа,	Продавцы швейныхъ товаровъ,
Продавцы пеньки и пряжи,	Вѣтошницы, торгующія въ новомъ
Продавцы пеньковыхъ издѣлій.	рынкѣ,

ремеслахъ, наблюденіе за которыми и усовершенствованіе которыхъ имѣлось ими въ виду. Вскорѣ стали исчезать безчисленныя мошенничества, безславившія мастерскія и парализовавшія торговыя сдѣлки. Еслибы организація цеховъ оказала только эту услугу труду, то и тогда сдѣланное ею добро было бы безконечно; но, подчиненіемъ работниковъ дисциплинѣ, она сдѣлала ихъ болѣе самостоятельными. Вызванное ею въ нихъ чувство сословной гордости, столь гибельное при другихъ обстоятельствахъ, придало ихъ товариществу серьезный характеръ и прочное существованіе. Эти *братства*, эти *университеты* работниковъ твердо отстаивали впоследствии свои привилегіи, такъ дорого имъ доставшіяся. Они отдались подъ покровительство святыхъ, присвоили себѣ священныя хоругви, настоящія знамена ихъ независимости, и настойчиво преслѣдовали за малѣйшую обиду, нанесенную кому либо изъ ихъ членовъ. Они имѣли своихъ старшинъ, свою расправу, свои совѣты, своихъ защитниковъ. Какъ только достоинство различныхъ ремесленныхъ корпорацій было поставлено подъ защиту всѣхъ членовъ, входящихъ въ

Браслетчики,	Портупейщики,
Продавцы бархата,	Сапожники,
Литейщики,	Ткачи особыхъ ковровъ,
Продавцы латунныхъ издѣлій,	Чеботари,
Продавцы пряжекъ и шнурковъ,	Сыромятники,
Швеи шелковыхъ шапокъ,	Ременьщики,
Плотники,	Продавцы сѣна, (?)
Каменщики,	Продавцы шляпъ съ цвѣтами,
Продавцы посуды,	Продавцы бумажныхъ шляпъ,
Ткачи полотень,	Продавцы поярковыхъ шляпъ,
Ткачи ковровъ,	Продавцы шляпъ съ павлиньимъ перомъ,
Продавцы стараго платья,	Продавцы шляпъ, обшитыхъ мѣхомъ,
Кошельщики и бандажисты,	Продавцы инструментовъ,
Сѣдельщики и красильщики сѣдель,	Оружейники,
Шляпники,	Продавцы луковъ,
Гербовщики,	Рыболовы удочкой,
Шорники,	Рыболовы рѣчные,
Кожевенники,	Рыболовы морскіе.
Продавцы сафьянныхъ издѣлій,	

Прим. автора.

ихъ составъ, то рабочіе классы не замедлили занять свое мѣсто въ ряду прочихъ политическихъ сословій общества, какъ духовенство, дворянство, судебное сословіе. Ихъ строгая іерархія не уступала іерархіи другихъ сословій, и едвали владѣльцы замковъ болѣе уважались своими вассалами, чѣмъ хозяева мастерскихъ своими работниками и подмастерьями. Но страсть къ господству скоро перешла изъ замковъ въ мастерскія, и рядомъ съ тираніей барона возникъ деспотизмъ лавочника.

Людовикъ Святой далеко не предвидѣлъ всѣхъ слѣдствій своего ремесленного законодательства, бывшаго столько же дѣломъ благочинія, какъ и государственнаго хозяйства. Въ сущности, онъ положилъ только первый камень цеховаго устройства, и вся его система можетъ быть выражена въ двухъ строкахъ: «Каждый долженъ заниматься своимъ ремесломъ, и только имъ, чтобы дѣлать свое дѣло добросовѣстно, и никого не обманывая.» Но такъ какъ Буало заботливо предусмотрѣлъ всѣ случаи обмана, и указалъ лучшіе приемы для труда, то *Книга ремеслъ* обратилась въ трактатъ о техническомъ производствѣ, и сдѣлалась образцемъ, который каждый необходимо долженъ былъ имѣть въ виду. Надзоръ за ремесленниками былъ порученъ важному придворному сановнику, *grand chambrier*, который обезпечивалъ королевскимъ утвержденіемъ всѣ мѣры, которыя могли быть для нихъ полезны. Съ этой эпохи возникло между ремесленниками дѣятельное соревнованіе; собранные вмѣстѣ въ одинъ кварталъ*, находясь подъ постояннымъ надзоромъ другъ у друга, и на виду у потребителей, которые могли избирать между ними самыхъ честныхъ и искусныхъ, они скоро усвоили себѣ качества бывшія крайне рѣдкими въ предшествующую анархическую эпоху.

Преемникамъ Людовика IX-го суждено было дополнить его дѣло, и въ то же время запутать тѣ трудные вопросы которые, рано или поздно, должны были изъ него возникнуть. И дѣйствительно, ограничивъ слишкомъ мелкими по-

* Joinville, стр. 152.

дробностями кругъ дѣйствій каждаго ремесла, Людовикъ Святой не могъ не вызвать безчисленныхъ столкновений между различными промыслами. Какъ было избѣгнуть несогласій между шляпочниками, напимѣръ, изъ которыхъ одни имѣли право дѣлать только бумажныя шляпы, а другіе — поярковыя? Кто могъ ручаться, что миръ никогда не будетъ нарушенъ между ножевщиками, изготовлявшими рукоятки, и ножевщиками, изготовлявшими одни только лезвія? Кто не согласится, что весьма трудно было распознать въ производствѣ сальныхъ свѣчей запрещенную смѣсь бычачьяго жира съ бараньимъ саломъ, и въ выдѣлкѣ восковыхъ свѣчей смѣсь стараго воска съ новымъ? Прядильщики не смѣли, такимъ же образомъ, ссучивать пеньковую нитку съ льняной; чеботари не имѣли права поправлять и обновлять, болѣе какъ на двѣ трети, башмаки, не посягая на преимущества сапожниковъ. Сѣдельные мастера, неимѣвшіе работы, могли дѣлать башмаки, но сапожники не смѣли дѣлать сѣдель. Столяры имѣли работы, тщательно разграниченныя съ занятіями плотниковъ. Вотъ почему, тотчасъ по установленіи братствъ, доброе согласіе между ремесленниками исчезло. Цехи, которымъ не страшны были нападенія со стороны, постоянно раздирались внутренними распрями, а эти несогласія не замедлили выдать ихъ связанными по рукамъ и по ногамъ произволу центральной государственной власти. Начиная съ Людовика Святаго до Людовика XIV, не было ни одного государя, который бы не стѣснялъ ихъ новыми налогами, и не подчинялъ ихъ новымъ постановленіямъ: судебная власть преслѣдовала ихъ тюремными заключеніями и денежными пенями, нисколько не ослабляя ихъ ненависти и взаимной вражды. Основатель ремесленныхъ корпорацій имѣлъ въ виду ввести порядокъ между ними: преемники его видѣли въ нихъ только средство для полученія денегъ.

Указомъ Карла VI, 1407, начинаютъ вводить измѣненія въ постановленія Людовика IX относительно продажи товаровъ. Генрихъ III, указомъ 1581, обложилъ цехи высокою податью, которая называлась *Королевскою*, и увеличилъ число постановленийъ объ ученичествѣ, о полученіи званія мастера

и объ избраніи присяжныхъ. Указъ Генриха IV, 1597, подтвердивъ предъидущій, присоединилъ къ нему нѣсколько новыхъ, болѣе стѣснительныхъ постановленій. Наконецъ Людовикъ XIV, указомъ марта 1673, ввелъ цеховое устройство по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ королевства, и учредилъ, для присмотра за ними, болѣе сорока новыхъ бесполезныхъ должностей. Такимъ образомъ, цеховое устройство, искаженное указами десяти королей, совершенно перестало походить на то, чѣмъ оно было при Людовикѣ IX; въ немъ не было уже и слѣда той высокой мысли, съ какою оно было задумано. Оно обратилось въ обширную арену для гнусной меркантильной неурядицы въ пользу новыхъ феодальныхъ собственниковъ, которые грабили несчастныхъ, успѣвшихъ, подъ именемъ подмастерьевъ и учениковъ, избѣгнуть крѣпостнаго рабства. Монополія охватила всѣ промышленные классы. Число ремесель строго ограничивается, чтобы обезпечить за немногими счастливыми всѣ выгоды, доставляемыя отсутствіемъ соперничества. Тысячи искусственныхъ преградъ противопоставляются изобрѣтательности, опережавшей вѣкъ, и безконечными проволочками продолжаютъ, подъ именемъ ученичества, дѣтство человѣка. Само ученичество представляло рабство, только въ другомъ видѣ, но тѣмъ не менѣе рабство. Во все его продолженіе несчастный ученикъ-ремесленникъ былъ собственностію своего хозяина, имѣвшаго право палкою понуждать его къ работѣ. Въ немъ признавались такіе пороки, которые давали право возвращать его назадъ, какъ лошадь. Время этого тяжкаго испытанія продолжалось иногда восемь, а иногда семь лѣтъ, послѣ чего *ученикъ* достигалъ наконецъ званія подмастерья. Это былъ вольноотпущенный того времени, мулатъ этихъ домашнихъ колоній. Кто пробылъ пять лѣтъ въ ученичествѣ въ Руанѣ, и столько же подмастерьемъ, тотъ не могъ вступить въ парижскій или бордоскій цехъ, иначе, какъ снова поступая въ ученики, такое же нелѣпое требованіе, какъ постановленіе, которое обязывало бы офицера дѣлаться солдатомъ при всякой перемѣнѣ полка.

Мы слишкомъ забываемъ безконечныя страданія рабочаго класса подъ игомъ монополіи и эксплуатаціи. Страданія эти

усиливались въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что тираны эти выходили сами изъ тѣхъ же мастерскихъ, и оказывались тѣмъ безжалостнѣе, чѣмъ съ большею безпощадой обращались и съ ними во время ихъ ученичества. Когда наступало для подмастерья время быть мастеромъ, то онъ шелъ на экзаменъ къ судьямъ, прямая выгода которыхъ заключалась въ отстраненіи лишняго соперника. Для доказательства его искусства, они требовали отъ него *образцоваго произведенія* его ремесла, но именно такого, которое бы въ точности удовлетворяло требованію извѣстныхъ правилъ, чтобы изобрѣтательность его не смѣла перешагнуть за собственную ихъ посредственность. Никто не смѣлъ уклоняться отъ принятыхъ приемовъ, подъ опасеніемъ пени; за то же, что это было за золотое время для штрафовъ! Они взыскивались за самыя неважныя опущенія, какъ и за самыя серьезныя уклоненія отъ нихъ. Бочаръ долженъ былъ выставлять свое имя на бочкахъ, и платилъ штрафъ за каждый худо набитый обручъ. Слесарь лично отвѣчалъ за свои замки, суконщики за свое сукно, дубильщики за свои кожи. На улицахъ то и дѣло встрѣчался полицейскій солдатъ, съ шестомъ въ рукахъ съ навѣшенными на немъ пергаментными листами, исписанными приговорами противъ булочниковъ, каменьщиковъ, серебряниковъ и другихъ ремесленниковъ. Сборщикамъ податей не было другаго дѣла, а корона не имѣла лучшихъ доходовъ. Проникаешься ужасомъ отъ злоупотребленій, ежедневно совершавшихся къ разоренію рабочихъ классовъ, при внимательномъ чтеніи безчисленнаго множества приговоровъ по тяжбамъ, вызваннымъ то завистью другъ ко другу общинъ, то спорами ихъ съ казной. Въ Парижѣ расходы по этимъ процессамъ поглощали въ половинѣ семнадцатаго вѣка болѣе 500,000 фр. въ годъ. Самыя скромные цехи истрачивали на этотъ предметъ по 25,000 франковъ. Статуты различныхъ цеховъ сохранились до настоящаго времени, какъ въ библиотекѣ Парижской Городской Думы, такъ и въ архивахъ префектуры полиціи; но до нихъ трудно добраться изъ подъ груды королевскихъ указовъ, приговоровъ и верховныхъ рѣшеній, ежедневно вызывавшихся самыми ничтожными обстоятельствами.

Къ личнымъ интересамъ присоединялось сословное самолюбіе, и раздувало на безконечное время распри, изъ которыхъ многія не могли улечься и послѣ столѣтней остервенѣлой вражды.

Итакъ, Людовикъ IX надѣялся водворить порядокъ, а его преемники подготовили въ промышленной средѣ безначаліе, несмотря на безусловный гнетъ, въ которомъ томились всѣ подвластные работники. Кто повѣрилъ бы, что женщины были исключены изъ цеха золотошвеевъ? *Подмастерьи* не могли вступать въ бракъ, не получивъ званія мастера, а званіе это, какъ мы уже сказали, считалось обѣтованною землею, о которой позволялось только мечтать, но которой рѣдко случалось достигнуть. Кромѣ представленія обычнаго, образцоваго произведенія, и двойныхъ проволочекъ ученичества и званія подмастерья, для полученія званія мастера необходимы были еще огромные расходы: внесеніе въ книгу мастеровъ, королевскія пошлины, пріемныя, полицейскія, на открытіе лавки, взятка старшинѣ и присяжнымъ, подарокъ экзекутору и писарю, вознагражденіе мастерамъ, принимавшимъ участіе въ церемоніи, ничто не было забыто, такъ что несчастный подмастерье не могъ получить званіе мастера, за неимѣніемъ средствъ, которыми онъ могъ бы удовлетворить алчности своихъ судей. Теперь представьте себѣ отчаянное положеніе работниковъ въ продолженіи длиннаго періода ученичества! Имъ даже было отказано въ правѣ располагать своимъ трудомъ, какъ будто свобода труда не есть самая священная изъ всѣхъ собственности! Но слава послѣдняго слова цеховаго устройства принадлежитъ Англіи, въ которой законъ еще недавно наказывалъ смертию бѣжавшаго ремесленника, хотя бы страна его и не могла доставить ему работы. Этьенъ Буало, несмотря на званіе свое городского головы, не могъ представить себѣ такого случая.

Какъ бы то ни было, несмотря на безчисленныя превратности въ своей судьбѣ, ремесленныя корпораціи, устроенныя Людовикомъ Святымъ въ видахъ порядка, дисциплины и добросовѣстности, вызвали слѣдствія, заслуживающія особен-

наго вниманія экономистовъ и государственныхъ людей. Онѣ приучили работниковъ къ терпѣннѣю, точности и настойчивости; онѣ воскресили безопасность торговли, и придали громадное значеніе этому первостепенному элементу общественнаго обогащенія. Какъ только потребители получили увѣренность, что ихъ не обманутъ, ни качествомъ, ни количествомъ произведеній, то они увеличили свои требованія, и тѣмъ самымъ доставили болѣе широкія средства существованія рабочимъ классамъ. Строгая цеховая іерархія, дававшая *хозяину-мастеру* власть надъ работниками, почти столь же обширную, какъ власть отца надъ дѣтьми, тоже принесла нѣкоторую пользу. Ограниченное число ремеслъ держало, правда, конкуренцію въ нѣсколько узкихъ размѣрахъ, а потому, пораждало монополію, но оно удерживало за то отъ тѣхъ легкомысленныхъ предпріятій, которыя слишкомъ часто придаютъ промышленной борьбѣ нашего времени характеръ войны на смерть, въ которой побѣжденный погибаетъ безъ обогащенія побѣдителя. На законъ, воспрещавшій бракъ работникамъ, неимѣющимъ ни капитала, ни обезпеченнаго положенія, тоже можно смотрѣть, какъ на благодѣтельную мѣру для эпохи, въ которую званіе отца было только правомъ распложать нищихъ. Но кто же освободитъ феодальное устройство мастерской отъ отвѣтственности за всѣ причиненныя имъ бѣдствія? Если оно и оказало нѣсколько услугъ въ давнопрошедшее время, то сколько страданій принесено имъ въ послѣдующіе вѣка? Сколько гениальныхъ людей было задушено имъ въ колыбели? Какихъ пагубныхъ привычекъ рабства не поддерживало оно? Все, что мы можемъ сказать знаменательнаго въ этомъ отношеніи, это—что ремесленныя корпораціи видоизмѣнялись, а необходимость ихъ подвергалась сомнѣннѣю при всякомъ успѣхѣ цивилизаціи, и что онѣ снова испрашивались всякій разъ какъ человѣческое развитіе приостанавливалось, или отступало назадъ. Тюрго уничтожилъ ихъ *, но съ его паденіемъ онѣ снова вводятся; рево-

* См. Указъ Тюрго 1776, и донесеніе Далларда Учредительному собранію въ засѣданіе 15 февраля 1791.

люція и имперія навсегда отмѣняютъ ихъ, а въ 1814 подается знаменитое прошеніе о ихъ возстановленіи*.

Но все таки, мы поступили бы несправедливо, еслибы отказали въ заслуженномъ уваженіи основателямъ этой системы. Учрежденіе ремесленныхъ корпорацій, по мимо фискальныхъ злоупотребленій, было въ полнѣйшемъ согласіи съ политическимъ устройствомъ общества своего времени. Число ремесль было тогда не велико, а между провинціями существовали таможи; производство было крайне ограничено, и не имѣло сбыта. Внутреннія таможи обезпечивали мѣстнымъ фабрикамъ продажу ихъ произведеній, а монастыри давали хлѣбъ и убѣжище празднымъ работникамъ. Народонаселеніе сдерживалось безбрачной жизнью монаховъ и работниковъ въ границахъ, соотвѣтствовавшихъ ограниченнымъ средствамъ пропитанія той эпохи. Ученикъ не зарабатывалъ ничего; но, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, его содержаніе вмѣнялось въ обязанность хозяину. Конкуренція не понижала задѣльной платы, а въ торговлѣ не было тѣхъ неожиданныхъ и внезапныхъ колебаній въ цѣнахъ, нерѣдко разстраивающихъ въ наше время расчеты самыхъ искусныхъ спекуляторовъ. Мы освободили трудъ, но, странное дѣло, положеніе его во многихъ отношеніяхъ сдѣлалось болѣе тягостнымъ и менѣе надежнымъ. Это—потому, что мы неvollнѣ окончили великое дѣло освобожденія работника: мы провозгласили неограниченную свободу производства, но отказали въ свободѣ сбыту нашихъ произведеній. Наша система свободной конкуренціи недостаточна, и таможенные войны заняли мѣсто цеховыхъ неурядиць**.

* Это въ высшей степени любопытное прошеніе, составленное Леваше Дюплесси, было напечатано. Прим. автора.

** Современной экономической наукой признано, что дурное положеніе работника зависитъ не столько отъ условій производства богатствъ, сколько отъ условій ихъ распредѣленія. Теоретически мысль эта вполне доказана: все дѣло современныхъ общественныхъ преобразованій состоитъ въ практическомъ ея примѣненіи путемъ законодательства.

ГЛАВА XX.

Вліяніе средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ на развитіе политической экономіи. — Возрастающее значеніе труда. — Умноженіе движимаго богатства. — Вызванныя имъ измѣненія въ европейскомъ общественномъ устройствѣ. — Основаніе кредита. — Венеціанскій банкъ. — Происхожденіе новѣйшей запретительной системы.

При внимательномъ изученіи исторіи послѣднихъ временъ феодализма, невольно бросаются въ глаза усилія, предпринимавшіяся на различныхъ точкахъ Европы, для обезпеченія за всѣми производителями болѣе справедливой доли прибыли, доставляемой трудомъ. Освобожденіе общинъ во Франціи, учрежденіе Ганзейскаго союза въ Германіи и возникновеніе средневѣковыхъ республикъ въ Италіи суть только эпизоды этого великаго дѣла освобожденія, преслѣдуемаго изъ вѣка въ вѣкъ съ неуклонной настойчивостью. Организациія ремесленныхъ корпорацій въ царствованіе Людовика Святаго тоже оказываетъ ему могущественное содѣйствіе. Всюду, гдѣ ни вступали въ союзъ ремесленники и купцы — они пытались освободиться отъ произвола сеньоровъ и правительствъ. Легкость, съ которою они могли скрывать свои богатства, или перемѣщать ихъ въ случаѣ опасности, скопленіе ими самихъ богатствъ, потребность правительства въ ихъ услугахъ доставляли имъ различныя вольности, которыя нигдѣ не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Италіи, такъ какъ онѣ доходили тамъ до того, что передавали въ ихъ руки верховную власть.

Съ 1262 промышленность имѣла во Флоренціи такое значеніе, что граждане этой республики избирали себѣ правительство, исключительно состоявшее изъ купцевъ, подъ именемъ *Начальниковъ искусствъ* (*Prieurs des arts*). Эти народные представители, составлявшіе верховный совѣтъ изъ шести членовъ, облечены были исполнительной властью, и жили во дворцѣ, принадлежавшемъ народу. Въ должности своей они оставались только два мѣсяца, но ихъ можно было избирать снова, черезъ два года. Эти правители избирались въ со-

браніи, состоявшемъ изъ ихъ предшественниковъ, изъ начальниковъ *высшихъ искусствъ* и изъ извѣстнаго числа именитыхъ горожанъ. То же самое было и въ Сіеннѣ; пятнадцать сенъоровъ, управлявшихъ этой маленькой республикой, замѣщены были девятью горожанами, исключительно избравшимися изъ купцевъ. Въ Генуѣ и Венеціи торговая аристократія заняла мѣсто аристократіи землевладѣльческой, и создала власть, болѣе деспотическую, чѣмъ тиранія бароновъ. Въ большей части этихъ республикъ необходимо было заниматься какимъ нибудь искусствомъ или ремесломъ, чтобы получить права гражданства или достигнуть участія въ управленіи государствомъ. Купцы хотѣли быть облагорожены дворянствомъ въ силу собственнаго своего промысла: существовало *дворянство шелковое и дворянство шерстяное*; и послѣднее вскорѣ считало себя въ правѣ презирать первое*. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія въ Италіи встрѣчались безчисленные оттѣнки различныхъ республиканскихъ учрежденій; но всѣ они были сходны въ томъ отношеніи, что ни въ одномъ изъ нихъ поземельная аристократія не имѣла перевѣса надъ аристократіей промышленной и торговой. Огнестрѣльное оружіе и книгопечатаніе вскорѣ нанесли послѣдній, роковой ударъ могущественнымъ замкамъ, уничтоживъ послѣдніе слѣды неравенства матерьяльныхъ и умственныхъ силъ.

У кого изъ простаго народа того времени не билось сердце надеждою при видѣ ежедневныхъ успѣховъ итальянской свободы! Ни Римская, ни Афинская республики никогда не пользовались большей свободой: въ Римѣ и въ Афинахъ сражались за самодержавіе нѣсколькихъ лицъ; въ средневѣковой Италіи бились за независимость всѣхъ. Правители набирались изъ торговыхъ конторъ и лавокъ; дворянъ держали въ почтительномъ отдаленіи и страхѣ. Работа шла на себя, а не на господъ. Притѣсеній почти не знали, налоги были ничтожны; была безусловная свобода торговли и мощная организація промышленности. Привычки къ общественнымъ и частнымъ собраніямъ вскорѣ образовали ораторовъ, и госу-

* Daru, *Histoire de Venise*, т. I, стр. 505.

дарственныхъ людей, а опытность въ торговыхъ дѣлахъ вызвала первыя финансовыя понятія, которыя распространились по всей Европѣ. Ошибочно было бы думать, что эти купеческія правительства были исключительно поглощены торговыми предпріятіями *; политика ихъ нерѣдко оказывалась либеральнѣе политики поземельныхъ владѣльцевъ, которыхъ мѣсто они заняли. Они поощряли всѣми возможными средствами искусства, и съ похвальной ревностью заботились о благотворительныхъ заведеніяхъ, о народномъ просвѣщеніи и о полезныхъ общественныхъ сооруженіяхъ. Тридцать больницъ съ тысячею постелей для больныхъ и бѣдныхъ, болѣе двухъ сотъ школъ, въ которыхъ десять тысячъ дѣтей училось чтенію, щедрыя вознагражденія, расточавшіяся геніальнымъ живописцамъ, зодчимъ и ваятелямъ служатъ свидѣтельствомъ о просвѣщенныхъ стремленіяхъ флорентинскихъ правителей въ четырнадцатомъ вѣкѣ.

Успѣхи торговли заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Въ ея распоряженіи считалось двѣсти шерстяныхъ фабрикъ, производившихъ ежегодно около 80,000 кусковъ сукна, продажа которыхъ обезпечивала задѣльную плату болѣе чѣмъ 30,000 работниковъ. Восемьдесятъ банкирскихъ конторъ, со множествомъ вспомогательныхъ отдѣленій, занималось учетомъ векселей и предложеніемъ кредита, съ которымъ уже хорошо были знакомы въ Италіи, когда остальная Европа не подозрѣвала о его существованіи. Флоренція не уступала въ богатствѣ и въ производительности Венеціи, превосходившей въ этомъ отношеніи почти всѣ современныя государства. Государственный доходъ ея простирался до 300,000 флориновъ. У Виллани мы находимъ довольно полную роспись этихъ доходовъ, за которой слѣдуетъ бюджетъ расходовъ **, финансовый памятникъ, невольно вызывающій на

* Sismondi, *Histoire des Républiques italiennes du moyen âge*, т. IV, стр. 166.

** Важный документъ этотъ приведенъ Сисмонди, въ его прекрасной *Исторіи италіянскихъ республикъ*, откуда я его перепечатаваю цѣликомъ, какъ единственный *полный бюджетъ* того времени, сохранившійся для политической экономіи.

размышленіе, если сравнить его съ ничтожными успѣхами, сдѣланными въ финансовомъ управленіи прочими, болѣе всего замѣчательными странами. Въ этомъ бюджетѣ прежде всего бросается въ глаза, что республика вовсе не платила жалованья государственнымъ правителямъ, за исключеніемъ иностранцевъ. Ополченія замѣняли собою армію въ мирное время, а наемныя войска содержались государствомъ толь-

Доходы города Флоренціи и Флорентинской республики съ 1336 по 1338, въ золотыхъ флоринахъ, въсомъ въ 72 грамма по 24 карата.

Таможенная подать, или за ввозъ и вывозъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, отданная на откупъ за.....	90,200
Подать съ мелочной продажи вина, $\frac{1}{3}$ цѣнности его.....	59,300
<i>Estimo</i> , или поземельная подать.....	30,100
Подать съ соли, продаваемой по 40 сольдовъ за бушель горожанамъ, и по 20 сольдовъ поселянамъ.....	14,450
Доходы съ имѣній, отнятыхъ у мятежниковъ, изгнанниковъ и осужденныхъ.....	7,000
Подать съ ростовщиковъ.....	3,000
Подать съ дворянъ, поземельныхъ собственниковъ.....	2,000
Подать съ крѣпостныхъ и закладныхъ актовъ.....	11,000
Подать съ городскихъ боенъ.....	15,000
Подать съ сельскихъ боенъ.....	4,400
Подать съ наемной платы за квартиры.....	4,050
Подать съ муки и съ мельницъ.....	4,250
Подать съ гражданъ, назначаемыхъ подестаами въ иностранныя государства.....	3,500
Подать съ обвиненій.....	1,400
Доходъ съ чеканки золотой монеты.....	2,300
Доходъ съ чеканки мѣдной монеты.....	1,500
Ренты государственныхъ имуществъ и дорожная подать.....	1,600
Подать съ продавцевъ скота въ городѣ.....	2,150
Подать, взимаемая для повѣрки мѣръ и вѣсовъ.....	600
Доходъ мусорнаго заведенія въ <i>Orto San-Michele</i>	750
Подать съ наемныхъ сельскихъ квартиръ.....	550
Подать съ сельскихъ торговцевъ.....	2,000
Цени и взысканія, приблизительно.....	20,500
Плата за освобожденіе отъ службы въ милиціи.....	7,000
Подать съ дверей во Флоренціи.....	5,550
Подать съ торговыхъ фруктами и съ перекушницъ.....	450
За право носить оружіе, по 20 сольдовъ съ человѣка.....	1,300
Подать съ сержантовъ (?).....	100

ко на счетъ чрезвычайныхъ военныхъ сборовъ. Косвенные налоги, числомъ и доставляемыми суммами, далеко превосходили прямые, и въ особенности, поземельный налогъ, доставлявшій вдвое менѣе противъ налога на одни напитки. Доходъ, доставляемый пенями и другими взысканіями, играетъ большую роль въ бюджетѣ доходовъ, печальное доказательство или неуваженія къ законамъ, или жестокости, съ

Подать съ лѣса, сплаваемого по Арно.....	100
Подать съ ревизоровъ вольностей, предоставленныхъ городу	200
Часть, приходящаяся республикѣ съ пошлинъ, взимаемыхъ съ ремесль консулами.....	300
Подать съ гражданъ, живущихъ внѣ города.....	1,000
Подать съ загородныхъ дачъ.....	
Подать съ поединковъ безъ оружія.....	
Подать Флоренціи.....	
Подать съ мельницъ и рыбныхъ ловль.....	
Итого, слишкомъ 300,000	

Расходы Флорентинской республики съ 1336 по 1338 г. въ флорентинскихъ мистрахъ, считая золотой флоринъ въ 3 мистра и 2 сольда.

Жалованья подестѣ и его семейству, его стрѣлкамъ и сбирамъ	15,240
Жалованье народному капитану съ его семействомъ.....	5,880
Жалованье исполнителю судебныхъ приговоровъ.....	4,900
Жалованье консерватору, съ содержаніемъ пятидесяти лошадей и ста пѣхотинцевъ (должность вскорѣ упраздненная)...	26,400
Судѣ апелляціоннаго суда на рѣшенія городскихъ властей.	1,100
Чиновнику, обязанному преслѣдовать женскую роскошь....	1,000
Чиновнику, завѣдывавшему рынкомъ d'Orto San-Michele...	1,300
Управленіе для выдачи солдатамъ жалованія.....	1,000
Управленіе по остаточнымъ суммамъ отъ солдатскаго жалованія.....	250
Казначеймъ городского управленія, ихъ чиновникамъ и нотаріусамъ.....	1,400
Управленіе городскими земскими доходами.....	200
Тюремщикамъ и тюремной стражѣ.....	800
На столъ пріоровъ и ихъ семействъ, во дворцѣ.....	3,600
Жалованье городскимъ чиновникамъ и стражѣ у помѣщенной подесты и пріоровъ.....	550
60 стрѣлкамъ пріоровъ съ ихъ начальниками.....	5,700
Нотаріусу преобразованій (?) съ помощникомъ.....	450

которой они приводились въ исполненіе. Что такое были доходы *, доставляемые чеканкой золотой и мѣдной монеты, если не такого же рода уступкой, какъ искаженія монеты, которыми переполнена вся наша исторія со времени Филиппа-Августа до Карла Красиваго? Тѣмъ не менѣе, бюджетъ флорентинскихъ расходовъ и доходовъ ясно свидѣтельствуешь о несложномъ порядкѣ управленія этой республики; къ не-

Львы, факелы, освѣщеніе и отопленіе дворца	2,400
Нотариусу палаты пріоровъ.....	100
Жалованіе стрѣлкамъ и привратникамъ.....	1,500
Трубачамъ города.....	1,000
Милостыня монахамъ и больницамъ.....	2,000
600 ночнымъ городскимъ сторожамъ	10,800
На праздничныя знамена и конныя ристалища	310
Шпіонамъ и городскимъ курьерамъ.....	1,200
Посланникамъ	15,500
Комендантамъ и гарнизонамъ крѣпостей.....	12,400
Годовое снабженіе оружіемъ и стрѣлами.....	4,650
Флориновъ 39,119, по 3 ливра 2 сольда за флоринъ, всего..	121,630

Расходы на содержаніе стѣнъ, мостовъ и церквей принадлежали къ категоріи чрезвычайныхъ расходовъ, какъ и жалованье наемнымъ войскамъ. Въ мирное время республика держала на жалованьи отъ семисотъ до тысячи жандармовъ и столько же пѣхотинцевъ.

Прим. автора.

* Если я не ошибаюсь, Бланки впалъ въ ошибку, сравнивъ этотъ доходъ съ умышленнымъ искаженіемъ монеты, на которое онъ такъ справедливо жалуется. Это просто остатокъ отъ расходовъ по приготовленію монеты. Даровое обращеніе слитковъ въ монету представляетъ неудобства и невыгоды, прекрасно разъясненныя новѣйшей экономической наукой. Обладатель слитка естественно долженъ заплатить за обращеніе его въ монету, такъ сказать, за фасонъ, какъ мы платимъ портному за обращеніе куска нашего сукна въ платье. См. прекрасное разсужденіе по этому вопросу у Ад. Смита, *Богатство народовъ*, т. II, стр. 404 и слѣд. рус. изд. Къ тому же, ошибочность предположенія Бланки подтверждается и самой цифрой дохода, слишкомъ ничтожной, если дѣло идетъ объ искаженіи монеты; но главнымъ образомъ, предположеніе это опрокидывается всесвѣтной репутацией монеты итальянскихъ республикъ, которой отдавали рѣшительное предпочтеніе во все время процвѣтанія этихъ республикъ.

Руск. перев.

счастію, соперничество новыхъ аристократическихъ фамилій, а нерѣдко, и угнетеніе народа патриціями, вышедшими изъ его же среды, вызвали въ ней внутреннія междоусобія, и открыли ея границы внѣшнимъ врагамъ. На средневѣковыя итальянскія республики можно смотрѣть, какъ на большіе торговые дома, которые управлялись съ большимъ искусствомъ и бережливостью. Доходы, созданные трудомъ, рѣдко облагались въ нихъ налогомъ, и ежедневно вызывали новые капиталы, изъ которыхъ, при содѣйствіи свободныхъ сношеній, можно было извлекать еще бѣльшую пользу. Современные Гамбургъ и Женева, столь богатые, несмотря на крайне ограниченную свою территорію, довольно близко напоминаютъ намъ прошлое благосостояніе великихъ муниципальных центровъ Италіи средневѣковаго періода. Окрестности ихъ, покрытыя дачами и прелестными *виллами*, въ которыхъ богатые граждане отдыхаютъ отъ торговыхъ трудовъ, служатъ вѣрнымъ снимкомъ съ роскошныхъ жилищъ итальянскихъ купцевъ, помѣщавшихся въ ту эпоху въ настоящихъ дворцахъ, теперешніе владѣльцы которыхъ не въ состояніи поддерживать даже только ихъ мебель. Эти купцы снабжали деньгами главнѣйшія европейскія государства; ихъ всюду приглашали для управленія государственными имуществами и финансами. Къ нимъ обращались государи въ случаѣ нужды, и ихъ то золотые флорины преимущественно поддѣльвали французскіе короли, увеличивая нарицательную ихъ цѣнность съ 10 на 30 сольдовъ. Эдуардъ III, англійскій король, избралъ двухъ своихъ банкировъ между флорентинцами, и займы, которые онъ дѣлалъ чрезъ ихъ посредничество, до такой степени превышали его денежныя средства, что домъ Барди передалъ ему 180,000 марокъ стерлинговъ, а Перуцци 135,000, что вмѣстѣ составляетъ 16,380,000 франковъ на нашу монету, въ эпоху, когда деньги были въ пять или шесть разъ дороже противъ теперешняго*. Въ то время большая часть европейской торговли находилась въ рукахъ итальянскихъ гражданъ. Итальянскіе работники всюду счи-

* Sismondi, *Histoire des républiques italiennes*, т. V, стр. 261.

тались самыми искусными, а издѣлія ихъ—самыми совершенными. Итальянцы были законодателями вкуса; купцы ихъ славились превосходными тканями, галантерейными товарами, оружіемъ и предметами убранства. Капиталы ихъ приносили имъ огромные барыши, не говоря уже о выгодахъ, доставляемыхъ имъ мореплаваніемъ, банкирскимъ дѣломъ и участіемъ во всѣхъ, сколько нибудь важныхъ торговыхъ предпріятіяхъ. Законы, издаваемые ими въ качествѣ законодателей, облеченныхъ верховною властью, оказывали самое либеральное содѣйствіе всѣмъ торговымъ сношеніямъ, и они первые доказали, теоретически и практически, еще никому тогда не извѣстныя выгоды самой безграничной свободы торговли. Вотъ въ чемъ заключались главныя причины блестящаго существованія Генуи и Венеціи.

Здѣсь же мы должны упомянуть о важной заслугѣ итальянцевъ въ дѣлѣ основанія первыхъ кредитныхъ учрежденій. Ихъ безграничная торговля вскорѣ дала имъ почувствовать необходимость въ упрощеніи всякаго рода торговыхъ сдѣлокъ, представляемыхъ этою отраслью производства; и уже въ концѣ двѣнадцатаго вѣка въ Венеціи возникъ сохранный банкъ *, открывшій кредитъ для займовъ, для обезпеченія

* До него, рыцари Храмоваго ордена, Тамплиеры (осн. 1118 г.), главною обязанностью которыхъ было защищать поклонниковъ Святаго Гроба, принимали въ своихъ командорствахъ (отдѣльныхъ мѣстопребываніяхъ нѣсколькихъ членовъ ордена съ главою — командоромъ), денежные вклады на храненіе, и вѣроятно на обращеніе изъ процентовъ, и просто на храненіе, драгоценныя вещи. Сами они ссужали подъ залоги, а иногда и безъ оныхъ, феодальную, свѣтскую и духовную аристократію. Ихъ основной капиталъ образовался изъ грабежа, изъ добровольныхъ приношеній, изъ взносовъ самихъ тамплиеровъ и изъ уплатъ за покровительство, оказываемое орденомъ. Ихъ оборотный капиталъ состоялъ изъ вкладовъ, а можетъ быть, въ его составъ входила и часть основнаго капитала ордена. На его расбросанныя по всей Европѣ, и даже малой Азіи, командорства можно смотрѣть, какъ на банкирскія конторы полоторговаго, полувоеннаго общества, подъ фирмой *Иерусалимскій Храмъ*; конторы эти выдавали другъ на друга переводные векселя и кредитивы, и тѣмъ уменьшали бесполезныя передвиженія звонкой монеты. Филиппъ Красивый уничтожилъ орденъ, чтобы воспользоваться его богатствами.

уплатъ и для переводовъ. Касса этого заведенія не брала никакой платы, ни за храненіе, ни за комиссію, и сама не платила никакихъ процентовъ. Но ея свидѣтельства, выданныя на хранившіяся въ ней цѣнности, ходили наравнѣ съ звонкою монетою. При содѣйствіи такъ называемой *наличной кассы*, банкъ производилъ уплаты по своимъ билетамъ, по предъявленіи, звонкою монетою, которая была лучше обыкновенной, ходячей, почему и получила названіе *банковой монеты*. Установлено было, чтобы банкъ платилъ и велъ счета на настоящіе червонцы, болѣе высокой пробы, искаженіе которыхъ было затруднительнѣе. Банковой билетъ получилъ, вслѣдствіе этого, то преимущество предъ всѣми другими торговыми бумагами, что его можно было всегда обмѣнить на монету хорошаго качества; такимъ образомъ, кредитъ этого учрежденія покоился на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Мало по малу, само правительство ввело въ обычай производить свои уплаты ассигновками на банкъ, вмѣсто звонкой монеты, чѣмъ еще болѣе содѣйствовало его успѣхамъ. Наконецъ, открытіе текущихъ счетовъ, давшихъ возможность собственникамъ капиталовъ уплачивать по своимъ обязательствамъ при содѣйствіи банка, довершило кругъ дѣятельности банка, и вскорѣ вызвало многія другія учрежденія того же рода*.

Уже по своему положенію Венеція, съ первыхъ дней своего существованія, должна была почувствовать необходимость въ развитіи своей промышленности и торговли. Она была республикой безъ территоріи, а столицей ея былъ флотъ стоявшихъ вокругъ нея на якорѣ кораблей. Такъ какъ отъ ея торговли зависѣло не только ея обогащеніе, но и существованіе, то вся политика ея правительства имѣла постоянною цѣлью расширить ея торговыя преимущества и льготы между всѣми народами. За недостаткомъ болѣе цѣнныхъ произведеній, венеціанцы начали свою торговую дѣятельность тор-

* Дарю напечаталъ, въ 7 томѣ своей *Исторіи Венеціи* (между приложеніями, отд. 2, парагр. 5) записку о Венеціанскомъ банкѣ, помѣченную 30 іюня 1753, и составленную изъ корреспонденціи аббата Берниса, бывшаго въ то время французскимъ посланникомъ.

говлею соли; затѣмъ, они стали вывозить земледѣльческіе продукты изъ сѣверной Италіи, и наконецъ, отправились въ Черное море за турецкими, русскими и персидскими товарами. Уже при Карлѣ Великомъ, на ярмаркахъ въ Павіи, они привели въ удивленіе покупателей великолѣпнымъ выборомъ драгоценныхъ ковровъ, шелковыхъ тканей, парчевыхъ матерій, жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ. Законы противъ роскоши заставляли ихъ приберечь свои капиталы, и удѣлить непроизводительному потребленію только небольшую часть своихъ доходовъ. Находясь между востокомъ и западомъ, они заимствовали у однихъ изъ своихъ сосѣдей промышленность, а у другихъ благоразумную экономію. Привилегіи, которыми они пользовались въ Константинополѣ, походили скорѣе на своеволіе побѣдителей, а колоніи ихъ въ Средиземномъ морѣ составили бы въ настоящее время цѣлое королевство. Венеція содержала съ настоящею царскою роскошью консуловъ и вообще всѣхъ своихъ торговыхъ агентовъ; она требовала, чтобы они окружены были многочисленной свитой, которая достойно представляла бы республику, и внушала бы почтеніе въ иностранцахъ. Константинопольскій подеста былъ одно время настоящимъ государемъ. Онъ произносилъ окончательный приговоръ въ спорныхъ дѣлахъ между жившими тамъ венеціанцами; онъ носилъ яркіе красные полусапожки, знакъ императорскаго достоинства, и показывался не иначе, какъ окруженный почетною стражей. Этому уваженію къ торговлѣ и всевозможнымъ поощреніемъ людей, занимавшихся ею, венеціанцы обязаны были политическимъ могуществомъ своей страны и почетомъ гражданъ, содѣйствовавшихъ ея обогащенію.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, въ одномъ арсеналѣ Венеціи работало 16,000 работниковъ и 36,000 матросовъ. Правительство ежегодно посылало въ главнѣйшіе порты эскадры, состоявшія отъ 4 до 6 большихъ галеръ, нагруженныхъ товарами, принадлежавшими частнымъ людямъ. Эти экспедиціи предпринимались для упражненія военнаго флота, для извлеченія изъ него пользы въ мирное время, для поддержанія уваженія къ національному флагу и для доставленія пере-

возочныхъ средствъ тѣмъ, кто не былъ въ состояніи снаряжать корабли на собственный счетъ *. Торговый флотъ Венеціи состоялъ по меньшей мѣрѣ изъ трехъ тысячъ кораблей, которые занимались ввозомъ и вывозомъ произведеній всѣхъ странъ свѣта. Корабли эти попеременно посѣщали порты Чернаго моря, Сиріи и Египта; они заходили въ приморскіе города Пелопонеза, Малой Азіи, Кипра, Кандіи и Греческаго Архипелага. Самая сильная эскадра ежегодно отправлялась къ берегамъ Франдріи, вдоль Сициліи, Африки и Испаніи, съ богато нагруженными судами, имѣвшими не менѣе 200 человѣкъ экипажа. Эскадра эта заходила ко всѣмъ берегамъ, и производила торгъ товарами, въ которыхъ нуждались туземцы. Торговые трактаты обезпечивали самыя выгодныя условія за венеціанцами, которые въ Брюгге, Антверпенѣ, Лондонѣ входили въ сношенія съ купцами ганзейскихъ городовъ. Венеція пользовалась уже въ то время превосходными фабриками; богатѣйшіе ея грузы состояли изъ зеркалъ, хрусталя, тонкихъ шерстяныхъ и прекрасныхъ шелковыхъ тканей, изготовленныхъ на собственныхъ ея фабрикахъ. Никогда просвѣщеннѣйшія правительства нашего времени не выказывали такой заботливости о выгодахъ торговли и промышленности, какъ правительство этой республики. Нѣкоторые писатели ** смотрятъ на эти продолжительныя плаванія на государственныхъ корабляхъ, съ торговыми цѣлями, какъ на первообразъ компаній, учреждавшихся въ позднѣйшее время голландцами, англичанами и французами для торговли съ Индіей: но я не рѣшусь принять подобное мнѣніе. Частные люди, нанимавшіе для торговли казенные корабли, безъ сомнѣнія, пользовались нѣкоторыми преимуществами, но эти преимущества не были постоянными, и при томъ, каждая государственная галлера отдавалась въ наемъ отдѣльно, и за такую умѣренную плату, что нельзя видѣть въ этихъ мѣрахъ какой либо фискальной цѣли. Торговля долго пользовалась свободой въ Венеціи, а

* Sandi, *Storia civile di Venezia*, кн. V.

** Между прочимъ, графъ Дарю, *Histoire de Venise*, т. III, стр. 107.

республика начала склоняться къ упадку только тогда, когда правительство истощило монополіей источники ея благосостоянія. Въ принципѣ, всѣ молодые патриціи должны были пройти чрезъ самыя строгія испытанія торговой карьеры. Ихъ нерѣдко отправляли, въ видѣ новичковъ, на государственнхъ корабляхъ, попытать счастья съ самымъ ничтожнымъ грузомъ: до такой степени правительство заботилось о воспитаніи въ своихъ гражданахъ привычки къ труду! Единственный упрекъ, который можно сдѣлать венеціанцамъ, это — что они постоянно старались отстранить соперничество иностранцевъ. Хотя торговая зависть и не организовала еще запрещеній въ системы, хотя гавани республики открыты были для товаровъ всего міра, тѣмъ неменѣе, венеціанцы позволяли перевозку ихъ только на собственныхъ своихъ судахъ, и они самовластно распоряжались на всемъ Средиземномъ морѣ. Война подчинила имъ пизанцевъ, сицилійцевъ и генуэзцовъ. Испанія, занятая въ то время маврами, не вызывала ихъ опасеній; Франція презирала торговлю, Англія еще не думала о ней, а Голландская республика еще не существовала. Безусловно господствуя надъ своимъ заливомъ, Венеція захватила въ свои руки право исключительнаго плаванія по немъ. Ея вооруженныя флотиліи охраняли устья всѣхъ его рѣкъ, и не пропускали, безъ строгаго осмотра, ни одной входившей или выходившей изъ нихъ барки. Но къ чему послужило ей такое ревнивое охраненіе интересовъ своего мореплаванія? Наступилъ день, когда португальцы открыли путь въ Индію чрезъ мысъ Доброй-Надежды, и все зданіе этой завистливой и недовѣрчивой политики мгновенно рухнуло.

Съ этого времени начинаются первыя таможенныя войны, а политическая экономія получаетъ отъ исторіи самыя поучительныя уроки. Венеціанцы устранили всѣ торговыя преграды, но только для себя, и съ исключеніемъ прочихъ народовъ. Торговое законодательство ихъ было чрезвычайно строго относительно иностранцевъ; оно запрещало принимать на государственныя суда даже какъ пассажира, купца, если онъ не былъ подданнымъ республики. Иностранцы платили

вдвое бѣльшія таможенныя пошлины, сравнительно съ туземцами. Они не могли ни строить, ни покупать судовъ въ венеціанскихъ портахъ. Корабли, судохозяева, капитаны, все должно было быть венеціанскимъ. Всякое торговое товарищество между туземцами и иностранцами было запрещено; покровительство, привилегіи, выгоды, существовали только для венеціанцевъ; но, по крайней мѣрѣ, всѣ подданные республики пользовались въ этомъ отношеніи одинакими правами*. Только въ самой Венеціи позволялось входить въ торговыя сдѣлки съ нѣмцами, богемцами и венгерцами. По мѣрѣ того, какъ пріобрѣтали значеніе національныя фабрики, правительство отступало отъ прежней либеральной политики, и фабриканты достигли безусловнаго запрещенія иностранныхъ товаровъ, которые производились между прочимъ и венеціанцами. Напрасно въ семнадцатомъ вѣкѣ паденіе торговли требовало возстановленія древнихъ вольностей и свободнаго порта; однажды сдѣлана была какъ то такая попытка, но духъ исключительности одержалъ верхъ, и запретительная система погубила республику.

Итальянскіе народы прощали венеціанцамъ ихъ торговую нетерпимость во уваженіе умѣренныхъ цѣнъ, по которымъ они продавали всѣ товары. Евреи, армяне, греки и нѣмцы стекались въ Венецію, въ которой могли смѣло пускаться въ выгодныя спекуляціи, вслѣдствіе безопасности, доставляемой имъ ея кредитными установленіями и всѣми признанной честности ея купцовъ. Но вскорѣ появились въ Евроцѣ фабрики, вступившія въ соперничество съ венеціанскими, а торговля ея встрѣтила сильную конкуренцію въ торговлѣ португальцевъ, голландцевъ, испанцевъ и англичанъ. Открытіе мыса Доброй Надежды отняло у нея монополию торговли индейскими пряностями, между тѣмъ какъ взятіе Константинополя Магометомъ II уже лишило ее тѣхъ чрезвычайныхъ привилегій, которыми пользовались ея подданные въ богатой столицѣ востока. Открытіе Америки и самыя рѣшительныя стѣснительныя мѣры Карла V, который, тотчасъ по вступленіи

* Sandi, т. VI стр. 1.

своемъ на престолъ, въ 1517, удвоилъ таможенный налогъ, взимаемый съ венеціанцевъ въ его владѣніяхъ, окончательно уничтожили ту исключительную монополію, которою пользовалась Венеція во всей Европѣ. Карлъ V увеличилъ на 20 процентовъ пошлины на всѣ ввозимые и вывозимые венеціанскіе товары; и этого тарифа, который нынѣ показался бы умѣреннымъ, было въ то время достаточно для воспрещенія венеціанцамъ входа въ испанскіе порты. Таково было начало той запретительной системы, за пагубное изобрѣтеніе которой такъ жестоко должна была поплатиться сама Венеція. Пока она искала своего обогащенія въ свободномъ соперничествѣ капиталовъ и дарованій собственныхъ своихъ гражданъ, до тѣхъ поръ могущество ея съ каждымъ днемъ возрастало, такъ что она распоряжалась одно время судьбою всей Европы, но едва она захотѣла господствовать на всѣхъ рынкахъ міра при помощи монополій, какъ противъ ея торговли составилъ союзъ, разумѣется, болѣе страшный, чѣмъ камбрейская лига.

Мы и не желали бы болѣе сильнаго аргумента въ пользу свободной торговли, какъ необычайное развитіе венеціанской промышленности въ продолжительный періодъ господства этой свободы. Республикѣ не для чего было прибѣгать къ покровительственной системѣ, чтобы не имѣть недостатка, въ лучшіе дни своего существованія, въ искусныхъ архитекторахъ, кораблестроителяхъ и инженерахъ, и для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Ея ювелиры считались лучшими въ цѣлой Европѣ. У нея были шелковыя фабрики, не знавшія соперниковъ въ самой Италіи, гдѣ эта промышленность вскорѣ получила необыкновенное развитіе; эти фабрики приносили ей, съ самаго начала своего существованія, болѣе 500,000 дукатовъ въ годъ, что составляетъ около 3.000,000 франковъ на наши деньги. Искуснѣйшіе изъ иностранныхъ работниковъ привлекались въ Венецію всѣми возможными поощреніями, а государственная инквизиція преслѣдовала безчеловѣчными угрозами туземныхъ работниковъ, которые осмѣлятся оставить свое отечество. «Если какой либо работникъ или ремесленникъ, перенесетъ свое искусство въ чужую землю

въ ущербъ республикѣ, то ему послано будетъ приказаніе возвратиться назадъ. Если онъ не послушается, то ближайшіе его родные будутъ посажены въ тюрьму, дабы принудить его къ повиновенію любовью къ нимъ. Если онъ возвратится, то прошедшее его будетъ забыто, и позаботятся о его участи въ Венеціи; если же, несмотря на заключеніе его родственниковъ, онъ будетъ упорствовать въ намѣреніи оставаться за границей, то *политическому агенту препоручатъ убить его*, и только послѣ его смерти его родные получатъ свободу*.) Неизбѣжнымъ результатомъ такихъ гнусныхъ постановленій должно было быть замедленіе успѣховъ промышленности, такъ какъ работникамъ нельзя было отправляться за границу для изученія тѣхъ секретовъ и улучшеній, которые были для нея необходимы. Содержа въ тайнѣ свои, уже устарѣлыя изобрѣтенія, венеціанцы приучали своихъ ремесленниковъ къ рутинѣ, и, такъ сказать, держали ихъ въ заколдованномъ кругѣ. Все двигалось впередъ вокругъ нихъ, между тѣмъ какъ они были неподвижны, такъ что произведенія ихъ фабрикъ сохранили за собой небольшой сбытъ въ предѣлахъ республики, только благодаря запретительнымъ законамъ. Упадокъ начался вмѣстѣ съ покровительственной системой.

А между тѣмъ, промышленная карьера республики началась при самыхъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Уже съ 1172 существовало въ ней особое учрежденіе для завѣдованія искусствами и ремеслами. Качество и количество матерьяловъ подвергались строгому наблюденію. Работнику запрещалось заниматься чѣмъ бы то ни было, кромѣ своего ремесла, чтобы онъ могъ отправлять его съ бѣльшимъ искусствомъ. Вслѣдствіе этого, къ концу четырнадцатаго вѣка, промышленность достигла высокой степени совершенства. Фабрикація хлопчатобумажныхъ тканей была уже извѣстна въ Венеціи въ это время. На ея фабрикахъ ткались лучшія итальянскія полотна, которыя венеціанцы умѣли красить въ цвѣта, славившіеся своимъ блескомъ и прочностью. По сло-

* Ст. 26 *Постановленій Государственной инквизиціи.*

вамъ Бертолета *, въ Венеціи издано было въ 1429 первое собраніе приемовъ, употреблявшихся при окраскѣ тканей; химія стояла въ ней выше, чѣмъ въ какой либо иной странѣ, а въ рукахъ венеціанцевъ исключительно сосредоточивалась торговля москотительными товарами. Въ приготовленіи и золоченіи кожъ они превосходили всѣ народы. Кружева ихъ, извѣстныя подъ именемъ *point de Venise*, покупались на расхватъ. Мелочныхъ желѣзныхъ ихъ издѣзій и рафинированнаго сахару не доставало для удовлетворенія европейскаго потребленія. Книгопечатаніе, бывшее тогда еще въ младенчествѣ во всей Европѣ, стояло у нихъ въ ряду самыхъ цвѣтущихъ отраслей промышленности. Они учредили многочисленныя фабрики, которыя впослѣдствіи были превзойдены во Франціи и въ остальной Европѣ, но имъ принадлежитъ та слава, что онѣ послужили образцемъ для всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ, венеціанцы славились не только торговлей, но и промышленностью; они долгое время присоединяли къ выгодамъ, доставляемымъ развозкой товаровъ, выгоды, доставляемыя фабричнымъ производствомъ. Благоразумное и искусное устройство кредитныхъ учрежденій, распространившись мало по малу по всѣмъ итальянскимъ республикамъ, оказало огромныя услуги развитію фабричныхъ и торговыхъ богатствъ.

До насъ дошла замѣчательная рѣчь, произнесенная въ 1421 году, въ великомъ совѣтѣ, дожемъ, Томасомъ Мончениго, о финансовыхъ средствахъ и размѣрахъ торговли Венеціанской республики**. Послѣ подробнаго и точнаго исчисленія доходовъ,

* *Éléments de l'art de la teinture.*

** Рѣчь эта буквально приведена Дарю, въ его *Исторіи Венеціи* (т. II, стр. 293—314).

«Я приказалъ составить, говоритъ дожъ Мончениго, роспись доходовъ, доставляемыхъ нашей торговлей.

«Изъ Милана мы получаемъ еженедѣльно отъ 17 до 18

тысячъ дукатовъ, что составляетъ въ годъ.....	900,000
Изъ Монцы въ недѣлю тысячу, а въ годъ.....	52,000
Изъ Комо двѣ тысячи въ недѣлю, а въ годъ.....	104,000
Изъ Александріи тысячу въ недѣлю, а въ годъ.....	52,000
Изъ Тортоны и Новары двѣ тысячи въ недѣлю, а въ годъ	104,000
Изъ Павіи двѣ тысячи въ недѣлю, а въ годъ.....	104,000

доставляемыхъ національнымъ трудомъ на иностранныхъ рынкахъ, и той ихъ части, которая приходилась на долю государственной казны, старый дождь указывалъ преимущественно на опасность возмутить это необыкновенное благосостояніе, желая отклонить войну, которой требовали горячія головы той эпохи. «Вамъ однимъ, говорилъ онъ, открыты одинаково всѣ моря и земли. Черезъ ваши руки проходятъ всѣ богатства; вы снабжаете весь міръ. Вся вселенная заинтересована

Изъ Кремоны двѣ тысячи въ недѣлю, а въ годъ.....	104,000
Изъ Бергамо полторы тысячи въ недѣлю, а въ годъ..	78,000
Изъ Палермо двѣ тысячи въ недѣлю, а въ годъ.....	104,000
Изъ Піаченцы тысячу въ недѣлю, а въ годъ.....	52,000
	1,654,000 дук.

«Эти результаты подтверждаются свидѣтельствами банкировъ, по расчетамъ которыхъ Миланская область уплачиваетъ намъ ежегодно 1,600,000 дукатовъ. Что вы скажете объ этой великолѣпной жатвѣ, которою пользуется Венеція, безъ всякихъ издержекъ съ ея стороны?

«Тортонa и Новара потребляютъ ежегодно шесть тысячъ кусковъ сукна, по 15 дук. за кусокъ, что составитъ 90,000

Павія—три тысячи кусковъ.....	45,000
Миланъ—четыре тысячи кусковъ тонкаго сукна, по 30 дук. за кусокъ, т. е.....	120,000
Комо—двѣнадцать тысячъ кусковъ по 15 дукатовъ, т. е.	180,000
Монца—шесть тысячъ кусковъ.....	90,000
Брешія—пять тысячъ кусковъ.....	75,000
Бергамо—десять тысячъ кусковъ по 7-ми дукатовъ...	70,000
Кремона сорокъ тысячъ кусковъ бумазей, по 4 ¹ / ₄ дуката за кусокъ.....	170,000
Парма, четыре тысячи кусковъ сукна по 15 дукатовъ	60,000
	900,000 дук.

«Всего 94.000 кусковъ; пошлины же за ввозъ и вывозъ, считая по одному только дукату за кусокъ, доставляютъ намъ 200,000 дукатовъ.

«Мы торгуемъ съ Ломбардіею на 28,800,000 дукатовъ. Скажите ли вы, что это недостаточно роскошное поприще для Венеціи?

«Затѣмъ, слѣдуетъ пенька, которой продается на.....	100,000
Ломбардцы покупаютъ у васъ ежегодно хлопчатой бумаги на.....	250,000
20 тысячъ квинталовъ нитокъ (или, можетъ быть, хлоп-	

въ нашихъ богатствахъ. Золото со всего свѣта стекается въ ваши руки. Вы будте счастливы, пока среди васъ будетъ царить миръ, между тѣмъ какъ вся Европа объята пожаромъ. Поэтому, что касается до меня, то я буду безустанно твердить, пока во мнѣ останется хоть капля жизни, что слѣдуетъ любить миръ. Я всегда старался принимать всѣ возможныя мѣры, чтобы проценты на займы и всѣ общественныя должности оплачивались акуратно, по полугодно, и мнѣ удалось достиг-

чатобумажной пряжи), считая отъ 15 до 20 дукатовъ за центнеръ, составляютъ.....	30,000
Каталонской шерсти продаете вы на.....	120,000
На столько же французской.....	120,000
Шелковыхъ и золотыхъ тканей на.....	250,000
Три тысячи возовъ перцу, по 100 дукатовъ за возъ..	300,000
Четыреста возовъ корицы, по 160 дукатовъ за возъ..	64,000
Двѣсти возовъ инбирю, по 40 дукатовъ.....	8,000
Сахару, обложеннаго пошлиной отъ 2 и 3 до 15 дукатовъ за центнеръ, на.....	95,000
Другихъ товаровъ для шитья и вышиванія на.....	30,000
Четыре тысячи возовъ красильнаго дерева по 30 дукатовъ за возъ.....	120,000
Сѣмянъ и красильныхъ растений на.....	50,000
Мыла на.....	250,000
Рабовъ на.....	30,000

Итого... 1,817,000 дук.

«Я не считаю еще дохода отъ продажи соли (Графъ Филіози, въ своихъ *Изслѣдованіяхъ о венеціанской торговлѣ*, стр. 270, исчисляетъ доходъ, доставляемый солью, въ миллионъ дукатовъ). Согласитесь, что подобная торговля представляетъ превосходное поприще? Примите во вниманіе количество судовъ, необходимыхъ, то для перевозки всѣхъ этихъ товаровъ въ Ломбардію, то для доставленія ихъ изъ Сиріи, Романьи, Каталоніи, Фландріи, Кипра, Сициліи, изъ всѣхъ странъ міра. Венеція получаетъ два съ половиной или три процента за фрахтъ. Представьте же себѣ, сколько людей живетъ этимъ передвиженіемъ: маклеровъ, работниковъ, матросовъ, съ тысячами своихъ семействъ, и наконецъ, купцевъ, барыши которыхъ составляютъ не менѣе 600,000 дукатовъ.

«Вотъ что вамъ доставляетъ ваша торговля! Согласитесь ли вы разорить ее? Разумѣется, нѣтъ; но необходимо защищать ея противъ того, кто вздумаетъ сдѣлать на нее нападеніе.» Прим. автора.

нуть этого. Отъ васъ зависитъ поддержать это счастливое положеніе нашихъ дѣлъ, моля Всемогущаго, чтобы онъ удержалъ васъ въ той спасительной системѣ, которой вы до нынѣ слѣдовали. Придерживаясь ее, вы сдѣлаетесь могущественны, и вамъ будутъ принадлежать всѣ богатства христіанскаго міра. Берегитесь, какъ огня, прикосновенія къ чужому добру и несправедливой войны: Богъ накажетъ васъ за это. *Тогда, тѣ, которые имѣли десять тысячъ дукатовъ, будутъ имѣть не больше тысячи; у кого было десять домовъ, у того окажется одинъ, и такъ во всемъ остальномъ. Не будетъ болѣе ни богатства, ни кредита, ни добраго имени. Изъ теперешнихъ властелиновъ вы сдѣлаетесь подданными, и кого же? тѣхъ самыхъ военныхъ людей, той самой солдатчины, которую вы содержите теперь на вашемъ жалованіи.*» Иностранцы часто отдавали честь вашей мудрости, избирая васъ въ посредники въ своихъ распряхъ. Не покидайте же, ради себя самихъ, ради счастія сыновей вашихъ, системы, доставившей вамъ столько благоденствія.»

Нельзя быть не тронутымъ величіемъ и мудростью этой рѣчи. Уже въ ту отдаленную эпоху понимали, что торговля самымъ тѣснымъ образомъ связана съ миромъ, и что народы солидарны другъ съ другомъ, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. «Что станете вы продавать миланцамъ, говорилъ дожъ, когда вы разорите ихъ; что будутъ они въ состояніи дать вамъ въ обмѣнъ за ваши произведенія? А что будетъ съ вашими произведеніями, когда вспыхнетъ война и поглотитъ капиталы, необходимые для ихъ приготовленія?» Простой здравый смыслъ указывалъ тогда высокопоставленнымъ людямъ то, что впослѣдствіи безусловно подтверждено опытомъ, и чему учить нынѣ теорія, опирающаяся на авторитетъ фактовъ.

Въ другихъ итальянскихъ республикахъ, въ которыхъ, подобно тому, какъ во Флоренціи и Венеціи, промышленное и торговое направленіе одержало верхъ надъ феодальнымъ деспотизмомъ, достигнуто было не менѣе блестящее благоденствіе, и сдѣланы были не менѣе удивительные успѣхи всякаго рода. Кому неизвѣстны богатства Генуи, скопленныя

смѣлостью ея мореходцевъ и ловкостью ея купечества? Генуя имѣла конторы въ Архипелагѣ и въ Черномъ морѣ; купцы ея дѣлили съ венеціанскими барыши, доставляемые торговлей въ портахъ ганзейскихъ городовъ. Банкъ Св. Георгія *, возникшій въ 1407 году изъ займовъ, заключенныхъ для покрытія общественныхъ расходовъ **, вскорѣ сдѣлался соперникомъ венеціанскаго банка, и оказалъ не менѣе важныя услуги. Но генуэзцы *** не такъ долго, какъ венеціанцы, держались началъ свободной торговли; ихъ правительство, подало первый примѣръ исключительной привилегированной компаніи выдачей ей денежныхъ вспомоствованій. Въ Миланѣ съ 1260 составленъ былъ кадастръ поземельной собственности. Этой столицѣ ломбардскихъ республикъ мало было ста монетныхъ дворовъ, чтобы удовлетворять огромному спросу звонкой монеты, вызванному развитіемъ торговли. Въ какую сторону ни обратишь взгляда, невольно поражаешься кипучей дѣятельностью этихъ республикъ и замѣчательною ловкостью, съ которой каждая изъ нихъ сумѣла приспособить свои учрежденія къ потребностямъ промышленности и торговли. Торговому генію итальянскихъ республикъ мы обязаны первыми учрежденіями общественнаго кредита, бывшаго результатомъ изобрѣтенія банковъ и заемныхъ операцій. Онѣ же привели въ порядокъ и промышленность, прежде чѣмъ Людовикъ Святой ввелъ свои ремесленныя корпораціи. Вся сила ихъ правительствъ была, повидимому, устремлена на покровительство труду, и между тѣмъ какъ всюду только грабили крестьянъ и горожанъ, въ Венеціи, Генуѣ, Флоренціи, Пизѣ, Миланѣ, тѣ же самые горожане, обогащенные торговлей и промышленностью, мастерски заправляли верховною властью.

Итакъ, итальянскія республики не только служили дѣлу свободы воскрешеніемъ благороднаго рвенія къ независимости древнихъ греческихъ республикъ, но распространеніемъ всю-

* C. Cuneo, *Memorie sopra l'antico debito pubblico...e la banca di San Giorgio in Genova.*

** Gilbert, *History and principles of banking*, стр. 10.

*** Pecchio, *Histoire d'Économie politique en Italie*, стр. 6.

ду уваженія къ труду онѣ измѣнили внѣшній видъ всей Европы, и подготовили наступленіе и торжество будущихъ либеральныхъ ученій. Между ними произведены были первые великіе экономическіе опыты, изъ которыхъ суждено было выйдти наукѣ въ полномъ вооруженіи. Эти республики испробовали попеременно, раньше другихъ народовъ, свободу торговли и запретительную систему. Онѣ первыя пошли на встрѣчу опасностей кредита, и положили основанія системѣ новѣйшихъ займовъ. Между тѣмъ какъ остальная Европа покрывалась замками или лачугами, Италія строила мраморные дворцы и храмы, снаряжала тысячи судовъ и нагружала ихъ произведеніями своихъ фабрикъ. Она организовала трудъ, и призывала всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій, къ почестямъ и богатству, если только они были достойны ихъ по своимъ свѣдѣніямъ и дарованіямъ. Какъ бы счастливы были они, еслибы, при содѣйствіи богатства, не проникла въ ея сердце аристократія; еслибы развитіе ея промышленности не вызвало запрещеній, а торговля не повлекла бы за собой монополій! Сколько уроковъ для насъ въ этомъ безконечномъ разнообразіи явленій! Опытъ предшествуетъ въ нихъ теоріи, и представляетъ намъ первый примѣръ широкаго примѣненія торговыхъ теорій къ правительственной дѣятельности. Администрація является въ простыхъ и правильныхъ формахъ промышленнаго веденія дѣлъ, всѣ пружины котораго приведены въ дѣйствіе, въ правильномъ разумномъ и экономномъ порядкѣ. Казалось, что это были обширныя, сильныя кредитомъ предпріятія, имѣвшія цѣлью отправлять во всѣ порты богатые грузы и непрерывно занятые удовлетвореніемъ, при помощи неутомимаго населенія, безпредѣльнаго потребленія. И дѣйствительно, въ средѣ итальянскихъ республикъ возникли самыя остроумныя искусства и самыя передовыя финансовыя ученія этой эпохи; такъ что, мы не можемъ сказать, до какой степени величія могли бы еще достигнуть эти республики, если бы не пагубное появленіе Карла V, который произвелъ рѣшительный переворотъ, какъ во внѣшнемъ видѣ Европы, такъ и въ политической экономіи.

ГЛАВА XXI.

О переворотѣ, произведенномъ въ развитіи политической экономіи Карломъ V.—Воинственное направленіе занимаетъ мѣсто торговыхъ стремленій.—Официальное введеніе запретительной системы.—Торговля неграми.—Финансовыя операціи.—Монастыри и нищіе.—Сопrotивленіе протестантства.

Карлъ V, уроженецъ Фландріи, императоръ германскій и король испанскій, питалъ особенную антипатію къ Италіи. Онъ происходилъ изъ страны, въ которой мануфактурныя издѣлія Венеціи, Милана, Флоренціи и Генуи встрѣтили самую упорную конкуренцію; какъ германскій императоръ, онъ былъ высшимъ олицетвореніемъ партіи Гибелиновъ, столь ненавистной въ Италіи, а какъ испанскій король, онъ готовился быть самымъ страшнымъ соперникомъ итальянскихъ банкировъ, которые не въ силахъ были оказать серьезнаго сопротивленія счастливому обладателю мексиканскихъ и перуанскихъ рудниковъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, онъ противопоставилъ торговлѣ, кромѣ своего меча, безусловное господство надъ новымъ свѣтомъ и надъ болшею частью стараго. Въ политикѣ, въ религіи, въ промышленности могущество, его не хотѣло знать соперника, и уже съ двадцатилѣтняго возраста онъ готовился поднять всѣ вопросы и передѣлать всѣ государства.

Не безъ основанія многіе историки согласны въ томъ, что царствованіе этого государя есть начало новаго общественнаго порядка въ Европѣ. Дѣйствительно, съ этого времени совершается быстрое и глубокое измѣненіе въ развитіи цивилизаціи. Въ понятіяхъ совершается такой же переворотъ, какъ и въ политической жизни государствъ, и, послѣ вѣковаго застоя, въ первый разъ весь міръ сзывается на рѣшительную битву между деспотизмомъ и свободой. Открытіе Америки, изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, протестантская реформація, торговля неграми, суть событія, современныя Карлу V, и каждое изъ нихъ носило въ своей груди сѣмена будущихъ революцій. Муниципальный порядокъ, утвердив-

шійся, подъ вліаніемъ труда, во всѣхъ вольныхъ городахъ Германіи, Бельгіи, Испаніи и въ итальянскихъ республикахъ, уступаетъ мѣсто преобладанію нѣсколькихъ могущественныхъ монархій, раздѣлившихъ между собою Европу, послѣ того какъ они разорили ее. Карль V былъ главнымъ орудіемъ этого переворота, отразившагося столь пагубно на политической экономіи и передавшаго подъ покровительство матерьяльной силы самыя гибельныя ученія, которыя когда либо волновали человѣчество.

Необходимость вести безпрестанно возобновлявшіяся войны принудила Карла V, съ первыхъ годовъ его царствованія, къ финансовымъ мѣрамъ, которыя отвлекли бѣольшую часть капиталовъ отъ производительнаго труда, чтобы поглотить ихъ безплоднѣйшимъ потребленіемъ. Его казна всегда была пуста; войска его содержались худо, и получили привычку жить грабежемъ, насиліемъ и произвольными контрибуціями. Притѣснительныя и насильственныя мѣры всюду заняли мѣсто правильной системы налоговъ, введенной итальянскими финансистами. Тогда начались разнаго рода вымогательства, военные постои, чрезмѣрные налоги на всѣ предметы потребленія, которые влекли за собою повышеніе задѣльной платы, подрывавшее фабрики. Пошлины со ввозимыхъ сырыхъ матерьяловъ и съ вывозимыхъ фабричныхъ прозведеній были увеличены. Свободное отправленіе труда замѣнено ремесленными и торговыми монополіями. Всюду возникли, подъ защитою привилегій, императорскія и королевскія фабрики, у которыхъ слѣдовало покупать право на работу. Всѣ эти стѣснительныя мѣры проникали мало по малу въ законы и въ нравы; затѣмъ, явились софисты, обратившіе ихъ въ доктрины; вотъ почему, всѣ экономическія заблужденія, сохраняющіяся до сихъ поръ въ Европѣ, тѣмъ глубже пустили свои корни, чѣмъ долѣе освящались временемъ и признавались авторитетами. Карль V сдѣлалъ ихъ еще болѣе пагубными, организовавъ ихъ и перенесши ихъ въ администрацію, въ которой онѣ не только сдѣлались руководительнымъ началомъ, но и ненарушимымъ догматомъ.

Еще болѣе плачевнымъ слѣдствіемъ императорской австрій-

ско-испанской системы было возстановленіе аристократіи пергамента и меча, начинавшей изчезать предъ представителями промышленности и торговли. Дворянство итальянскихъ республикъ, ганзейскихъ городовъ и великихъ торговыхъ центровъ Бельгіи, Франціи и Испаніи, по крайней мѣрѣ, трудилося, и гордилось своимъ происхожденіемъ отъ трудолюбивыхъ предковъ; но Карль V началъ продавать дворянскіе титулы за деньги, вслѣдствіе чего, кастильскій дворянскій предразсудокъ, по которому дворянство состояло въ праздности, разлился, подобно заразѣ, по всей Европѣ. Достаточно было одного царствованія, чтобы воротить гражданскую свободу къ самымъ мрачнымъ временамъ феодализма. Каждый день сходило какое нибудь промышленное существованіе со сцены, на которой ему невозможно было оставаться безъ униженія. Поземельные владѣльцы прекратили грабежи по большимъ дорогамъ, какъ поступали изъ своихъ высокихъ башенъ ихъ предшественники, но они окопались теперь за привилегіями, обезпечивавшими за ними лучшую долю изъ прибыли, зарабатываемой трудомъ ихъ согражданъ. Цѣлыя тучи откупщиковъ захватили въ свои руки общественные доходы; одинъ изъ нихъ, губернаторъ вновь завоеванной провинціи, осмѣлился такъ отвѣтить на королевское повелѣніе: «Король повелѣваетъ въ Мадритѣ, а я въ Миланѣ». Не было болѣе публичнаго обсужденія, не было возможности обратиться къ правосудію, не было консульскаго суда, не было кредита: всѣ вольности и гарантіи были отмѣнены, и уступили мѣсто безусловному произволу испанскихъ пашей. Но не въ одной Италиі, и во владѣніяхъ Карла V приходилось оплакивать этотъ внезапный переворотъ въ развитіи, и въ особенности, въ принципахъ правительственной власти. Если припомнить мелочную акуратность венеціанцевъ, флорентинцевъ, генуезцевъ и ганзейскихъ городовъ, въ исполненіи принятыхъ ими на себя обязательствъ, то безумныя и рискованныя мѣры, къ которымъ пріучила и принудила прочихъ государей императорская политика, своимъ примѣромъ и непрерывными войнами, окажутся еще болѣе пагубными, чѣмъ непосредственно причиненный ими вредъ. Ничто

не ослабляло до такой степени общественнаго развитія, какъ неизвѣстность и боязнь, отличавшія тогда почти всѣ сношенія между людьми, которыя именно нуждались въ обезпеченіи и безопасности. На какихъ соображеніяхъ можно было основывать свой расчетъ, когда главные источники государственныхъ доходовъ были отданы на откупъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, а монета искажалась то наглою примѣсью лигатуры, то грабительскими указами? Вслѣдствіе этого, монета, ненаходившая себѣ болѣе полезнаго и вѣрнаго помѣщенія, извлечена была изъ промышленныхъ предпріятій и направилась на покупку недвижимой собственности. Земледѣліе, совсѣмъ подорванное уничтоженіемъ торговли, тоже не замедлило склониться къ упадку, подъ гнетомъ законодательства, воспрещавшаго вывозъ хлѣба. Къ довершенію несчастія, многочисленныя измѣненія въ администраціи государствъ, разстроенныхъ войнами, поразили Европу возобновившеюся язвой Византійской имперіи: я имѣю въ виду процессы и всякаго рода тяжбы съ ихъ обычными принадлежностями: взятками и сутяжничествомъ. Блистательный періодъ искусствъ не въ силахъ былъ вознаградить Италію за паденіе, бывшее слѣдствіемъ потери ею свободы; а постоянное уменьшеніе ея населенія послужило лучшимъ доказательствомъ, что истинные элементы благоденствія государствъ заключаются скорѣе въ полезныхъ, чѣмъ въ блестящихъ искусствахъ. Царствованіе Карла V въ особенности потому было губительно для политической экономіи, что оно разомъ отвлекло Европу отъ мирныхъ путей производства богатствъ, повергнувъ ее во всѣ случайности войнъ и старой системы способовъ народнаго существованія, порожденной феодализмомъ. Всѣми, господствующими между нами нелѣпыми ученіями и гибельными предразсудками, съ которыми мы боремся, обязаны мы этому царствованію, и еще болѣе гибельному царствованію его гнуснаго преемника. Свобода торговли уже готова была водвориться въ мірѣ, и связать общими интересами югъ и сѣверъ. Карлъ V замѣнилъ ее стѣсненіями и запрещеніями. Венеціанскій и Генуезскій банки только что основали кредитъ: Карлъ V началъ чеканить фальшивую

монету; и хотя ему открыты уже были сокровища новаго свѣта, доставлявшаго ему, съ 1540, около 50 миліоновъ франковъ ежегодно, онъ тѣмъ неменѣе наводнилъ Европу значительною массой низкопробной золотой кастильской монеты. Отвратительный примѣръ этотъ нашелъ себѣ множество подражателей, и было время, когда, по словамъ Ганиля, «Италія столько же славилась, своею скверною монетою, сколько превосходными сочиненіями о монетѣ.» Богатства не искали болѣе въ трудѣ и разумномъ употребленіи капиталовъ, но въ простомъ скопленіи металлическихъ денегъ; вывозъ ихъ запрещался драконовскими законами, какъ будто можно было покупать товары, которыхъ не производилось дома, и сохранить дома же деньги, необходимыя для ихъ приобрѣтенія. Въ это время появились въ первый разъ тѣ странныя теоріи, честь изобрѣтенія которыхъ цѣликомъ принадлежитъ испанцамъ, и которыя одинъ изъ ихъ экономистовъ, двѣсти лѣтъ позже, наивно очертилъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «Необходимо всячески стараться продавать иностранцамъ болѣе нашихъ произведеній, чѣмъ сколько они продадутъ намъ своихъ: въ этомъ заключается вся тайна и единственная польза торговли*.»

* Ustariz, *Théorie et pratique du commerce*, гл. IV, стр. 13.

Авторъ прибавляетъ: «Еслибы мы могли, по крайней мѣрѣ, получать столько, сколько сами даемъ, то этого было бы достаточно для удержанія въ Испаніи большей части сокровищъ, доставляемыхъ изъ западной Индіи въ Кадиксъ, между тѣмъ какъ теперь, они не приносятъ намъ никакой пользы. Напротивъ того, эти сокровища становятся гибельными для монархіи, если изъ самой гавани, куда ихъ привозятъ, они немедленно переходятъ въ руки враждебныхъ намъ народовъ, которые доставляютъ большую ихъ часть въ страны, подчиненныя господству турокъ. Такимъ образомъ, кромѣ того несчастія, что мы лишаемся нашихъ собственныхъ денегъ, немедленно по прибытіи ихъ въ Кадиксъ, что ихъ отнимаютъ у насъ мало расположенные къ намъ народы, употребляющіе ихъ на увеличеніе своей торговли и своего богатства, насъ мучитъ еще сознаніе, что большая часть этихъ миліоновъ *перейдетъ къ туркамъ и другимъ невѣрнымъ, чтобы увеличить ихъ силы и наши потери.* Эти пагубныя послѣдствія достойны самаго серьезнаго вниманія и самыхъ энергическихъ мѣръ для ихъ предупрежденія.»

Такова была система, вызвавшая безчисленные войны, обуревавшая всю Европу со времени Карла V, и, съ его легкой руки, заправляющая торговой политикой всѣхъ почти новѣйшихъ правительствъ. Всѣ они старались съ этого времени удерживать у себя звонкую монету и не впускать къ себѣ иностранныхъ товаровъ; всѣ они стали смотрѣть на ввозъ этихъ товаровъ, какъ на причину разоренія, не замѣчая, что онъ былъ тѣмъ необходимѣе, и что внутреннее производство уменьшалось у каждаго народа въ строгой соразмѣрности съ ограниченіями, придумывавшимися для его поощренія. Но развѣ желать продавать, не покупая, и домогаться для своихъ фабрикъ монополіи, жертвуя въ пользу разработки рудниковъ великими промышленными предпріятіями, не значитъ гоняться за призракомъ? Испаніи пришлось впоследствии слишкомъ дорого заплатить за это роковое заблужденіе Карла V; она потеряла свои фабрики вслѣдствіе того, что придавала слишкомъ большое значеніе своему колониальному золоту; а позже, она потеряла и свои колоніи, потому что слишкомъ пренебрегала своими фабриками.

Но эта система была не единственнымъ заблужденіемъ, которымъ Европа обязана Карлу V. На памяти его лежитъ еще большій грѣхъ предъ человѣчествомъ за возстановленіе рабства и крѣпостнаго права, клонившихся въ его время къ упадку. Въ его царствованіе была организована торговля неграми, какъ учрежденіе законное и правительственное, и возобновлено было пагубное ученіе грековъ и римлянъ, въ силу котораго выгоды, доставляемыя трудомъ всего общества, принадлежали по закону немногимъ привилегированнымъ людямъ. Миліоны народа погибли въ Америкѣ жертвою этого отвратительнаго предразсудка, а Африка, по прошествіи трехсотъ лѣтъ, все еще продолжаетъ кровью и слезами платить за порожденную имъ систему. Нельзя и представить себѣ всѣхъ нелѣпостей, придуманныхъ въ эту эпоху для обезпеченія жителей метрополіи выгодъ и доходовъ, извлекаемыхъ изъ

А между тѣмъ, Устарицъ писалъ эти строки уже въ 1740, и онъ былъ министромъ!

Прим. автора.

новой колоніи: никогда еще нахальство привилегіи не выражалось такими тираническими мѣрами. Метрополія обязала колонію покупать у нея всѣ свои произведенія, и запретила колоніи добывать ихъ откуда бы то ни было, даже изъ собственной почвы. Американцы не смѣли разводить ленъ, пеньку и виноградъ, заводить фабрики, строить корабли и воспитывать своихъ дѣтей гдѣ бы то ни было, кромѣ Испаніи. Въ то же самое время имъ предписано было покупать у метрополіи нѣкоторыя бесполезныя для нихъ произведенія, и за все это они подвергались оскорбленіямъ, которыя покажутся въ настоящее время невѣроятными. Кнутъ командора былъ въ то время представителемъ всей испанской цивилизаціи.

Между тѣмъ какъ правительственные принципы Карла V покровительствовали въ Америкѣ учрежденію рабства и самыхъ гнусныхъ монополій, въ то же время, они поощряли въ Европѣ всѣми возможными средствами деспотизмъ и тунеядство. Монастыри ежедневно размножались, и богатѣли въ ущербъ для земледѣлія и промышленности. Инквизиція тысячами костровъ боролась съ гражданской и религіозной свободой; тщеславные и бесполезные памятники заняли мѣсто безчисленныхъ сооружений, имѣвшихъ въ виду общественную пользу, которыми такъ блистательно заявили себя правительства итальянскихъ республикъ. Европа можно сказать, сдѣлалась храмомъ пяти или шести полубоговъ: все остальное человечество должно было считать себя счастливымъ, если могло пресмыкаться на соломѣ. Это было время самыхъ зловредныхъ понятій, самыхъ гнусныхъ системъ въ промышленности, въ политикѣ, въ религіи. Мы не дѣлаемъ въ настоящее время ни одной ошибки, мы не повинемся ни одному промышленному предрасудку, которые не были бы завѣщаны намъ этой злотворной властью, бывшей настолько сильной, чтобы обратить въ законы свои роковыя заблужденія. Нѣтъ, наука никогда не найдетъ достаточно сильныхъ выраженій, а у человечества не достанетъ слезъ, чтобы заклеить и оплакать несчастныя дѣла такого царствованія! Печальной памяти Филиппъ II вывелъ только слѣдствія изъ этой системы; но

основанія ея положены Карломъ V. Преступленія сына прекратились вмѣстѣ съ его жизнью, тогда какъ принципы отца, даже по прошествіи трехъ столѣтій, продолжаютъ мѣшать развитію цивилизаціи.

Благородный и безсмертный отпоръ, тѣмъ неменѣе, оказанъ былъ этому тяжкому нарушенію неизмѣнныхъ правъ человѣчества. Испанія до сихъ поръ свято сохраняетъ воспоминаніе о геройской попыткѣ Падиллы и о муниципальных городахъ полуострова, отозвавшихся на его патриотическій призывъ. Это былъ прекрасный прощальный лучъ древней общинной независимости, о которой мы можемъ составить себѣ понятіе по тому, что было отнято у нея Карломъ V. «Мы хотимъ, говорили начальники провинціальной лиги, въ своемъ знаменитомъ представленіи этому государю, чтобы войскамъ не отводились болѣе даровыя помѣщенія; чтобы подати были оставлены въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ были при Изабеллѣ; чтобы въ предстоящемъ собраніи представителей государственныхъ сословій присутствовали отъ cadaго города по одному представителю, одинъ отъ духовенства, одинъ отъ дворянства, и одинъ отъ *третьяго сословія*; чтобы никто изъ членовъ этого собранія, *подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи всего имущества, не получалъ ни мѣста, ни жалованья отъ короля, ни для себя, ни для кого либо изъ своихъ родственниковъ*; чтобы каждый городъ или община давали своему представителю приличное содержаніе во все продолженіе государственнаго собранія, *чтобы земли дворянъ, подобно общиннымъ, несли всѣ общественныя повинности* *.» Таковы были политико-экономическія воззрѣнія либеральной партіи того времени; но смерть Падиллы ** и подавленіе ис-

* Robertson, *Histoire de Charles-Quint*, кн. III.

** Сандоваль, (*Hist.* т. I, стр. 478) сохранилъ намъ прекрасное письмо незабвеннаго Падиллы къ городу Толедо, писанное имъ наканунѣ казни. Считаю долгомъ привести нѣкоторыя изъ предсмертныхъ мыслей этого мученика за общинныя вольности. «Тебя, корона Испаніи, тебя, который былъ свободенъ со временъ сильныхъ готовъ, который, проливая кровь своихъ гражданъ и враговъ, завоевалъ свободу, какъ для себя, такъ и для сосѣднихъ общинъ, извѣщаетъ

панскаго возстанія дали возможность Карлу V подчинить подъ свое желѣзное иго бѣольшую часть Европы, съ этихъ поръ отданной на разграбленіе его арміямъ и на сѣдненіе его доктринамъ. Даже Франція принуждена была вступить въ борьбу*, которую она долгое время поддерживала со славой, если и не всегда съ успѣхомъ, пока могущественная диверсія, произведенная въ Германіи реформаціей, не вернула свободу подъ защиту принца.

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на царствованіе Карла V, мы не можемъ не признать, что этотъ государь остановилъ блистательное развитіе богатства и благосостоянія, созданныхъ трудомъ освободившихся средневѣковыхъ общинъ. Желая возстановить всемірную монархію Карла Великаго и уничтожить самобытность и самостоятельность различныхъ европейскихъ государствъ, онъ отдалъ ихъ на разграбленіе постояннымъ арміямъ, и истощалъ налогами, взымавшимися впередъ. Онъ возстановилъ въ Америкѣ рабство, почти исчезнувшее въ Европѣ. Онъ сосредоточилъ въ своей особѣ и особѣ немногихъ государей, союзныхъ или враждебныхъ ему, верховную власть, въ которой уже начали принимать участіе средніе классы. Уже этихъ поводовъ достаточно было бы для самаго

твой законный сынъ, Жуанъ Падилла, какимъ образомъ его кровью ты долженъ возобновить свои прежнія побѣды. Если судьбѣ не угодно было, чтобы дѣла мои принадлежали къ числу счастливыхъ и славныхъ подвиговъ прочихъ твоихъ дѣтей, то жаловаться въ этомъ слѣдуетъ на мою злую судьбу, но не на мою добрую волю. Тебя, какъ мать свою, прошу принять жизнь, которую скоро у меня отнимутъ, ибо Богъ не далъ мнѣ ничего, болѣе драгоцѣннаго, чтобы я могъ отдать за тебя... Я не пишу тебѣ болѣе, ибо я чувствую въ эту минуту приближеніе топора къ моей шеѣ, болѣе беспокоясь о предстоящемъ тебѣ неудовольствіи, чѣмъ о собственныхъ моихъ страданіяхъ.»

Прим. автора.

* Въ одну изъ этихъ многихъ войнъ, въ 1552, французская армія въ 44,000, вторгнувшаяся, подъ предводительствомъ Монморанси, въ рейнскія епископства, предпослала себѣ манифестъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, у котораго на заголовкѣ нарисована была фригійская шапка и два кинжала, съ надписью *Свобода*.» Shoell, *Histoire des États européens*, т. XV, стр. 160. Прим. автора.

строгаго обвиненія его въ глазахъ потомства; но существуютъ еще и другіе, еще болѣе важныя, послѣдствія которыхъ были неменѣе плачевны. Правительство Карла V принадлежало къ разряду тѣхъ, которыя оказали наибольшее содѣйствіе распространенію по всему міру отвратительной язвы пауперизма. Не оно ли разрушая свободу промышленности и торговли, учрежденіемъ монополій и королевскихъ фабрикъ, направило къ монастырямъ цѣлыя толпы людей, поневолѣ обратившихся къ созерцательной жизни или нищенству? Не оно ли введеніемъ колониальной системы приучало одну часть своихъ подданныхъ жить на счетъ другой? Не оно ли содѣйствовало учрежденію іезуитскаго общества, столь богатаго адскою изобрѣтательностью на погибель труда и свободы. Не оно ли, наконецъ, учинило печальныя похороны итальянскимъ республикамъ?

Но злой геній одного человѣка не въ силахъ одолѣть вѣчныя стремленія всего человѣчества. Въ то время, какъ счастье, повидимому, улыбалось Карлу V, и увѣнчивало успѣхомъ всѣ его предпріятія, въ старой и трудолюбивой Германіи подымалась сила, которая должна была уничтожить плоды его побѣдъ, и приготовить рядъ страшныхъ униженій его преемнику. Свобода изслѣдованія воскресала по призыву одного разгнѣваннаго монаха. Зародыши независимости, несовѣмъ еще заглохшіе въ ганзейскихъ городахъ, вызвали броженіе подѣ влияніемъ жгучихъ проповѣдей протестантства. Угнетенные крестьяне брались за оружіе; безстрашные писатели смѣлыми изслѣдованіями подготавливали великое умственное движеніе восемнадцатаго вѣка *. Контрабанда, сухимъ путемъ

* «Бѣдные и жалкіе люди, писалъ Ла-Бозси (*Le Contr'un*, стр. 125), безумные народы, упорные въ невѣдѣніи вашего несчастія и слѣпые къ собственному благополучію, вы позволяете, чтобы на вашихъ глазахъ отнимали у васъ лучшій и очевиднѣйшій изъ вашихъ доходовъ, уничтожали ваши нивы, разоряли ваши дома, грабили въ нихъ отцовское имущество; вы живете такъ, что можно сказать, что ничего не принадлежитъ вамъ... и всѣ эти убытки, это несчастіе, это разореніе причиняются вамъ не иноземнымъ врагомъ, но тѣмъ неменѣе врагомъ, и тѣмъ, кого вы сами сдѣлали великимъ, за котораго вы такъ храбро сражаетесь, за могущество котораго жертвуете

и моремъ, ослабляла дѣйствіе возникавшихъ монополій. Грабительства откупщиковъ, продажность должностей и гнетъ налоговъ вызывали сознание о необходимости порядка въ финансахъ, благоразумія въ управленіи, и укрѣпляли духъ народа суровыми испытаніями. Потребность критическаго разбора, вызванная реформаціею, проникла во всѣ общественные вопросы; поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію явленій, вызванныхъ открытіемъ Америки, необходимо разсмотрѣть экономическія слѣдствія реформаціи, ибо два эти событія, *реформація* и *открытие новаго свѣта* полны самаго благотворнаго поученія.

ГЛАВА XXII.

Протестантская реформація и ея вліяніе на развитіе политической экономіи. — Секуляризація монастырей. — Продажа церковныхъ имуществъ. — Ихъ значеніе въ Англіи. — Законы о бѣдныхъ. — Увеличеніе числа рабочихъ дней.

Развитіе свободы и труда носитъ на себѣ отпечатокъ чего то чудеснаго. Преслѣдуемые на одномъ пунктѣ, они вдругъ находятъ себѣ убѣжище въ другомъ; задержанные на время, побѣдивъ препятствія, они съ большею энергіею стремятся впередъ. За греческимъ и римскимъ рабствомъ слѣдуетъ варварская независимость личности; послѣдняя, въ свою очередь, едва искаженная феодалнымъ крѣпостнымъ правомъ, появляется съ бѣльшимъ блескомъ и энергіею въ освобожден-

собственною жизнью. Но у того, кто господствуетъ надъ вами, такіе же два глаза, такіе же двѣ руки, такое же тѣло; онъ не имѣетъ ничего, чего бы не имѣлъ послѣдній человекъ изъ безчисленнаго множества нашихъ городовъ, за исключеніемъ развѣ только того, что сами вы дали ему для вашего разоренія.» Прим. автора.

Ла-Бюэси, французскій писатель (1530—1563), другъ Монтаня, извѣстенъ замѣчательнымъ своимъ сочиненіемъ, написаннымъ, когда ему было всего 18 лѣтъ: *De la servitude volontaire* — *О добровольномъ рабствѣ*, отличающемся чрезвычайно смѣлыми воззрѣніями.

Рус. перев.

ныхъ городскихъ общинахъ. Крѣпостная зависимость наследуетъ рабству, а цеховое устройство предшествуетъ свободному труду. Едва оканчивается одно дѣло, и отходитъ въ прошедшее, какъ тотчасъ же начинаетъ пробовать свои силы новое, чтобы передать потомству результаты и побѣды всѣхъ предъидущихъ. Протестантская реформація есть одна изъ такихъ великихъ перипетій въ развитіи человѣчества. Первое ея появленіе было весьма робко, а ея результаты измѣнили весь внѣшній видъ Европы. Для Льва X она была *fuoco di paglia* *, простое непослушаніе монаха, для Карла V—нарушеніе догмата вѣрноподданническаго повиновенія; но подъ непослушаніемъ монаха скрывался протестъ противъ эксплуатаціи всего христіанства римскимъ епископомъ, а появленіе Лютера на Вормскомъ сеймѣ было только предвѣстіемъ Шмалькальденскаго союза, то есть, первой конфедераціи маленькихъ государствъ противъ деспотизма большихъ. Вотъ почему, уже по первому раскату грома, можно было судить о грозѣ, которая должна будетъ поразить учрежденія, казавшіяся утвержденными самымъ временемъ, хотя то же время уже давно подкапывалось подъ нихъ. Какъ открытіе мыса Доброй Надежды отняло у венеціанцевъ монополию торговли, такъ протестантство отняло у папы и императоровъ господство надъ Европой. Гвельфы и Гибеллины были отстранены, и общественный вопросъ предсталъ въ совершенно новой формѣ.

Нельзя не признать нѣкоторой утѣшительной и чудесной связи между такими великими современными событіями, какъ торговля неграми и протестантская реформація, которой суждено будетъ положить ей конецъ; между всемірной монархіей Карла V и образованіемъ германскихъ государствъ, къ которымъ позже присоединится Швеція, приведенная въ битву вооруженной съ головы до ногъ великимъ Густавомъ-Адольфомъ, и соединенныя провинціи Голландіи, обогранныя кровью Филиппомъ II. Намъ предстоитъ взглянуть на нихъ только съ экономической точки зрѣнія, и хотя бѣольшая часть историковъ оказывается плохими руководителями въ этомъ от-

* Вспышка соломы.

ношеніи, все же реформація представляеть такіе поразительные результаты, что достаточно только указать на нихъ, чтобы оцѣнить все ихъ значеніе. Вначалѣ они были не болѣе, какъ отказъ платить индульгенціи, при содѣйствіи которыхъ Римъ собиралъ дань со всего міра до послѣдней деревушки*; но со времени этого отказа, начинается новая эра въ системѣ налоговъ, а отъ этихъ преобразованій вовсе не такъ далеко, какъ кажется, до финансовыхъ преній новѣйшихъ конституціонныхъ парламентовъ. Мелкіе нѣмецкіе князья тотчасъ же поняли всѣ выгоды, которыя они могли извлечь изъ религіознаго настроенія умовъ, чтобы вызвать въ своихъ подданныхъ противудѣйствіе честолюбивымъ замысламъ Австріи. Съ другой стороны, богатство церковныхъ имуществъ, которыя забиралъ въ свою казну каждый протестантскій государь, независимость и тѣсный союзъ, соединявшій всѣхъ возставшихъ общими интересами, придали смѣлости самымъ робкимъ пристать къ лигѣ, и образовать первую дѣйствитель-

Я имѣлъ въ своихъ рукахъ оригинальный дипломъ полной индульгенціи, то есть, прощенія всѣхъ грѣховъ, выданный за полтора франка на наши деньги; въ немъ говорилось буквально: *Veniam damus Ioanni N. pro omnibus peccatis praeteritis, praesentibus et futuris quantumcumque enormibus*, то есть: даемъ Іоанну Н. прощеніе всѣхъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ грѣховъ, какъ бы велики они ни были... Съ боку этотъ Іоаннъ приписалъ имя и жены своей, на которую, такимъ образомъ, распространялось въ придачу благодѣтельное дѣйствіе индульгенціи.

Прим. автора.

Юліусъ Веберъ въ своей книгѣ: *Das Papsthum und die Paepste, Stuttgart, 1834*, приводитъ преісъ-курантъ грѣховъ, то есть, цѣны, за которыя ихъ отпускали папы, напечатанный въ 1514 году въ Римѣ, подъ заглавіемъ: *Taxae cancellariae apostolicae et poenitentiariae juxta exemplar Leonis X.* Между прочимъ тамъ говорится, что тому, кто *matrem, sororem aut aliam affinem aut commatrem carnaliter cognovit*) за противуестественную связь съ матерью, сестрой или съ иной близкой родственницей), этотъ грѣхъ отпускался за пять тогдашнихъ *grossi*, около 10-ти франковъ, считая *grosso tornese* немного болѣе полутора франка (*Sibrario, Econ. pol del. med. aevo*); тому же, кто поддѣлывалъ и искажалъ священныя книги *libros apostolicos falsificavit*, грѣхъ отпускался за 18 *grossi*, т. е. за 35 франковъ. Убіеніе матери или отца стоило отъ 5 до 7 *grossi*, а убіеніе духовнаго 8 *grossi*.

Рус. перев.

ную коалицію независимыхъ государствъ противъ преобладанія притѣснителей.

Первымъ и важнѣйшимъ результатомъ этой борьбы для политической экономіи было уничтоженіе монашескихъ орденовъ * и продажа всѣхъ монастырскихъ имѣній, или простое присоединеніе ихъ къ государственнымъ имуществамъ. Эти имѣнія и прежде имѣли большую цѣнность; теперь же, они получили еще бѣольшую, поступивъ въ производительныя руки рабочихъ классовъ, по выходѣ ихъ изъ бесплоднаго управленія, въ которомъ они находились столько вѣковъ. Дворянство, какъ и владѣтельные князья, получило часть ихъ; нѣкоторыя же изъ этихъ имуществъ обращены были, съ большею или меньшею справедливостью и разборчивостью, на содержаніе богослуженія, бѣдныхъ и на народное воспитаніе. Въ Англии реформація произвела еще болѣе коренныя измѣненія, и утвердилась на такихъ основаніяхъ, что это событіе можно принимать въ ней за дѣйствительную революцію. Духовенству принадлежало тамъ семь десятыхъ всей поземельной собственности **; а тысяча сорокъ одно религіозное учрежденіе, во время Генриха VIII, пользовалось доходомъ около шести мильоновъ франковъ на наши деньги, что представляло громадную сумму для того времени, особенно, если принять въ соображеніе рѣдкость звонкой монеты и скудость государственныхъ доходовъ.

Уничтоженіе огромнаго числа праздничныхъ дней обратило къ труду мильоны рукъ, и создало новыя силы для раз-

* Приверженцы католицизма приписываютъ этой секуляризаціи монастырей увеличившуюся тогда нищету. По мнѣнію же Шербулье (*Diction. d'économ. polit.* т. II, стр. 785, эта мѣра только разоблачила дѣйствительно существовавшую до реформаціи нищету, и побудила правительства принять мѣры для огражденія общественной безопасности отъ разнаго рода бездомныхъ искателей приключеній, воровъ и разбойниковъ, находившихъ себѣ прежде вѣрное убѣжище въ монастыряхъ, укрывавшихъ ихъ, вѣроятно, за ихъ благочестіе, отъ преслѣдованій закона.

Рус. перев.

** J. Wade, *History of the middle and working classes*, стр. 38.

витія общественнаго богатства. Но, въ то же самое время, эта огромная масса вольныхъ и невольныхъ работниковъ; брошенная въ обращеніе, по выходѣ ея изъ монастырей, содержавшихъ ее въ постоянной праздности, причинила непредвидѣнныя видоизмѣненія въ общественномъ устройствѣ, и обнаружила пауперизмъ въ новомъ видѣ. Явилось два вида бѣдныхъ: нищіе, привыкшіе просить милостыню при прежнемъ порядкѣ вещей, и люди, подававшія имъ эту милостыню. Число ихъ сдѣлалось до того значительнымъ, что явилась необходимость прибѣгнуть къ законодательнымъ мѣрамъ для удержанія ихъ въ повиновеніи и для смягченія тѣхъ суровыхъ условій, въ которыя ихъ поставило упраздненіе монастырей. Большинство ихъ упорно отказывалось отъ труда, а тѣ, которые согласны были трудиться, не всегда находили себѣ работу. Что было дѣлать съ этимъ безпокойнымъ, бездомнымъ населеніемъ, съ этими несчастными *roundsmen*, ами, ходившими изъ дома въ домъ просить хлѣба и работы, и чаще всего ненаходившими ни того, ни другой! Католичество вызвало эту язву размноженіемъ монастырей; протестантизмъ усиливало ее ихъ упраздненіемъ: кто могъ бы предвидѣть это, приступая къ великому дѣлу!

Вотъ почему эта эпоха, болѣе чѣмъ всякая другая, изобилуетъ разнаго рода законодательными и административными мѣрами, имѣвшими цѣлью принудить бродягъ къ осѣдлости, а лѣнивцевъ къ труду. Англійскія лѣтописи того времени переполнены такими мѣрами, а читая ихъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: ихъ безсилію или ихъ многочисленности. Въ 1531 году, Карлъ V издалъ, съ такою же цѣлью, въ Нидерландахъ длинный указъ, оказавшійся столь же бесплоднымъ, какъ и всѣ подобныя постановленія англійскихъ королей. Подъ страхомъ тюрьмы и розогъ, онъ запрещалъ просить милостыню кому бы то ни было, кромѣ монаховъ и пилигримовъ. Люди, признанные бѣдными, должны были содержаться на счетъ правильныхъ сборовъ на церковной паперти, у дверей больницъ и богадѣленъ, а начальству дано право собирать на тотъ же предметъ приношенія въ церквахъ и частныхъ домахъ, разъ или два раза въ недѣлю. Упрямыхъ

Лѣвтяевъ дозволялось силою принуждать къ работѣ *. Но всѣ эти строгія мѣры, предпринятія въ Бельгii, Англии, Германii, только обнаруживали нелѣпость указовъ, предписывавшихъ общественное благосостояніе.

Это дикое притязаніе доведено было въ Англии и въ протестантскихъ странахъ до послѣдней крайности. Упраздненіе монастырей обратило, однимъ почеркомъ пера, болѣе пятидесяти тысячъ монаховъ въ нахлѣбниковъ государства, и отдало этихъ людей, непривыкшихъ къ труду, и совершенно незнавшихъ жизни, на жертву нужды и всѣхъ обольщеній промышленнаго общества. Исправительныя мѣры, наказанія и казни ничего не могли сдѣлать съ людьми, закоренѣвшими въ лѣности, которые, къ тому же, не всегда имѣли въ своемъ распоряженіи средства къ труду. Какъ было различить между ними праздныхъ по необходимости, отъ праздныхъ по собственному желанію? Этотъ вопросъ не рѣшенъ еще до сихъ поръ въ Европѣ, хотя поставленъ въ ней уже нѣсколько вѣковъ, и все усложняется, по мѣрѣ успѣховъ промышленности и цивилизаціи, множествомъ затрудненій, которыя дѣлаютъ его все болѣе и болѣе неразрѣшимымъ. Тщетно протестантство выставило противъ слѣпой благотворительности католиковъ свои строгіе законы о бѣдныхъ: результатомъ ихъ было только то, что нищiе протестантскихъ странъ принуждены скрывать свою бѣдность, между тѣмъ какъ бѣдные католическихъ странъ могутъ безбоязненно выказывать ее; но бѣдность тѣмъ не менѣе остается одинаково дѣйствительною въ обоихъ случаяхъ. Кто знаетъ, можетъ быть, налогъ въ пользу бѣдныхъ оказалъ большее поощреніе размноженію нищихъ въ Англии, чѣмъ въ Испанii, обезпечивъ имъ определенное и насильственное содержаніе на счетъ приходовъ, вмѣсто ненадежныхъ вспомоствованій, доставляемыхъ милостыней **!

* Anderson, *History of commerce*, т. II, стр. 55.

** Болѣе подробныя историческія свѣдѣнія относительно вопроса о законодательствѣ о бѣдныхъ читатель найдетъ въ книгѣ Мальтуса: *Опытъ о законѣ народонаселенія*, и въ приложеніяхъ къ этому сочиненію, недавно появившемся въ русскомъ переводѣ. Здѣсь же

Все это не даетъ намъ однако права упрекать протестантство въ послѣдствіяхъ поставленнаго имъ принципа. Уничтоженіе монастырей и продажа ихъ имѣній были мѣрами, требовавшимися, какъ благоразуміемъ, такъ и необходимостью.

мы ограничимся нѣсколькими свѣдѣніями о положеніи этого вопроса въ настоящее время, по даннымъ, представляемымъ сочиненіемъ Макъ-Кулоха (Mc. Culloch, *Descr. and Statist Acc. of the Brit. Emp.*)

Налоги въ пользу бѣдныхъ существуютъ въ Великобританіи съ 1601, въ Ирландіи—съ 1838. Послѣ реформы въ 1834, для удобнѣйшаго сбора налога, Англія и Валлисъ раздѣлены на *союзы* (*unions*—около 600), состоящіе изъ приходовъ (отъ 7 до 50, среднимъ числомъ, около 20, съ населеніемъ отъ 5,000 до 30,000 душъ). Всѣ лица, участвующіе въ налогѣ, выбираютъ изъ своей среды, для его сбора и распределенія, по одному *смотрителю* (*guardian*) на приходъ, и по нѣскольку *старостъ* (*overseers*), которыхъ прежде выбирали нотабли. Дѣлами пауперизма завѣдуетъ *бюро* изъ этихъ смотрителей (*board of guardians*), которое пользуется только исполнительною властью, и подчинено *центральной комиссіи*, настоящему министерству, которому переданы списки народонаселенія. Комиссія состоитъ изъ 4-хъ комиссаровъ (*Poor-law-Commissioners*), назначаемыхъ правительствомъ; они перемѣняются каждые 5 лѣтъ, и получаютъ большее жалованье. Они составляютъ и утверждаютъ союзы, смотрятъ за правильною раздачей единовременныхъ пособій, издають уставы новымъ рабочимъ домамъ, и слѣдятъ за дѣятельностью *смотрителей*. Пособія бывають единовременныя и постоянныя, которыми пользуются на дому (*pauper in door*) и внѣ дома, (*pauper out door*) вдовы, увѣчныя, немощныя и больныя. Пособія на дому въ принципѣ, впрочемъ, не признаются, и оставлены, какъ временная мѣра. Но главнымъ пособиемъ съ точки зрѣнія администраціи считается позволеніе жить, и работать за это, въ рабочихъ домахъ (*work-house*). Эти то послѣдніе прославились строгостью своихъ уставовъ, и были постояннымъ предметомъ нападокъ экономистовъ и романистовъ.

Число бѣдныхъ, въ Англіи и Валисѣ, пользовавшихся обязательною благотворительностью, съ 1849—1859, колебалось между 934,419 и 798,822. Въ 1857, на своихъ бѣдныхъ истратила Англія съ Валлисомъ 5,878,542 фун. стер. или по 6 шил. 0, 5 пенсовъ на человѣка.

Не удовлетворяясь официальной благотворительностью, англійскіе бѣдные сами составляютъ между собою общества взаимнаго вспомоществованія подъ названіемъ *friendly-societies*, число которыхъ простиралось до 19,783 для всего Соединеннаго королевства, а число членовъ болѣе 2 миліоновъ, съ общественнымъ имуществомъ въ 9 мил. фун. стерлинговъ.

Рус. перев.

И когда уничтожено было личное рабство, и даже крѣпостное состояніе, то можно было бы, съ такимъ же основаніемъ, хулить свободу, при видѣ тѣхъ несчастныхъ пролетаріевъ, которые были выпущены на волю, и предоставлены собственной участи. Свобода вмѣняла имъ необходимость добывать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, и оправдать свое достоинство свободныхъ людей трудомъ, какъ отличительнымъ признакомъ и существеннымъ свойствомъ свободного человѣка. Такого же рода условія потребовало отъ каждаго гражданина и протестанство: болѣе многочисленныя и разнообразныя потребности новѣйшей цивилизаціи требуютъ бѣльшаго труда, ибо онѣ доставляютъ больше наслажденій. Поэтому, несправедливо было бы обвинять, какъ цивилизацію, такъ и протестанство, въ существованіи зла, вытекающаго изъ самихъ условій природы человѣка, и вѣчно проявлявшагося, при всевозможныхъ религіяхъ и правительствахъ. Достаточно посмотрѣть, какого рода жизнь вели тогда рабочіе классы, чтобы составить себѣ понятіе о бѣдствіяхъ, ожидавшихъ всѣхъ бѣдняковъ, оставшихся безъ работы, и даже крестьянъ, владѣвшихъ участкомъ земли. По словамъ Эразма Роттердамскаго, въ его время, всѣ почти дома были еще безъ печей и каминовъ; полы въ нихъ были земляные, за неимѣніемъ ни каменныхъ плитъ, ни кирпичей; постели состояли изъ кучи соломы, которая рѣдко возобновлялась; подушкою служилъ худо отесанный деревянный чурбанъ. Форреску, проѣхавшій въ это время по Франціи, рассказываетъ, что «французскіе крестьяне пьютъ одну воду, ѣдятъ яблоки, дѣлаютъ себѣ изъ ржи хлѣбъ чернаго цвѣта, и не имѣютъ даже понятія о говядинѣ.»

Окончательное утвержденіе протестантства весьма содѣйствовало измѣненію этого печальнаго порядка вещей. Если уничтоженіе монастырей и не разрѣшало вопроса о пауперизмѣ, усложненнаго чрезвычайной ихъ многочисленностью, то оно, по крайней мѣрѣ, принудило часть праздныхъ людей искать средствъ существованія въ трудѣ. Огромное число праздныхъ дней совершенно пропадало для производства: протестанты благоразумно ограничили ихъ число, такъ

что, вскорѣ страны, гдѣ одержала верхъ реформа, получили рѣзкое отличіе отъ католическихъ. По мѣрѣ того, какъ населеніе теряло возможность жить милостыней, оно получало привычки къ труду и къ порядочности, сохраненныя имъ до настоящаго времени и разительнo отличающія его во всей Европѣ. Только со времени отступничества Генриха VIII и упраздненія монастырей, двинулась Англія, чрезъ рядъ жесточайшихъ испытаній къ своему современному промышленному развитію и благосостоянію. Германія обязана протестантству такими же результатами: и до настоящаго даже времени католическая часть этой прекрасной страны стоитъ гораздо ниже протестантской въ дѣлѣ цивилизаціи, богатства и просвѣщенія. Взгляните на Женеву и на протестантскіе кантоны Швейцаріи: какая разница между ними и католическими! Благосостояніе Голландіи, послѣ возстанія ея противъ испанцевъ и сверженія съ себя ига монополистовъ и притѣснителей, не имѣетъ другой причины. Въ самой Франціи, когда, позже, Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ гнусныхъ внушеній, подписалъ знаменитую отмѣну Нантскаго эдикта, то протестанты, изгнанные изъ ея территоріи, отправились учить промышленности всю остальную Европу. Фландрія, Швейцарія Англія, Пруссія* обогатились ихъ познаніями и трудолюбіемъ. Ревностная и строгая проповѣдь ихъ увлекла

* «При возшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, принадлежащій къ владѣтельному Бранденбургскому дому, въ этой странѣ не дѣлали ни шляпъ, ни чулокъ, ни саржи, ни какихъ либо шерстяныхъ матерій; французская промышленность обогатила насъ всѣми этими произведеніями. Французы завели фабрики суконныя, саржевыя, этаминныя, дешевыхъ матерій, тканыхъ колпаковъ и чулокъ, пуховыхъ шляпъ, козьей и кроликовой шерсти, и всякаго рода красивыхъ заведеній. Нѣкоторые изъ изгнанниковъ занялись мелочнымъ торгомъ, и распродала произведенія, изготовленныя ихъ товарищами. Берлинъ получилъ ювелировъ, серебряныхъ, золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ, скульпторовъ, а тѣ изъ французовъ, которые поселились въ низменныхъ частяхъ Пруссіи, стали разводить табакъ, и заставили производить превосходные фрукты и овощи тѣ песчанныя земли, которыя ихъ трудомъ обращены были въ прекрасныя сады.»

Прим. автора.

множество великодушныхъ людей, и расположила ихъ примириться съ лишеніями, на которыя ни въ какомъ случаѣ не могли бы согласиться тщеславные и лѣнивые католики. Простота ихъ богослуженія и скромная одежда сохранили для промышленности огромные капиталы, которые во всей католической Европѣ бесплодно поглощались поддержаніемъ великолѣпія въ храмахъ и роскошью прелатовъ.

Неменѣе рѣшительный переворотъ обнаружился во всемъ, что имѣло какое либо серьезное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, искони волновавшимъ человѣчество. Духъ товарищества выражался въ рядахъ католиковъ съ цѣлью нападенія, а между протестантскими сектами — для собственной обороны. Книгопечатаніе, которое только что было открыто, какъ новое оружіе, предложило свои услуги обѣимъ партіямъ, и заняло свое мѣсто въ ряду прочихъ силъ, находящихся въ распоряженіи человѣка. Немедленно же возникшая духовная борьба принудила протестантовъ обратиться къ ученію и размышленію, такъ что просвѣщеніе, возникшее изъ заблужденія и смятенія, распространилось наконецъ на такіе вопросы, которые менѣе всего касались предметовъ, вызвавшихъ пренія. Побѣда слѣдовала за побѣдой: схоластика уступила мѣсто философіи, а мораль казуистовъ исчезла предъ евангельскою нравственностью. Всѣ принялись за дѣло, и рядомъ съ важнѣйшими религіозными реформами неожиданно явились преобразованія промышленныя. Такимъ образомъ, на примѣръ, одно уничтоженіе постовъ, предписываемыхъ католической церковью, вызвало значительное уменьшеніе въ числѣ судовъ, снаряжавшихся для рыбной ловли. Голландія стала потреблять болѣе мяса, по мѣрѣ того, какъ уменьшалось потребленіе рыбы. Ея моряки обратились въ земледѣльцевъ, и стали воспитывать скотъ, вмѣсто того чтобы заниматься ловлей сельдей. Реформація отразилась, хотя и косвеннымъ образомъ, на другія, быть можетъ, еще болѣе важныя событія. Когда Филиппъ II овладѣлъ Португаліей, и закрылъ Лиссабонскій рынокъ для голландскихъ купцевъ, закупавшихъ на немъ произведенія востока, послѣдніе отправились за ними прямо въ Индію, и положили въ ней основаніе своего коло-

ніального могущества. Такимъ образомъ, одного такого распоряженія со стороны религіознаго государя достаточно было, чтобы испанцы потеряли свое господство на моряхъ.

Но протестантству суждено было принять на себя еще болѣе важную роль, и получить еще большее вліяніе на европейское общество, когда ему на помощь явился французскій языкъ, облегчившій его распространеніе. Съ этого времени реформація явилась помощницей политики, а религіозныя войны, обуревавшія въ то время Францію, ясно доказали, что новыя принципы и слѣдствія ихъ пустили глубокіе корни. Бѣдные классы начали понимать всю важность реформы, освобождавшей ихъ отъ платежа церковныхъ десятинъ, а высшіе классы не безъ сочувствія смотрѣли на религіозное движеніе, возвращавшее имъ свободу изслѣдованія и независимость мысли. Церковныя имѣнія, недавно еще свободныя отъ налоговъ, поступили теперь въ общественныя имущества, и облегчили податныя сословія въ уплатѣ безчисленныхъ, обременявшихъ ихъ повинностей. Часть ихъ досталась аристократіи, и привлекла ее на сторону новаго порядка вещей одновременнымъ увеличеніемъ, какъ ея значенія, такъ и ея богатства. Мелкіе германскіе владѣтели приняли его, какъ средство для борьбы противъ притязаній Карла V; а французскіе дворяне присоединились къ нему для усиленія своего мѣстнаго вліянія, и потому что протестантство совершенно согласовалось съ ихъ провинціальными привычками. Было время, когда вся Европа, раздѣлена была между протестантскимъ федерализмомъ и католическимъ единствомъ. Она покрылась бы большими свободными городами, въ родѣ ганзейскихъ, или маленькими независимыми государствами, какъ итальянскія республики, еслибы окончательно восторжествовалъ кальвинистскій принципъ; вся она была бы поглощена двумя или тремя, а можетъ быть и одной большой монархіей, еслибы принципъ этотъ былъ вполне уничтоженъ. Что стало бы съ цивилизаціею въ томъ или другомъ случаѣ? Отвѣтить на это трудно. Тѣмъ неменѣе, современное благоденствіе протестантскихъ странъ не оставляетъ сомнѣнія, что реформація ускорила бы развитіе общественнаго богатства;

европейскіе доходы не поглощались бы тремя или четырьмя воинственными державами, занятыми болѣе увеличеніемъ своего територіальнаго и политическаго могущества, чѣмъ благосостояніемъ своихъ народовъ.

Должно быть, протестантство заключаетъ въ себѣ плодотворныя зародыши будущаго развитія, если всюду, куда только ни проникло оно, населенія получили болѣе порядочныя привычки, болѣе строгіе нравы, болѣе замѣтное стремленіе къ труду. Сравните Голландію съ Португалією, Англію съ Испанією, Германію лютеранскую съ Германією католической: какая противоположность въ просвѣщеніи, въ благосостояніи, въ нравственности! Какая разница между кипучею дѣятельностью однихъ, и бездѣйствіемъ, среди котораго едва прозябаютъ другіе! Различіе это еще сильнѣе бросается въ глаза въ Америкѣ, въ которой обѣ крайности цивилизаціи выразились всего рѣзче: Соединенные Штаты достигли высшей степени благоденствія подъ вліяніемъ свободы изслѣдованія и протестантскаго населенія; южныя же республики, несмотря на естественныя преимущества климата и богатство почвы, до сихъ поръ еще не могли установить себѣ правильныхъ правительствъ, вслѣдствіе своихъ католическихъ предразсудковъ. Праздность и нищета царствуютъ въ нихъ, какъ и въ ихъ метрополіи, между тѣмъ какъ трудолюбіе сѣверно-американцевъ, менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ, расчистило лѣса, и покрыло богатыми городами непроходимыя пустыни. Къ несчастію, протестантство, столь искусное въ увеличеніи богатствъ, не открыло еще тайны его безпристрастнаго распредѣленія между всѣми производящими его классами. Оно разорвало узы, соединявшія христіанскіе народы, и поставило національный эгоизмъ на мѣсто всеобщаго согласія, къ которому стремился католицизмъ. Въ Европѣ нѣтъ уже болѣе одной общей великой идеи, которая могла бы соединить всѣ умы и убѣжденія. Въ промышленности, политикѣ, философіи, религіи, идеи скользятъ по дуновенію революціей. Сегодня разрушаютъ то, что построено вчера. Народы спорятъ за рынки и соперничаютъ другъ съ другомъ, вмѣсто того, чтобы войти въ товарищество для удовлетворенія сообща своимъ потребностямъ

и для обмѣна своими произведеніями. Мнѣ хотѣлось бы, прежде всего, быть справедливымъ; тѣмъ неменѣе, нельзя не согласиться, что если старый католицизмъ не сѣумѣлъ стать во главѣ производства богатствъ, то мы не въ правѣ упрекать его въ суровости тѣхъ принциповъ, по которымъ въ протестантскихъ земляхъ такъ несправедливо совершается ихъ распредѣленіе. Необходимо, стало быть, принять на себя рѣшеніе этого священнаго вопроса наукѣ новаго времени, и проповѣдывать миръ и взаимную солидарность между собою народовъ, доказывая имъ, что интересы ихъ одни и тѣ же, несмотря на кажущееся ихъ противурѣчіе. Истина эта еще рѣзче обнаружится изъ бѣглаго изслѣдованія колониальной системы.

ГЛАВА XXIII.

О слѣдствіяхъ открытія новаго свѣта и о европейской колониальной системѣ въ обѣихъ Индіяхъ.

Выгоды, извлекавшіяся венеціанцами изъ торговли съ Индіей, давно уже возбуждали соревнованіе и зависть другихъ торговыхъ народовъ. Впродолженіи всего пятнадцатаго столѣтія доискивались португальцы морскаго пути въ земли, откуда мавры привозили имъ, сухимъ путемъ, пустынями, слоновую кость и золотой песокъ. Переходя такимъ образомъ изъ гавани въ гавань, вдоль береговъ Африки, Васко-де-Гама достигъ мыса Доброй Надежды, и послѣ одинадцатимѣсячнаго плаванія, открылъ въ 1497 году берега Индостана. Но, еще ранѣе, за пять лѣтъ до него, Христофоръ Колумбъ присталъ къ берегамъ Америки, и подарилъ своему отечеству и всему міру новое полушаріе. Такимъ образомъ, внезапно и неожиданно, Европѣ пришлось броситься на колониальныя завоеванія, которыя должны были оказать такое глубокое вліяніе на ея судьбу.

Принятая ею въ этомъ отношеніи система мало имѣла общаго съ тою, которой слѣдовали въ своихъ колоніяхъ греки

и римляне. Греческія колоніи населялись обыкновенно гражданами, оставившими отечество или вслѣдствіе гражданскихъ смуть, или вслѣдствіе невозможности найти себѣ достаточныя средства для существованія. Мы уже говорили, что эти колоніи пользовались извѣстнаго рода независимостью, и что большая ихъ часть обратилась въ настоящія государства. Римскія колоніи возникали на другихъ основаніяхъ: внутреннее ихъ управленіе, менѣе самостоятельное, чѣмъ въ греческихъ поселеніяхъ, устроивалось по образцу правительства метрополіи, которая смотрѣла на нихъ въ одно и то же время, и какъ на убѣжище для бѣдныхъ или недовольныхъ гражданъ, и какъ на военные передовые посты въ непріятельскую страну. Ничего подобнаго не имѣлось въ побужденіи, вызвавшемъ экспедиціи испанцевъ, и заправлявшемъ съ этихъ поръ всѣми европейскими поселеніями въ обѣихъ Индіяхъ. Только за золотомъ и сокровищами стремились съ такою геройскою настойчивостью Васко-де-Гама и Христофоръ Колумбъ, эти бессмертные искатели приключеній, въ страну, которую одно появленіе ихъ должно было облить кровью и слезами. Достаточно прочесть рассказы о ихъ первыхъ подвигахъ, чтобы убѣдиться, что цѣль ихъ вовсе не состояла въ цивилизаціи, ни даже, хотя они и увѣряли въ этомъ, въ обращеніи туземнаго населенія въ христіанство: она состояла въ грабежѣ, и въ случаѣ нужды, въ его истребленіи.

Когда, по возвращеніи своемъ въ Европу, Христофоръ Колумбъ съ большою торжественностью представленъ былъ Кастильскому двору, то король и королева пріятнѣе всего были поражены золотыми бляхами, браслетами и кусочками золота, представленными вмѣстѣ съ нѣсколькими тюками хлопчатой бумаги, привезенными изъ новооткрытыхъ странъ. Ничего другаго, кромѣ золота, не искали ни Фердинандъ Кортесъ, ни Пизарро, въ своихъ смѣлыхъ экспедиціяхъ въ Мексику и Перу; извѣстно, какъ удивились и обрадовались они при видѣ сокровищъ, которыя предстояло имъ завоевать. Любовь къ золоту влекла этихъ смѣлыхъ авантюристовъ на другой конецъ міра, и дала имъ силы преодолѣть самыя страшныя опасности. Куда ни высаживались они, всюду первымъ

дѣломъ ихъ было освѣдомиться о золотѣ, и если его не оказывалось, или награбить его было не легко, то они отправлялись далѣе. Этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить крайне медленное развитіе испанскихъ колоній. Когда накопленные туземцами золото и серебро истощились, то толпы эмигрантовъ, слѣдовавшіе за завоевателями, употребляли всѣ свои усилія на менѣе всего производительный трудъ — разработку золотыхъ рудниковъ. Только послѣ долгаго и тяжелаго опыта на этомъ рискованномъ пути, убѣдились наконецъ, что почва Америки обладала болѣе существенными и обильными сокровищами, чѣмъ золотые и серебряные рудники.

Но предрасудки, порожденные этой горячешной страстью къ драгоценнымъ металламъ, не исчезли вмѣстѣ съ вызвавшими ихъ причинами. Всѣмъ извѣстны мечты Вальтера Ралея о золотомъ городѣ и странѣ Эльдорадо. Болѣе ста лѣтъ послѣ сэра Вальтера, іезуитъ Гумила все еще вѣрилъ въ существованіе этой чудесной страны, и говорилъ съ увлеченіемъ, какъ бы былъ онъ счастливъ, еслибы могъ отправиться проповѣдывать Евангеліе между народомъ, который можетъ такъ щедро вознаграждать труды благочестивыхъ миссіонеровъ*. Каждый испанецъ, отплывавшій въ Америку, думалъ, что онъ отправляется въ обѣтованную землю. Користволюбіе народа еще болѣе возбуждалось преувеличенными слухами, до вѣрія къ которымъ естественно поддерживалось массою сокровищъ, постоянно прибывавшихъ изъ этихъ чудесныхъ странъ. Мало по малу, весь испанскій народъ привыкалъ къ мысли, что можно обогатиться безъ труда, и сталъ презирать не только занятіе земледѣліемъ, которое могло бы измѣнить весь внѣшній видъ Америки, но и земледѣліе, которое предотвратило бы отъ упадка ихъ собственное отечество. Каждый испанецъ считалъ себя поземельнымъ собственникомъ въ новомъ свѣтѣ, а колониальное законодательство вскорѣ стало подтверждать это печальное заблужденіе. На Америку стали смотрѣть, какъ на національную собственность метрополіи, которая стала предписывать ей самыя тираническіе законы,

* Адамъ Смитъ, *Богатство народовъ*, кн. IV, гл. VII.

оказавшіеся въ послѣдствіи одинаково пагубными для той и другой. Мы уже указали на нѣкоторые изъ нихъ въ бѣгомъ очеркѣ политической экономіи Карла V.

Таково было происхожденіе колониальныхъ предразсудковъ, такъ долго стѣснявшихъ развитіе благосостоянія цѣлаго міра и поразившихъ безплодіемъ открытіе новаго материка. Рабство черной расы, этотъ позоръ цивилизаціи, есть только эпизодъ въ исторіи колоній, и хотя оно все еще продолжаетъ существовать, мы тѣмъ неменѣе надѣемся, что близокъ его послѣдній часъ*. Но есть еще и другія заблужденія, которыя останутся надолго еще неизлечимыми, потому что начало ихъ относится къ первой эпохѣ завоеванія, и они пустили слишкомъ глубокіе корни въ колониальные нравы. Испанцы слишкомъ привыкли къ жизни на чужой счетъ, и между тѣмъ какъ въ Мексикѣ и Перу колонисты безъ всякаго состраданія эксплуатируютъ несчастныхъ туземцевъ, въ то же самое время метрополія столь же безжалостно отнимаетъ у своихъ колонистовъ почти все, что они успѣютъ награть, подъ видомъ различныхъ тарифовъ, десятинъ, alcavala и множества другихъ подобныхъ поборовъ. Эта печальная политическая экономія заразила всю Европу, и породила то промышленное и торговое соперничество, изъ котораго вытекли почти всѣ войны новѣйшаго времени.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разъясненію этихъ печальныхъ событій, необходимо указать въ настоящемъ мѣстѣ на одно изъ любопытнѣйшихъ явленій, доставленныхъ наукѣ открытіемъ новаго стѣта. Когда испанцамъ надоѣло наконецъ разработывать рудники, то они принялись за нѣкоторыя земледѣльческія предпріятія, какъ на примѣръ воздѣлываніе сахарнаго тростнику и хлопчатой бумаги. Очутившись вдругъ на обширныхъ земляхъ, которыя они не въ силахъ были обработывать сами, имъ пришлось платить дорогую задѣль-

* Въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ оно уничтожено наконецъ послѣ страшной и кровопролитной войны между сѣверными и южными штатами. На дняхъ положено основаніе его уничтоженію и въ испанскихъ колоніяхъ, вслѣдствіе революціи, свергнувшей Изабеллу.

ную плату работникамъ, которые вскорѣ сами могли сдѣлаться хозяевами, и, въ свою очередь, щедро вознаграждать за трудъ новыхъ работниковъ, которые тоже вскорѣ богатыли и оставляли ихъ. Щедрое вознагражденіе труда поощряло браки, и вызвало увеличеніе народонаселенія. Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки, мѣнѣе чѣмъ въ полвѣка, число жителей возрасло съ 120,000 до 15,000,000, между тѣмъ какъ испанскія колоніи въ южной Америкѣ, преданныя праздности и раздираемыя гражданскими и религіозными смутами, непрерывно склонялись къ упадку. Даже въ настоящее время, несмотря на свою независимость, онѣ все еще не въ силахъ выйти изъ своего младенческаго состоянія, завѣщаннаго имъ пороками и недалководностью ихъ первыхъ основателей.

Главная ошибка испанской системы заключась въ томъ, что она изолировала отъ остальнаго міра цѣлую часть свѣта, доступные берега которой тянулись болѣе чѣмъ на три тысячи миль. Испанцы слишкомъ скоро забыли, что португальцы, изъ злобы противъ венеціанской монополіи, стали искать счастья въ морскихъ открытіяхъ, и что сами они послали Колумба въ восточную Индію, когда онъ открылъ западную. Само названіе это, приложенное къ такимъ различнымъ странамъ, уже свидѣтельствуетъ о настроеніи умовъ мореплавателей Иберійскаго полуострова. Почему же они такъ рѣшительно уклонились отъ главной мысли, побудившей ихъ къ столькимъ великимъ предпріятіямъ? А потому что, какъ мы уже это видѣли, монополія, изъ противудѣйствія которой испанцы открыли Америку и которую теперь ихъ правительство ввело въ своихъ новыхъ колоніяхъ, была необходимостью воинственной политики Карла V. Всю жизнь свою переходя отъ одного военного предпріятія къ другому, онъ смотрѣлъ на Америку, какъ на золотой рудникъ, который онъ и разрабатывалъ безъ всякаго состраданія, потому что вѣчно нуждался въ деньгахъ. Все его законодательство имѣло одну цѣль—обирать туземцевъ посредствомъ колонистовъ, а колонистовъ—посредствомъ тарифовъ. Несмотря на вѣрность своего взгляда и на свою несомнѣнную опытность,

Карль V никогда не подозрѣвалъ той выгоды, какую бы онъ могъ извлечь изъ своего богатаго завоеванія, еслибы благоразумно пользовался имъ, вмѣсто того, чтобы выжимать изъ него послѣдній сокъ. Его преемники дѣйствительно окончательно убили курицу, несшую золотыя яйца, но онъ первый надрѣзалъ ее внутренности.

Къ несчастію, примѣру испанцевъ слѣдовали въ сношеніяхъ своихъ съ колоніями, всѣ европейскіе народы. Ни одинъ изъ нихъ не думалъ о тѣхъ безграничныхъ выгодахъ, которыя могла бы доставить ему свобода торговли, еслибы онъ вздумалъ взять ее подъ покровительство своего флага. Каждая метрополія считала свою колонию неотъемлемой своей собственностью, такъ что вскорѣ угнетѣніе однихъ народовъ другими готово было занять мѣсто прежняго личнаго рабства. Португальцы, французы, англичане, голландцы, шведы и датчане, всѣ заразились однимъ и тѣмъ же предрасудкомъ, который впослѣдствіи пришлось имъ искупать цѣною неисправимыхъ потерь. Бразилія отдѣлилась отъ Португаліи, Франція потеряла Сен-Доминго, Англія была изгнана изъ Соединенныхъ Штатовъ, за Голландіей осталась только Ява, а за Испаніей — только Куба и Филиппинскіе острова. Нельзя однако сказать, чтобы колониальная система всѣхъ этихъ народовъ была совершенно одинакова. Нѣкоторые изъ нихъ непосредственно управляли своими колоніями, какъ Испанія и Португалія; другія поручали управленіе ими привилегированнымъ компаніямъ, какъ Англія, Франція, Голландія и Данія. Но если и существовали нѣкоторыя отличія въ приѣмахъ такого управленія, то не было никакой разницы въ руководившей ихъ мысли. Всѣ они желали пользоваться своими завоеваніями по примѣру грековъ и римлянъ, и ради достиженія этой цѣли увеличивали число постановленій, стѣсненій, запрещеній, а не рѣдко и число казней. Привилегированныя компаніи пользовались въ колоніяхъ своей монополіей съ самой безпощадной жестокостью. Колонисты обязаны были продавать имъ весь избытокъ своихъ произведеній. Монополія назначала самыя высокія цѣны, когда ей приходилось продавать, и самыя низкія, когда она покупала. Нерѣдко выго-

ды компаній требовали пониженія цѣны колониальныхъ товаровъ и пріостановленія ихъ производства, чтобы поднять на нихъ цѣну въ Европѣ. Это безуміе губило части того и другаго свѣта: извѣстно, что голландцы жгли свои плантаціи пряныхъ растений на Молукскихъ островахъ, чтобы воспрепятствовать своимъ торговымъ соперникамъ воспользоваться ими.

Другіе народы, не давая исключительныхъ привилегій компаніямъ, ограничивали колониальную торговлю какимъ нибудь однимъ портомъ метрополіи, изъ котораго, при томъ, ни одному судну не позволялось выходить иначе, какъ въ опредѣленное время, отправится ли оно одно, или въ сопровожденіи другихъ судовъ, исключая тотъ случай, когда на это давалось особенное позволеніе. Такое стѣсненіе принуждало судовладельцевъ входить въ стачку, и составлять товарищества, чтобы не вредить другъ другу конкуренціей, но колонистамъ отъ этого не было легче: имъ по прежнему приходилось покупать по дорогой цѣнѣ, а продавать по дешевой. Самыя либеральныя метрополіи измѣняли по временамъ колониальныя постановленія, но онѣ никогда не переставали смотрѣть на свои колоніи, какъ на владѣнія, къ которымъ они имѣютъ полное право прилагать исключительное правосудіе. Несмотря на возстанія, служившія протестомъ противъ этихъ стѣсненій, всѣ европейскіе народы до сихъ поръ придерживаются той же системы. Во Франціи, въ Англіи, Голландіи, Испаніи существуетъ для колоній особенное законодательство. Что считается законнымъ въ Европѣ, то становится незаконнымъ въ Азій, Африкѣ и Америкѣ. Рабство негровъ еще болѣе усложняетъ въ новомъ свѣтѣ систему, уже зараженную множествомъ коренныхъ заблужденій. Всѣ притѣсненія, претерпѣваемыя отъ гордой и сильной знати метрополіи, колонисты стали вымещать на этомъ несчастномъ племени; такимъ образомъ, колониальная система сдѣлалась школой, воспитывавшей всю ту безнравственность, которая продолжаетъ позорить торговую и промышленную цивилизацію.

Тлетворный принципъ монополій проникъ даже и въ тѣ учрежденія, надъ которыми метрополія не имѣла права владычества. Въ Японіи, Китаѣ и на нѣкоторыхъ пунктахъ при-

брежья Средиземнаго моря, гдѣ, за неимѣніемъ колоній, пришлось ограничиться дозволеніемъ завести *конторы*, послѣднія отдавались на откупъ привилегированнымъ компаніямъ, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ Англія уничтожила монополію Остъ-Индской компаніи для торговли съ Китаемъ, дозволивъ ее всѣмъ англичанамъ. Въ настоящее время начинаютъ понимать, что вовсе нѣтъ необходимости обладать страной, чтобы завести съ нею выгодныя сношенія. Когда, послѣ американской войны, англійское правительство вынуждено было подписать миръ со своею прежнею колоніей, то въ портахъ Англіи поднялось ужасное волненіе. Городъ Бристоль просилъ парламентъ не соглашаться на этотъ миръ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ погубить британскую торговлю; а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ по заключеніи мира, тотъ же городъ сталъ просить позволенія вырыть новыя доки для своихъ кораблей, число которыхъ удвоилось, вслѣдствіе его торговыхъ сношеній съ Соединенными Штатами. Потерявъ свои возмущившіяся колоніи, Англія избавилась отъ расходовъ, сопряженныхъ съ ихъ управленіемъ и охраненіемъ, а торговля ея расширилась, и получила большее значеніе, чѣмъ на какое она могла разсчитывать при колониальномъ деспотизмѣ. Еслибы у Испаніи достало благоразумія заключить въ надлежащее время миръ съ южно-американскими республиками, и воспользоваться выгодами, представляемыми ей однообразіемъ языка, привычекъ и потребностей обоихъ народовъ, то она не оказалась бы въ настоящее время безъ средствъ, а промышленность ея получила бы часть прежняго своего блеска.

Кто нынче не понимаетъ затрудненій, соединенныхъ съ управленіемъ страны, отстоящей на двѣ тысячи миль, въ духѣ, противурѣчащемъ стремленіямъ ея населенія, и при громадныхъ издержкахъ, неизбѣжно сопровождающихъ всякое далекое предпріятіе. Власть въ такихъ случаяхъ переходитъ по неволѣ въ руки вице-королей, проконсуловъ и губернаторовъ. Правительство метрополіи смотритъ только ихъ глазами, дѣйствуетъ только по ихъ указанію, и перѣдко вводится въ обманъ присылаемыми ими донесеніями. «Незави-

симья колоній, говоритъ Ж. Б. Сей * такъ же худо населяются, какъ и худо управляются. Въ нихъ отправляются не иначе, какъ съ цѣлью вернуться назадъ въ Европу съ хорошо, или худо нажитымъ богатствомъ.» За то, посмотрите, въ какомъ положеніи находится бѣольшая часть колоній, въ настоящее время освободившихся наконецъ, послѣ трехсотлѣтней зависимости. Онѣ долго еще будутъ носить рубцы отъ ранъ, нанесенныхъ имъ тираніей метрополій, и долгое вліяніе губительныхъ экономическихъ принциповъ по крайней мѣрѣ еще на столѣтіе будетъ парализовать всѣ ихъ попытки къ возрожденію. Онѣ испытываютъ на себѣ законъ, управляющій отдѣльнымъ человѣческимъ существованіемъ, счастливымъ при хорошемъ воспитаніи, и несчастнымъ, если воспитаніемъ пренебрегали. Европа свезла въ эти страны привилегіи на всевозможныя злоупотребленія, и пороки самыхъ скверныхъ своихъ правительствъ. Она возобновила въ нихъ рабство въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что во многихъ колоніяхъ черное населеніе даже осилило бѣлую аристократію. Сен-Доминго подалъ сигналъ къ реакціи, которая уже раздается въ Луизианѣ и Бразиліи, и которую неотвратимо должно ускорить уничтоженіе рабства на англійскихъ Антильскихъ островахъ, если только упрямые колонисты не раскроютъ наконецъ себѣ глаза. Если принять во вниманіе ежедневно дѣлаемая открытія ** о внутреннемъ колониальномъ управленіи, то нельзя найти ничего удивительнаго въ жалкомъ положеніи колоній и въ отчаяніи, побудившемъ ихъ къ возстанію. Никогда не совершалось бѣольшаго нарушенія цѣлей Провидѣнія. Никогда столько несчастныхъ угнетенныхъ не молило о болѣе заслуженномъ и о болѣе запоздавшемъ удовлетвореніи.

Какъ бы то ни было, колониальная система поддерживалась во всей своей силѣ, только какъ временное зло, за которое, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, Европа должна была получить самое блистательное вознагражденіе. Привилегіи ни-

* *Cours complet d'Économie politique*, т. I, стр. 629.

** Достаточно указать на сочиненіе, изданное въ 1826 въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: *Noticias secretas de America, por don Jorge Juan y Antonio de Ulloa*.

когда не жаловались компаніямъ на вѣчныя времена, но только возобновлялись, то въ силу законодательныхъ актовъ, какъ въ Англіи, то въ силу королевскихъ указовъ, какъ въ прочихъ странахъ. Никто никогда не осмѣливался сразу провозгласить на вѣчныя времена такую чудовищную систему, хотя бы принятіе ее и оправдывалось, повидимому, требованіями политики и необходимости. Подобно прочимъ монополіямъ, колониальная система могла быть только условною мѣрой, неизбѣжной для поддержанія возникавшихъ колоній, но, съ упроченіемъ ихъ, она непременно должна была пасть. Тѣмъ неменѣе, такъ какъ мало по малу уступки становились все болѣе и болѣе долгосрочными, то онѣ кончили бы тѣмъ, что получили бы характеръ неразрывнаго договора, такъ что такое положеніе дѣлъ существовало бы неопредѣленно долгое время, еслибы ему не оказала своего содѣйствія революція. Уже настоящею революціей было открытіе особенныхъ произведеній, найденныхъ въ новомъ свѣтѣ, или разведенныхъ въ немъ, какъ кошениль, хина, сахаръ, кофе, хлопчатая бумага, какао, индиго, красильное дерево и другія произведенія, которыя хотѣлъ имѣть каждый изъ европейскихъ народовъ, даже цѣною сухопутной и морской контрабанды, или войны. Отсюда родилось новое торговое право, въ высшей степени исключительное, такъ какъ каждый желалъ удержать за собою монополію требовавшихся произведеній, или отнять ее у болѣе счастливаго соперника. Столкновенія въ особенности возникли, когда нѣкоторые изъ европейскихъ государствъ завели колоніи подъ одними и тѣми же градусами широты, и когда стали воздѣлывать въ нихъ произведенія, отличавшіяся огромнымъ сбытомъ. Такъ, на примѣръ, сахаръ начали вывозить въ одно время изъ Сен-Доминго, Ямайки, Кубы и всѣхъ Антильскихъ острововъ, принадлежавшихъ разнымъ державамъ. Кофе развели въ Бразиліи и на Мартиникѣ. Равнины Луизианы, Георгіи и Каролины покрылись хлопчато бумажными плантаціями. Индиго получался одновременно изъ Калькуты, Гватемалы и Каракаса. Индейскій сахаръ соперничалъ съ американскимъ, какъ въ настоящее время обоимъ имъ угрожаетъ свекловичный. Золотые рудники были истощены, но у Аме-

рики оставались болѣе драгоцѣнныя сокровища, единственныя, которыми метрополи не умѣли пользоваться.

Главная ошибка европейцевъ заключалась въ томъ, что они старались извлекать выгоды, доставляемыя скорѣе дороговизной колониальныхъ произведеній или ихъ монополіей, нежели ихъ изобиліемъ. Въ началѣ, государства, которымъ удалось прибыть въ страну ранѣе, всячески старались не допустить въ нее соперниковъ: они пытались даже скрыть дорогу въ Индію, подобно тому, какъ скупцы прячутъ свое сокровище; но, когда этотъ путь сдѣлался разъ извѣстнымъ, то они старались запретить приставать къ своимъ владѣніямъ иностранцамъ, а когда, несмотря на угрозы и насилія, пришлось допустить соперничество, то они повели съ ними войну тарифами, создавъ такимъ образомъ различія между произведеніями одной и той же почвы. Сахаръ и кофе цѣнились не одинаково, смотря по тому, привозились ли они на иностранныхъ, или на собственныхъ своихъ судахъ. Американскія колоніи не смѣли потреблять иного хлѣба, кромѣ европейскаго, и въ случаѣ замедленія подвозовъ, подвергались опасности умереть съ голоду. Все это нелѣпое законодательство существуетъ до настоящаго времени *. Англія подтвердила его знаменитымъ *актомъ о мореплаваніи*; Франція — всѣми своими таможенными законами, а Испанія — уваженіемъ къ собственному своему изобрѣтенію. Часто два острова, раздѣленные проливомъ, на нѣсколько часовъ плаванія, были чужды одинъ другому, какъ будто бы ихъ раздѣлялъ весь Атлантическій Океанъ въ полторы тысячи миль шириною. Мы до сихъ поръ еще жертвуемъ какимъ нибудь двумъ или тремъ островамъ, уступающимъ по своему народонаселенію одному департаменту, общими выгодами всей національной торговли. Система, принятая первыми колонистами, въ сущности, доставила намъ только торговлю неграми, таможенныя войны, морскіе, громадныя расходы на содержаніе флотовъ, даже въ мирное время, и необходимость дорого платить за товары, которые Европа могла бы покупать весьма дешево, еслибы

* См. примѣчаніе франц. изд. къ XXIX главѣ.

на благосостояніе колоній она употребляла хоть десятую часть сокровищъ, растрачиваемыхъ ею для ихъ разоренія. Со временемъ, потомки наши съ трудомъ поймутъ, что эта система могла просуществовать такъ долго, и что европейскіе народы могли вынести такія пожертвованія для поддержанія порядка вещей, столь противоположнаго ихъ дѣйствительнымъ интересамъ. Для объясненія этого явленія приводили, что исключительныя привилегіи, удаленіемъ конкуренціи, предохраняли себя отъ опасностей, болѣе или менѣе угрожающихъ торговлѣ съ независимыми народами; но и помимо несомнѣнныхъ выгодъ, доставляемыхъ конкуренціей, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что монополія должна ограничить свои дѣйствія только небольшими колоніями, которыя удобнѣе можно охранять. Всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи въ настоящее время не достало бы для огражденія береговъ Сѣверо-американскаго союза отъ контрабанды, еслибы ей принадлежала вся страна и еслибы контрабанда была выгоднымъ занятіемъ. Самыя строгія постановленія испанскаго правительства, тучи его таможенныхъ чиновниковъ и береговой стражи не могли воспрепятствовать южной Америкѣ наводняться европейскими товарами. Столь же несправедливо мнѣніе, что только благодаря запретительной системѣ, метрополіи могутъ правильно снабжать себя колониальными товарами. Пруссія, Австрія, Саксонія, Швейцарія, Баварія и всѣ государства, неимѣющія владѣній по ту сторону Атлантическаго океана, никогда не терпѣли недостатка въ сахарѣ, кофе или хлопчатой бумагѣ; напротивъ того, товары эти продавались въ нихъ всегда дешевле, нежели въ государствахъ, имѣвшихъ заморскія колоніи. Не зная монополій и не имѣя притязаній на нихъ, эти государства обращаются съ своими требованіями туда, гдѣ они могутъ получить необходимое на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и опытъ показалъ, что они всегда получали колониальные товары по болѣе сходнымъ цѣнамъ, чѣмъ морскія державы.

Говоря вообще, въ результатѣ, колониальная система породила только убытки и потери, какъ для монополистовъ, такъ и для того населенія, которое эксплуатировалось ими,

а колониальная торговля была для обѣихъ сторонъ источникомъ однихъ только притѣсненій и обѣднѣнія. Собственною своею кровью заплатили европейскіе народы за честь основанія колоній въ обѣихъ Индіяхъ. Эти колоніи, для внимательнаго наблюдателя, суть какъ бы дѣти, воспитаніе которыхъ дорого обошлось ихъ родителямъ до того времени, пока первые не достигли зрѣлаго возраста и не стали на ноги. Признательность привязываетъ ихъ иногда къ своимъ родителямъ; но чаще послѣдніе получаютъ поводъ жаловаться на ихъ равнодушіе и неблагодарность: тѣмъ не менѣе, безумно было бы думать, что съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, не наступитъ ихъ независимость, и что по прошествіи трехсотилѣтней опеки, не наступилъ еще этотъ возрастъ для всѣхъ колоній. Длительное дѣтство — это значитъ продолжать кормить людей, которые могутъ существовать сами, или притѣснять гражданъ, достойныхъ жить на свободѣ. Въ настоящее время когда всѣ химеры о значеніи золота и серебра исчезли, и когда послѣднія попытки обработки американскихъ рудниковъ такъ мало оправдали общія ожиданія, въ иныхъ источникахъ приходится искать богатства. Но прежде подробнаго ихъ исчисленія, намъ необходимо обратиться назадъ, и представить въ бѣгломъ очеркѣ перевороты въ монетной системѣ, случившіеся какъ до открытія новаго свѣта, такъ и послѣ него.

ГЛАВА XXIV.

Монетныя системы, господствовавшія въ Европѣ съ древнихъ временъ до открытія рудниковъ Америки. — Экономическія слѣдствія этого открытія. — Обозрѣніе сочиненій, имѣвшихъ своимъ предметомъ монету.

Древніе не хуже новыхъ народовъ понимали дѣйствительное назначеніе денегъ. Аристотель сказалъ о нихъ: «деньги есть товаръ — посредникъ для облегченія обмѣна между другими двумя товарами.» Ксенофонтъ * выражается съ немень-

* Въ *Опытъ о доходахъ Аттики.*

шею точностью: «Въ большей части другихъ городовъ, говоритъ онъ, имѣя въ виду Афины, купцу необходимо принимать товары взамѣнъ тѣхъ, которые онъ самъ привозитъ, потому что употребляемая тамъ деньги не имѣютъ обращенія внѣ его; у насъ же, напротивъ того, иностранному купцу представляется та выгода, что онъ находитъ множество предметовъ, которые всюду требуются, и, сверхъ того, если онъ не желаетъ грузить свой корабль товарами, то онъ можетъ получить за привезенные чистыя деньги, которыя изъ всѣхъ предметовъ торговли суть самый вѣрный и удобный, потому что онѣ принимаются во всѣхъ странахъ, и сверхъ того, доставляютъ еще особую выгоду своему хозяину, когда онъ захочетъ сбыть ихъ.»

Роль монеты не измѣнилась со времени Ксенофонта и Аристотеля; деньги остались посредствующимъ товаромъ между другими товарами для облегченія ихъ обмѣна. Но отчего же ихъ исторія, которая, повидимому, должна была бы быть самою простою, есть именно самая сложная и самая трудная въ лѣтописяхъ политической экономіи? Отчего каждый народъ имѣлъ свою собственную монету, вмѣсто того, чтобы всѣмъ сообща избрать одну, общую? Въ особенности же, почему каждая эпоха испытала свой денежный переворотъ, то есть, измѣненіе въ цѣнности, внѣшнемъ видѣ, вѣсѣ и пробѣ этого главнаго элемента обращенія, именно того, который, въ особенности, долженъ быть неизмѣннымъ? Почему, наконецъ, на рынкахъ всего міра, мы встрѣчаемъ попеременно, то хорошія, то худыя деньги, однѣ—почти изъ чистаго металла, другія—почти изъ одной лигатуры? Ясный и всесторонній отвѣтъ на всѣ эти вопросы потребовалъ бы нѣсколькихъ томовъ, и эти томы существуютъ; вотъ почему я ограничусь указаніемъ только на важнѣйшія стороны этого предмета, чтобы не входить въ подробности, несоотвѣтствующія размѣрамъ настоящаго сочиненія.

Вопросъ о монетѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые болѣе всего запутаны въ новѣйшее время; въ немъ царитъ такое же смѣшеніе, какъ въ языкахъ, а трезвое, простое воззрѣніе древнихъ уступило мѣсто такимъ запутаннымъ со-

ображеніямъ, что утрачена всякая надежда вернуться къ нему, даже еслибы вся Европа рѣшилась вступить въ соглашеніе по этому вопросу. Поставимъ нѣсколько принциповъ, которые служили бы руководительною нитью въ нашемъ изслѣдованіи. Существенное свойство монеты заключается въ томъ, что она сохраняетъ свою цѣнность съ той минуты, въ которую мы ее получаемъ, до той, въ которую отдаемъ; въ противномъ случаѣ, обмѣнивая то, что мы продаемъ, на то, что покупаемъ, мы не получили бы товара, по цѣнности равнаго тому, который сами отдали. Другое свойство монеты состоитъ въ томъ, что цѣнность ея измѣряется, какъ и цѣнность всякаго другаго предмета, количествомъ вещей, которыя мы получаемъ въ обмѣнъ за нее; если, на примѣръ, за унцію золота даютъ въ пятнадцать разъ болѣе хлѣба, или какого нибудь другаго товара, чѣмъ за унцію серебра, то изъ этого мы можемъ заключить, что золото, при равномъ вѣсѣ, въ пятнадцать разъ дороже серебра. Уже этого достаточно, чтобы увидѣть все безуміе попытокъ, предпринимавшихся въ различное время для искаженія монеты, то есть, насильственнаго приданія ей той цѣнности, которой она не имѣла. По мѣрѣ того, какъ искажалась монета, цѣна товаровъ возвышалась, потому что никто не соглашался давать прежнее количество товаровъ за монету, цѣнность которой уменьшилась. Вотъ почему необходимо было прибѣгать къ таксамъ, всякій разъ какъ хотѣли извлечь какіе нибудь выгоды отъ такого грабительства. Когда при Людовикѣ XIV, экую вѣсомъ въ унцію, были превращены въ экую въ пол-унціи, то на нихъ можно было купить только тридцать фунтовъ пшеницы, вмѣсто прежнихъ шестидесяти. Во всѣ другія эпохи французской исторіи, гораздо ранѣе и гораздо позже Людовика XIV, тѣ же причины производили тѣ же слѣдствія.

Всѣ, болѣе или менѣе мошенническія мѣры, которыми искажалась цѣнность денегъ съ древнихъ временъ до нашихъ дней, основывались на заблужденіи правительствъ, распространенномъ до настоящаго времени, вслѣдствіе котораго предполагаютъ, что монета обладаетъ свойствомъ неизмѣнности, которой она вовсе не имѣетъ. Весьма ошибочно ду-

мають, что монетная единица, какъ мѣра цѣнностей, сама сама по себѣ имѣетъ одну и ту же цѣнность, и что если за какой либо товаръ платять, то дороже, то дешевле, то при этомъ измѣняется не цѣнность денегъ, а цѣнность товара. Это заблужденіе служило оправданіемъ алчности многихъ государей, которыхъ безразсудно увѣряли, что отъ нихъ самихъ зависитъ удвоить свои средства, объявивъ только, что сто тысячъ экю стоятъ шестьсотъ тысячъ франковъ, какъ будто они завтра же не будутъ наказаны за этотъ обманъ повышеніемъ цѣны всѣхъ товаровъ и необходимостью удвоить налоги, чтобы покрыть свои расходы. Вотъ почему въ настоящее время слѣдуетъ отказаться отъ точнаго сравненія дохода, доставляемаго извѣстнымъ промысломъ въ отдаленную отъ насъ эпоху, съ доходомъ этого же самаго промысла въ наше время, потому, что общей мѣры для цѣнностей разныхъ временъ, подобно метру для измѣненія длины, и литру для измѣренія емкости, вовсе не имѣется.

Но, несмотря на эти колебанія въ цѣнности денегъ, всѣ народы прибѣгали къ нимъ для облегченія обмѣна. Лакедемонцы употребляли желѣзную монету, римляне, въ первыя времена республики, мѣдную. Для той же цѣли употреблялись въ различныхъ странахъ раковины, гвозди, зерна какао, куски кожи; тѣмъ не менѣе, съ самой глубокой древности золото и серебро считались по преимуществу удобнымъ матерьяломъ для приготовленія изъ него денегъ. неизмѣнный и однородный составъ этихъ металловъ, ихъ крайняя дѣлимость, ихъ природная чистота, одинаковая во всѣхъ странахъ, ихъ прочность отъ присоединенія къ нимъ небольшого количества смѣси, а можетъ быть также и блескъ ихъ, достаточно объясняютъ то предпочтеніе, которое имъ оказывали во всѣ времена и между всѣми народами. Вотъ почему также, говоря о деньгахъ вообще, всегда подразумѣваютъ золотую и серебряную монету, а первый историческій фактъ, въ особенности заслуживающій вниманія, состоитъ въ опредѣленіи количества такой монеты, находившейся въ обращеніи въ различныя историческія эпохи. Всякому понятны выгоды, представляемыя такимъ посредникомъ мѣны, всю-

ду распространеннымъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, всюду требующимся и всюду принимаемымъ, между тѣмъ какъ при простомъ обмѣнѣ товара на товаръ, торговля никогда не вышла бы изъ младенческаго состоянія. Къ несчастію, самая интересная сторона этого вопроса именно менѣе всего извѣстна. Мы не можемъ сказать навѣрное, сколько денегъ находится въ обращеніи въ настоящее время даже въ нашей странѣ, хотя въ ней ведется точный счетъ всей, ежегодно чеканящейся монеты за многіе годы; но намъ неизвѣстно, ни количество переплавляемой и вывозящейся монеты, ни количество монеты стараго чекана, находящейся въ обращеніи. Мѣдная размѣнная монета, пережившая всѣ перечеканки и всѣ преобразованія, тоже представляетъ неизвѣстную часть монетнаго богатства, какъ нашей страны, такъ и прочихъ народовъ. «Я встрѣчалъ, говоритъ Ж. Б. Сэй, въ провинціи монеты, обращающіяся съ тѣхъ поръ, какъ мы были подъ владычествомъ римскихъ императоровъ. Онѣ ходятъ по ліарду, по два ліарда, по су и по два су, съ изображеніемъ бывшихъ повелителей міра.

Быстрое увеличеніе количества векселей, банковыхъ билетовъ, бумажныхъ денегъ съ насильственнымъ курсомъ, и вообще всякихъ торговыхъ бумагъ, тоже препятствуетъ точному опредѣленію количества обращающихся денегъ. Да и нѣтъ особенной необходимости знать это въ точности, чтобы извлечь изъ этихъ фактовъ практически полезныя слѣдствія. Главное состоитъ въ томъ, чтобы знать, какими признаками обнаруживается изобиліе или скудость денегъ, ибо эти признаки нерѣдко бываютъ обманчивы. Такимъ образомъ, въ странѣ, отличающейся большою торговой дѣятельностью, монета находится въ постоянномъ обращеніи, и для удовлетворенія всѣхъ потребностей мѣны, требуется меньшее ея количество, чѣмъ это показалось бы на первый взглядъ*;

* Извѣстно, что въ Лондонѣ существуетъ особое учрежденіе, слышущее подъ названіемъ *Clearing house*, куда ежедневно являются прикащики разныхъ торговыхъ домовъ сводить счета своихъ хозяевъ посредствомъ простаго обмѣна ихъ векселей, и только недостающая сумма до полного расчета, если она незначительна, уплачивается на-

между тѣмъ какъ въ странѣ, изобилующей деньгами, но торговля сдѣлки которой ничтожны, кажется, что денегъ мало, потому что ихъ нѣтъ въ обращеніи. По мѣрѣ увеличенія общественнаго довольства, часть драгоцѣнныхъ металловъ начинаетъ употребляться на золотыя и серебряныя издѣлія, и перестаетъ исполнять назначеніе монеты. Въ другихъ случаяхъ, цѣнность денегъ падаетъ вслѣдствіе ихъ излишка; и многіе рудники приостанавливаютъ свою разработку, пока разработка эта снова не начнетъ окупаться. При изученіи вопросовъ о монетѣ, необходимо принимать въ соображеніе всѣ эти колебанія, а точныя свѣдѣнія о количествѣ денегъ, обращающихся въ извѣстное время въ данной странѣ совершенно бесполезно въ этомъ отношеніи. Никто не станетъ сомнѣваться, что въ римской имперіи, въ лучшіе ея годы, когда государственный доходъ ея простирался до миллиарда, обращалась огромная масса денегъ, а между тѣмъ, промышленности въ ней вовсе не существовало. Деньги приходили грабежемъ *, а уходили расточительностью.

личными деньгами. Такимъ образомъ, нѣсколькихъ тысячъ франковъ оказывается достаточно для окончанія сдѣлокъ, простирающихся до нѣсколькихъ миліоновъ.

Прим. автора.

* Это подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ изъ *Фарсалии* Лукана, по поводу ограбленія Юліемъ Цезаремъ сокровищъ, отданныхъ на сохраненіе въ храмъ Сатурна:

«Тогда Тарпейская скала оглашается гуломъ, и великимъ скрипомъ возвѣщается, что раскрылись двери: тутъ то исторгаются даже изъ храма хранящіяся въ немъ и съ давнихъ поръ неприкосновенныя сокровища римскаго народа, доставленныя пуническими войнами, послѣднимъ царемъ македонскимъ, Персеемъ, добычей побѣжденнаго Филиппа; исторгается, о Римъ, и то, что въ тревожномъ бѣгствѣ оставилъ тебѣ народъ; и то золото, за которое не продалъ тебя царю Фабрицій; и то, что только сберегли, вы, нравы бережливыхъ предковъ; и то, что прислано было, какъ дань, богатыми народами Азіи, и что далъ Критъ побѣдившему его Метеллу; и то, что привезъ чрезъ отдаленныя моря изъ Кипра Катонъ. Тогда вытаскиваются богатства востока и послѣдняя сокровищница плѣнныхъ царей, которая несласьъ впереди помпейскихъ трофеевъ: мрачною хищностью разграбляются храмы; и тогда Римъ впервые становится бѣднѣе Цезаря.»

Прим. автора.

Ничтожнымъ доходомъ, получавшимся римлянами отъ рудниковъ, они обязаны были, подобно грекамъ, труду рабовъ, да они, кажется, и не придавали ему особеннаго значенія, даже когда разработка рудниковъ стала отдаваться на откупъ, и обратилась въ доходъ императоровъ. Но умноженіе количества обращающейся звонкой монеты уже замѣтно было по чрезвычайной цѣнѣ, уже во времена Цицерона, множества предметовъ самаго обыкновеннаго потребленія. Позже, императорская алчность, перешедши всякія границы, обязала гражданъ работать въ рудникахъ, въ вилахъ общественной пользы, на подобіе средневѣковой *барщины* *, и эта мѣра сопровождалась такими строгостями, что при императорѣ Валентѣ цѣлые легіоны рудокоповъ присоединились къ готамъ, вторгнувшимся въ Дакию. Какъ бы то ни было, огромные капиталы, сосредоточенные въ рукахъ римской аристократіи, имѣли свое вліяніе на общее развитіе благосостоянія имперіи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣольшая часть возникшихъ въ то время, какъ бы волшебствомъ, городовъ по всей римской территоріи, благосостояніемъ своимъ обязана была этому обстоятельству. Тиверій ** былъ настолько богатъ, что могъ роздать, въ видѣ пособій потерпѣвшимъ отъ пожара, около двадцати миліоновъ франковъ на наши деньги. Адрианъ издержалъ около восьмидесяти миліоновъ на подарки, чтобы упрочить свой престолъ за Коммодомъ, а императоръ Северъ роздалъ, при своемъ возшествіи на престолъ, около тридцати пяти миліоновъ франковъ въ видѣ наградъ.

Одно обстоятельство, однако, можетъ поколебать вѣру въ чудесные рассказы историковъ о несмѣтныхъ богатствахъ римлянъ; а именно, подъ развалинами Геркуланума и Помпеи не было найдено ничего, что подтверждало бы эти преувеличенные рассказы. Почти вся найденная утварь сдѣлана изъ желѣза или бронзы, даже такія вещи, которыя у насъ приготовляются обыкновенно изъ серебра; а, между тѣмъ, судя по роскоши стѣнной живописи, мебели, статуй,

* Jacob, *On precious metals*, т. I, стр. 174.

** Светоній, *Жизнь Тиверія*, гл. XX.

очевидно, что отрытые дома принадлежали весьма богатым семействамъ. Существовала ли тогда дѣйствительно между монетою и самимъ металломъ такая большая разница, что было выгодно превращать послѣдній въ деньги; или, вообще, металлическія богатства римлянъ были вовсе не такъ велики, какъ обыкновенно думаютъ? Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что эти богатства были весьма значительны, ибо достаточно было перенесенія столицы имперіи въ Константинополь, чтобы весьма замѣтнымъ образомъ уменьшилось богатство на западѣ. Капиталы переселились вмѣстѣ съ патриціанскими семействами и съ ихъ арміями рабовъ, а Италія, считавшаяся римскимъ садомъ, увидѣла свои виллы оставленными ради босфорскихъ пустынь. Жакобъ издалъ по этому вопросу изслѣдованіе о паденіи монетной системы въ Римѣ со временъ Августа до конца пятого вѣка; изъ этого изслѣдованія явствуется, что количество монеты уменьшилось, отъ первыхъ дней нашей эры до 482, съ девяти до двухъ миллиардовъ франковъ *. Въ то время только что началось движеніе монеты съ запада на востокъ, которое продолжается до настоящаго времени, и которое никогда не прекращалось **.

Съ 482 года до конца девятаго столѣтія, количество звонкой монеты съ двухъ миллиардовъ уменьшилось до миллиарда, и даже до 825 миліоновъ франковъ, по вычисленію Жакоба. Съ появленіемъ магометанъ, всѣ работы въ рудникахъ рѣшительно остановились. Впрочемъ, едвали и можно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ металлическаго богатства Европы въ эпоху страшныхъ неустройствъ, сопровож-

* Въ *Исторіи драгоцѣнныхъ металловъ* того же автора мы находимъ цѣны почти четырехсотъ предметовъ потребленія времени Діоклетіана (301), собранныя Весковали и Вильямомъ Бэнксомъ. Этотъ документъ содержитъ въ себѣ весьма важныя подробности для изученія вопроса о деньгахъ и цѣнахъ. Прим. автора.

** Для основательнаго изученія вопроса о постепенномъ паденіи цѣнности монеты, отсылаемъ къ прекрасному сочиненію Лебера: *Essai sur l'appréciation de la fortune privée du moyen âge*, 1847, изд. Гильомена. Франц. изд.

давшихъ вторженіе варваровъ. Цѣны падали все болѣе и болѣе, то вслѣдствіе крѣпостнаго права, вынуждавшаго къ даровому труду великое множество людей, получающихъ нынѣ задѣльную плату, то вслѣдствіе постепенно увеличивавшейся рѣдкости денегъ. О богатыхъ рудникахъ Австріи, Венгріи, Богеміи, Саксоніи и Тироля не было болѣе и рѣчи. Подати, которыя нынѣ выплачиваются деньгами, доставлялись тогда натурой. Мы уже видѣли, что Карлъ Великій съ чисто мѣщанской заботливостью наблюдалъ за управленіемъ своихъ помѣстій, и что болѣшая часть его дохода состояла изъ естественныхъ произведеній, доставлявшихся ему его фермерами. Потребленіе простаго народа было крайне ограничено, а если онъ и покупалъ что на деньги, то развѣ одни только съѣстные припасы.

Понятно, что немного нужно было золота или серебра, чтобы купить на лиардъ * хлѣба или пучекъ зелени, наибольшая цѣна котораго рѣдко доходила до одного су. Такимъ образомъ объясняется то громадное количество мелкой монеты, которое обращалось въ тѣ скудныя времена; золотая и серебряная монета была весьма рѣдка, а величина ея съ каждымъ царствованіемъ все болѣе и болѣе уменьшалась, пока она не стала приготовляться наконецъ толщиной въ листъ бумаги. А потому, счастливые обладатели драгоценныхъ металловъ были предметомъ всеобщаго ласкательства и зависти, примѣромъ которыхъ могутъ служить евреи, съ экономической стороны существованія которыхъ и съ преслѣдованіями мы уже познакомились выше. Дворяне и крестьяне одинаково заискивали ихъ расположенія, въ особенностяхъ первые, болѣе избалованные наслажденіями, и неостанавливавшіеся ни передъ какими униженіями, чтобы только добыть денегъ, даже предъ подарками женамъ этихъ проклятыхъ еретиковъ **.

Драгоценныя металлы преимущественно употреблялись при

* Мелкая монета, сначала серебряная, потомъ мѣдная равнялась 5 денье или четвертой доли су. Рус. перев.

** Agobardus, *De Insolentiâ, Iudaeorum*, стр. 143.

богослуженіи, въ церквахъ, въ которыхъ бросались въ глаза великолѣпныя сосуды, огромныя канделябры, лампы, перила, золотыя и серебряныя статуи. Облаченія священниковъ тоже не мало поглощали драгоцѣнныхъ металловъ; такъ что, въ сущности, для приготовленія новой и для возобновленія старой монеты, оставалось незначительное ихъ количество. Монета чеканилась тогда весьма плохо, а если судить по золотымъ и серебрянымъ издѣліямъ, современнымъ тогдашнему унадку монетнаго производства, то можно сказать, что золото и серебро не имѣли инаго назначенія, кромѣ приготовленія изъ нихъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ и священныхъ сосудовъ. Извѣстно, что святой Элуа былъ знаменитымъ серебрянникомъ во времена короля Дагоберта, какъ Аланъ Вальсингамъ славился тѣмъ же искусствомъ въ средніе вѣка между англичанами, а знаменитый Бенвенуто Челлини, въ болѣе близкую къ намъ эпоху, въ Италіи. Когда Ричардъ попалъ въ плѣнъ въ Германіи *, Людовикъ Святой—въ Египтѣ, а король Іоаннъ—въ Англій **, то для выкупа ихъ потребовалось забрать священную утварь и драгоцѣнности у церквей и дворянства. Англійскіе историки саксонской эпохи часто упоминаютъ о *живой монетѣ (living money)*, которая дозволялась закономъ и состояла изъ *рабовъ и скота (cattle)*, которыми и уплачивалось за всѣ товары, находившіеся въ обра-

* Историки полагаютъ, что выкупъ Ричарда обошелся до пяти миліоновъ франковъ на наши деньги. Почти всѣ металлическія богатства бароновъ и церквей употреблены были на это дѣло.

Прим. автора.

** Выкупъ короля Іоанна обошелся болѣе чѣмъ въ тридцать миліоновъ франковъ. Сначала должно было уплатить только пятую часть, но она оказалась такъ велика, что собрать ее было невозможно безъ содѣйствія евреевъ, которымъ обезпечены были нѣкоторыя привилегіи. Преемникъ Іоанна былъ такъ бѣденъ, что для покрытія личныхъ своихъ издержекъ принужденъ былъ отчеканить свинцовую монету, слегка посеребренную. Хотя срокъ уплаты выкупа за Іоанна постепенно откладывался, но тѣмъ не менѣе, Франція не уплатила еще послѣдней пятой части выкупа, даже сорокъ лѣтъ послѣ заключенія мира, когда возгорѣлась новая война съ Англійей.

Прим. автора.

щеніи. Впослѣдствіи, по мѣрѣ появленія металлическихъ денегъ, живая монета выходила изъ употребленія, и допускалась только для уплаты недостающей части до всей суммы, какъ теперь мелкая монета, но въ такомъ случаѣ лошадьми, быками, коровами, баранами и рабами можно было платить только по взаимному соглашенію. Только казенныя взысканія и церковныя пени служили исключеніемъ изъ этого правила, и уплачивались по желанію, какъ деньгами, такъ и *живыми существами*. Надо, впрочемъ, отдать справедливость церкви, которая, въ видахъ прекращенія торговли рабами, отказалась наконецъ принимать ихъ въ уплату долга. Въ исторіи Англій доктора Генри приведено нѣсколько любопытныхъ оцѣнокъ на наши деньги этой живой монеты. По его вычисленіямъ, рабъ стоилъ, въ 997 году, около 70 франковъ, лошадь—45 фр., корова—8 фр., баранъ—полтора франка. По счетамъ, сохранившимся въ Страсбургскомъ соборѣ, поденная задѣльная плата каменщиковъ, строившихъ эту церковь, составляла отъ 3 до 4 сантимовъ на теперешнія деньги (1 или 2 *пфенига*).

Въ царствованіе Карла Великаго серебряный фунтъ (ливръ) состоялъ изъ двѣнадцати унцій металла, и дѣлился на двѣнадцать су, въ каждомъ по двѣнадцать денъе, а денъе соотвѣтствовало приблизительно 6 су нынѣшней монеты. Хлѣбъ, въ 4 фунта вѣсомъ, продавался менѣе 5 сантимовъ, что можетъ дать довольно вѣрное понятіе о небольшомъ количествѣ монеты, находившейся тогда въ обращеніи. Мало по малу, ливръ Карла Великаго упалъ въ цѣнѣ съ 80 на 10 франковъ, вслѣдствіе постепеннаго искаженія монеты въ царствованіе короля Іоанна. Крестовые походы вернули на западъ часть драгоцѣнныхъ металловъ, постоянно отливавшихся на востокъ. Взятіе Константинополя крестоносцами доставило имъ огромныя металлическія богатства. По словамъ Гиббона, императоръ Алексѣй передалъ одному маркизу Монсерратскому 1,600 фунтовъ золота. Тѣмъ неменѣе, есть основаніе думать, что въ первое время существованія Іерусалимскаго королевства доходовъ его не хватало на содержаніе правительства, и что Европа ежегодно посылала значительныя суммы

для его поддержанія. Всѣ эти обстоятельства весьма затрудняютъ вѣрное опредѣленіе количества звонкой монеты, обращавшейся въ эту эпоху въ Европѣ. Все, что мы можемъ сказать, это—что по прекращеніи толчка, даннаго передвиженіями крестоносцевъ и продовольствія, отправлявшагося въ святую землю, дѣла приняли свой прежній видъ, а количество денегъ по прежнему все уменьшалось, во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Открытіе рудниковъ новаго свѣта разомъ остановило это уменьшеніе. Масса драгоцѣнныхъ металловъ, пущенныхъ въ обращеніе этими рудниками, доставила въ нѣсколько лѣтъ въ двѣнадцать разъ больше той суммы, которая существовала до этого времени, въ особенности, послѣ открытія, въ 1545, потозійскихъ рудниковъ, самыхъ обильныхъ. Цѣны начали быстро возрастать, а среднее производство рудниковъ, съ 1546 по 1600 годъ, можно опредѣлить въ 60 миліоновъ франковъ ежегодно. Съ 1600 по 1700 производство это достигло почти до 80 миліоновъ въ годъ, а съ 1750 до 1800 года, ежегодно вывозилось изъ Америки въ Европу монеты болѣе чѣмъ на 180 миліоновъ франковъ. Но самый значительный ввозъ монеты былъ съ 1800 по 1810, ибо, на основаніи лучшихъ авторовъ, онъ простирался до 250 миліоновъ франковъ въ годъ. Съ перваго взгляда кажется, что такое быстрое увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ должно было соотвѣтственно возвысить всѣ цѣны, и разомъ измѣнить условія заработной платы; но, на самомъ дѣлѣ, этого не случилось. Успѣхи промышленности, современные открытію американскихъ рудниковъ, потребовали большаго количества звонкой монеты, и именно, во столько разъ больше, во сколько цѣнность ея понижалась, вслѣдствіе самого ея изобилія. Распространившееся всюду довольство позволило многимъ людямъ обратить свои сбереженія на покупку золотой и серебряной утвари. Открытіе мыса Доброй Надежды, указавъ прямыя сообщенія съ азіатскимъ материкомъ, привыкшимъ ко ввозу золота и серебра, помѣшало этому монетному перевороту оказать полное свое дѣйствіе на цѣны, дѣйствіе, которое, безъ этого отвлеченія, могло бы причи-

нить большой вредъ Европѣ. Такимъ образомъ, съ самимъ увеличеніемъ количества звонкой монеты, потребность въ ней ощущалась все болѣе и болѣе; торговыя сношенія, бывшія до того времени очень трудными, или даже вовсе невозможными, стали употреблять теперь звонкую монету въ болѣе значительномъ количествѣ, и не допускали понижаться ея цѣны въ той пропорціи, въ какой увеличивалось ея количество. Экономисты не согласны на счетъ увеличенія цѣны товаровъ, вслѣдствіе пониженія цѣнности денегъ. Ад. Смитъ * полагаетъ, что цѣна товаровъ увеличилась втрое, между тѣмъ какъ маркизъ Гарнье ** думаетъ, что она увеличилась въ два раза больше. По замѣчательному совпаденію обстоятельствъ, бѣольшая часть государей избрала именно это переходное время для искусственнаго возвышенія цѣнности денегъ. Во Франціи королевскими указами нарицательная цѣна серебряной марки была назначена въ 16 и 18 ливровъ, вмѣсто 8 и 10, какъ это было въ началѣ этого вѣка. Слѣдствіемъ обѣихъ этихъ причинъ, дѣйствовавшихъ разомъ на номинальную цѣну всѣхъ предметовъ общаго потребленія, было повышеніе ихъ цѣны, вслѣдствіе чего они оказались въ десять и двѣнадцать разъ дороже противъ прежняго. Никто не могъ объяснить этого торговаго явленія, о которомъ была подана Екатеринѣ Медичи записка, напечатанная въ 1586, въ Бордо, подъ заглавіемъ: *«Речь о чрезвычайной дороговизнѣ, поднесенная королеви, матери короля, однимъ изъ ея вѣрноподданныхъ»*. Въ ней авторъ съ большою подробностью разсматриваетъ цѣны хлѣба, мяса, плодовъ, овощей, сѣна и другихъ предметовъ ежедневнаго потребленія, а также величину заработной платы, жалованья, поденщины, зимою и лѣтомъ, какими онѣ были за шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ, и замѣчаетъ, что въ его время бѣольшая часть этихъ цѣнъ увеличилась въ десять и двѣнадцать разъ. Что же касается до недвижимой собственности, говоритъ онъ, то

* *Богатство народовъ*, кн. I, гл. V.

** *Примѣч.* къ переводу Адама Смита, кн. I, гл. XI, стр. 367, рус. изд.

стоитъ только взглянуть на дома, помѣстья, вотчины, пахатныя земли, луга, виноградники и другія имущества, въ которыхъ не было произведено никакихъ улучшеній, и между тѣмъ они продаются въ настоящее время въ шесть разъ дороже противъ прежняго *.

Это увеличеніе цѣнъ обнаруживается во всѣхъ европейскихъ странахъ, по мѣрѣ того какъ расходилось по нимъ золото и серебро новаго свѣта черезъ посредство испанцевъ. Въ сочиненіи *Тайна финансовъ* (*Secret des finances*), приписываемомъ Фроманто, мы находимъ, что съ конца царствованія Людовика XII по 1581 годъ, когда напечатана была эта книга, то есть, въ семидесятилѣтній періодъ, всѣ налоги Франціи увеличились болѣе чѣмъ въ пять разъ; такое же увеличеніе налоговъ произошло и въ прочихъ странахъ, и потребовало для своего удовлетворенія большее количество труда, а потому, быть можетъ, столько же вслѣдствіе этой причины, сколько и вслѣдствіе успѣховъ цивилизаціи вообще, внезапно поднявшіяся цѣны остановились въ приличныхъ границахъ, несмотря ни на искусственное увеличеніе количества денегъ искаженіемъ ихъ, ни на естественное ихъ размноженіе посредствомъ ввоза новой монеты. Всѣ привычки измѣняются, задумываются смѣлыя предпріятія, возникаютъ новыя потребности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность ихъ удовлетворенія; болѣе широкія средства обмѣна облегчаютъ торговлю и спекуляціи. Какъ бы то ни было, еслибы Америка не была открыта, то золотыхъ и серебряныхъ денегъ было бы меньше противъ теперешняго, но за то онѣ имѣли бы болѣе высокую цѣнность; между товарами и деньгами существовали бы отношенія, весьма отличныя отъ нынѣшнихъ; большее число предметовъ приобрѣталось бы за мень-

* Въ одной своей проповѣди епископъ Латимеръ, въ царствованіе Эдуарда VI, жалуется съ замѣчательною оригинальностью, на эти явленія общей дороговизны въ Англіи.

Такія же жалобы мы находимъ и у испанскихъ писателей, въ особенности у Санчо де Монкада, въ сочиненіи *Restauracion politica de Espana*, представляющемъ довольно вѣрно политико-экономическія озрѣнія того времени.

Прим. автора.

шее количество денегъ, но производство долго оставалось бы жалкомъ положеніи, вслѣдствіе недостатка капиталовъ. Это доказывается, въ особенности тѣмъ, что поощреніе, оказанное труду увеличившимся количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ, не остановилось на этомъ первомъ шагѣ. Вскорѣ звонкой монеты оказалось недостаточно; билеты сохранныхъ и оборотныхъ банковъ и всякихъ другихъ общественныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій увеличили количество обмѣнныхъ знаковъ, и дали новый, сильнѣйшій толчекъ труду. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изобиліе или рѣдкость звонкой монеты никогда не можетъ быть фактомъ одинокимъ и безотносительнымъ; равновѣсіе необходимо должно возстановиться. Изобиліе денегъ въ Испаніи вызвало болѣе живое желаніе потребленія, доставивъ ея гражданамъ возможность добыть въ сосѣднихъ странахъ все, что льстило ихъ вкусу, или соотвѣтствовало ихъ желаніямъ. Вся Европа начала производить для нихъ, и въ продолженіи почти цѣлаго вѣка одни испанцы были закащиками труда и могущественнѣйшими возбудителями промышленности. Черезъ ихъ руки розданы были несмѣтныя суммы работникамъ, которые теперь, при такой платѣ за трудъ, могли уже мечтать о чемъ нибудь большемъ, чѣмъ кусокъ чернаго хлѣба, которымъ должны были довольствоваться до этого.

Естественно, что подобный переворотъ не могъ совершиться безъ потрясеній. Въ первое время тяжело было всѣмъ тѣмъ, которые жили неизмѣннымъ доходомъ, или ограниченной заработной платой, пока арендная, а затѣмъ и заработная плата не поднялись въ своей цѣнѣ соотвѣтственно съ повышеніемъ цѣны на всѣ предметы. Увеличеніе количества звонкой монеты оказываетъ въ такомъ случаѣ такое же дѣйствіе, какъ изобрѣтеніе какой нибудь машины, которая сначала отстраняетъ отъ дѣла извѣстное число работниковъ, пока усиленное требованіе на ея произведенія, вызванное пониженіемъ цѣнъ, не возвратитъ имъ работы. Этимъ объясняется, почему, вмѣсто того, чтобы радоваться обстоятельству, которое, судя по общему мнѣнію, должно было всѣхъ обогатить, современники были только поражены дороговиз-

ной, дѣлавшей ихъ существованіе болѣе тягостнымъ. Мы знаемъ, какое мнѣніе было по этому вопросу во Франціи, въ Англіи и въ Испаніи: можно было бы составить весьма интересную книгу * изъ тѣхъ жалобъ, которыя вызывались этимъ явленіемъ, то есть, повышеніемъ цѣнъ, которое пугало тѣмъ болѣе, что его рѣшительно не понимали. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было тогда объяснить себѣ, почему бы съѣстные припасы и товары могли подняться въ цѣнѣ, когда ни количество ихъ не уменьшилось, ни требованіе на нихъ не увеличилось. Препрежнее количество хлѣба обмѣнивалось на корову, или на извѣстное число барановъ; но, какъ только приходилось измѣрять цѣны этихъ товаровъ деньгами, то отношеніе между ними совсѣмъ измѣнялось; покупатель жаловался, что долженъ платить за нихъ дороже, забывая, что продавая, самъ онъ получалъ теперь тоже болѣе противъ прежняго. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, тотъ, кто производилъ болѣе, чѣмъ потреблялъ, видѣлъ, что доходъ его растетъ, если вычислять его на деньги, между тѣмъ какъ человѣкъ, находившійся въ противоположныхъ условіяхъ простаго потребителя, съ прискорбіемъ замѣчалъ, какъ онъ бѣднѣлъ, получая все тотъ же доходъ, между тѣмъ какъ подымались въ цѣнѣ всѣ предметы потребленія. Но такъ какъ въ благоустроенномъ обществѣ всякій членъ, въ одно и то же время, и почти въ одинаковыхъ размѣрахъ, и производитель, и потребитель, то стѣснительное положеніе съ каждымъ днемъ становилось менѣе чувствительнымъ, и равновѣсіе вызывало всеобщее благосостояніе. Вслѣдствіе увеличившагося количества, деньги необходимо должны были понизиться въ цѣнѣ, такъ что предсказаніе епископа Латимера, что *вскорѣ свинья будетъ стоить больше шени*, вполне оправдалось. Въ Европѣ случилось тогда то, что случается въ каждой странѣ, когда изобиліе денегъ вызываетъ множе-

* Замѣчательнѣйшая изъ нихъ появилась въ 1581 году въ царствованіе Елизаветы, подъ заглавіемъ: *A briefe conceipte touching the common wealth of this realme of England*. Она написана въ видѣ разговора, въ которомъ принимаютъ участіе поземельный собственникъ, фермеръ, купецъ, фабрикантъ и богословъ. Прим. автора.

ство, такихъ предпріятій, на которыя никто не рѣшился бы, еслибы изобиліе денегъ не способствовало приведенію ихъ въ исполненіе.

Гумбольдтъ исчисляетъ всю добычу американскихъ рудниковъ, отъ ихъ открытія до настоящаго времени, въ тридцать миллиардовъ франковъ. Не принимая безусловно на вѣру такой громадной цифры, мы полагаемъ, что только изобиліемъ этихъ рудниковъ покрыты были потребности обращенія, послѣ того какъ трудъ въ Европѣ получилъ толчекъ отъ ввезенныхъ въ нее первыхъ грузовъ золота и серебра. Благосостояніе Англіи, Голландіи, Германіи, Франціи, даже Россіи, должно приписать промышленному движенію, пробужденному въ этихъ странахъ ввозомъ американской звонкой монеты въ обмѣнъ за ихъ сырые матерьялы и за фабричныя издѣлія. Когда война за американскую независимость пріостановила въ Перу и Мексикѣ разработку рудниковъ, и уменьшила на двѣ трети добычу драгоцѣнныхъ металловъ, то Европа пополнила этотъ недостатокъ усовершенствованіемъ кредита и умноженіемъ всякаго рода бумагъ, замѣняющихъ или облегчающихъ услуги, доставляемыя монетой. Этотъ переворотъ, діаметрально противоположный тому, который имѣлъ мѣсто въ первое время послѣ открытія Америки, продолжаетъ свое вліяніе и въ настоящее время, вслѣдствіе возрастающаго уменьшенія количества драгоцѣнныхъ металловъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить массу обращающихся въ настоящую минуту товаровъ съ тою, которая обращалась лѣтъ двадцать тому назадъ, то мы увидимъ, что необходимо было увеличеніе звонкой монеты по крайней мѣрѣ на десять процентовъ. Въ дѣйствительности же, количество денегъ все уменьшается, а населеніе возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія потребности въ деньгахъ. Требованіе на деньги, къ тому же, усилилось послѣ 1815, вслѣдствіе одного, чрезвычайнаго и неожиданнаго обстоятельства. Правительства, выпустившія весьма значительную массу бумажныхъ денегъ въ періодъ продолжительныхъ войнъ революціи и имперіи, пожелали погасить свои долги послѣ заключенія мира. Сами американскія государства, снабжавшія Европу звонкою моне-

той, существовали съ этого времени одними только займами, а привычки къ роскоши до такой степени распространились между нами, что весьма значительная часть золота и серебра ежегодно стала употребляться исключительно на предметы искусства или домашняго хозяйства. Во Франціи расходуется на этотъ предметъ до 30 миліоновъ франковъ въ годъ, а по вычисленію Гумбольдта, заслуживающему довѣрія, во всей Европѣ употребляется на это же самое вчетверо больше, то есть, 120 миліоновъ. По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ Гускисономъ, въ Англіи, пошлина за наложеніе на металлъ пробнаго знака доставила въ 1828 году 2,625,000 франковъ, что заставляеть предполагать, что въ одной только этой странѣ готовится золотой и серебряной утвари болѣе чѣмъ на 100 миліоновъ франковъ.

Поэтому, масса звонкой монеты, неперестававшая приливать въ денежное обращеніе Европы съ конца пятнадцатаго вѣка, начинаетъ теперь убывать*. Разумѣется эта реакція

* Дѣла приняли совершенно иной оборотъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки: Денежная революція XVI столѣтія повторяется у насъ на глазахъ. Открытіе калифорнскихъ рудниковъ въ 1848, австралійскихъ въ 1857, и развитіе, принятое въ настоящее время разработкой русскихъ золотыхъ россыпей въ Сибири до того увеличили количество добывающагося золота, что равновѣсіе въ его обращеніи, утвердившееся было въ началѣ настоящаго вѣка, снова нарушилось, а для драгоцѣнныхъ металловъ снова начинается пониженіе цѣны, границы котораго опредѣлить невозможно. Левассёръ, собравшій въ своемъ превосходномъ сочиненіи (*Question de l'or*, 1858, Изд. Гильомена) всѣ необходимыя свѣдѣнія объ увеличеніи производства золота, и о вліяніи его на цѣны всѣхъ товаровъ и на положеніе различныхъ классовъ общества, даетъ слѣдующія данныя о массѣ драгоцѣнныхъ металловъ, поступившей въ обращеніе въ восемь лѣтъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ калифорнскихъ рудниковъ.

«Добыча золота во всемъ мірѣ, или по крайней мѣрѣ въ странахъ, находящихся въ прямыхъ сношеніяхъ съ великимъ рынкомъ западныхъ народовъ, въ періодъ съ 1848 по 1856, составляла 1,821,820 килограммовъ, или 6,055,173,000 франковъ, а именно:

Въ Калифорніи	752,400 килогр.....	2,508,000,000 фр.
— Австраліи	508,500 —	1,695,000,000 —

совершается медленно, но происходит она съ неизмѣнной настойчивостью, такъ что страны, находящіяся во главѣ промышленнаго и торговаго движенія, уже вынуждены обратиться къ услугамъ кредита для удовлетворенія тѣхъ требованій, которыя уже не могутъ быть удовлетворены рудниками. Золото и серебро стремятся отнынѣ къ такой же роли въ торговыхъ сдѣлкахъ, какую играютъ въ учетныхъ банкахъ запасные капиталы. Рано или поздно возникнетъ всемирный *clearing house*, для сведенія счетовъ по вексямъ всѣхъ рынковъ, и тогда осуществится утопія Рикардо, что монета только тогда исполняетъ свое настоящее назначеніе, когда она имѣетъ видъ бумаги. Не находимъ ли мы уже теперь подтвержденіе этихъ словъ въ операціяхъ Французскаго, Англійскаго и Сѣверо-американскаго банковъ? Какъ назвать учрежденіе, размѣнивающее ежегодно семьсотъ или восемьсотъ миліоновъ, при содѣйствіи общественнаго металлическаго фонда въ сто миліоновъ, четвертой части которыхъ было

— Россіи	217,633	—	718,136,000	—
— прежн. рудн.	343,287	—	1,133,000,000	—
Всего...		1,821,820 килогр.....		6,055,173,000 фр.	

«Серебра добыто 9,870,346 килогр. или 2,170,596,120 франковъ.

«Обоихъ же металловъ получено на сумму 8,226,769,120 франковъ

«Среднимъ же числомъ ежегодно добывалось золота 218,391 килогр. на сумму 672,297,000 франковъ, и серебра 1,096,705 килогр. на сумму 241,128,140 франковъ; а обоихъ металловъ, на сумму 913,085,000 франковъ.

«Отношеніе добытаго золота къ серебру, по вѣсу, составляетъ 1 къ 5, а по цѣнности, 1 къ 2,95, или почти къ 3.

«Что будетъ въ будущемъ съ этой богатой добычей золота и серебра? уменьшится ли она, или увеличится еще болѣе? Я не думаю, чтобы на этомъ вопросѣ стоило долго останавливаться. Послѣ перваго порыва, добыча золота, правда, нѣсколько пріостановилась. Баснословные барыши привлекли страшную массу работниковъ въ Калифорнію; но вскорѣ бѣольшая ихъ часть горько разочаровалась. Тѣмъ неменѣе, выселенія продолжались, а добыча австралійскихъ и калифорнскихъ рудниковъ не только не уменьшилась, но нѣсколько даже увеличилась; если барыши и понизились, то съ другой стороны, добыча золота сдѣлалась болѣе правильной, и облегчилась многими

бы достаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій размѣна? Очевидно, металлическія деньги отнынѣ играютъ только второстепенную роль, и хотя цѣнность ихъ, повидимому, и уве-

приспособленіями, сократившими расходы по производству. Мѣсто одиночной разработки заняли ассоціаціи рабочихъ, ручной трудъ замѣненъ машиннымъ; каналы стали доставлять воду съ горъ прямо въ средоточіе производства; употребленіе ртути усилилось, короче, рудокопамъ открылось теперь болѣе широкое поприще для приложенія ихъ дѣятельности.

«Въ Калифорніи вся горная цѣпь Сіерра состоитъ изъ золотоноснаго кварца, а между наносными пластами ея долинъ многіе содержатъ въ себѣ золото. Здѣсь разработка можетъ производиться въ длину на 1,200, а въ ширину на 115 километровъ, то есть, на площади въ 138,500 кв. километровъ, отъ береговъ Сакраменто и рѣки Св. Іоахима до вершинъ Сіерры. Но этимъ не ограничится будущая, вѣроятная разработка. На сѣверѣ Калифорніи, въ Орегонѣ, тоже отысканы золотоносныя залежи; затѣмъ, на югѣ, долины и горы Соноры тоже содержатъ ихъ, представляя какъ бы связь между мексиканскими рудниками и калифорнскими, посредствомъ великаго горнаго хребта Америки, богатѣйшаго въ цѣломъ мірѣ всякаго рода минеральными сокровищами.

«Въ Австраліи такія же богатства отысканы въ восточномъ хребтѣ материка, извѣстномъ подъ именемъ Синихъ горъ или Австралійскихъ альповъ. Сначала золото найдено было близъ Батурста; нѣсколько позже, оно открыто было на югѣ, близъ Мельбурна, на 700 миль отъ первыхъ рудниковъ. Третіе открытіе сдѣлано было къ сѣверу отъ Кокбурна, и наконецъ, золото разрабатывается еще въ юго-западныхъ рудникахъ, на 500 миль отъ Мелбурна, въ сосѣдствѣ Аделаиды. Такимъ образомъ, присутствіе золота доказано въ различныхъ мѣстахъ на пространствѣ 1,500 килом., и, по мѣрѣ дальнѣйшихъ открытій и разработокъ, оно вѣроятно найдено будетъ на многихъ промежуточныхъ пунктахъ; его присутствіе уже доказано даже внѣ этой первой линіи разработки. Недавно открыли также золотыя рудники въ Тасманіи или на Ван-Дименовой землѣ, островѣ, лежащемъ къ югу отъ австралійскаго материка.

«Россія и Сибирь представляютъ еще болѣе обширную площадь. Золото найдено одновременно на Кавказѣ, въ долинахъ отъ Мингреліи до Тифлиса, Елизаветполя и Моздока; на Уралѣ, отъ Екатеринбургa до Ледовитаго моря, въ Сибири, отъ Иртыша до Ала-Кула и даже Туркестана, въ рѣкахъ Сихунѣ и Джихунѣ; въ Алтайскомъ хребтѣ, въ Томской губерніи, на правомъ берегу Иртыша, съ перерывами вплоть до Нерчинска, и въ губерніи Иркутской, на разстояніи почти 5,000 километровъ отъ Мингреліи.

личилась, вслѣдствіе уменьшившейся добычи рудниковъ и увеличившихся потребностей торговли, тѣмъ неменѣе, бумажныя деньги стремятся уменьшить ихъ значеніе и вытѣс-

Разработка уже производится на всемъ этомъ громадномъ протяженіи, многіе пункты котораго, должно сознаться, едва только тронуты.

«Немногіе металлы имѣютъ такое широкое распространіе, какъ золото. Почти современникъ перваго человѣка, металлъ этотъ является не ранѣе послѣднихъ геологическихъ переворотовъ въ кварцевыхъ глыбахъ, откуда водою онъ былъ снесенъ въ пласты, составляющіе современную земную кору. Вотъ почему онъ встрѣчается всюду на земной поверхности. Мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что почти нѣтъ горнаго хребта, нѣтъ рѣчки, гдѣ бы не встрѣчались мельчайшія его частички. Адуръ въ Ширинейхъ и Рейнъ въ Альпахъ несутъ его въ своихъ волнахъ. Ничего, стало быть, нѣтъ легче, какъ отыскать золото. Толчекъ, данный открытіемъ калифорнскихъ рудниковъ, вызвалъ повсемѣстно раскопки. Онѣ сдѣланы были и въ Канадѣ, и въ Гвіанѣ, и въ Чили; разработка рудниковъ въ Киргизскихъ степяхъ и на Кавказѣ тоже началась съ этого времени.

«На этотъ счетъ несомнѣнно созданы были большія иллюзіи. Золото существуетъ всюду, но не всюду выгодно добывать его. Рейнскому промывателю не добыть болѣе полутора франка въ сутки. Многія разработки, начатыя уже или предполагающіяся, будутъ оставлены. Три великіе горные хребта, Австралійскій, Калифорнскій и Сибирскій, не могутъ разрабатываться на всемъ своемъ протяженіи. Тѣмъ не менѣе, новые способы разработки дозволяютъ повести дѣло шире, чѣмъ это было до сихъ поръ, и дадутъ барыши тамъ, гдѣ прежде получались одни только убытки. Въ Россіи достигли уже того, что раскапываютъ золотоносныя жилы, содержащія 1 граммъ золота на 1,536,000 граммовъ руды. Вся надежда на будущіе успѣхи машинъ. Промывая кварць, всегда болѣе содержащій золота, чѣмъ наносные пласты, и добывая 1 гр. золота на 2 килограмма руды, можно считать себя въ барышѣ; но собственно руда даетъ болѣе, а при содѣйствіи усовершенствованныхъ машинъ, дѣйствіе которыхъ все еще весьма слабо въ настоящее время, можно рассчитывать даже и на большіе успѣхи. Никто не въ состояніи сказать, на чемъ остановится разработка золота, но можно смѣло сказать, что она далеко еще не достигла до послѣднихъ своихъ предѣловъ.

«Можно, впрочемъ, быть увѣреннымъ въ одномъ, что не въ истощеніи приисковъ, а въ повышеніи расходовъ на разработку и въ пониженіи цѣнности золота на всемірномъ рынкѣ лежитъ будущая причина паденія золотопромышленности.

нить съ рынковъ всего міра. Вексель уже всюду получилъ преимущество предъ звонкой монетой, потому что обращеніе его представляетъ больше удобствъ и меньше опасностей.

«Если будущее обѣщаетъ на долгое еще время обильныя добычи золота, то и серебряные рудники сулятъ тоже большія богатства. Въ настоящее время много говорятъ о чрезвычайномъ количествѣ добывающагося золота; десять лѣтъ тому назадъ то же самое говорилось о серебрѣ, а возможность чрезмѣрнаго изобилія въ этомъ металлѣ внушала опасенія политико-экономамъ.

«Длинная цѣпь горъ, въ 12,000 километровъ, отъ Орегона до Чили, содержитъ въ себѣ столько же серебряной руды, сколько и наносныхъ жилъ золота. Она тронута только на нѣсколькихъ уединенныхъ пунктахъ, но эти нѣсколько пунктовъ, какъ Потози въ Перу, и Бета-Мадре въ Мексикѣ, доставили уже несмѣтныя сокровища; изъ нѣдръ этого горнаго хребта извлечено почти все обращающееся въ мірѣ серебро, ибо изъ 31 миллиарда его одна Америка доставила до 1848, 27 миллиардовъ.

«Въ Мексикѣ, Новой Гренадѣ, Перу, Боливіи и Чили разрабатываютъ серебряные рудники. Въ сѣверной Америкѣ всѣ почти рѣки и ручьи, скатывающіеся съ высокихъ долинъ Андовъ, заключаютъ въ своемъ пескѣ серебро. Гумбольдтъ полагалъ, что Америка столь же богата серебромъ, какъ и золотомъ: «Горы Америки, говоритъ онъ, удивительно богаты золотомъ и серебромъ. Достаточно обратить вниманіе на количество золотоносныхъ залежей, которыя бросаются въ глаза своимъ изобиліемъ, и которыя едва только начали разрабатываться въ настоящее время, да и то только въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, чтобы убѣдиться, что еслибы прекратились политическія смуты, препятствующія всякаго рода промышленности, и если бы приложены были къ рудникамъ способы производства, употребляющіеся въ Европѣ, то одни только уже разрабатывающіеся мексиканскіе рудники доставили бы страшныя количества серебра.» Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Европа была бы затоплена драгоценными металлами, еслибы разомъ было приступлено, при содѣйствіи всѣхъ усовершенствованій горнаго дѣла, къ разработкѣ рудниковъ Боланоса, Батопиласа, Сомбререте, Розаріо, Пачука, Морана, Цультепека, Чигуагуа, и множества другихъ, съ давнихъ поръ пользующихся извѣстностью. Вообще, серебро находится въ такомъ громадномъ количествѣ въ Андійскомъ хребтѣ, что принявъ въ соображеніе число нетронутыхъ жилъ или едва разрабатывающихся, можно подумать, что европейцы только что начали пользоваться не исчерпаемыми богатствами, лежащими въ нѣдрахъ новаго свѣта.»

«Бусенго, недавно посѣтившій тѣ же страны, совершенно раздѣляетъ въ этомъ отношеніи мнѣніе Гумбольдта.

Когда въ Европѣ совершится наконецъ этотъ денежный переворотъ, то уже невозможны будутъ тѣ мошенничества, которыми переколнена исторія всѣхъ народовъ. Тяжкій опытъ

Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 192 и слѣд.) Левассёръ такъ говоритъ о вліяніи увеличивавшейся добычи золота на цѣны сырыхъ матерьяловъ и фабричныхъ издѣлій.

«Цѣны поднялись, съ 1847 по 1856, на 41, 61 процента, то есть, въ 1856 на 141 франкъ, среднимъ числомъ, нельзя было купить столько же товаровъ, сколько можно было купить въ 1847 за 100 франковъ. Итакъ, деньги упали въ цѣнѣ во Франціи, съ 1847 по 1856, на 29 процентовъ или потеряли около $\frac{2}{7}$ своей стоимости, паденіе громадное въ такой короткій промежутокъ времени, которому трудно было бы повѣрить, еслибы оно не подтверждалось самыми несомнѣнными цифрами. А мы еще едва только вступаемъ въ грядущій переворотъ, конца котораго еще вовсе не видно; поэтому, мы не должны забывать, какъ бы это ни казалось неправдоподобнымъ, что въ XVI столѣтіи, въ теченіи ста двадцати лѣтъ товары поднялись въ цѣнѣ на 1,200 процентовъ, а драгоцѣнные металлы потеряли $\frac{11}{12}$ своей стоимости. До этого мы, разумѣется, не дойдемъ, ибо развитіе промышленности и торговли, по всей вѣроятности, останавятъ паденіе цѣнъ, прежде чѣмъ послѣднія достигнутъ такого отношенія.

«Относительно паденія цѣнъ на 29 процентовъ, должно, впрочемъ, сдѣлать слѣдующее, весьма важное замѣчаніе. Какую бы монету мы ни употребляли, очевидно, что во Франціи необходимо было въ 1856 почти семь монетъ въ 1 франкъ, или равноцѣнныхъ имъ предметовъ, тамъ, гдѣ, десять лѣтъ тому назадъ, достаточно было пяти. Но на это общее повышеніе цѣнъ дѣйствовало множество причинъ, между которыми необходимо отличать постоянныя отъ случайныхъ, и не приписывать исключительно золоту явленіе, въ которомъ оно не одно принимало участіе. Дороговизна этого времени объясняется неурожаями предшествующихъ лѣтъ, поднявшими цѣны на всѣ съѣстные припасы выше естественнаго ихъ уровня. Во вторыхъ, ее слѣдуетъ объяснять продолжительной и дорого стоившей войной, ради которой правительство должно было произвести чрезвычайныя закупки, и вызвать повышеніе цѣнъ увеличившимся спросомъ на всѣ произведенія. Въ третьихъ, наконецъ, ее слѣдуетъ объяснять быстрыми успѣхами французской промышленности въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, успѣхами, призвавшими большее, противъ прежняго, число потребителей къ участію въ наслажденіяхъ жизни, вслѣдствіе чего усилившаяся конкуренція между покупателями необходимо должна была поднять цѣны: странное дѣйствіе развивающейся промышленности, одновременно вызывающей пониженіе цѣнъ умноженіемъ

и несчастія внушили людямъ неизмѣнное уваженіе ко всѣмъ условіямъ, обезпечивающимъ размѣнъ. Цари и народы излечились въ настоящее время отъ пагубной привычки искать въ фальшивой монетѣ ненадежнымъ средствъ, столько же безстыдныхъ, какъ и бесполезныхъ. Но кто можетъ исчислить всѣ такого рода продѣлки, которыми переполнена вся исторія со времени открытія новаго свѣта? Государства, неимѣвшія рудниковъ, старались вознаградить себя пониженіемъ достоинства или вѣса своей монеты; но фальшивыя деньги оказались для правительствъ обоюдоострымъ оружіемъ, которымъ они наносили сами себѣ раны, желая употребить его противъ своихъ враговъ. Такъ поступали голландцы во время своего возстанія противъ Испаніи, и французы въ семнадцатомъ вѣкѣ, во время войны съ испанцами. Даже Венеція и Флоренція, эти богатѣйшія республики, не отказывались отъ такого безчестнаго дополненія къ своимъ доходамъ; такъ что, въ число главнѣйшихъ причинъ паденія Флоренціи должно

количества произведеній, и повышеніе цѣнъ увеличеніемъ числа потребителей. Такимъ образомъ, неурожай, война и успѣхи промышленности, увеличеніемъ числа потребителей, способствовали, вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣнности золота, общей дороговизнѣ. Изъ этихъ трехъ причинъ двѣ были случайныя: война прошла съ заключеніемъ мира 30 марта 1856, а недостатокъ хлѣба—съ урожаемъ 1857. Но третья причина постоянная и, вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣнности золота, будетъ оказывать самое рѣшительное дѣйствіе на повышеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ. Но какъ могло быть велико это повышеніе, отстраняя вліяніе случайныхъ причинъ? Съ точностью мы можемъ опредѣлить только, что естественныя произведенія вздорожали на 67,19 процентовъ, мануфактурныя издѣлія—на 14,94, а всѣ вообще товары—на 41,61 процента, такъ какъ для полученія этихъ цифръ намъ пришлось только сравнить дѣйствительныя рыночныя цѣны. Дѣлать дальнѣйшія заключенія можно только гадательно. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что случайныя причины, по самой сущности своей, должны были оказать сильнѣйшее вліяніе на естественныя, чѣмъ на мануфактурныя произведенія, и что цифры 67,17% и 14,94% не показываютъ настоящаго отношенія между произведеніями того и другаго рода въ обыкновенное время.

«Не выходя изъ предѣловъ вѣроятнаго, мы можемъ сказать, что война и неурожай подняли цѣну естественныхъ произведеній, среднимъ числомъ, на 20 процентовъ, а цѣну мануфактурныхъ издѣлій

помѣстить привычку, принятую ея купцами заниматься болѣе промѣномъ денегъ, чѣмъ искусствами, обогатившими ихъ предковъ. Зло не замедлило пустить глубокіе корни, и рядомъ съ фальшивыми деньгами появились безчисленныя сочиненія о монетѣ. Это — экономическій вопросъ, о которомъ, быть можетъ, болѣе всего писали. Каждый полагалъ, что онъ открылъ философскій камень. Даванцати писалъ въ 1582 году: «Золото и серебро суть орудія, посредствомъ которыхъ обращаются по всему земному шару блага смертныхъ, и на которыя можно смотрѣть, какъ на побочное условіе для счастливой жизни.» Серра напечаталъ въ 1613 году сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Краткій трактатъ объ условіяхъ, которыя могутъ привлечь въ государства золото и серебро*; въ немъ онъ старается доказать, что золотыя и серебряныя вещи суть единственное богатство. Монтанари издалъ въ 1680 свой *трактатъ о монетахъ*, въ которомъ, вмѣстѣ съ предубѣжденіями его предшественниковъ въ пользу драгоцѣн-

на 2 процента; и что спекуляція, такъ высоко поднявшая всѣ цѣны, пересилила паденіе цѣны на драгоцѣнные металлы, и преувеличила ихъ видимымъ образомъ почти на 5 процентовъ. Поэтому, мы получаемъ для постоянного пониженія цѣнъ:

«42,19 процента на естественныя произведенія;

«7,94 процента на мануфактурныя произведенія;

«Около 25 процентовъ, среднимъ числомъ, вообще на всѣ произведенія.

«Въ этомъ вздорожаніи всѣхъ товаровъ на 25 процентовъ, можно принять, что повышеніе на 5 процентовъ вызвано было успѣхами промышленности и увеличеніемъ числа потребителей; стало быть, остальные 20 процентовъ слѣдуетъ приписать вліянію умноженія драгоцѣнныхъ металловъ.

«Когда дѣйствіе случайныхъ причинъ совсѣмъ прекратится, все же потребуется 125 франковъ для покупки того, что, десять лѣтъ тому назадъ, стоило всего 100 франковъ; или, другими словами, нужна монета въ пять франковъ для пріобрѣтенія такого количества товаровъ, которое прежде покупалось за четыре франка: деньги потеряли 20 процентовъ или $\frac{1}{5}$ своей цѣнности. Если оставить въ сторонѣ постоянно дѣйствующую причину, которую мы назвали успѣхами промышленности, то мы нашли бы, что одно изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ вызвало пониженіе на 16,67 процентовъ цѣнности золота и серебра.»

Франц. изд.

ныхъ металловъ, встрѣчаются весьма вѣрные взгляды на явленія обращенія. Вѣкомъ раньше, Гаспаръ Скаруффи, изъ Реджіо, издалъ въ свѣтъ свое *Разсужденіе о монетахъ*, посвященное графу Тассони и заслуживающее вниманія даже въ наше время, несмотря на превосходныя сочиненія о томъ же предметѣ, явившіяся позже. Онъ первый предложилъ налагать пробное клеймо на золотыя и серебряныя издѣлія, принятое всей Европой для охраненія отъ обмана торговли этими предметами. Другіе итальянскіе писатели по политической экономіи, Броджіа *, Нери **, Карли ***, Беккариа ****, Васко ***** , пролили много свѣта на всѣ вопросы, относящіеся къ монетѣ; изслѣдованія ихъ приведены въ порядокъ и систему, болѣе или менѣе удовлетворительно, французскими экономистами. Буттру, Лебланъ, Або-де-Базингенъ, Дюпре де Сен-Моръ, Буазаръ, Пулень оставили намъ сочиненія, болѣе полныя, чѣмъ итальянцы, но сочиненія эти не отличаются ни тою же широтой воззрѣній, ни тою же оригинальностью. Вопросъ о деньгахъ породилъ въ Голландіи, Англии и Испаніи великое множество сочиненій, болѣе или менѣе запечатлѣнныхъ предразсудками своего времени, но не представляющихъ особеннаго интереса, послѣ блистательныхъ и совѣстливыхъ работъ по этому вопросу новѣйшихъ экономистовъ.

Теперь можно считать навѣки поконченными попытки, столько вѣковъ повторявшіяся противъ неизмѣнныхъ законовъ монетнаго обращенія. Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ суду науки, ни одинъ не изслѣдованъ съ большею опытностью и зрѣлостью, ни одинъ не поставленъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Въ настоящее время всякому извѣстно, что истинныя выгоды, доставленныя Европѣ открытіемъ рудниковъ въ новомъ свѣтѣ, заключались не исключительно въ изобиліи драгоцѣнныхъ металловъ, но въ воздѣльваніи предметовъ потребленія, составляющихъ основу нашего обмѣна

* *Traité des monnaies*, 1751.

** *Observations sur le prix légal des monnaies*, 1751.

*** *Traité des monnaies*, 1760.

**** *Sur les désordres et les remèdes des monnaies*, 1762.

***** *Essai politique sur les monnaies*, 1772.

съ этой частью свѣта. Золото и серебро исчезли, но хлопчатая бумага, сахаръ и кофе остались. Одно открытіе картофеля принесло больше пользы міру, нежели всѣ сокровища перуанскихъ и мексиканскихъ рудниковъ.

ГЛАВА XXV.

О нѣкоторыхъ вредныхъ слѣдствіяхъ открытія американскихъ рудниковъ.— О первомъ появленіи бѣдныхъ въ Англии.— Министерство Сюлли.— Его финансовыя преобразованія.— Его ошибочныя взгляды на промышленность и торговлю.— Онъ — самый горячій проповѣдникъ *меркантильной системы*.— Его пристрастіе къ законамъ противъ роскоши.— Его строгія преслѣдованія финансовыхъ злоупотребленій.— Конечный результатъ его управленія.

Если смотрѣть на дѣло поверхностно, то открытіе рудниковъ новаго свѣта было несчастіемъ для Европы. Огромный ввозъ звонкой монеты, бывшій результатомъ этого открытія, казалось, только привелъ въ смятеніе Европу, взволновалъ всѣ умы, и перепуталъ интересы. Карлъ V и Филиппъ II воспользовались имъ для властолюбивыхъ цѣлей, возбудивъ повсюду разорительныя и кровопролитныя войны; прочіе государи нашли въ немъ только благопріятный случай захватить въ свои руки звонкую монету своихъ подданныхъ, чтобы бороться равнымъ оружіемъ съ обладателями новой, обѣтованной земли. При видѣ грудъ золота и серебра, прибывавшихъ изъ Америки, всюду пробудилась алчность къ обогащенію государственной казны, а первымъ результатомъ этого наводненія было прекращеніе дѣятельности народовъ и правительствъ, бросившихся въ погоню за сокровищами, доставлявшимися рудниками, вмѣсто того, чтобы искать богатствъ, доставляемыхъ трудомъ. Мы уже видѣли, каково было удивленіе однихъ и къ какимъ средствамъ прибѣгли другіе при внезапномъ повышеніи цѣнъ на всѣ предметы, несопровождавшемся повышеніемъ задѣльной платы. Тщетно придумывались различныя паліативныя мѣры для противудѣйствія ежедневно подымавшимся затрудненіямъ; зло все возрастало,

подъ видомъ тысячи новыхъ, непредвидѣнныхъ формъ, и становилось все страшнѣе и неизлечимѣе. Фальшивая монета, увеличеніе налоговъ, всякаго рода вымогательства не могли пособить горю, и самая ужасная анархія грозила одно время охватить всю Европу.

Стоитъ только мысленно перенестись въ эпоху нашихъ гражданскихъ войнъ въ царствованіе Генриха III, когда дряхлый католицизмъ, потрясенный до основанія, пытался воротить власть, выскользавшую изъ его рукъ. Это время было самой блестящей эпохой для американскихъ рудниковъ. Ежегодно прибывали изъ Мексики галіоны, нагруженные полновѣсными піастрами, и въ то же самое время всюду царила бѣдность; несмотря на эти элементы возникавшаго благосостоянія, вся Европа, съ одного конца до другаго, раздиралась несогласіями и нищетой. Только и рѣчи было, что о насиліяхъ и грабежахъ. «Не только жандармы и соляные пристава, восклицаетъ одинъ современный французскій писатель*, объѣдаютъ страну, но и гарнизонные солдаты ежедневно выходятъ изъ крѣпости грабить жителей, и притомъ причиняютъ такіа обиды и насилія, что нѣтъ въ деревнѣ дома, которому одинъ, два, или три раза въ недѣлю не приходилось бы удовлетворять требованіямъ этихъ мерзавцевъ. По уходѣ солдата входитъ сержантъ, такъ что обыкновенно дома постоянно набиты жандармами, солдатами, сборщиками податей, сержантами и соляными приставами; можно считать чудомъ, если хоть одинъ часъ впродолженіи дня пройдетъ безъ подобныхъ посѣщеній.» То же самое происходило въ Англии, Фландріи, Итали и Германіи. Какъ будто цѣлыя арміи солдатъ ринулись на общественное имущество, а народамъ присуждено было отдавать отнынѣ послѣднюю каплю своего пота и своей крови для утоленія жажды къ золоту и серебру, пожиравшей его притѣснителей. Вмѣсто того, чтобы оказать содѣйствіе развитію естественныхъ средствъ каждой страны, драгоцѣнные металлы вначалѣ только истощали ихъ, и потребовалось почти три вѣка тяжкаго опыта и несчастій,

* Froumenteau, *Le Secret des finances*, изд. 1581.

чтобы научить людей, что настоящее назначеніе золота и серебра питать промышленность, а не войны. Американскіе рудники открыты были столѣтіемъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Имъ слѣдовало излить свои сокровища на Европу неравнѣе, какъ послѣ продолжительныхъ религіозныхъ войнъ, изъ которыхъ возникли свобода изслѣдованія, порядокъ финансоваго управленія и обезпеченіе труда. Въ рукахъ такого короля, какъ Филиппъ II, золото и серебро оказывали болѣе смертоносное дѣйствіе, чѣмъ порохъ; ими то или при ихъ содѣйствіи такъ долго опустошалась Франція, Испанія и Англія. Государи, необладавшіе рудниками, старались вознаграждать себя поборами съ своихъ подданныхъ, нисколько не заботясь о томъ, что растрчивая вмѣстѣ съ доходами капиталы, они поражали самый источникъ производства, и губили жизнь государства. Вотъ почему, изучая исторію этихъ печальныхъ временъ, читаешь только про разоренныя провинціи, разрушенныя дома и про несчастныхъ бѣдняковъ, бродящихъ по деревнямъ. Когда собраны были въ Блуа государственныя чины, то имъ представлена была картина этого отчаянія и разоренія. Послѣ исчисленія денежныхъ потерь, въ каждой епархіи приводилось число зарѣзанныхъ священниковъ, умерщвленныхъ монаховъ, солдатъ и горожанъ, изнасилованныхъ дѣвушекъ и женщинъ, и это добавленіе никогда не забывалось при исчисленіи современныхъ бѣдствій.

Такое же страшное неустройство господствовало и въ Англіи, и царствованіе Елизаветы, послѣдствія котораго были такъ славны для этой страны, началось при самыхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ. Генрихъ VIII присвоилъ себѣ церковныя имущества, подъ предлогомъ облегченія для своихъ подданныхъ тяжести налоговъ, которые, впрочемъ, онъ не переставалъ требовать въ прежнихъ размѣрахъ. Елизавета все время неуклонно преслѣдовала нищенство, и, вмѣсто того, чтобы возвратить обществу нѣсколько тысячъ работниковъ, она только заразила Англію ворами. Уже при Генрихѣ VIII, по свидѣтельству Гаррисона казнено было болѣе 72,000 воровъ, а въ царствованіе Елизаветы не проходило года, чтобы не было повѣшено триста или четыреста

преступниковъ. Эти несчастные бродили шайками по нѣсколь-
ку сотъ человекъ, грабили фермы, обирали путешественни-
ковъ и спасались отъ преслѣдованія правительства въ лѣ-
сахъ. Испробовавъ надъ ними всѣ роды наказаній, Елиза-
вета принуждена была отдать ихъ на попеченіе приходовъ,
и установила знаменитый налогъ въ пользу бѣдныхъ, недо-
статочный для ихъ пропитанія, но не для ихъ размноженія.
Такимъ образомъ, въ Испаніи сокровища рудниковъ новаго
свѣта отстранили правительство и народъ отъ настоящаго
пути къ благосостоянію, обезпечивъ имъ, почти безъ всяка-
го съ ихъ стороны усилія, доходы, совершенно независимые
отъ труда; во Франціи они побудили короля увеличить на-
логи и всякаго рода поборы, чтобы имѣть возможность противу-
дѣйствовать испанцамъ, а въ Англіи они породили налогъ
въ пользу бѣдныхъ, одно изъ самыхъ пагубныхъ изобрѣте-
ній новѣйшаго времени.

Но даже среди этого хаоса нельзя не замѣтить зари бу-
дущей, болѣе счастливой эпохи и большаго благоустройства.
Тщетны были всѣ усилія правительствъ удержать у себя зо-
лото и серебро; тщетны были всѣ ихъ вымогательства у сво-
ихъ подданныхъ, покровительства ввозу драгоцѣнныхъ ме-
талловъ и запрещенія ихъ вывоза; они ускользали изъ ихъ
рукъ всѣми выходами, и притекали туда, куда влекли ихъ
великія требованія торговли, то есть, великіе барыши*. Мало
по малу правительства убѣждались, что для производитель-
наго и разумнаго взиманія налоговъ, необходимо подчинить
последніе строгимъ правиламъ, которыя и стали проникать
въ законодательство. Парламентъ въ Англіи и Сюлли во
Франціи были виновниками этой реформы, изъ которой вско-
рѣ вышла финансовая наука, а вмѣстѣ съ нею, и средства
для противудѣйствія сквернымъ системамъ, порожденнымъ
невѣжествомъ той эпохи и неспособностью правительствъ.

* «Звонкая монета, говоритъ Менготти, самымъ рѣшительнымъ об-
разомъ противится повелѣніямъ закона; она прибываетъ безъ при-
глашенія и уходитъ, не взирая ни на какія преграды, оставаясь глу-
хой ко всѣмъ закискиваніямъ и нечувствительной къ угрозамъ, при-
влекаемая одною только прелестью прибыли.» Прим. автора.

Съ этой эпохи начинается новая эра для политической экономіи, и мы встрѣчаемся наконецъ съ возникновеніемъ хоть какой нибудь системы изъ страшной анархіи, опустошавшей Европу впродолженіи безконечныхъ религіозныхъ войнъ.

Исторія по всей справедливости считаетъ Сюлли полнѣйшимъ олицетвореніемъ этой системы: поэтому, для ознакомленія съ нею, лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это прослѣдить за главными распоряженіями управленія этого знаменитаго министра. Они не всѣ, конечно, согласны съ истинными принципами науки, ибо Сюлли былъ зараженъ всѣми предрасудками своихъ современниковъ; но онъ былъ первымъ администраторомъ, рѣшившимся не руководствоваться болѣе случайными побужденіями, а потому, всѣ его распоряженія замѣчательны строгою системой и послѣдовательностью, которыя оказали огромное вліяніе на государственное хозяйство всей Европы. Какъ только онъ облеченъ былъ довѣріемъ Генриха IV, то немедленно сталъ изучать самымъ серьезнымъ образомъ расходы Франціи и средства для ихъ покрытія, и составилъ первый ея бюджетъ, послужившій основаніемъ для государственной отчетности. Его изслѣдованія открыли ему государственный долгъ въ 300 миліоновъ франковъ, къ концу 1595, и онъ немедленно принялся изыскивать *пути и средства* для его погашенія. Главное правило его состояло въ томъ, чтобы противуполагать каждой части расхода соотвѣтствующую ей часть дохода, ни въ какомъ случаѣ не допуская, чтобы послѣдняя шла на какое либо другое употребленіе. Онъ наложилъ узду на корыстолюбіе откупщиковъ казенныхъ доходовъ, простиравшихъ свое грабительство до того, что изъ 150 миліоновъ франковъ, собираемыхъ съ народа, едва 30 миліоновъ поступало въ государственную казну. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сборщики податей ни подъ какимъ предлогомъ не отбирали скотъ и земледѣльческія орудія у крестьянъ, на которыхъ числилась недоимка, и налагалъ строжайшія наказанія на солдатъ, *притѣснявшихъ* крестьянъ, какъ во время похода, такъ и во время постоя, что, какъ мы видѣли, было самой ужасной язвой того времени. Не менѣе

твердости потребовалось для обузданія алчности правителей провинцій, своеволие которыхъ доходило до того, что они самовольно налагали на жителей новые налоги въ собственную свою пользу. Герцогъ д'Епернонъ, составившій себѣ, благодаря подобнымъ насиліямъ, 60 тысячъ экю годового дохода, вздумалъ противиться Сюлли; но послѣдній *по военному приводилъ въ исполненіе свои финансовыя преобразованія* *. Мужественный министръ, образумивши всѣхъ этихъ грабителей высшаго и нисшаго полета, вскорѣ убѣдился и часто повторялъ, что для обогащенія государя необходимо обогатить его подданныхъ. Вотъ почему всѣ заботы его сосредоточивались главнымъ образомъ на улучшеніи земледѣлія, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на главную промышленность страны **. Онъ оказывалъ ему всевозможныя поощренія, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ большая часть земель, оставшихся въ запущеніи по причинѣ военныхъ опустошеній, снова была воздѣлана. Онъ уничтожилъ многія внутреннія заставы, болѣе всего стѣснявшія обращеніе товаровъ, и отмѣнилъ множество мелкихъ привилегій, выманенныхъ у короля лестью ловкихъ царедворцевъ. Такъ герцогъ Суассонскій выхлопоталъ себѣ дозволеніе взимать 15 су съ каждаго тюка товаровъ, вышедшихъ изъ королевства. Генрихъ IV воображалъ, что жалуется такимъ разрѣшеніемъ милость, которая можетъ доставить нѣсколько тысячъ экю; но царедворецъ сумѣлъ извлечь изъ нея 300,000 франковъ годового дохода. Сюлли вернулъ въ казну всѣ такіе, захваченные у нея доходы. Къ несчастію, великій министръ до конца жизни не понималъ важнаго значенія фабрикъ. Онъ одновременно чувствовалъ родъ аристократическаго отвращенія къ ремесленному труду, и философское равнодушіе ко всѣмъ предметамъ удобства и роскоши. Сюлли былъ дворянинъ съ стоическими свойствами характера, настоящій римскій патрицій лучшихъ дней республики. Всѣмъ извѣстны его по-

* Forbonnais, *Recherches sur les finances*, т. I, стр. 38.

** *Хлѣбопашество и скотоводство*, говорилъ онъ, *суть два сосца государства*. Прим. автора.

стояннѣя ссоры съ Генрихомъ IV по поводу разведенія шелковичныхъ деревъ, которому покровительствовалъ король, ссоры, чуть было не сдѣлавшіяся причиной окончательной размолвки его съ своимъ государемъ. Сюлли пугала одна мысль о введеніи шелковыхъ тканей во Францію: «Что дѣлають для восптанія народа, говорилъ онъ *, заставляя его воздѣлывать шелкъ? его побуждаютъ перемѣнить суровый, трудовой образъ жизни земледѣльца на другой, который не утомляетъ никакимъ сильнымъ движеніемъ. Искони вѣковъ замѣчено, что лучшіе солдаты выходятъ изъ семействъ здоровыхъ хлѣбопашцевъ и сельскихъ работниковъ; замѣните ихъ людьми, привыкшими къ труду, который могутъ исполнять и дѣти, и вы увидите, что они сдѣлаются неспособными къ военному ремеслу, которое Франція, по политическому своему положенію, необходимо должна сохранять и поддерживать. Обезсиливъ такимъ образомъ сельское населеніе, которое во всякомъ случаѣ есть истинная поддержка государства, въ то же самое время, посредствомъ городского населенія, вы введете роскошь съ ея послѣдствіями, сластолюбіемъ, изнѣженностью и праздностью, которыхъ слѣдуетъ оберегаться людямъ, имѣющимъ мало, и малымъ довольствующимся. А развѣ мало уже у насъ во Франціи такихъ бесполезныхъ гражданъ, которые, подъ золотыми и блестящими одеждами, скрываютъ нравы настоящихъ женщинъ!» Римскій цензоръ не сказалъ бы ничего болѣе сильнаго, но министру земледѣлія и торговли слѣдовало бы имѣть другія понятія.

Это то философское предубѣжденіе противъ роскоши ** внушило Сюлли бѣольшую часть тѣхъ прискорбныхъ административныхъ мѣръ, которыми онъ стѣснилъ торговлю и промы-

* *Mémoires de Sully*, т. II, стр. 289.

** Впрочемъ, Сюлли, собственнымъ своимъ примѣромъ, подтверждалъ свои воззрѣнія: «Онъ ходилъ обыкновенно въ сѣромъ сукнѣ, въ тафтяномъ или атласномъ камзолѣ, безъ шитья и украшеній. Онъ одобрялъ тѣхъ, которые одѣвались такъ же просто, и смѣялся надъ тѣми, которые, какъ онъ выражался, носили на спинѣ своей мельницы и высокіе лѣса.» (*Pérefixe*, ч. III).

шленность. Всякое потребление иностранных произведений казалось ему покушением на благосостояние Франции или оскорблением ее обычаев; всякий вывоз звонкой монеты — бѣдствиемъ, которое слѣдовало предупреждать самыми энергическими мѣрами. Такимъ образомъ, онъ принужденъ былъ принять первыя основанія *меркантильной системы*, и на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на самого ревностнаго ее поборника. Никогда еще не преслѣдовали такъ строго контрабандистовъ, въ особенности тѣхъ, которые вывозили золото или серебро. Къ конфискаціи всѣхъ захваченныхъ у нихъ денегъ, онъ присоединилъ конфискацію всего ихъ имущества, а король поклялся никогда не миловать за такого рода преступленія. Иностранная монета, безразлично ходившая до тѣхъ поръ во Франціи на равнѣ съ отечественною, была запрещена, исключая испанской, запретить которую нельзя было разомъ, потому что она слишкомъ была распространена. Запрещеніе это нанесло гибельный ударъ торговлѣ, и стѣснило обращеніе капиталовъ, потому что всякій рѣшился лучше сохранить запрещенную монету нежели нести ее на монетный дворъ, который бралъ огромную пошлину за ее перечежанку. Сюлли разсчитывалъ законами противъ роскоши утвердить свою систему, которая имѣла цѣлью — насильное уменьшеніе всѣхъ общественныхъ и частныхъ расходовъ, и которая, по его мнѣнію, должна была породить богатство и благосостояніе *посредствомъ лишеній*. Еще необходимѣе для насъ, говорилъ онъ *, обходиться безъ товаровъ нашихъ сосѣдей, чѣмъ безъ ихъ монеты. Необходимость, налагаемая нами на самихъ себя, дѣлать себѣ платье предпочтительнѣе изъ одной матеріи, чѣмъ изъ другой, есть только заблужденіе нашего воображенія; но сопряженные съ этимъ издержки представляютъ зло, которое мы причиняемъ себѣ сознательно.» По этому случаю, когда парижскіе торговцы шелковыми товарами пришли къ Сюлли ходатайствовать о своихъ интересахъ, то министръ принялъ ихъ сурово, а говорившему отъ имени прочихъ позволилъ себѣ нанести оскор-

* *Mémoires*, т. II, стр. 390.

бленія, которыя вполнѣ заслуживали самага энергическаго обузданія*.

Такимъ же точно образомъ, онъ ни за что не соглашался уничтожить Віенскую таможду (извѣстную болѣе подъ именемъ *Валенсійской*), учрежденную завѣдомо для совершеннаго почти уничтоженія торговли между Франціей и Италіей. Эти гибельныя заставныя пошлины, взимавшіяся на Ронѣ, сдѣлали эту рѣку непроходимой, такъ что побудили наконецъ торговлю избрать другой путь, къ великому ущербу для французскихъ интересовъ. Форбонне приводитъ рѣчь одного Ліонскаго депутата въ собраніи чиновъ провинціи Дофинэ, въ 1600, въ которой энергически выставлены печальныя слѣдствія упрямой политики Сюлли. «Эта тамождя, говорилъ депутатъ, была учреждена для подчиненія города Віенны; и хотя Ліонъ съ самага начала понялъ всю опасность для себя подобной мѣры, но онъ надѣялся, что тамождя, вызванная важными, но временными обстоятельствами, по всей вѣроятности, будетъ уничтожена прежде, чѣмъ представится случай испытать на дѣлѣ причиняемый ею вредъ. Но, какъ часто случается, что мѣра, вначалѣ мягкая и нетягостная, въ слѣдствіи оказывается крайне вредной и невыносимой, такъ и эти пошлины сдѣлались подводнымъ камнемъ, о который разбивается всякое судно, наткнувшись на него. Съ тѣхъ поръ какъ переправа чрезъ Рону сдѣлалась невозможной, а купцы рѣшили лучше пытаться счастья другимъ путемъ, чѣмъ подвергаться всякаго рода несправедливостямъ, городъ Ліонъ убѣдился, что изъ славнаго и цвѣтущаго, какимъ онъ былъ

* Когда Анрію, которому поручено было говорить, прежде чѣмъ начать рѣчь, сталъ на колѣни, то Сюлли грубо поднялъ его, и сталъ его поворачивать во всѣ стороны, чтобы вдоволь насмотрѣться на его костюмъ древняго покроя, подбитый разноцвѣтною шелковой матеріей, каковую обыкновенно носили люди его званія. Затѣмъ онъ сказалъ: «Эге, голубчикъ, ты пришелъ ко мнѣ съ своими товарищами жаловаться на свою судьбу? Но вѣдь ты одѣтъ лучше меня! Разумѣется; вотъ тафта, вотъ камка, вотъ парча.» И, не слушая депутаціи, онъ такъ жестоко смѣялся надъ нею, что смущенные торговцы, уходя, сказали: слуга грубѣе и высокомѣрнѣе своего господина.

Прим. автора.

прежде, онъ скоро сдѣлается пустынею, если не будетъ восстановлена свобода торговли. Уже всѣ товары, которые шли изъ Леванта въ Марсель, а оттуда въ Ліонъ, покинули старый путь, и обратились къ новому, болѣе длинному и затруднительному, но за то болѣе безопасному*. Не думайте, господа, чтобы мы такъ мало были знакомы съ умѣньемъ повиноваться, *лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ подданныхъ*, что рѣшились бы сопротивляться видамъ короля и нанести ущербъ его финансамъ. Уплата народомъ повинностей, какъ бы велики онѣ ни были, всегда считается дѣломъ священнымъ и справедливымъ; но въ государствѣ онѣ тоже, что на кораблѣ паруса, назначеніе которыхъ двигать и охранять его, а не обременять и потоплять.» Историкъ Матьё, сохранившій намъ эту рѣчь, соглашается, что такія жалобы были повсемѣстны, и что на нихъ не обращалось никакого вниманія.

Сюлли, постоянно занятый опасеніями, что иностранная торговля и внутренняя промышленность могутъ оскудить и разорить государство, рѣшился еще болѣе налечь на стѣсненія, наложенныя на свободу труда прежними французскими королями. Извѣстно, что Генрихъ III, указомъ 1581 года, предписалъ всѣмъ безъ исключенія купцамъ и торговымъ людямъ, всѣмъ ремесленникамъ и мастерамъ, жившимъ въ городахъ и мѣстечкахъ королевства, записываться въ корпораціи, гильдіи и цехи. Другимъ указомъ, 1583 года, *дозволеніе работать* объявлялось короннымъ и государственнымъ правомъ; вслѣдствіе этого, сроки обученія, внѣшній видъ и качества образцовыхъ произведеній, формальности для полученія званія мастера, и все древнее законодательство Людовика Святаго были до такой степени пересмотрѣны и исправлены, что трудъ сдѣлался какъ бы особенной привилегіей. Сюлли не злоупотреблялъ короннымъ и государственнымъ правомъ, но сталъ продавать патенты на званіе ма-

* Съ этихъ поръ транзитная торговля Италіи съ Англіей и Фландріей, производившая до этого чрезъ Францію, начала совершаться моремъ, и сохранила этотъ путь до настоящаго времени.

стера, и тѣмъ освобождалъ мастеровыхъ отъ обученія и экзамена; вводя такимъ образомъ новыя привилегіи среди существовавшихъ уже, онъ сдѣлалъ то, на что не рѣшился бы Людовикъ Святой, несмотря на различіе времени и обстоятельствъ. Онъ поступалъ такимъ образомъ вслѣдствіе глубокаго своего убѣжденія, что промышленность есть совершенно бесполезная отрасль производства, приносящая только вредъ земледѣлію. О ней онъ охотно сказалъ бы, вмѣстѣ съ Ксенофонтомъ: «Что можно ожидать отъ людей, вѣчно прикованныхъ къ одному мѣсту и занимающихся приготовленіемъ произведеній, которыя обезсиливаютъ потребителей и заставляютъ насъ бросать деньги?»

Главною мыслью, руководившею Сюлли во всѣхъ этихъ мѣрахъ, было желаніе покрыть всѣ нужды государства, и постоянно имѣть подъ рукой значительное количество звонкой монеты. Онъ не терпѣлъ никакого сопротивленія, какъ только являлось въ немъ опасеніе, что его стѣсняють въ приведеніи въ исполненіе этого труднаго дѣла. То онъ отвѣчалъ упрямымъ парламентамъ: «Король не сочтетъ несправедливымъ то, что соотвѣтствуетъ его видамъ», то онъ приказывалъ строить въ Бастиліи огромные погреба, предназначавшіеся для храненія звонкой монеты, которую онъ извлекалъ такимъ образомъ изъ обращенія, воображая, что погреба эти столь же необходимы для безопасности государства, какъ и пороховые магазины. Генрихъ IV одобрялъ отъ времени до времени эти мѣры заученными рѣчами, въ родѣ той, въ которой онъ изложилъ предъ однимъ чрезвычайнымъ собраніемъ причины, побудившія его сдѣлать подобный запасъ капиталовъ на случай непредвидѣнной внѣшней войны, или на случай смуть, могущихъ возникнуть послѣ его смерти, вслѣдствіе несовершеннолѣтія наслѣдника престола. Сюлли всю жизнь свою занялъ былъ попеченіемъ о финансахъ, которому онъ не разъ приносилъ въ жертву самыя дорогіе свои принципы; но всѣ эти заблужденія были скорѣе заблужденіями его времени, чѣмъ его ума. Въ своихъ запискахъ онъ имѣлъ полное право похвалиться, что изобиліе дѣйствительно начинало снова появляться, и что крестьяне, *освобожден-*

ные отъ всѣхъ тирановъ между фискальными чиновниками, дворянами и военными людьми, стали безопасно засѣвать свои поля и собирать жатву*. Теперь онъ могъ уже приняться за великія сооруженія, которыя должны были открыться Бриарскимъ каналомъ и которыя такъ трудно было ему разъяснить Генриху IV, неумѣвшему обращать вниманіе на такія отдаленныя выгоды, и привыкшему къ быстрымъ средствамъ и къ предупрежденію событій. Сюлли самъ высказалъ свои экономическія убѣжденія въ запискѣ, составленной по повелѣнію короля и помѣщенной имъ въ своихъ мемуарахъ. «Желая знать, говоритъ онъ, на сколько мои мысли сходились съ собственными его воззрѣніями, король пожелалъ, чтобы я составилъ записку о всемъ, что, по моему мнѣнію, могло погубить, или даже только помрачить славу могущественнаго государства. Я привожу ее въ настоящемъ мѣстѣ, какъ краткое изложеніе принциповъ, которыми я руководствовался. Причины гибели или ослабленія монархій суть: — чрезмѣрные налоги; монополіи, преимущественно хлѣба; небреженіе о торговлѣ и промыслахъ, о хлѣбопашествѣ, искусствахъ и ремеслахъ; слишкомъ большое число должностей; соединенные съ ихъ отправленіемъ расходы; чрезмѣрная власть должностныхъ людей; дороговизна, проволоочки и

* «Сюлли не безъ труда достигъ этихъ результатовъ. Самъ онъ рассказываетъ, какимъ образомъ приходилось ему ежедневно выдерживать нѣсколько сраженій ради защиты интересовъ страны. «Король говоритъ онъ, дозволилъ выпросить у себя около двадцати указовъ въ пользу дворянства, и я отправился во дворець, съ намѣреніемъ хлопотать *въ пользу народа*; какъ вдругъ я встрѣтилъ маркизу Вернѣль, которая спросила меня, что это за бумага, которую я держалъ въ рукахъ. Что вы намѣрены сдѣлать изъ всего этого? спросила она меня. — Я намѣренъ поднести ее королю. — А для кого же другаго, возразида она, хотите вы, чтобы король дѣлалъ что нибудь, какъ не для своихъ братьевъ, родственниковъ и *любовницъ*? — Все, что вы говорите, отвѣчалъ я ей, было бы хорошо, еслибы Е. В. бралъ деньги изъ своего собственнаго кошелька; но взимать ихъ съ купцевъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и пастуховъ нѣтъ никакого основанія: *они уже и безъ того кормятъ короля и всѣхъ насъ*; съ нихъ довольно уже и одного господина, безъ всѣхъ этихъ братьевъ, родственниковъ и *любовницъ*.»

несправедливость правосудія; праздность, роскошь и все, что соединено съ нею; развратъ и испорченность нравовъ; смѣшеніе состояній; колебанія въ цѣнности монеты; несправедливья и неблагоразумныя войны; деспотизмъ государей, ихъ слѣпая привязанность къ некоторымъ лицамъ; ихъ предубѣжденіе въ пользу нѣкоторыхъ сословій или занятій? корыстолюбіе министровъ и лицъ, пользующихся довѣріемъ государя; уничиженіе знатныхъ лицъ; презрѣніе и равнодушіе къ ученымъ людямъ; терпимость дурныхъ обычаевъ; нарушеніе хорошихъ законовъ; многочисленность трудноисполнимыхъ указовъ и бесполезныхъ постановленій.» Во время продолжительнаго своего управленія, Сюлли не всегда впрочемъ былъ вѣренъ своимъ принципамъ. Трудно согласить его слова о важномъ значеніи искусствъ и ремеслъ съ его усиліями воспрепятствовать заведенію шелковыхъ фабрикъ, въ особенности, съ его системою *лишеній*, естественно стѣснявшей всякаго рода сбытъ фабричныхъ произведеній. Если *небреженіе о торговлѣ* и колебанія въ цѣнности монеты казались ему столь предосудительными для общаго блага государства, то ему не для чего было поддерживать Виенскую таможду, и измѣнять монетную систему. Эти противурѣчія объясняются его личными предубѣжденіями. Онъ не могъ примирить развитія промышленности съ своимъ отвращеніемъ къ роскоши и съ постоянными заботами объ удовлетвореніи ежедневныхъ расходовъ. Можно сказать, что два эти чувства поглощали всю его дѣятельность и энергію. Взятчиичество чиновниковъ судебнаго и финансоваго управленія въ особенности возбуждало его негодованіе; все его управленіе было безконечной борьбой съ ихъ хищничествомъ. Мужественныя мѣры его, направленныя противъ всякаго рода злоупотребленій, и смѣлая преобразованія его, исполненіе которыхъ остановлено было смертью Генриха IV, не оцѣнены, какъ слѣдуетъ. Я скажу о нихъ нѣсколько словъ въ заключеніе этой главы, чтобы дать понятіе о томъ движеніи, которое уже началось въ эту эпоху въ понятіяхъ людей, относительно различныхъ вопросовъ политической экономіи.

Духовное вѣдомство должно было представить опись всѣхъ

своихъ владѣній, съ подробнымъ ихъ обозначеніемъ и съ указаніемъ всѣхъ доставляемыхъ ими доходовъ *, чтобы такимъ образомъ можно было судить о значеніи этой части народнаго богатства. Въ дворянскомъ сословіи предполагалось произвести оцѣнку всѣхъ земель и доходовъ, приносимыхъ ими дворянамъ-землевладѣльцамъ; въ низшихъ сословіяхъ приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобы избавить крестьянъ, ремесленниковъ и торговцевъ отъ всякаго притѣсненія со стороны солдатъ и дворянства. Въ это же время разнаго рода неменѣе энергическими мѣрами преслѣдоваль Сюлли роскошь. «Можете быть вполне увѣрены, говорилъ онъ, что еслибы это отъ меня зависѣло, то я не позволилъ бы имѣть ни каретъ, ни другихъ затѣй роскоши, иначе какъ подъ условіями, которыя дорого бы обошлись тщеславнымъ людямъ. Правительственнымъ прокурорамъ ** должно быть вмѣнено въ обязанность преслѣдовать, и примѣрно наказывать тѣхъ, которые расточительною и развратною жизнью оскорбляютъ общественную нравственность, или наносятъ вредъ другимъ людямъ или самимъ себѣ. Для лучшаго исполненія этой обязанности, продолжаетъ Сюлли, имъ слѣдуетъ назначить въ помощь, въ каждое судебное вѣдомство, по три особыхъ чиновника, *цензоровъ* или *преобразователей*, которые выбирались бы на каждое трехлѣтіе въ общественномъ собраніи; обязанность ихъ должна состоять не только въ преслѣдованіи судомъ всѣхъ отцевъ семейства, сыновей и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ развратѣ, переходящемъ за границы всякаго приличія, и въ расточительности, превышающей ихъ средства, но и въ преслѣдованіи самихъ судей, обвиняя ихъ въ сообщничествѣ съ преступниками, въ случаѣ ихъ отказа на-

* Ни одинъ изъ духовныхъ землевладѣльцевъ не могъ имѣть болѣе десяти тысячъ ливровъ дохода. Прим. автора.

** Генеральные прокуроры временъ Сюлли, въ сущности, немногимъ отличались отъ современныхъ императорскихъ прокуроровъ. Они пресѣдательствовали въ судахъ, наблюдали за общественнымъ благочиніемъ и нравственностью, вчинали судебныя слѣдствія, исполняли судебные приговоры или апеллировали противъ нихъ (Block, *Dict. de l'Administ.*). Рус. перев.

казывать по закону виновныхъ того и другаго рода. Два увѣщанія должны были предшествовать всякому уголовному преслѣдованію; но на третій разъ имѣнія должны поступать въ особаго рода опеку, которая управляла бы разоряемыми имуществами, предоставляя владѣльцамъ ихъ не болѣе двухъ третей ихъ дохода, употребляя остальное на уплату ихъ долговъ. Отъ этого закона никто не освобождался, и вѣроятно, ни одному гражданину не удалось бы ускользнуть изъ подъ такой опеки, такъ какъ послѣдняя сама должна была отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ высшему судебному мѣсту, члены котораго, подобно имъ, не смѣли отступать отъ своихъ обязанностей, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Въ то же время предлагалось издать постановленіе, чтобы никто, какого бы чина или званія онъ ни былъ, не смѣлъ брать въ долгъ, хотя бы и соотвѣтствующей его имуществу суммы, а заимодавецъ — давать оную, подъ опасеніемъ ея потери, не объявивъ предварительно въ письменномъ обязательствѣ или договорѣ, на что предназначается заемъ. Въ этихъ же видахъ запрещалось также всѣмъ отцамъ семействъ давать на обзаведеніе одному изъ своихъ дѣтей болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, по размѣрамъ своего состоянія и по числу уже существующихъ у нихъ дѣтей, или *могущихъ родиться*, исключая одинъ только случай, когда оскорбленной отеческой власти дозволялось наказывать порочнаго или жестокосердаго сына.» Читая эти строки, кажется, что слышишь Сен-Симонистскую проповѣдь настоящаго времени; сходство между обѣими доктринами еще сильнѣе бросается въ глаза, послѣ грозныхъ распоряженій Сюлли противъ того, что онъ называлъ *презрѣннымъ искусствомъ ябеды*. Въ тяжбахъ между родственниками истецъ долженъ былъ прежде всего предложить и даже потребовать, чтобы искъ его отдали третейскому суду изъ четырехъ лицъ, избранныхъ между родственниками или же друзьями тяжущихся, по два съ каждой стороны; эти четыре посредника избирали главнаго посредника, который, въ случаѣ раздѣленія голосовъ, давалъ перевѣсъ той сторонѣ, къ которой пристанетъ. «Что же касается до подарковъ, платы, вознагражденій и другихъ судебныхъ издержекъ, а

также всевозможных уверток сутяжничества и всякъ злоупотреблений судебныхъ мѣстъ при словесномъ и письменномъ дѣлопроизводствѣ, на которыя всюду раздаются жалобы*, то король находилъ болѣе всего удобнымъ поручить это дѣло на разсмотрѣніе двѣнадцати избраннымъ лицамъ между самыми свѣдущими людьми.» Итакъ, Сюлли, двумя столѣтіями ранѣе, предполагалъ составить сводъ гражданскаго судопроизводства. Генрихъ IV до такой степени желалъ видѣть осуществленіе этихъ преобразованій, что въ тотъ день, какъ Сюлли доставилъ ему собственноручно написанную программу ихъ, король немедленно приказалъ позвать его, чтобы вмѣстѣ поговорить о нихъ, и какъ только министръ вошелъ, то Генрихъ встрѣтилъ его словами, обращенными къ окружающимъ: *«Подите, скажите капуцинамъ, чтобы они отложили обѣдню, ибо мнѣ нужно побесѣдовать съ этимъ человекомъ, которому не до обѣдни.»* Смерть Генриха IV помѣшала исполненію всѣхъ этихъ намѣреній, бѣольшая часть которыхъ, безъ сомнѣнія, была неудобноисполнима; но они, тѣмъ неменѣе, объясняютъ тѣ экономическія воззрѣнія Сюлли, которыми запечатлѣны всѣ дѣла его управленія. Самою важной заслугой этого знаменитаго министра было то, что онъ привелъ въ порядокъ разстроенные финансы Франціи, а вслѣдствіе этого, облегчилъ возстановленіе, или, вѣрнѣе, возрожденіе общественнаго благосостоянія. Проведенный имъ Бриарскій каналъ былъ первымъ искусственнымъ водянымъ путемъ Франціи, къ которому онъ вскорѣ присоединилъ устройство сообщеній по всѣмъ главнымъ рѣкамъ, подобно тому, какъ на сухомъ пути, учреждено было имъ почтовое сообщеніе со станціями для путешественниковъ по всѣмъ главнымъ дорогамъ. Принявъ Францію съ долгомъ въ 300 миліоновъ франковъ, что составляетъ на нынѣшніе деньги около миліяда, Сюлли уплатилъ почти весь этотъ долгъ. Онъ уменьшилъ налоги, улучшилъ дороги, укрѣпленія, матерьяльную военную часть, управленіе государственными иму-

* Въ этомъ отношеніи не произошло никакой перемѣны со временъ Сюлли.

ществами, и доставилъ казнѣ четырнадцать мильоновъ франковъ звонкой монетой, сложенной въ Бастиліи. Двѣнадцати лѣтъ оказалось достаточно для достиженія этихъ результатовъ, которые подготовили счастливые годы Людовика XIV, и окончательно утвердили за политической экономіей мѣсто въ совѣтѣ государей.

ГЛАВА XXVI.

О министерствѣ Кольбера и объ экономическихъ его послѣдствіяхъ.—Указъ и тарифъ 1664. — Его настоящая цѣль. — Указъ 1667. — Поощреніе браковъ. — Прекрасныя инструкціи посланникамъ. — Настоящія воззрѣнія Кольбера.—Его ошибочно считаютъ основателемъ запретительной системы.

Между Сюлли и Кольберомъ Франціею управляли два священника: Ришлье и Мазарини, оба расточители, хотя и изъ за различныхъ побужденій, чисто личныя воззрѣнія которыхъ, разумѣется, не имѣли ничего общаго съ политической экономіей. Въ это же самое время въ Англіи царствовала Елизавета, и развивалось торговое могущество Нидерландовъ, два блистательные эпизода всемірной исторіи и исторіи науки. Кольберъ господствуетъ надъ этими обоими событіями всею силою своего генія; блескъ, которымъ они освѣтили Европу, блѣднѣетъ предъ рассказомъ о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ министромъ Людовика XIV. Дѣйствительно, Кольберъ былъ единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ, слѣдовавшимъ одной, разъ принятой системѣ, законченной и строгой во всѣхъ своихъ частяхъ; его имени принадлежитъ вѣчная слава за то, что онъ неуклонно проводилъ ее, несмотря на безчисленныя препятствія, мѣшавшія ему на каждомъ шагу. Хотя система эта далеко небезукоризненна, тѣмъ неменѣе, она была громаднымъ прогрессомъ для своего времени; да и позже, до самаго послѣдняго времени, мы не видѣли ничего, подобнаго ей, что касается до широты и глубины воззрѣній. Ея организація внушаетъ родъ уваженія, подобнаго тому, которымъ окружаются религіозныя учрежденія; теперь

она обратилась въ секту, но эта секта считаетъ въ своихъ рядахъ, быть можетъ, неменѣе поклонниковъ, какъ и великая идея, избравшая себѣ знаменемъ безсмертный принципъ свободы торговли*.

Все та же необходимость возстановить порядокъ въ финансовомъ управленіи была побудительной причиной попытокъ къ улучшеніямъ, предпринятымъ и Кольберомъ. Этотъ знаменитый министръ вскорѣ убѣдился, что лучшее средство для увеличенія государственныхъ доходовъ состоитъ въ поощреніи обогащенія частныхъ людей, и въ предоставленіи производству самыхъ широкихъ и самыхъ либеральныхъ путей. Главная заслуга его состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для достиженія этой цѣли. Одна изъ первыхъ мѣръ его управленія, возстановленіе однообразной системы налоговъ, задумана была на самыхъ здравыхъ основаніяхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ остальные его преобразованія были бы запечатлѣны тѣмъ же самымъ духомъ, какъ и начало ихъ, еслибы наука о богатствѣ въ ту эпоху находилась на той же степени развитія, до которой она достигла въ наше время. Кольберъ, разумѣется, исполнилъ бы во Франціи то дѣло, за которое взялся Гускиссонъ въ Англии незадолго до своей смерти. Имъ начата большая часть тѣхъ реформъ, исполненіе которыхъ встрѣчаетъ въ наше время столько затрудненій, ему же обязанныхъ своимъ существованіемъ; ибо, нерѣдко онъ давалъ одной ру-

* Со времени перваго изданія этого сочиненія, управленіе Кольбера было предметомъ замѣчательнаго сочиненія, удостоеннаго награды Французской академіи и открывшаго автору двери въ академію нравственныхъ и политическихъ наукъ: *Histoire de la vie et de l'administration de Colbert*, par Pierre Clément, Paris, éd. Guillaumin.

Фран. изд.

Прилагаемый ко 2-ой части этого сочиненія очеркъ Исторіи третьяго сословія во Франціи, Огюстена Тъери, хотя и разсматриваетъ дѣятельность Кольбера съ нѣсколько иной точки зрѣнія, но приходитъ къ тому же выводу относительно оцѣнки этого политическаго дѣятеля, о которомъ, тѣмъ неменѣе, существуютъ до сихъ поръ въ наукѣ два, совершенно противоположныя мнѣнія.

Рус. перев.

кой то, что отнималъ другой, и вынужденъ былъ дѣлать множество уступокъ предразсудкамъ своихъ современниковъ и требованіямъ своего положенія. Но это нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ его дѣлу, какъ къ прекраснѣйшему памятнику, воздвигнутому наукѣ правительственной властью, и какъ къ доказательству значенія политико-экономическаго образованія для государственнаго дѣятеля.

Интересы промышленности и торговли, и до появленія Кольбера на государственномъ поприщѣ, имѣли уже краснорѣчивыхъ заступниковъ. Здѣсь небезполезно будетъ вкратцѣ упомянуть объ ихъ сѣтованіяхъ, чтобы лучше оцѣнить громадный трудъ, выпавшій на долю Кольбера, и заслуги его въ его исполненіи. Мы видѣли, что Сюлли, несмотря на свой умъ и силу воли, не въ силахъ былъ уничтожить множества внутреннихъ пошлинъ, стѣснявшихъ торговья сношенія между провинціями; нѣкоторыя изъ этихъ стѣсненій, какъ на примѣръ *Валенсійская таможня*, просто губили страну. Его преемники увеличили эти пошлины, и создали новыя, сопряженныя съ самыми придирчивыми формальностямю, и съ невыносимыми понудительными мѣрами. Вниманіе ихъ отличалось самыми жестокими мѣрами; оно очень походило на насилія сборщиковъ податей на востокѣ, такъ что, для избѣжанія ихъ, многіе купцы бросали торговлю; другіе покидали самую Францію, остававшіеся же, избираемые казной, съ каждымъ днемъ видѣли гибель своихъ доходовъ, уносимыхъ вмѣстѣ съ капиталами. Само земледѣліе, которому такъ покровительствоваль Сюлли, находилось въ очень бѣдственномъ состояніи. Много земель оставалось невоздѣланными; о скотоводствѣ вовсе не заботились; вся Франція покрыта бѣла нищими и бродягами. Вѣрную картину ея тогдашняго положенія мы находимъ въ прошеніи, поданномъ на имя короля 26-го января 1654 года, шестью гильдіями парижскихъ купцовъ. «Государь, говорили просители, опытъ научаесть насъ, что чрезмѣрные налоги никогда не увеличиваютъ доходовъ государства, потому что они заставляютъ терять большія суммы, чѣмъ какія пріобрѣтаются по мелочамъ. По правдѣ сказать, только торговля и промышленность

привлекають въ страну золото и серебро, необходимыя для содержанія армій... Если наши работники извлекають выгоду изъ промышленности, то не иначе, какъ при помощи иностранцевъ, которые доставляютъ намъ всю тонкую шерсть, такъ какъ мы производимъ только грубые сорты; отъ нихъ же получаемъ мы красильныя вещества, пряности, сахаръ, мыло, кожи, безъ которыхъ обойтись нельзя, и которыхъ тоже нѣтъ въ королевствѣ. Иностранцы не преминуть въ отплату обложить всѣ эти товары высокими пошлинами, вслѣдствіе чего ввозъ ихъ прекратится, или же они воспретятъ ввозъ къ себѣ нашихъ произведеній; такимъ образомъ, работники наши останутся безъ работы, а число празднотающихся и нищихъ увеличится.»

Кольберъ тотчасъ же понялъ всю глубину этого зла, а предприятия имъ мѣры доказываютъ, что онъ старался уничтожить его. Сентябскимъ указомъ 1664 года уменьшены были до благоразумныхъ размѣровъ пошлины на ввозившіеся и вывозившіеся товары, а самыя тягостныя были вовсе отменены. «Намѣреніе наше, говорилъ король, состоитъ въ томъ, чтобы познать всѣхъ нашихъ губернаторовъ и интендантовъ съ *настоящими* нашими воззрѣніями на все, что касается торговли, и почему мы желаемъ, чтобы они употребили свою власть на справедливое покровительство купечеству, дабы послѣднее не отвлекалось отъ своего дѣла придирками.... Циркулярными предписаніями пригласили мы всѣхъ торгующихъ людей обращаться, въ случаѣ нужды, прямо къ намъ; мы предложили имъ выслать къ намъ изъ среды себя депутатовъ для представленія намъ всѣхъ своихъ предположеній; на случай же какихъ либо особыхъ затрудненій, мы поручили одному лицу при нашемъ дворѣ принимать ихъ жалобы и исполнять ихъ законныя требованія; мы повелѣли, чтобы при нашемъ дворѣ постоянно находилась торговая палата для ихъ приѣма; мы положили употреблять ежегодно миллионъ ливровъ на поддержку фабрикъ и на распространеніе мореходства; но, такъ какъ самое прочное и самое дѣйствительное средство для возстановленія торговли есть уменьшеніе и правильное устройство взимаемыхъ со всѣхъ това-

ровъ пошлинъ, то мы повелѣли замѣнить всѣ эти пошлины двумя, изъ которыхъ одна будетъ взиматься при ввозѣ, другая при вывозѣ, и даже значительно уменьшить ихъ, чтобы оказать этимъ поощреніе мореплаванію, возстановить прежнія фабрики *, изгнать лѣность, и замѣнить честными занятіями склонность многихъ нашихъ подданныхъ къ безпорядочной жизни, подъ видомъ людей, неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, и обращающихся въ опасную язву, заражающую и разоряющую бѣольшую часть нашихъ провинцій.»

Въ то же самое время Кольберъ запретилъ забирать за неплатежъ недоимокъ кровати, одежду, хлѣбъ, рабочихъ лошадей и быковъ у земледѣльцевъ, а у ремесленниковъ и мастеровыхъ — инструменты, которыми они зарабатывали свой насущный хлѣбъ. Для взиманія съ поземельныхъ имуществъ налоговъ, соразмѣрно съ ихъ цѣнностью и дѣйствительною величиною, былъ пересмотрѣнъ кадастръ. Большія дороги королевства и всѣ рѣки оберегались цѣлыми арміями сборщиковъ дорожной пошлины, останавливавшихъ всѣ проходившіе товары и затруднявшихъ ихъ передвиженіе множествомъ неправыхъ поборовъ, не говоря уже о задержкахъ и всякаго рода оскорбленіяхъ. Однимъ изъ указовъ повелѣвалось пересмотрѣть всѣ эти повинности, бѣольшая часть которыхъ была отмѣнена или приведена къ болѣе справедливымъ размѣрамъ. Совершая эти полезныя реформы въ настоящемъ, Кольберъ готовилъ другія, въ будущемъ, учрежденіемъ торговаго совѣта, члены котораго обязаны были ежегодно представлять правительству официальные донесенія о потребностяхъ ихъ промысла и вообще о положеніи промышленности. Пересмотръ продававшихся должностей открылъ, что во Франціи было въ то время болѣе 45,000 семействъ, жившихъ та-

* Ошибочно мнѣніе, что мануфактуры Франціи обязаны своимъ основаніемъ Кольберу. Онъ былъ только возстановителемъ ихъ. Уже въ царствованіе Генриха IV и Людовика XIII фабрики наши достигли высокой степени совершенства. Въ *Запискахъ де Витта (Mémoires de Jean de Witt*, т. VI, стр. 182), мы находимъ; что съ 1658 вывозилось французскихъ фабричныхъ издѣлій только въ Англію и Голландію на 80 миліоновъ ливровъ.

кими мѣстами, тогда какъ и 6,000 было вполне достаточно для ихъ исправленія. Такимъ образомъ, огромныя массы цѣнностей ежегодно поглощались въ ущербъ для трудовыхъ классовъ: Кольберъ стремился къ ихъ уменьшенію безъ всякаго состраданія. Онъ чувствовалъ глубочайшее презрѣніе къ людямъ, жившимъ рентой и различными непроизводительными услугами, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на паразитовъ, живущихъ потомъ своихъ ближнихъ, и старался всѣми силами уменьшить ихъ число, то упраздненіемъ ихъ мѣстъ, то ограниченіемъ ихъ доходовъ.

Когда приблизился къ концу срокъ откупа таможенныхъ пошлинъ, то Кольберъ воспользовался этимъ случаемъ для пересмотра тарифа, и хотя на роковую мѣру эту смотрѣли съ тѣхъ поръ, какъ на лучшей памятникъ его управленія, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ обязанностью представить ее въ настоящемъ ея свѣтѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, на нее постоянно смотрѣли ошибочно. Подвергая таможенный тарифъ пересмотру, Кольберъ имѣлъ цѣлью обратить его въ средство для покровительства національныхъ фабрикъ, тогда какъ до него смотрѣли на него исключительно съ финансовой точки зрѣнія, для увеличенія государственнаго дохода. Большая часть произведеній иностраннаго приготовленія обложена была пошлинами, которыя должны были обезпечить за такими же издѣліями французскихъ фабрикъ внутренній рынокъ. Въ то же самое время Кольберъ не останавливался, ни предъ пожертвованіями, ни предъ поощреніями для пробужденія промышленнаго духа во Франціи. Онъ выписывалъ изъ за границы всякаго рода искусныхъ работниковъ, и подчинялъ промышленность строгимъ постановленіямъ, чтобы не дать ей заснуть подъ защитою тарифовъ. Большія пени взыскивались съ фабрикантовъ за произведенія, несомнѣнно уступающія тѣмъ качествамъ, какія они должны имѣть. Ихъ издѣлія привѣшивали къ позорному столбу съ ошейникомъ, на которомъ выставялось имя мастера; въ случаѣ же повторенія проступка, привязывали къ столбу и самого фабриканта, Эти драконовскія строгости привели бы къ результатамъ, совершенно противнымъ ожиданію Кольбера, еслибы просвѣ-

ценная заботливость его не смягчала ихъ жестокости другими мѣрами. Такъ онъ назначилъ для надзора за фабриками особенныхъ инспекторовъ, которые перѣдко указывали мастерамъ лучшіе приемы производства, или знакомили ихъ съ новыми открытіями, часто покупавшимися или перехватывавшимися казною съ большими издержками у иностранныхъ фабрикантовъ. Кольберъ далеко не смотрѣлъ на таможенные тарифы съ точки зрѣнія исключительнаго и слѣпаго покровительства, какъ это постоянно дѣлали всѣ его преемники. Онъ очень хорошо понималъ что тарифы порождали множество злоупотребленій и, поощряя фабрики, самымъ серьезнымъ образомъ стѣсняли торговлю. Поэтому, онъ всѣми силами старался ослабить вредное ихъ дѣйствіе. Инструкціи консуламъ и посланникамъ явно свидѣтельствуютъ о заботливости его въ этомъ отношеніи. Онъ предписывалъ имъ отстранять всѣ затрудненія, какія только могутъ встрѣтить французскіе негоціанты за границей, и всѣми силами охранять ихъ привилегіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его депеши къ Безье, французскому посланнику въ Мадридъ: «Въ случаѣ, если съ подданными короля, писалъ Кольберъ, будутъ худо обращаться губернаторы или другіе чиновники его католическаго величества, лично ли съ ними, или съ ихъ кораблями или товарами, то вы сообщите Испанскому Государственному Совѣту, что его величество не намѣренъ терпѣть, чтобы его подданныхъ притѣсняли какимъ бы то ни было образомъ, *и что можно будетъ заставить потерять существующую до сихъ поръ привычку лишать французовъ всякаго правосудія.*» Въ настоящее время мы весьма далеки отъ подобной смѣлости. «Я прошу васъ, прибавляетъ онъ далѣе, освѣдомиться, нельзя ли сдѣлать чего въ пользу нашего купечества для облегченія и развитія нашей торговли. Такъ какъ дѣла ихъ въ Испаніи долго остаются нерѣшенными, за недостаткомъ ходатаевъ, то я счелъ необходимымъ держать тамъ особаго чиновника, который исключительно слѣдилъ бы за этимъ дѣломъ, и заботился бы о поддержкѣ и объ облегченіи французскаго купечества.»

Въ другомъ случаѣ онъ писалъ Помпону, французскому

посланнику въ Голландіи: «Морская торговля всего свѣта совершается почти на двадцати тысячахъ корабляхъ. По естественному порядку, каждая нація должна имѣть въ этомъ числѣ свою часть судовъ, сообразно съ своимъ могуществомъ, количествомъ населенія и протяженіемъ своихъ береговъ; голландцы имѣютъ въ этомъ числѣ отъ 15 до 16 тысячъ, между тѣмъ какъ французы, быть можетъ, всего только 500 или 600. Король готовъ на всѣ полезныя мѣры, чтобы хоть сколько нибудь приблизиться къ тому естественному числу судовъ, которое должны были бы имѣть его подданные.» Для достиженія этой цѣли, Кольберъ установилъ особыя преміи за мореходство по Балтійскому морю и за рыбную ловлю въ отдаленныхъ моряхъ, а въ Марсели отмѣнилъ право короля на наслѣдства бездѣтныхъ иностранцевъ, чтобы привлечь туда негоціантовъ изъ всѣхъ странъ. Благодаря этой мѣрѣ, вскорѣ богатые торговые дома Леванта стали учреждать свои конторы въ этомъ городѣ, въ которомъ они построили огромное число судовъ. Въ то же самое время, августовскимъ указомъ 1669 года, морская торговля объявлялась дѣломъ, совмѣстнымъ съ дворянскимъ достоинствомъ, и каждому дворянину дозволялось принимать въ ней прямое или косвенное участіе, не унижая этимъ своего дворянскаго достоинства. Учрежденіе складовъ вознаграждало за таможенныя строгости; съ этою же цѣлью облегчена была транзитная перевозка иностранныхъ товаровъ чрезъ всю Францію. Заботливость его простиралась до мелочныхъ подробностей относительно сохраненія и опрятнаго содержанія товаровъ. «Остерегайтесь какъ можно болѣе, писалъ онъ Сонзи, чтобы ничѣмъ не стѣснять и не уменьшать торговли. Вы хорошо сдѣлали, арестовавъ смотрителя Мортаньской конторы, задержавшаго суда, нагруженныя углемъ; въ высшей степени важно, чтобы купцамъ не дѣлались притѣсненія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Не рѣшайтесь ни на что, предварительно не выслушавъ ихъ. *Лучше дайте себя немножко обмануть, но не мѣшайте торговлѣ, потому что въ такомъ разѣ это означало бы уничтожить самыя произведенія. Тѣмъ не менѣе, строго слѣдите за исполненіемъ повелѣній.»*

Такъ понималъ Кольберъ таможенныя законы. Мы были бы очень счастливы, еслибы ихъ такъ же понимали и теперь, какъ относительно ихъ цѣли, такъ и относительно средствъ для ея достиженія. Смотри на нихъ, какъ на орудіе покровительства, онъ постоянно имѣлъ въ виду, чтобы они служили побужденіемъ къ неутомимой промышленной дѣятельности; нетрудно убѣдиться, что онъ видѣлъ въ нихъ только временную мѣру, и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они не обратились въ поощреніе безопасности или въ стѣсненія, вредныя для торговли. Въ депешахъ своихъ къ посланникамъ онъ какъ бы извинялся передъ Франціей въ своихъ таможенныхъ постановленіяхъ. Сыну своему онъ совѣтовалъ всѣ безпорядки въ торговлѣ и всѣ потери, испытываемыя купечествомъ, принимать близко къ сердцу, какъ свои *собственныя*. Не довольствуясь учрежденіемъ складочныхъ магазиновъ въ портахъ, онъ сдѣлалъ ихъ *этапными станціями* для судовъ иностранной торговли, приказавъ платимыя ими пошлины возвращать имъ обратно, если они найдутъ болѣе выгоднымъ выдти изъ порта, не продавъ своихъ грузовъ. Въ это время Вестъ-Индская компанія была не въ состояніи поддерживать свою исключительную привилегію. Колоніи нуждались въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, а низкая цѣна, по которой покупались ихъ произведенія, приводила въ отчаяніе колонистовъ. Кольберъ рѣшился установить свободную торговлю съ ними, и велѣлъ объявить во всѣхъ портахъ, что отнынѣ всякій имѣетъ право принимать въ ней участіе. Чѣмъ болѣе изучаешь правительственныя распоряженія этого великаго министра, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его высокой справедливости и въ либеральномъ направленіи его воззрѣній, обыкновенно считаемыхъ враждебными принципамъ торговой свободы. Напрасно итальянцы почтили ихъ именемъ *кольбертизма*, чтобы обозначить имъ запретительную систему, изобрѣтенную ими самими и такъ усердно примѣнявшуюся испанцами. Кольберъ никогда не думалъ жертвовать интересами большей части своихъ согражданъ нѣсколькимъ привилегированнымъ лицамъ, ни создавать вѣчныхъ монополій въ пользу нѣсколькихъ отраслей

промышленности *. Его можно упрекнуть развѣ только въ излишней регламентаціи, но уже никакъ не въ томъ, что онъ всю Францію отдалъ на произволь нѣсколькихъ шерстяныхъ и хлопчатно-бумажныхъ фабрикантовъ. Онъ самъ очертилъ въ нѣсколькихъ словахъ свою систему въ запискѣ, поданной имъ королю: «Уменьшить вывозныя пошлины на предметы

* Анри Бодрильяръ, въ сочиненіи своемъ *Jean Bodin et son temps, tableau des théories politiques et économiques au XVI siècle*, бросающѣмъ много свѣта на зарожденіе политической экономіи во Франціи, указалъ на истинное историческое происхожденіе запретительной системы въ нашей странѣ. На 14 страницѣ онъ говоритъ: «Настоящимъ родоначальникомъ запретительной системы во Франціи былъ министръ Карла IX, Рене де Бирагъ, хранитель государственной печати въ 1571 и канцлеръ Франціи со времени смерти Лопиталя до 1578. Онъ первый положилъ за общее правило двойное запрещеніе вывоза изъ страны сырыхъ матерьяловъ для фабрикъ и ввоза въ страну иностранныхъ фабричныхъ издѣлій. Мы приведемъ побужденія январскаго указа 1572 объ иностранной торговлѣ и объ управленіи королевствомъ: «Дабы подданные наши, читаемъ мы въ Собраніи древнихъ французскихъ законовъ, т. XIV, могли успѣшнѣе предаться фабричному производству и изготовленію шерсти, льна, и пряжи, преуспѣвающихъ и изобилующихъ въ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ, и добывать себѣ и извлекать изъ нихъ выгоды, получаемыя иностранцами, которые обыкновенно пріѣзжаютъ и покупаютъ ихъ у насъ по ничтожной цѣвѣ, затѣмъ увозятъ къ себѣ, подвергаютъ обработкѣ и снова ввозятъ къ намъ въ видѣ суконъ и полотень, которыя продаютъ по чрезвычайно дорогой цѣнѣ; повелѣли и повелѣваемъ, что отнынѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, не дозволяется никому изъ нашихъ подданныхъ и иностранцевъ вывозить изъ нашихъ королевствъ и владѣній какой бы то ни было шерсти, льна, пеньки и пряжи. Строго запрещаемъ также всякій ввозъ во все наше королевство суконъ, полотень, позументовъ, золотой и серебряной канители, всякаго бархату, атласу, камки, тафты, камлоту всякаго рода парчевыхъ матерій, или тканыхъ золотомъ или серебромъ, а также конской сбруи, поясовъ, шпагъ, кинжаловъ, стреляныхъ, золоченныхъ, серебряныхъ или насѣченыхъ шпоръ, подъ страхомъ конфискаціи означенныхъ товаровъ... Кромѣ того, запрещаемъ ввозъ въ наше королевство и въ наши владѣнія всякаго рода иностранныхъ ковровъ, изъ какого бы то ни было матерьяла и какого бы то ни было вида, подъ страхомъ такого же наказанія, какъ сказано выше.» Рядомъ встрѣчается въ томъ же духѣ указъ о приготвленіи суконъ (2 марта 1571) и другой (іюнь 1572) объ установленіи процента за ссуду въ 6 на сто.

Франц. изд.

продовольствія и на фабричныя издѣлія королевства; понизить ввозныя пошлины па все, необходимое для фабрикъ; отстранить, посредствомъ возвышенія пошлинъ, произведенія иностранныхъ фабрикъ*.»

Таковъ былъ смыслъ его перваго тарифа, изданнаго въ сентябрѣ 1664 года. Онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, поощрить снабженіе Франціи сырыми матерьялами, и облегчить внутреннюю торговлю уничтоженіемъ провинціальныхъ заставъ и учрежденіемъ таможенныхъ линій на границахъ государства. Встрѣченныя Кольберомъ во многихъ мѣстностяхъ сопротивленія долгое время парализировали его добрыя намѣренія, но своею неуклонной настойчивостью онъ достигъ того, что скоро вся Франція начала сознавать благодѣтельное дѣйствіе его реформъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать ему, состоитъ въ томъ, что онъ употребилъ во зло покровительство, усиливъ въ тарифѣ 1667 запретительныя мѣры тарифа 1664 года, направленные противъ произведеній иностранныхъ мануфактуръ. Съ этихъ поръ изъ вопроса промышленнаго они сдѣлались вопросомъ войны, на первый случай съ Голандіей, война съ которой, послѣ продолжительныхъ и безплодныхъ переговоровъ, возгорѣлась въ 1672 году. Новый тарифъ исключалъ множество голландскихъ товаровъ; въ отвѣтъ на него Голландія запретила ввозъ французскихъ винъ, водокъ и фабричныхъ издѣлій. Земледѣліе, и безъ того находившееся въ бѣдственномъ состояніи, вслѣдствіе запрещенія вывоза хлѣба, одного изъ заблужденій Кольбера, было сильно потрясено новымъ запрещеніемъ, касавшимся его важнѣйшихъ произведеній. Съ той же эпохи начались первыя войны и торговая мечь между Франціею и Англіею, стоившія столько крови и слезъ обоимъ народамъ. Подъ вліяніемъ системы Кольбера, во Франціи, въ одно и то же время, промышленность процвѣтала, а земледѣліе находилось въ состояніи упадка. Быть можетъ, изъ боязни уменьшенія населенія, Кольберъ издалъ въ ноябрѣ 1666 указъ, совершенно противорѣчащій духу Мальту-

* Forbonnais, *Considérations sur les finances*, т. II, стр. 434.

сова ученія, указъ, въ силу котораго каждый отецъ семейства, имѣвшій десять человѣкъ дѣтей, освобождался отъ платей на всю жизнь; если онъ былъ дворянинъ, то получалъ пенсію въ тысячу франковъ, а если у него было двѣнадцать человѣкъ дѣтей, то въ двѣ тысячи. Такого же рода льготы освобождали отъ податей на пять лѣтъ молодыхъ людей, вступавшихъ въ бракъ на двадцатилѣтнемъ возрастѣ; правительство же вознаграждало себя тѣмъ, что холостые, двадцатилѣтніе юноши несли подати, находясь даже подъ отцовскою властью. Въ то же самое время Кольберъ старался остановить распространеніе религіозныхъ общинъ; онъ запретилъ частнымъ лицамъ отказывать имъ или продавать на вѣчныя времена какія бы то ни было имущества. Но эти мѣры не дали никакихъ дѣйствительныхъ результатовъ. Распоряженія его, имѣвшія въ виду открыть своему отечеству новые источники богатства, оказались болѣе вѣрными, чѣмъ преміи, поощрявшія плодородіе дворянъ; ибо послѣднія рѣшились отмѣнить уже въ 1683, такъ какъ онѣ породили больше злоупотребленій, чѣмъ сколько доставили гражданъ.

Нимвегенскій миръ принудилъ Францію отказаться и отъ исключительной системы, введенной Кольберомъ для противудѣйствія иностраннымъ фабрикамъ. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ какое нибудь событіе приносило измѣненія въ исключительныя воззрѣнія этого государственнаго человѣка; но доктрины его запретительной системы нашли себѣ почву, на которой онѣ свято хранились подъ защитой личнаго интереса. Французскіе фабриканты привыкли считать своимъ правомъ покровительство, дарованное имъ, какъ милость; и то, что въ мысли Кольбера должно было быть только временной мѣрой, сдѣлалось въ ихъ глазахъ неизмѣннымъ закономъ. Необыкновенное промышленное развитіе, бывшее слѣдствіемъ его системы, изданныя для поддержанія ея постановленія, сама громкая слава ея изобрѣтателя, все содѣйствовало распространенію гибельнаго ученія о естественной неприязни между мануфактурными народами. Отсюда же родились избитыя, ходячія, хотя и лишеныя всякаго смысла въ настоящее время, фразы о какой то воображаемой опасности

сдѣлаться данникомъ иностраннаго производства, допустить, чтобы иностранные товары завладѣли нашимъ рынкомъ, позволить похищать у насъ наше золото, и тысячи другихъ, имъ подобныхъ; какъ будто всѣ вообще покупатели не данники продавцевъ, а продавцы, въ свою очередь, не данники покупателей; какъ будто народъ не долженъ получать, наконецъ, въ обмѣнъ на свои товары, товары своихъ сосѣдей, если только онъ не дастъ имъ своего золота. Иначе не было бы и торговли, ибо что же у насъ будетъ за торговля, если мы не захотимъ, ни выпускать золота, ни принимать товаровъ? Европа долго еще будетъ жертвою этого предразсудка, причинившаго ей уже столько войнъ и бросившаго всѣ народы по опасному пути привилегированныхъ отраслей промышленности. Нѣтъ, на памяти Кольбера не лежитъ отвѣтственности за такое безуміе, и напрасно одни прославляютъ его за это, а другіе порицаютъ; Кольберъ былъ человѣкъ высокой честности, врагъ всякихъ монополій и самый страшный противникъ всѣхъ привилегій. Этотъ государственный дѣятель, уже мечтавшій о равномъ распредѣленіи податей, и умѣвшій говорить своему государю горькія истины, не рѣшился бы организовать тотъ печальный порядокъ вещей, который окрестили его именемъ.

Мы только замѣтимъ, что между великими сооруженіями, предпринятыми имъ для расширенія путей сообщенія во Франціи, должно упомянуть и о Лангедокскомъ каналѣ, превосходномъ подражаніи Бриарскаго, и далеко оставившемъ за собою свой образецъ. Нашею задачею было оцѣнить главную мысль Кольбера, а не излагать въ подробности всѣ его дѣла; а простаго перечисленія его экономическихъ предпріятій достаточно, чтобы мысль эта всплыла наружу. Во все продолженіе своего управленія Кольберъ дѣлалъ только такія ошибки, которыя были ему свыше предписаны, или которыя были вызваны, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, его преувеличенною любовью къ своему отечеству. Къ числу этихъ ошибокъ должно отнести чрезмѣрные пошлины, установленныя тарифомъ 1667, съ цѣлью обезпечить Франціи собственное производство тѣхъ предметовъ, которые она получала

изъ за границы; впрочемъ, надо прибавить, что даже и этотъ тарифъ не заключалъ въ себѣ собственно ни одного рѣшительнаго запрещенія. «Кольберъ очень хорошо понялъ, что ввозная пошлина, въ особенности, если она велика, оказываетъ такую же услугу, какъ и прямое запрещеніе ввоза. Но въ такомъ случаѣ, если промышленность, несмотря на покровительство тарифа, не умѣетъ или не желаетъ удовлетворить вкусу потребителей, то послѣдніе все же могутъ еще обращаться къ иностраннымъ произведеніямъ, съ платою за это произвольныхъ пошлинъ, отъ которыхъ отказывается національная промышленность и которыми пользуется въ такомъ случаѣ государство. Такое стѣсненіе свободы возбуждаетъ между народами промышленное соревнованіе, которое, напротивъ того, подавляется внутреннею монополіей*.» Кольберу, разумѣется, и въ голову не приходило, что наступитъ день, когда для французской промышленности, послѣ того какъ она займетъ должное ей мѣсто въ Европѣ, окажется недостаточенъ его тарифъ, и что къ нему будутъ присоединены запрещенія, которыя онъ считалъ лишними для ея преуспѣянія даже въ самомъ ея началѣ. Нашей эпохѣ, столь справедливо гордящейся успѣхами фабрикъ, суждено было потребовать одновременно, какъ медалей для ихъ вознагражденія, такъ и запрещеній для ихъ поддержки. Мы были бы счастливы, еслибы въ этомъ отношеніи, могли вернуться ко временамъ Кольбера и его тарифовъ; еще счастливѣе считали бы мы себя, еслибы наши посланники получали иногда такія же смѣлыя инструкціи, какія посылались имъ Безье и Помпону. Пора перестать прикрывать именемъ Кольбера многочисленныя монополіи, которыми осаждена въ настоящее время Франція. Монополіи эти—произведеніе несчастныхъ временъ, пройденныхъ нынѣшнимъ поколѣніемъ; всѣ онѣ появились послѣ трактата 1786, и только вслѣдствіе войнъ революціи и имперіи. Возстановленныя, какъ орудія ненависти и истребленія, онѣ не должны бы были пережить войны: будемъ надеяться, что онѣ не переживутъ мирнаго времени.

* Bailly, *Histoire financière de la France*, т. I, стр. 554.

ГЛАВА XXVII.

Политическая экономія въ царствованіе Людовика XIV.—Его постановленія о торговлѣ.—О водяныхъ сообщеніяхъ и лѣсахъ.—О неграхъ.—Советы *присяжныхъ*.—Законы о бѣдныхъ.—Основаніе *воспитательныхъ домовъ*.—Учрежденіе торговыхъ компаній.—Теоріи экономистовъ того времени: Вобана, Буагильбера и аббата Сен-Пьера.

Если, какъ выразился когда то одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей*, «законы представляютъ лучшій и поучительнѣйшій памятникъ для исторіи», то нѣтъ законодательства, болѣе интереснаго для политической экономіи, какъ то, которое издано было въ царствованіе Людовика XIV. Мы уже познакомили читателя съ основною мыслью великаго министра, которому это царствованіе обязано такимъ блескомъ; теперь время указать на дѣянія, бывшія ея выраженіемъ, совокупность которыхъ представляетъ лучшій памятникъ, какой когда либо воздвигался правительствомъ для экономической науки. И дѣйствительно, онъ одинъ остался невредимымъ среди окружающихъ его развалинъ прошлаго; онъ до сихъ поръ царитъ съ высоты своего величія надъ всѣми нашими учрежденіями, все еще запечатлѣнными, несмотря на всѣ удары революцій, самобытностью, внушающею къ нему уваженіе. Кольберу принадлежитъ честь его сооруженія для Франціи; онъ первый понялъ, и вполне оцѣнилъ всѣ источники народнаго богатства. Сюлли хотѣлъ удержать Францію въ тѣсныхъ предѣлахъ исключительно земледѣльческой и патріархальной системы; онъ всѣми силами противудѣйствовалъ развитію фабрикъ, и въ торговлѣ видѣлъ одну только опасность вывоза звонкой монеты. Его суровыя политико-экономическія воззрѣнія продолжали свое дѣйствіе и въ царствованіе Людовика XIII, и выразились преслѣдованіями роскоши и постановленіями, враждебными развитію богатствъ. Кольберъ открылъ дорогу народному труду правильными и обдуман-

* Тьеръ, въ статьѣ о Лау въ *Encyclopedie progressive*.

ными мѣрами, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что его законодательство почти на цѣлое столѣтіе опередило нынѣшнія экономическія теоріи. Ему обязана Франція расширеніемъ своихъ предѣловъ и открытіемъ сношеній съ цѣлымъ міромъ; онъ вывелъ ее изъ ряда исключительно земледѣльческихъ государствъ, и обогатилъ ее новою цѣнностью, полученной теперь одновременно, какъ ея территоріей, такъ и ея населеніемъ. Эта эпоха навсегда останется славною въ лѣтописяхъ науки, ибо она доказала тѣсную зависимость между матерьяльнымъ и общественнымъ развитіемъ. Сколько промышленныхъ учрежденій обязано было своимъ возникновеніемъ тѣмъ прекраснымъ постановленіямъ о мореплаваніи, о торговлѣ, о фабрикахъ, исполнителемъ которыхъ былъ Кольберъ! При внимательномъ ихъ изученіи, нельзя не замѣтить, что они вызвали могущественную соперницу поземельной аристократіи, предоставивъ возможность каждому гражданину достигнуть богатства при содѣйствіи одного только труда. Народныя силы были удвоены, и дали возможность Людовику XIV, въ періодъ продолжительнаго своего царствованія, поставить Францію въ рядъ первостепенныхъ державъ; какъ бы счастливъ онъ былъ, еслибы не злоупотреблялъ громадными средствами, созданными его министромъ! Даже наше время, столь обильное смѣлыми предпріятіями, ничего не можетъ представить, что бы могло быть сравнено по смѣлости съ созданіями этой эпохи; они какъ бы вылиты были разомъ въ одну форму, до такой степени они проникнуты единствомъ цѣли и соотношенія между собою.

Прежде всего, положеніе бѣдныхъ обратило на себя вниманіе правительства. Въ то самое время, какъ въ Англіи ихъ преслѣдовали и мучили, на основаніи законовъ Генриха VIII, Кольберъ выхлопоталъ указъ объ учрежденіи для нихъ въ Парижѣ пріюта, который принималъ бы ихъ, *какъ живыхъ членовъ церкви, а не какъ бесполезныхъ членовъ государства**. Другимъ указомъ (въ іюнѣ 1662), признана необходимость учрежденія въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ ко-

* Апрельскій указъ 1656 въ *Collection d'Isambert*, т. XVII, стр. 326.

ролевства больницъ для бѣдныхъ, нищихъ и сиротъ, *чтобы могли они выучиться въ нихъ какому нибудь ремеслу, къ которому они окажутся способны.* Особья преміи выдавались въ награду тѣмъ мастеровымъ, которые женятся на питомицахъ *Приюта Милосердія (Hospice de la Miséricorde)*; король освобождалъ ихъ въ такомъ случаѣ отъ расходовъ, сопряженныхъ съ полученіемъ званія мастера. Постановленія, изданныя въ это царствованіе, свидѣтельствуютъ о постоянныхъ усиліяхъ этого государя искоренить изъ своего государства язву нищенства, важнѣйшій вопросъ всякой эпохи, и который въ настоящее время съумѣли разрѣшить только преслѣдованіями и тюремными заключеніями. Въ то же самое время заботливостью правительства учреждены были первые воспитательные дома для подкидышей*, превратившіеся впоследствии въ убѣжища, болѣе смертельныя для дѣтей, чѣмъ было бы совершенное ихъ оставленіе на произволъ судьбы; а нашъ прогрессъ въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, что мы собираемъ статистическія свѣдѣнія о числѣ умирающихъ въ нихъ дѣтей**. Я уже говорилъ о томъ, что сдѣ-

* Июльскій указъ 1670.

** По словамъ Макъ-Кулоха, въ Дублинскомъ воспитательномъ домѣ, съ 1791—1797, менѣе чѣмъ въ 6 лѣтъ, изъ 12,786 принятыхъ дѣтей умерло 12,561. (*Principles of political economy*, стр. 232).

Прим. автора.

Положеніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ улучшилось съ конца прошлаго вѣка, а смертность въ нихъ уменьшилась, но она все еще гораздо значительнѣе, сравнительно съ смертностью прочихъ дѣтей. Вотъ что говоритъ по этому поводу авторъ донесенія, представленнаго префекту департамента Сены о положеніи воспитательныхъ домовъ въ 1857. *Annuaire de l'Économie politique et de la Statistique* Гильомена, за 1859, стр. 276):

«Въ донесеніи моемъ въ 1851, относительно тѣхъ же заведеній, я имѣлъ случай показать, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій и положительныхъ данныхъ, что 50 изъ 100, или половина покидаемыхъ дѣтей погибаютъ въ первый годъ своей жизни, между тѣмъ какъ смертность не превышаетъ 35 процентовъ между дѣтьми бѣдныхъ женщинъ, замужнихъ или незамужнихъ, получающихъ пособіе въ минуту родовъ. Я хотѣлъ продлить изслѣдованія, и получить вѣрныя цифры до двѣнадцатаго года, и нашель, что изъ 3,507 дѣтей,

лаю было Кольберомъ для развитія фабрикъ. По несчастію, онъ слишкомъ пристрастенъ былъ къ регламентаціи. Трудно понять въ настоящее время эти щедро расточаемыя взысканія за ошибки въ механикѣ и химіи, какъ будто бы за нарушенія требованій нравственности. Впрочемъ, можетъ быть, подобная страсть была въ то время такъ же необходима, какъ суровые уставы для возникавшихъ монастырей; къ тому же, Кольберъ искупилъ ихъ столькими благодѣянiями, что не знаешь, можно ли обвинять его за нихъ. Ему казалось, что строгая дисциплина мастеровыхъ была лучшимъ средствомъ для охраненія ихъ отъ иностраннаго соперничества, и надо согласиться, что онъ сумѣлъ поддержать ее въ нихъ неутомимою строгостью. Съ этого то времени начала распространяться слава французскихъ издѣлій, и превосходство ихъ вскорѣ было признано на рынкахъ всего міра. Образцовыми произведеніями начала французская промышленность ту блистательную карьеру, которая продолжается до настоящаго времени: она до сихъ поръ живетъ славными преданіями сво-

родившихся и поступившихъ въ воспитательный домъ въ 1844, 2,659 умерло, не достигнувъ двѣнадцатилѣтняго возраста, что составляетъ 75, 81 процентовъ. Такимъ же образомъ, изъ 3,563 дѣтей, родившихся и поступившихъ въ 1845, умерло въ продолженіи 12 лѣтъ 2,700, или 75,77 процентовъ. Средняя смертность для всего населенія Франціи, до 12 лѣтняго возраста, составляетъ всего, по таблицамъ Дювильяра, 42 процента; но это отношеніе, безъ сомнѣнія, было бы значительнѣе, еслибы оно выведено было только для дѣтей бѣдныхъ семействъ въ большихъ центрахъ населенія.

«Средняя смертность для покидаемыхъ дѣтей всѣхъ возрастовъ составляетъ 13,47 процентовъ до 12 лѣтняго возраста, между тѣмъ какъ она составляетъ 75 процентовъ исключительно для дѣтей, покидаемыхъ въ первый годъ.

«Съ 12 лѣтъ до 21 года смертность, къ счастью, весьма незначительна: поэтому, и разница между числомъ учениковъ, достигающихъ того и другаго возраста, мало замѣтна.» Франц. изд.

Желающихъ познакомиться ближе со всѣми этими цифрами, а также со смертностью Петербургскаго воспитательнаго дома, отсылаемъ къ сочиненію Мальтуса: *Опытъ о законѣ народонаселенія*, гдѣ этотъ вопросъ разработанъ съ замѣчательною полнотой и всесторонностью. Рус. перев.

его знаменитаго основателя. Единая верховная мысль заправляла всѣми успѣхами производства, дисциплинированнаго, подобно арміи, и если однообразныя постановленія стѣсняли иногда отдѣльныя дарованія, то существованіе ихъ для всей массы работниковъ было въ высшей степени благопріятно.

Общія воззрѣнія Кольбера чувствовались всюду. Его геній слѣдилъ съ одинаковой заботливостью за успѣхами земледѣлія, промышленности и торговли. Въ этомъ и состоитъ его истинная заслуга, и между тѣмъ какъ мы ведемъ споры объ относительномъ значеніи этихъ трехъ элементовъ общественнаго благосостоянія, онъ съ равною заботливостью покровительствовалъ всѣмъ этимъ тремъ отраслямъ производства. Распоряженіемъ 25 января 1671 запрещено было отбирать у земледѣльцевъ скотъ *, какъ нѣкогда, закономъ Сюлли, воспрещалось отбирать у нихъ, за неплатежъ податей, земледѣльческія орудія. Іюльскимъ постановленіемъ 1656 предписано было приступить къ осушенію болотъ. Рѣшеніемъ Совѣта 17 октября 1665 года, относительно возстановленія конскихъ заводовъ, положено было основаніе этой отрасли сельскаго хозяйства, которая уже съ давнихъ поръ приносила бы намъ большія выгоды, еслибы послѣдующая администрація была проникнута благотворными воззрѣніями ихъ основателя. Наконецъ, превосходный указъ о водахъ и лѣсахъ, надъ которымъ восемь лѣтъ трудился Кольберъ, послужилъ основаніемъ нашего лѣснаго законодательства. Но отстраненія естественныхъ затрудненій для земледѣльческаго производства было еще недостаточно: какую пользу могло бы доставить это возникшее изобиліе, еслибы не были открыты рынки для продажи его произведеній?

Кольберъ обратилъ свое вниманіе на важное значеніе дорогъ, которыя и были въ скоромъ времени исправлены, даже съ роскошью, какую только позволяли средства тогдашней Франціи. Открытіе канала, соединяющаго оба моря (Лангедокскаго), проектъ Бургундскаго канала и вся та смѣлая сѣть

* «Онъ не хотѣлъ, говоритъ Неккеръ, чтобы за несчастіе наказывалось невозможностью его исправленія.»

Прим. автора.

дорогъ, такъ искусно осуществленная въ позднѣйшее время, служатъ разительнымъ доказательствомъ заботливости Кольбера въ этомъ отношеніи. Его предшественники, повидимому, только и думами, что о разъединеніи между собою французскихъ провинцій, и объ отдѣленіи Франціи отъ остальной Европы; онъ же руководствовался мыслью только объ ограниченіи числа таможенныхъ заставъ и объ увеличеніи торговыхъ сношеній. Для промышленности онъ создалъ совѣтъ присяжныхъ *; для торговли издалъ, одно вслѣдъ за другимъ, распоряженіе ** о значеніи и употребленіи векселя, и безсмертный мартовскій указъ 1673, первый уставъ торговыхъ постановленій Франціи. Но самыя неоцѣненные услуги оказаны имъ были французскому мореплаванію. До указа о мореходствѣ ***, впервые установившаго очнымъ образомъ глав-

* *Conseil de prud' hommes, probi, prudentes homines*. Объ этомъ совѣтѣ упоминается въ первый разъ при Людовикѣ IX, создавшемъ его для обсужденія сообща вопроса о деньгахъ. Потомъ назначеніе этихъ совѣтовъ было оцѣнивать и испытывать доброту товаровъ; еще позже — разбирать споры между купцами, посѣщавшими парижскую ярмарку. Теперь, во Франціи, они судятъ всякаго рода ссоры, недоразумѣнія и тяжбы между хозяевами и работниками. (*Dict. d'Écon. Polit.*)

Рус. перев.

** Августъ 1669.

*** 9-го января 1664 г. Чтобы дать понятіе о широкомъ и смѣломъ взглядѣ Кольбера на всѣ эти вопросы, приведемъ начало этого указа:

«Людовикъ, и пр.

«Послѣ различныхъ указовъ, изданныхъ нами съ цѣлью устроить на хорошихъ законахъ управленіе финансами и юстиціей, и послѣ славнаго мира, которымъ угодно было Богу увѣнчать наши послѣднія побѣды, мы нашли, что для полного достиженія благоденствія нашихъ подданныхъ остается только доставить имъ изобиліе, облегченіемъ и развитіемъ торговли, представляющей одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ народнаго благосостоянія: а такъ какъ морская торговля есть самая важная, то мы нашли необходимымъ обогатить берега нашего государства гаванями и кораблями, для безопасности и удобства мореплавателей, пристающихъ въ настоящее время во всѣ порты нашего королевства; но такъ какъ столько же необходимо оградить торговлю хорошими законами, сколько предоставить ей свободу и удобства хорошими гаванями и силою оружія; такъ какъ наши постановленія постановленія, нашихъ предшествен-

нѣйшія его основанія, морской торговли почти не существовало во Франціи; Кольберъ далъ ей толчекъ, и призвалъ ее къ жазни. Подъ его руководствомъ образовались компаніи обѣихъ Индій, достойныя соперницы городовъ бывшей Ганзы. Колонія изъ Ла-Рошели вышла, чтобы населить Кайенну; другая овладѣла Канадой, и положила основаніе Квебеку; третья утвердилась на Мадагаскарѣ. Торговля съ Левантомъ оживилась; заведены были торговыя сношенія съ сѣверными странами; торговля съ колоніями разширилась. Сенегальская компанія, сначала организованная на началахъ монополіи, вскорѣ причислена была къ государственнымъ имуществамъ, а указъ о неграхъ (*code noir*) * сдѣлался первою конституціонною хартіею несчастнаго племени, которое должно было впоследствии освободиться просвѣтившеюся Европой.

Мы не знаемъ, чему болѣе удивляться: единствомъ ли этого обширнаго экономическаго законодательства, или же вѣрностью соображеній, служившихъ ему основаніемъ. Кольберъ постоянно старался окружать себя людьми, свѣдущими съ тѣми предметами, за преобразование которыхъ онъ брался своей мощной рукой; онъ обращался къ нимъ съ вопросами, выслушивалъ ихъ возраженія, и часто измѣнялъ свои предначертанія, согласно съ ихъ указаніями. Онъ приказалъ завести разсадники разнаго рода растеній въ Рульскомъ предмѣстьи, и перевозочныя суда на Сенѣ. Онъ учредилъ городскую почту ** и усовершенствовалъ государственную. Онъ приказалъ углубить русло Марны, и устроилъ въ Дюнкирхенѣ

венниковъ и римское законодательство содержать только весьма немного распоряженій для рѣшенія споровъ, возникающихъ между купечествомъ и моряками, то мы полагали, что для удовлетворенія всѣхъ потребностей мореплаванія и торговли, весьма важно установить судопроизводство по морскимъ договорамъ, въ настоящее время неудовлетворительное, опредѣлить права чиновниковъ адмиралтейства и обязанности моряковъ, и устроить хоршую полицію въ въ портахъ, гаваняхъ и по морскимъ берегамъ на всемъ протяженіи нашихъ владѣній.

«Вслѣдствіе этого, и проч.»

Прим. автора.

* Мартъ 1685.

** Май 1653.

свободный портъ. Его распоряженіями, указами, предписаніями, инструкціями, повелѣніями, менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, отстранены были почти всѣ препятствія, стѣснявшія торговлю хлѣбомъ, виномъ, лѣсомъ, табакомъ, драгоценными металлами. Казалось, будто Франція до этихъ поръ еще не знала самое себя, и что только министръ Людовика XIV сталъ знакомить ее съ собственнымъ ея могуществомъ: столько вдругъ возникло въ ней важныхъ фабрикъ, и такіе многочисленныя флоты стали выходить изъ ея гаваней. Хотя великій Кольберъ никогда не излагалъ систематически * своихъ мыслей, и не издавалъ ничего, что слыветъ въ настоящее время подъ названіемъ программы, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать въ немъ одного изъ самыхъ смѣлыхъ преобразователей, какіе только упоминаются исторіей. Вышедшій изъ трудолюбиваго класса и достигшій до самыхъ высокихъ почестей собственными заслугами, онъ не переставалъ заботиться объ облегченіи судьбы низшихъ слоевъ общества, и, по свидѣтельству современныхъ писателей, имѣлъ на столько мужества, что не рѣдко оказывалъ сопротивленіе расточительности Людовика XIV **. Какъ прекрасна была Франція,

* Вотъ что говоритъ по этому поводу Форбонне, лучший его историкъ:

«Хотя семейство его передало мнѣ всѣ бумаги, оставшіяся по смерти этого великаго человѣка, трудно повѣрить, какъ мало излежъ я изъ нихъ пользы. Нѣсколько государственныхъ предположеній за послѣдніе годы, краткія и отрывочныя помѣтки на поляхъ могли только отчасти удовлетворить мое любопытство. Я хотѣлъ узнать духъ этого человѣка, а единственный, оставшійся послѣ него памятникъ состоялъ изъ двухъ листовъ бумаги, свернутыхъ пополамъ и исписанныхъ замѣтками. Указы, постановленія и распоряженія по экономическимъ вопросамъ оказались единственнымъ моимъ источникомъ.» (*Considérations sur les finances de France*, т. I, стр. 271).

Прим. автора.

** Кольберъ дѣлалъ представленія самому королю въ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ это видно изъ одной записки, изъ которой я привожу слѣдующее мѣсто:

«Что касается до расходовъ, то хотя это дѣло нисколько до меня не касается, я только умоляю ваше величество позволить мнѣ высказать, что ни въ войнѣ, ни въ мирѣ, вы никогда не сообразова-

пока этотъ государь не поглотилъ всѣ ея сокровища, скопленные Кольберомъ! Еще ни разу не было доказано до такой очевидности, какіе успѣхи можетъ сдѣлать великій и талантливый народъ подъ руководствомъ людей, способныхъ понять и направить его силы!

Вотъ почему, даже послѣ тѣхъ невзгодъ, которыми сопровождалась старость Людовика XIV, даже послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, Франція не безвозвратно упала съ высоты того величія, до котораго она достигла. Потеря пятисотъ тысячъ трудолюбивѣйшихъ ея сыновъ, безъ сомнѣнія, была для нея жесточайшимъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что она никогда не могла оправиться отъ нея; но привычки къ порядочности и къ трудолюбію, которыми они отличались, разнесены были ими по всей Европѣ, и такимъ образомъ, совершенное Кольберомъ великое дѣло обновленія потеряло характеръ узкой національной исключительности, который оно, быть можетъ, удержало бы за собой безъ этой фанатической мѣры. Каждому государству Европы пришлось тогда воспользоваться благодѣяніями, доставленными этимъ государственнымъ человѣкомъ: Германія, Англія, Швейцарія, Голландія, вмѣстѣ съ французскими изгнанниками, получили въ наслѣдство наши фабрики, а съ ними, къ несчастію, и тѣ исключительныя воззрѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ онѣ зарождались. Никому не приходило въ голову, что Кольберъ оказывалъ промышленности только временное покровительство, чтобы дать ей время стать на ноги, и окрѣпнуть. Развитія фабрикъ стали искать въ запрещеніи, между тѣмъ какъ онѣ основывалъ его на соревнованіи; и запрещенія, съ болѣ-

лись съ финансами, относительно расходовъ; это до такой степени необыкновенно, что безъ сомнѣнія, еще не было такого примѣра; еслибы ваше величество соблаговолили приказать представить себѣ и сравнить отчеты за прошлое время и прошлые годы за двадцать пять лѣтъ, которыя я имѣю честь служить вамъ, то усмотрѣли бы, что хотя доходы сильно увеличились, но расходы всегда значительно превышали ихъ; быть можетъ, это убѣдило бы ваше величество умѣрить и сократить излишнія траты, и такимъ образомъ привести хотя въ нѣкоторое равновѣсіе доходы съ расходами.» Прим. автора.

шими или меньшими ограниченіями, всюду еще употребляютъся въ дѣло, потому что гораздо легче отстранить соперниковъ, чѣмъ превзойти ихъ. Вотъ какимъ образомъ распространилась въ Европѣ система Кольбера; она оказалась роковою для Франціи потому только, что подвергла ее возмездію со стороны сосѣдей въ то самое время, когда отмѣна Нантскаго эдикта обезоружила ее промышленность. Кольберъ посялъ: жатву собрали иностранцы.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на всѣ эти явленія, безъ которыхъ исторія политической экономіи въ царствованіе Людовика XIV останется необъяснимой. Самому Кольберу приходилось передѣлывать собственное свое произведеніе подъ вліяніемъ несчастныхъ событій и требованій окружавшихъ его обстоятельствъ. Звонкая монета, которую тарифы его имѣли въ виду удержать во Франціи, миллионами вывозилась изъ нея во время продолжительнаго преслѣдованія протестантовъ, а съ ними уходила и большая часть нашихъ искусствъ и промышленныхъ секретовъ. Мы лишились одновременно, не только огромныхъ капиталовъ *, но и того труда, который одинъ только могъ вознаграждать за ихъ потерю. Съ этой бѣдственной эпохи стали возникать самыя богатая иностранная фабрики, и распространяться та жажда ко всякаго рода монополіямъ, которая характеризуетъ меркантильную систему. Было время, когда во всѣхъ книгахъ только и доказывались, что выгоды накопленія звонкой монеты и опасность ея вывоза. Сами голландцы, заводя у себя фабрики, стали горячо защищать запретительную систему, а англійскіе писатели этой эпохи наперерывъ старались доказать вредъ, который вызывается обмѣномъ, всякій разъ какъ въ итогѣ онъ кончается для государства вывозомъ звонкой монеты. «Вѣрнѣйшее средство для обогащенія народа, писалъ Томасъ Мунъ **, состоитъ въ томъ, чтобы онъ продавалъ каж-

* Макферсонъ, (*Annales du commerce*, т. II, стр. 617) полагаетъ, что тогда въ одну Англію изгнанниками было ввезено болѣе, чѣмъ на сто миліоновъ франковъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Прим. автора.

** *England's treasure by foreign trade*, стр. 11.

дый годъ иностранцамъ болѣе товаровъ, чѣмъ сколько покупалъ у нихъ.» Его соотечественники, лордъ Давенандъ, сэръ Юссія Чайльдъ и Стевартъ; во Франціи Мелонъ и Форбонне; въ Италіи Женовези и его школа, въ Испаніи Устарицъ твердили то же самое; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго что вся Европа освятила предразсудки, запечатлѣнные извѣстнымъ оттѣнкомъ патриотизма.

Неодолимая сила принциповъ, тѣмъ не менѣе, видоизмѣнилась, даже при его зарожденіи, это исключительное стремленіе правительствъ въ промышленныхъ вопросахъ. Почти всѣ они смягчали торговыми договорами, то есть, настоящей уступкой привилегій, суровое дѣйствіе новыхъ тарифовъ. Они какъ будто чувствовали необходимость вознаградить другъ друга за зло, неизбежно причиняемое имъ другъ другу запретительной системой. Уже при Людовикѣ XIV не только начали опровергать подобныя теоріи, но и подымать гораздо болѣе важные и опасные вопросы. Расточительность конца этого царствованія довела общественную нищету до крайней степени. Всѣ источники доходовъ, созданные гениемъ Кольбера, были истощены. Нерѣдко онъ самъ вынужденъ былъ прибѣгать къ притѣснительнымъ мѣрамъ, чтобы удовлетворить требованіямъ своего государя, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ увеличивалъ налоги, наперекоръ своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ. «Надобно беречь и 5 су въ бесполезныхъ тратахъ, говорилъ онъ Людовику XIV, и не жалѣть мильоновъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ или славѣ отечества. *Безполезный пиръ, на который истрачивается 3,000 ливровъ, сильно меня огорчаетъ, но если потребуется мильонъ золота для Польши, я готовъ заложить жену и дѣтей, а самъ весь вѣкъ ходить пѣшкомъ, чтобы только добыть его.*» Вотъ что былъ за человѣкъ, похороны котораго возмущены были ослѣпленнымъ народомъ, и котораго принуждены были похоронить на кладбищѣ св. Евстафія, ночью, какъ какого нибудь государственнаго преступника.

Эта благородная откровенность не погибла вмѣстѣ съ нимъ, и послѣ его смерти нашлись великодушные люди, рѣшившіеся поднять свой голосъ въ защиту принциповъ и народныхъ

интересовъ. Маршалъ Вобанъ, въ *Проекты королевской десятины (Projet d'une dime royale)* * не замедлилъ высказать самыя горькія истины. «Изъ всѣхъ наблюденій, которыя въ теченіи многихъ лѣтъ мнѣ удалось сдѣлать, я вывелъ несомнѣнное заключеніе, что въ послѣднее время почти десятая часть всего населенія обречена на нищенство, и дѣйствительно просить милостыню. Изъ девяти остальныхъ частей, пять вовсе не въ состояніи подавать ее, потому что сами должны ограничиться самымъ необходимымъ; изъ послѣднихъ четырехъ частей три находятся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, обремененные долгами и тяжбами, и изъ одной, послѣдней десятой части, въ которую я включаю всѣхъ людей военнаго, духовнаго и служебнаго званія, все дворянство, богатое купечество и мѣщанъ, пользующихся какимъ либо доходомъ или достаткомъ, едва ли можно считать болѣе чѣмъ на сто тысячъ семействъ, и я не ошибусь, если скажу, что не найдется и десяти тысячъ семействъ, большихъ и малыхъ, о которыхъ можно было бы сказать, что они находятся въ изобиліи.»

Подобно Кольберу, Вобанъ былъ пораженъ неравнымъ распределеніемъ податей, величайшею язвой того времени, и возставалъ противъ привилегій, въ силу которыхъ богатѣйшіе классы общества были освобождены отъ налоговъ. Ему пришла въ голову мысль, что доходы, получаемые правитель-

* Первое его изданіе вышло въ 1707 (годъ смерти Вобана); слѣдовательно, слова Вобана можно отнести къ послѣднимъ годамъ XVII столѣтія. Проектъ Десятины однако не остался мертвою буквою. Въ 1714 году, доведенное до крайности государственное казначейство Людовика XIV, не довольствуясь обыкновенными средствами прежнихъ налоговъ, и безъ того въ конецъ разорившихъ Францію, вздумало приложить на практикѣ мѣры, предложенныя Вобаномъ. Но приведенная въ исполненіе система десятинь не имѣла ожидаемыхъ результатовъ, и въ одинаковой степени оказалась невыгодной, какъ для дворянъ, такъ и для простаго народа. Ее отмѣнили на время, и впослѣдствіи снова потребовали привести въ исполненіе, во время регентства; но, несмотря на безкорыстное, энергическое содѣйствіе аббата Биньона и Рено д'Елизагаре, и отчасти Сплли и Дальмана, она снова не имѣла успѣха, какъ и походившая на нее система пропорціанальной подати съ поземельнаго дохода. Рус. перев.

ствомъ съ народа съ такими огромными издержками, можно было бы замѣнить однимъ общимъ, пропорціональнымъ поземельнымъ налогомъ, въ десятую часть дохода, натурой— со всѣхъ естественныхъ произведеній земли, и деньгами — со всѣхъ другихъ имуществъ, налогъ, который и названъ былъ имъ, поэтому, *королевскою десятиной*.

Экономическія его воззрѣнія имѣютъ весьма много общаго съ тою теоріей, которую, полвѣка спустя, думалъ осуществить Тюрго. Онъ требовалъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ и пониженія тарифа на иностранныя произведенія; уменьшенія на половину соляныхъ налоговъ и отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и церковной десятины. Въ предложенныхъ имъ преобразованіяхъ много было неисполнимаго; но принципы, служившіе имъ основаніемъ, свидѣтельствуютъ одновременно, какъ о его высокомъ умѣ, такъ и о его благородныхъ чувствахъ. «Ни одно государство, говорилъ онъ, не можетъ существовать безъ поддержки со стороны подданныхъ. Но такъ какъ *поддержка* должна охватывать собою всѣ потребности государства, то и участвовать въ ней обязаны всѣ подданные. Изъ этой необходимости вытекаетъ: во первыхъ, естественное обязательство для всѣхъ подданныхъ, къ какому бы они ни принадлежали сословію, принимать участіе въ этой поддержкѣ, пропорціонально своему доходу или заработку, *безъ всякаго исключенія кого бы то ни было изъ нихъ*, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; во вторыхъ, достаточно быть гражданиномъ этого государства, чтобы нести эту обязанность; въ третьихъ, всякая привилегія, стремящаяся къ освобожденію отъ такого участія, несправедлива и вредна; она не можетъ и не должна допускаться въ ущербъ для всего общества.» Но не въ однихъ только общихъ мѣстахъ финансовой науки проглядываетъ высокій умъ Вобана и его горячая любовь къ человѣчеству*; въ малѣйшихъ подробностяхъ онъ является

* Лучшій критическій разборъ воззрѣній Вобана находится въ сочиненіи Стеварта: *Recherches des principes de l'économie politique* кн. V, гл. 2.

Прим. автора.

Одно время, сочиненіе *Dîme royale* приписывали Буагильберу. Оно

искуснымъ администраторомъ и просвѣщеннымъ экономистомъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, достаточно прочесть изъ его *Dîme royale* главу о налогѣ на соль, въ которой переплетаются самыя глубокія соображенія съ самыми обыденными и общедоступными подробностями. «Соль, по его мнѣнью, есть манна, которую Богъ одарилъ родъ человѣческій, и на которую, повидимому, не слѣдовало бы налагать пошлинъ.» Далѣе онъ прибавляетъ: «Дороговизна соли до такой степени уменьшаетъ ея потребленіе, что причиняетъ въ государствѣ родъ голода, весьма ощутительный для народа, который въ такомъ случаѣ лишается возможности, за недостаткомъ соли, сдѣлать запасъ солонины для своего потребленія. Нѣтъ хозяйства, которое не могло бы прокормить свиньи; если же оно не дѣлаетъ этого, то за недостаткомъ соли; тогда и кушанье свое придется солить вполнину, а иногда и вовсе не солить.» Читая эти наивныя соображенія, не чудится ли, что слова эти принадлежатъ какому нибудь писателю древности? а между тѣмъ, книга Вобана извѣстна мало, хотя она и содержитъ въ себѣ главныя основанія экономической науки, за которыя мы ежедневно прославляемъ ея новѣйшихъ основателей.

Другой экономистъ вѣка Людовика XIV, равно забытый, Пьеръ Буагильберъ, яркими красками изобразилъ страданія и нужды своихъ современниковъ въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Подробности о Франціи въ царствованіе Людовика XIV (Détail de la France sous Louis XIV)*. Онъ беспощадно указываетъ на причины упадка Франціи, признаки котораго бросались всѣмъ въ глаза, и подобно Вобану, возстаетъ противъ неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ, противъ котораго бесполезно протестовалъ самъ великій Кольберъ. Таможни онъ щадитъ еще менѣе Вобана. «Онѣ оказываютъ почти такое же дѣйствіе, говоритъ онъ, какъ и винныя откупа (*aides*)*,

перепечатано въ первомъ томѣ *Collection des principaux économistes* Гильомена, съ прекрасной исторической статьей Дера *О жизни и трудахъ маршала Вобана*. Франц. изд.

* *Aides* назывались въ то время всѣ налоги на напитки. Прежде,

и даже еще худшее: не допуская иностранцевъ въ наши порты и принуждая ихъ отправляться въ другія страны за тѣмъ, что они получали насъ, или учиться нашему фабричному производству, привлекая къ себѣ нашихъ работниковъ.» Тотъ же вѣрный взглядъ замѣчается и во всѣхъ другихъ изслѣдованіяхъ о положеніи Франціи въ эту эпоху, положеніи плачевномъ, огорчавшемъ всѣхъ великодушныхъ людей и вызывавшемъ одинаковое безпокойство, какъ въ экономистахъ, такъ и въ поэтахъ, въ Буагильберѣ и Вобанѣ, какъ и въ Фенелонѣ и Расинѣ. Народонаселеніе всюду постоянно уменьшалось: «Числительность простаго народа значительно уменьшилась въ послѣднее время, говоритъ Вобанъ, войной, болѣзнями и несчастіями, погубившими много людей голодомъ и доведшими многихъ другихъ до нищенства.»

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что въ царствованіе Людовика XIV, вообще столь порицаемое, сдѣланы были весьма важныя реформы въ политической экономіи. Строго организованная промышленность создала образцовыя произведенія и удвоила наши производительныя силы; торговля достигла небывавшаго развитія, подъ покровительствомъ первостепенныхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать ея благосостоянію. Вина короля состояла въ томъ, что онъ тратилъ болѣе, чѣмъ сколько ему доставляли налоги, и препятствовалъ скопленію капиталовъ, которые довершили бы дѣло, начатое Кольберомъ. Доходы издерживались прежде, чѣмъ получались, и съ легкой руки Лувуа, уже открывалась бездна тѣми займами, которымъ суждено было измѣнить въ будущемъ финансовую науку и усовершенствовать теорію кредита. Франція обратилась въ громадную мастерскую, изъ которой уже стали пробиваться вопросы пауперизма, несмотря на незначительное еще употребленіе машинъ, и на стѣсненія, недопускавшія обременія фабрикъ рабочими, представляемья си-

вообще этимъ словомъ обозначалось всякое вспомошествованіе, доставлявшееся вассалами своему государю; при короляхъ первыхъ двухъ династій—даже военную службу; позже,—вообще всѣ налоги.

Рус. перев.

стемой корпорацій. Проектъ *Вѣчнаго мира* аббата Сен-Пьера *, если даже смотрѣть на него, какъ на утопію, содержитъ въ себѣ множество остроумныхъ взглядовъ на эти общественныя затрудненія, а знаменитая школа *Экономистовъ* восемнадцатаго вѣка уже вся обнаруживается въ этихъ знаменательныхъ словахъ Буагильбера: «Хотя изобиліе и величіе Франціи достигли необыкновенной степени, но, такъ какъ они составляютъ удѣлъ немногихъ, большинство же находится въ крайней нищетѣ, то это изобиліе и величіе не могутъ вознаграждать той потери, которую несетъ государство въ лицѣ своего большинства **.»

ГЛАВА XXVIII.

Распространеніе въ Европѣ меркантильной системы подъ именемъ *Кольбертизма*. — Она уравнивается контрабандой. — Вліяніе контрабанды на рѣшеніе экономическихъ вопросовъ.

Кольбера весьма несправедливо считаютъ основателемъ *меркантильной системы*; мы уже видѣли, что система эта, основанная на притязаніи — постоянно продавать и никогда не покупать, вышла изъ Испаніи, и была дѣломъ Карла V. Она извѣстна была во всей Европѣ, прежде чѣмъ получила названіе; Кольберъ, въ первые годы своего управленія, вовсе не былъ ея сторонникомъ, ибо всѣ его распоряженія этого времени скорѣе были благопріятны свободной торговлѣ. Только желая дать энергическій толчекъ какой либо фабричной отрасли, онъ принималъ въ соображеніе выгоды, которыя могли быть доставлены ей запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній. Всѣ фабриканты, находившіе выгоды въ повышеніи цѣны товаровъ, сдѣлались съ этой минуты его помощниками, и стали горячо защищать систему, обѣщавшую имъ огромные барыши. Но въ то же самое время часть пошлинъ, взимава-

* О немъ написалъ Молилари книгу подъ заглавіемъ, *L'abbé de St.-Pierre et ses oeuvres*. 1857. Рус. перев.

** *Détail de la France sous Louis XIV*, гл. VII, ч. I.

шихся съ привозныхъ товаровъ, поступала въ казну; такъ что ея покровительство подобнымъ мѣрамъ еще болѣе способствовало утвержденію всеобщаго предразсудка. Никто не рѣшался порицать мѣру, которая одновременно обогащала и частныхъ лицъ, и государство.

И дѣйствительно, съ разу нельзя было оцѣнить весь вредъ, который могъ произойти для страны отъ принятія подобной системы. Фабрики возникали всюду; высокія цѣны мануфактурныхъ издѣлій доставляли фабрикантамъ большіе барыши, и содѣйствовали скопленію ихъ капиталовъ. Французскія шелковыя фабрики, зеркальныя, суконныя, ковровыя, не знали соперниковъ; вся Европа платила имъ дань; какъ вдругъ иностранцы вздумали обратиться къ стѣснительнымъ мѣрамъ, и не впускать къ себѣ французскія произведенія. На тарифѣ 1667 года голландцы отвѣтили въ 1671 запрещеніемъ ввоза французскихъ винъ и водокъ; и эта ссора, вначалѣ исключительно торговая, тѣмъ неменѣе была одною изъ главныхъ причинъ войны 1672 года, потому что, по условіямъ Нимвегенскаго мира, пришлось смягчить тарифы. Какъ бы то ни было, эта язва заразила всѣ народы, и съ этой эпохи война тарифами не прекращалась.

Другое печальное слѣдствіе меркантильной системы состояло въ безусловномъ подчиненіи работниковъ капиталистамъ, и въ увеличеніи частной нищеты, рядомъ съ развитіемъ общаго богатства. Съ тѣхъ поръ это жестокое противурѣчіе не переставало тревожить новѣйшія общества. Искусственное и лихорадочное производство заняло мѣсто правильнаго и мирнаго труда прежнихъ временъ, и, по странному противурѣчію, средства продажи уменьшены были ограниченіемъ покупательной силы. Меркантильная система порождена была ошибочнымъ предположеніемъ, что народъ богатѣетъ, вывозя товары, и бѣднѣетъ, впуская ихъ къ себѣ; нелѣпость его доказана отнынѣ экономистами всѣхъ странъ. Какъ простой историкъ, я не стану описывать памятныхъ споровъ, поднятыхъ этимъ важнымъ вопросомъ; мнѣ слѣдуетъ только упомянуть, что усложнившія его затрудненія одолжены своимъ существованіемъ привилегіямъ, которыми покровительствовалъ Кольберъ фран-

цузской промышленности, и которыми вздумали, въ свою очередь, воспользоваться, въ пользу своихъ фабрикъ, прочіе народы.

Мы имѣемъ поводъ думать, что еслибы Кольберъ глубже былъ знакомъ съ истинными законами производства, то вѣроятно онъ не увлекъ бы ни свое отечество, ни Европу по тому опасному пути, по которому они идутъ въ настоящее время. По примѣру испанцевъ, этотъ знаменитый министръ придавалъ слишкомъ большое значеніе звонкой монетѣ, и не видѣлъ, что въ сущности, каждый народъ, за произведенія, получаемыя имъ отъ иностранцевъ, платитъ своими собственными произведеніями, будетъ ли онъ получать золото, или другіе товары. Онъ раздѣлялъ предубѣжденіе, всюду распространенное * въ эпоху, когда открытіе американскихъ рудниковъ доставило ихъ счастливымъ обладателямъ господство, вызывавшее зависть прочихъ народовъ. Желая получить долю золота, разлившагося по Европѣ, Франція стала стараться, чтобы за всѣ ея произведенія, ей платили золотомъ, несмотря на множество всякаго рода стѣсненій, которыя необходимо должны были сопровождать такое рѣшеніе.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что никогда никакой парадоксъ не встрѣчался съ такимъ энтузіазмомъ, какъ тотъ, на которомъ покоилась вся меркантильная система. Во Франціи,

* Донъ Бернардъ де Уллоа прекрасно указываетъ на поголовное заблужденіе своихъ соотечественниковъ относительно металлическихъ богатствъ.

«Увидѣвъ себя обладателями новаго свѣта и его рудниковъ, мы легкомысленно повѣрили, что этотъ пустой титулъ обезпечивалъ за нами на вѣчное время пользованіе его сокровищами; намъ казалось, что народы, въ покорномъ смиреніи, придутъ къ намъ за избыткомъ нашихъ богатствъ. Увлеченные этою сладостной химерой, дозволенные достоинствами и дешевизною иностранныхъ произведеній, мы перестали заботиться о нашихъ фабрикахъ; иностранцы воспользовались этимъ нерадѣніемъ для развитія своихъ собственныхъ, и тѣмъ самымъ похитили у насъ не только то золото и серебро, которыя доставлялись намъ столько лѣтъ Индіями, но и драгоцѣнные сырые матерьялы, безъ которыхъ не могли обойтись ихъ фабрики.» *Du rétablissement des manufactures et du commerce d'Espagne*, стр. 3.

Прим. автора.

Англии, Германіи, Италіи, Испаніи, всѣ писатели въ одинъ голосъ стали восхвалять чудеса промышленнаго обособленія, не догадываясь, что эта система сама себя подрывала своимъ распространеніемъ, и что надежда продавать, не покупая, погибнетъ въ тотъ день, когда каждый народъ вздумаетъ принуждать своихъ сосѣдей покупать у него, ничего имъ не продавая. Самые просвѣщенные изъ экономистовъ сдѣлались проповѣдниками этой теоріи, и одинъ перечень ихъ произведеній займетъ не одну страницу настоящей книги *. Правительства приняли ихъ идеи, породившія тѣ затрудненія, разрѣшить которыя предстоитъ грядущей промышленной реформѣ. Если, при содѣйствіи этого предразсудка, созданы были большія частныя богатства, то это вовсе не даетъ права отчаиваться въ преобразованіяхъ, неотступно требуемыхъ общимъ благомъ. «Распущеніе арміи, говоритъ Ад. Смитъ, тоже соединено съ нѣкоторыми неудобствами, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы государство должно было вести постоянно войны, чтобы избавиться отъ неудовольствія оставшихъ солдатъ.»

Меркантильная система, едва ли не благодаря только своей догматической формѣ, могла просуществовать такъ долго. Богатство, говорили ея сторонники, заключается въ деньгахъ; деньги располагаютъ трудомъ, и доставляютъ средства существованія работникамъ. Онѣ пружина войны и источникъ могущества. Обладающій ими повелѣваетъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ. Благоразумныя правительства всѣми силами должны стараться доставить своему народу какъ можно болѣе денегъ; а такъ какъ количество ихъ въ каждомъ государствѣ можетъ быть увеличено только увеличеніемъ добычи собственныхъ рудниковъ, или ввозомъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ внѣ, то должно, или имѣть эти рудники, или стараться получать звонкую монету отъ иностранцевъ чрезъ отпускную торговлю. Съ точки зрѣнія этой системы, внутренняя торговля теряетъ почти все свое значеніе, потому что не увеличиваетъ

* См. Библіографію, приложенную ко 2-му тому этого сочиненія.

Прим. автора.

массы денегъ, и конечный результатъ ея не доставляетъ новой звонкой монеты. Чтò теряется однимъ, то приобрѣтается другимъ, но количество богатства не увеличивается. Внѣшняя торговля, напротивъ того, представляетъ то громадное преимущество, что обмѣнъ совершается въ ней при посредствѣ денегъ; поэтому, должно стараться устроить ее такимъ образомъ, чтобы товаровъ вывозилось много, а ввозилось какъ можно меньше. Идеальное совершенство было бы достигнуто, еслибы вовсе не ввозилось никакихъ товаровъ; но такъ какъ это невозможно, то ограничились требованіемъ, чтобы народъ совершалъ только такіе обмѣны, по которымъ онъ получалъ бы звонкую монету; въ такомъ случаѣ говорится, что онъ пользуется благопріятнымъ торговымъ балансомъ.

Слѣдствія такой системы очевидны. Чтобы помѣшать иностранцамъ вывозить наше золото, у нихъ не слѣдуетъ покупать ничего, за чтò пришлось бы уплачивать звонкою монетою, и продавать ему все то, за чтò онъ долженъ платить деньгами. Но если онъ вздумаетъ самъ завести фабрики и обойтись безъ насъ? Въ такомъ случаѣ мы можемъ запретить вывозъ нашихъ сырыхъ матерьяловъ, чтобы остановить работу его фабрикъ, и самимъ воспользоваться барышами отъ обработки этихъ матерьяловъ. Таковы требованія той политической экономіи, которая разрѣшается запрещеніемъ ввоза, запрещеніемъ вывоза, и всюду вызываетъ то переполненіе рынка, то недостаточное снабженіе. Къ несчастію, по выраженію Гускисона, *срокъ привилегіи этой прекрасной выдумки кончился*; всѣ народы поочередно перепробовали запрещать и вывозъ сырыхъ матерьяловъ, и ввозъ обработанныхъ издѣлій. Истощивъ всѣ средства, доставлявшіяся имъ хитро задуманными торговыми трактатами, и перенесши всю тяжесть запретительныхъ тарифовъ, имъ осталось только рассчитывать на самихъ себя, и искать спасенія во внутренней торговлѣ. Какіе же получены были трофеи послѣ этой битвы? Пауперизмъ, таможенные войны, торговые кризисы и дороговизна всѣхъ предметовъ, которые природа, такъ сказать, расточила подъ нашими ногами. И тѣмъ не менѣс, меркантильная система пережила всѣ проклятія, которыми осыпали ее *Экономисты*

восемнадцатаго вѣка; до сихъ еще поръ она господствуетъ въ государственныхъ совѣтахъ, и, подъ маскою корыстнаго патриотизма, поддерживаетъ всѣ монополіи, отъ которыхъ страдаетъ и на которыя жалуется вся Европа.

Главный признакъ дурныхъ учрежденій есть отсутствіе къ нимъ уваженія, главное слѣдствіе ихъ — сопротивленіе имъ, вызывающее наконецъ правительство на требующіяся преобразованія: *контрабанда* была самымъ настойчивымъ и самымъ рѣзкимъ сопротивленіемъ противъ запретительной системы. Въ наши дни она сдѣлалась настоящей силой, полуторговой, полувоенной, имѣющей свои главные центры, свои официальные тарифы, закаленное воинство и опытныхъ начальниковъ. Она точно такъ же акуратна въ исполненіи своихъ обязательствъ, какъ самый щекотливый негодянтъ; она преодолеваетъ всѣ препятствія, и переходитъ черезъ таможенные линии, лучше всего охраненныя, такъ что покровительствующія ей страховыя общества терпятъ менѣе убытковъ, нежели всѣ другія, такія же учрежденія. И дѣйствительно, контрабанда осталась единственнымъ средствомъ промышленности получить необходимые для нея, запрещенные продукты. Она не переставала возрастать, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленныхъ предпріятій, и на многихъ пунктахъ получила такую правильную и искусную организацію, которыя приводятъ въ изумленіе. Ей мы обязаны спасеніемъ торговли отъ гибели, грозившей ей со стороны запретительной системы: между тѣмъ какъ эта система присуждала народы обращаться за товарами къ отдаленнымъ источникамъ, контрабанда уничтожала разстоянія, понижала цѣны и смягчала пагубныя дѣйствія монополій*. Эта невидимая и вѣчно дѣятельная конкуренція не давала покою привилегіямъ, и вознаграждала потребителей за

Château, maison, cabane,
 Nous sont ouverts partout;
 Si la loi nous condamne,
 Le peuple nous absout.

Béranger. Пѣсня контрабандистовъ.

(Намъ всюду открыты замки, дома, хижины; если преслѣдуетъ насъ законъ, то народъ насъ прощаетъ).

Прим. автора.

убытки, наносимые имъ строгими тарифами. Хотя уже одно существованіе ея есть прямое нарушеніе закона, тѣмъ не менѣе, контрабанда содѣйствовала разрѣшенію почти всѣхъ политико-экономическихъ вопросовъ, касавшихся обмѣна. Между тѣмъ какъ ученые спорили, а торговля выпрашивала запретительныя мѣры, контрабанда дѣйствовала, и рѣшала вопросы на границахъ; она является во всемогуществѣ совершившихся фактовъ, а свобода торговли не одержала ни одной побѣды, которая не была бы заранѣе приготовлена контрабандой.

Внимательно слѣдя за эпохами ея процвѣтанія, мы замѣчаемъ, что по времени и по мѣсту онѣ всегда совпадали съ наибольшимъ развитіемъ меркантильной системы. Испанскія колоніи въ Америкѣ были постояннымъ ея убѣжищемъ. Когда Наполеонъ провозгласилъ континентальную систему, Россія, Германія и Голландія покрылись контрабандистами; самъ императоръ принужденъ былъ допустить различныя послабленія и злоупотребленія, послужившія источникомъ столькихъ несправедливыхъ обогащеній. Главнѣйшею причиною войны 1812 съ Россіею, былъ отказъ русскаго правительства подчиниться требованіямъ французской запретительной системы; и была минута, когда единственнымъ источникомъ европейской торговли была контрабанда. Еслибы въ этомъ краткомъ обзорѣ переворотовъ въ экономической наукѣ мы могли бы вдаваться въ болѣе подробное изложеніе отдѣльныхъ фактовъ, случившихся въ самое послѣднее время, то намъ нетрудно было бы доказать, что одной только контрабандѣ слѣдуетъ приписать всѣ видоизмѣненія, произведенныя въ запретительной системѣ. Французскіе фабриканты кисейныхъ матерій добились ограниченнаго ввоза иностранной хлопчато-бумажной пряжи только благодаря тому, что снабжались ею контрабандой; а тарифъ на лошадей былъ смягченъ только послѣ публичнаго признанія*, что контрабандистъ проскакивалъ черезъ границу верхомъ на своемъ товарѣ. На какое число товаровъ, въ настоящее время рѣдкихъ и дорогихъ,

* Признаніе это сдѣлано въ одно изъ парламентскихъ засѣданій сессіи 1836 года.

понизился бы тарифъ, еслибы ихъ можно было контрабандѣ взять на спину, и перейти съ ними черезъ границу! Какогонибудь замѣтнаго усовершенствованія въ контрабандныхъ приемахъ было бы достаточно, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всѣ тарифы, и обязать каждый народъ обратиться только къ тому производству, которое свойственно его климату или дарованіямъ его населенія.

Столь же удачны были настойчивыя притязанія меркантильной системы привлечь изъ иностранныхъ государствъ звонкую монету, какъ и не допускать ихъ фабричныхъ издѣлій. Напрасно грозилъ законъ самыми строгими наказаніями за вывозъ золота; напрасно правительства, какъ на примѣръ Англійское, старались склонить въ свою пользу торговый балансъ, и публиковали таможенные отчеты, доказывавшіе перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ; Англія не удержала этимъ у себя ни одной лишней гинеи, и въ настоящее время считается одною изъ самыхъ бѣдныхъ странъ по количеству обращающейся въ ней звонкой монеты*. Испанія, классическая страна запрещеній, тѣмъ неменѣе, не переставала снабжать всю Европу своимъ золотомъ. Бумажныя деньги изгоняли звонкую монету всякій разъ, какъ только ея присутствіе въ странѣ понижало ихъ цѣнность, несмотря на смертную казнь, къ которой приговаривали контрабандистовъ. Очевидно, стало быть, что опасеніе уплаты золотомъ за иностранные товары не имѣетъ рѣшительно никакого основанія; драгоценные металлы переходятъ изъ одной страны въ другую вовсе не для воображаемой уплаты по счетамъ, а просто ищутъ самаго выгоднаго для себя рынка, то есть, такого, гдѣ дадутъ за нихъ дороже. Намъ всегда будетъ выгоднѣе потреблять тѣ товары, которые лучше и дешевле производятся иностранцами, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что иностранцамъ придется получить за нихъ тѣ предметы, которые мы приготовляемъ дешевле ихъ. «Я утверждаю, что они расплотятся такимъ образомъ, потому что для нихъ нѣтъ

* Это самое обстоятельство и служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ ея благосостоянія.

другаго выхода *.» Исторія переполнена событіями, изобличающими неосновательность политическихъ мѣръ, предпринимаемыхъ ради торговыхъ стѣсненій или возмездій. Когда Филиппъ II овладѣлъ Португаліей, и рѣшился запретить своимъ новымъ подданнымъ всякія торговыя сношенія съ голландцами, то послѣдніе, потерявъ лиссабонскій рынокъ, снабжавшій ихъ индейскими произведеніями, сами отправились за ними въ Индію; такимъ образомъ, мѣра, предпринятая для ихъ разоренія, оказалась причиною ихъ благосостоянія. Позже, когда Національный конвентъ запретилъ ввозъ во Францію испанскихъ сыромятныхъ кожъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они подрывали французскіе кожевенные заводы, испанцы сами стали дубить ихъ, и эта отрасль промышленности перешла въ Испанію, увлекши съ собою значительное число капиталовъ и французскихъ работниковъ. То же самое случилось и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, вслѣдствіе повышенія нами пошлинъ на шерсть, доставлявшуюся изъ этой страны; производители ея рѣшились обратить въ свою пользу этотъ случай, и запретили ввозъ нашихъ суконъ, и такимъ образомъ лишили насъ весьма важнаго рынка.

Заблужденія меркантильной системы разоблачены были до послѣдней степени очевидности писателями *школы экономистовъ*, и окончательно опровергнуты Адамомъ Смитомъ **, Ж. Б. Сэемъ *** и другими, болѣе всего прославившимися писателями. Система эта держится до сихъ поръ только соединенными съ ея уничтоженіемъ экономическими затрудненіями, порожденными ея продолжительнымъ существованіемъ. Ни одинъ просвѣщенный человѣкъ въ Европѣ не вѣритъ болѣе чудесамъ торговаго баланса; но множество важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ ея существованіемъ, не можетъ быть разрѣшено, не затрогивая безчисленныхъ интересовъ, прикоснуться къ которымъ не рѣшаются боязливыя правительства. Сверхъ того, система высокихъ тарифовъ, тѣсно связанная съ

* J. B. Say, *Traité d'économie politique*, т. I, стр. 257.

** *Богатство народовъ*, книга IV.

*** *Traité d'économie politique*, т. I, стр. 218—280.

доходами правительствъ, находятъ себѣ покровителей между государственными людьми, опасаящимися затронуть одновременно, какъ государственные интересы, такъ и выгоды частныхъ людей. Меркантильная система должна погибнуть подъ ударами общественнаго кредита; въ тотъ день, какъ послѣдствія ея доведены будутъ до послѣдней крайности, и запружены будутъ всѣ отрасли промышленности, по неволѣ придется вернуться къ свободной торговлѣ, которая одна только можетъ возстановить равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ.

ГЛАВА XXIX.

О первой борьбѣ меркантильной системы съ свободою торговли между Англіей и Голландіей. — Пагубный исходъ этой борьбы. — Актъ мореплаванія. — Краснорѣчивое осужденіе д'Отривомъ запретительной системы.

Запретительная система и система свободной торговли стояли одно время въ Европѣ одна противъ другой, подъ покровительствомъ двухъ могущественнѣйшихъ націй: Англии и Голландіи. Когда первая слѣлала вызовъ второй, то послѣдняя уже достигла до высокой степени благосостоянія и величія, путемъ одного свободнаго развитія труда между своимъ населеніемъ, и безъ всякаго содѣйствія какихъ либо стѣснительныхъ постановленій. Голландцы служили для всего міра поразительнымъ примѣромъ, чего можетъ достигнуть даровитый и трудолюбивый народъ, при содѣйствіи торговыхъ учрежденій, основанныхъ на началахъ свободы. Почва ихъ почти вовсе не производила хлѣба, но они тѣмъ неменѣе не знали голода, такъ что въ случаѣ надобности къ нимъ же еще обращалась за хлѣбомъ Европа. «Какъ бы великъ ни былъ голодъ въ остальной Европѣ, говоритъ авторъ *Богатства Голландіи*, въ Амстердамѣ вы найдете пшеницу, рожь, и другіе роды хлѣба; въ нихъ никогда не бываетъ тамъ недостатка.» Посредствомъ мореплаванія голландцы обратились въ неминуемыхъ посредниковъ всемірной торговли. По вы-

численію Вильяма Петти, суда ихъ подымали въ 1690 болѣе 900,000 тоннъ, то есть, почти половину того количества, которое могли поднять соединенные торговые флоты всей Европы, а между тѣмъ, имъ не приходилось вывозить ни одного произведенія, свойственнаго ихъ почвѣ. Голландія была тогда складочнымъ мѣстомъ произведеній всего міра, а флотъ ея—*подвижнымъ составомъ океана* (*le roulage de l'Océan*, по выраженію сэра Вильяма Темпля). Раздѣленіе труда примѣнено было у нихъ съ удивительнымъ знаніемъ дѣла. Не только купцы, но цѣлые города исключительно занимались какою нибудь отдѣльной отраслью торговли. Мидльбургъ, напримѣръ, велъ торговлю виномъ, Флессингенъ велъ торговлю съ Вестъ-Индіей, Саардамъ занимался по преимуществу кораблестроеніемъ, а Слюйсъ ловлей сельдей. Въ каждой изъ этихъ отраслей существовала самая дѣятельная конкуренція, и каждая изъ нихъ велась съ примѣрною ловкостью и бережливостью. Когда, послѣ Аахенскаго мира, штатгалтеръ Голландіи обратился къ своимъ согражданамъ за совѣтами объ улучшеніи состоянія республики, то опытное купечество поставило на первый планъ возстановленіе прежняго порядка, бывшаго источникомъ благосостоянія Голландіи, и принципы терпимости, то есть, политическую и торговую свободу, бывшую основнымъ закономъ федераціи. Если впоследствии страна эта утратила то блистательное положеніе, которымъ она обязана была своей либеральной политикѣ, то это слѣдуетъ приписать только введенію монополій, въ особенности, монополіи Индейской компаніи, бывшей источникомъ самыхъ гнусныхъ злоупотребленій, можно сказать даже, разсадникомъ всевозможныхъ преступленій.

Въ это то время Англія возымѣла намѣреніе подорвать благосостояніе Голландіи своимъ знаменитымъ *актомъ мореплаванія*, обезпечивавшимъ за англійскимъ флотомъ монополию перевозки моремъ, въ однихъ случаяхъ, безусловнымъ запрещеніемъ, а въ другихъ, высокими пошлинами на всѣ товары, доставлявшіеся на иностранныхъ судахъ. Всѣмъ судамъ, хозяева которыхъ, капитанъ и три четверти экипажа не были англійскими подданными, запрещено было торго-

вать въ заведеніяхъ и колоніяхъ Великобританіи, или производить каботажную перевозку вдоль ея береговъ, подъ страхомъ конфискаціи судна и груза. Эта запретительная мѣра сопровождалась многими другими стѣсненіями, которыя вызвали наконецъ самую ожесточенную морскую войну, какую только запомнить исторія. Франція приняла въ ней участіе противъ Голландіи объявленіемъ тарифа 1664, и съ этого времени самые просвѣщенные европейскіе народы не переставали всѣми возможными способами вредить другъ другу, вмѣсто того, чтобы устроить торговыя сношенія другъ съ другомъ на законныхъ основаніяхъ. Эти обоюдныя стѣсненія почти уничтожили всю правильную торговлю въ большихъ размѣрахъ, и передали въ руки контрабандистовъ главный ввозъ французскихъ товаровъ въ Англію и англійскихъ во Францію. Торговля, долго остававшаяся исключительно въ рукахъ привилегированныхъ компаній, обратилась съ этихъ поръ въ насиліе и различнаго рода грабительства. Отцы наши были свидѣтелями борьбы, происходившей въ Индіи между тремя большими компаніями за торговлю пряностями, и сопровождавшейся самыми жестокими насиліями. Голландцы, со святотатственной безжалостію, уничтожили на молуккскихъ островахъ гвоздичныя плантаціи, чтобы не позволить своимъ соперникамъ участвовать съ ними въ торговлѣ этими пряностями. Главною цѣлью, къ которой стремились эти компаніи, было отстранить всякую конкуренцію, захватить въ свои руки монополію нѣкоторыхъ произведеній, и ограниченіемъ ихъ предложенія поднять какъ можно цѣну на нихъ. Разительнымъ доказательствомъ пагубнаго вліянія такой системы и ея попытокъ ограничить естественные размѣры торговли можетъ служить то обстоятельство, что американскіе купцы, свободно торгующіе въ настоящее время съ голландскими владѣніями въ восточномъ архипелагѣ, употребляютъ больше судовъ, чѣмъ сколько имѣли голландскіе монополисты. Недавнее уничтоженіе привилегіи англійской Остъ-индской компаніи тоже значительно расширило сношенія Англіи съ Индостаномъ. Простая станція рыболововъ, островъ Сингапуръ, подъ вліяніемъ свободной торговли, менѣе чѣмъ въ двад-

цать лѣтъ сдѣлалась однимъ изъ первостепенныхъ торговыхъ колониальныхъ пунктовъ.

Куда только ни проникала свобода торговли для борьбы съ монополіей, всюду получались такіе же результаты. Напрасно доказываютъ, что актъ мореплаванія былъ источникомъ промышленнаго развитія Великобританіи; на него нельзя иначе смотрѣть, какъ на жертву, потребованную отъ торговли въ пользу требованій политики. Адамъ Смитъ оправдываетъ его только съ этой точки зрѣнія *; но въ настоящее время подлежитъ еще сомнѣнію, чтобы эта мѣра была плодомъ здоровой политики, когда сдѣлались очевидны несомнѣнныя ея слѣдствія. Главнымъ результатомъ ея было уменьшеніе торговли Англіи съ другими европейскими народами, и присужденіе ея искать въ своихъ колоніяхъ того сбыта, который былъ закрытъ для нея въ европейскихъ странахъ. Благосостояніе Англіи стало опираться съ этого времени на искусственныя основанія; ей пришлось содержать огромный флотъ для удержанія въ повиновеніи отдаленныхъ колоній, освобожденіе которыхъ ежеминутно грозитъ самымъ жестокимъ ударомъ ея промышленности, привыкшей къ монополіямъ. Неболѣе десяти лѣтъ тому назадъ, Гускиссонъ указывалъ въ парламентѣ на такую опасную вѣроятность; и тѣмъ неменѣе, ни Англія, ни Европа не излечились до настоящаго времени отъ пагубныхъ ученій Карла V **. Эти уче-

* «Такъ какъ безопасность государства гораздо важнѣе, чѣмъ его богатство, то актъ мореплаванія представляетъ, быть можетъ, самое мудрое изъ всѣхъ постановленій Англіи.» (*Богатство народовъ*, кн. IV, гл. II, стр. 280, рус. изд.). Прим. автора.

** Великая торговая революція, произведенная недавно въ Англіи лигой поборниковъ свободной торговли, нанесла немаловажный ударъ этому Акту. Вотъ что пишетъ Бодрильяръ въ *Словарь торговли и товаровъ* (*Dictionnaire du Commerce et des Marchandises*, Guillaumin, 1859), объ исторіи постепенныхъ измѣненій, окончившихся совершенной отмѣной этого знаменитаго акта.

«Почти сто тридцать лѣтъ существовалъ актъ мореплаванія безъ значительныхъ измѣненій. Первый ударъ нанесло ему освобожденіе Сѣверо-американскихъ колоній. Отдѣлившись отъ метрополіи, Сѣверо-американскіе Штаты не могли рассчитывать на прежнія условія мор-

нія приучили народъ смотрѣть на всякую мѣру, враждебную сосѣдямъ, какъ на нѣчто для него полезное; они внесли въ международное право принципъ, по которому благосостояніе каждаго народа основано главнымъ образомъ на несчастіи другаго. Несмотря ни на какіе перевороты, случившіеся въ исторіи Европы за послѣднее время, роковое заблужденіе это остается неизмѣннымъ, въ періодъ войны за американскую независимость, во время французской революціи, послѣ освобожденія испанскихъ колоній и Греціи, даже послѣ завоеванія Алжира. Напрасно гибли, одна за другой, привилегированныя компаніи; бесполезно въ южной Америкѣ монополіи губили населеніе, и доводили его до скотскаго состоянія, между тѣмъ какъ въ сѣверной Америкѣ свобода обогащала его, и удесятирила его численность: меркантильная система продолжаетъ свои опустошенія, а самыя просвѣщенныя правительства все еще не смѣютъ прикоснуться къ ней, и нанести ей хоть сколько нибудь смѣлый ударъ. «Теорія запретительныхъ законовъ», говоритъ д'Отривъ, написана кровавыми буквами въ исторіи всѣхъ войнъ, которыя, вотъ уже четыре вѣка, какъ ведутся между промышленностью и грубымъ насиліемъ, притѣсняютъ первую, развращаютъ второе, растлѣваютъ политическую нравственность, заражаютъ общественную, и губятъ все человѣчество. Колоніальная система, рабство, алчность, сливающаяся подъ именемъ народной

скихъ съ нею сообщеній, основанныя на древнихъ колоніальныхъ привилегіяхъ; съ своей стороны, Англія, въ силу этого акта, воспрещала кому бы то ни было всякую торговлю съ Америкой подъ инымъ флагомъ, кромѣ англійскаго. Но подчиняться этимъ условіямъ Америкѣ не было теперь никакой нужды: она ни въ какомъ случаѣ не согласилась бы предоставить перевозку всѣхъ своихъ товаровъ англійскимъ судамъ; акту мореплаванія необходимо было, слѣдовательно, уступить. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ предлагались и разбирались различныя предложенія, порѣшили на томъ, что корабли американской республики, прибывающіе изъ Америки, будутъ впускаться въ англійскія гавани, вопреки акту, наравнѣ съ кораблями старыхъ европейскихъ государствъ. Позже, такія же уступки были распространены и на древнія испанскія и португальскія южно-американскія колоніи, по мѣрѣ того какъ онѣ освобождались отъ

ненависти, алчность, слывущая подъ именемъ торговой ненависти, выпустили изъ этого ящика Пандоры цѣлые потоки заблужденій, нелѣпыхъ истинъ, непомѣрныхъ, несправедливо

своихъ метрополій, а также и на негритянскую республику Гаити. Кромѣ того, англійскія антильскія колоніи, постоянно снабжавшіяся всѣмъ необходимымъ колоніями Сѣв. Америки, разомъ лишились всего, вслѣдствіе ея разрыва съ Англіею: необходимо было, стало быть, допустить новыя уступки въ актѣ мореплаванія. Такимъ образомъ, онъ постоянно расширялся и смягчался различными торговыми договорами, основанными на началахъ взаимности, пока не былъ совершенно отмѣненъ въ 1849.

Мы не войдемъ въ историческія подробности объ этихъ постепенныхъ уступкахъ въ первоначальномъ актѣ Кромвеля, вырванныхъ у англійской политики силою обстоятельствъ. Такъ какъ тарифными войнами, непрекращавшимися между сѣверной Америкой и Англіею съ 1792, Соединенные Штаты не могли добиться отъ древней метрополіи признанія принципа взаимности, то конгрессъ принялъ свой актъ мореплаванія, сходный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ англійскимъ, но болѣе эластическій въ томъ смыслѣ, что предоставлялъ правительству право приостанавливать его дѣйствіе, когда этого требовали договоры, заключаемые съ прочими государствами. Тарифныя войны кончились въ 1815 г. заключеніемъ торговаго и морскаго договора, основаннаго на этотъ разъ на принципѣ взаимности и равныхъ правъ. Въ 1823 такой же торговый договоръ заключила Англія, послѣ долгихъ преній и сопротивленія со стороны народа, съ Пруссіей. Первое преобразование акта мореплаванія Гускиссономъ, въ 1825, издавшимъ новый тарифъ, и второе его преобразование, въ 1845, въ министерство Роберта Пиля, которое должно было довершить это дѣло, ввели столько исключеній въ главныя положенія акта, что онъ совсѣмъ исчезъ за ними, хотя съ виду и сохранялъ всю свою силу, вслѣдствіе щекотливаго уваженія къ первоначальной его редакціи, какъ къ памятнику, которому Англія, по общему мнѣнію, обязана была своимъ благосостояніемъ. Лорду Джону Росселю принадлежитъ честь побѣды надъ сопротивленіемъ, вызывавшимся традиціоннымъ уваженіемъ къ этому акту, и честь окончательной его отмѣны. Занявшій его мѣсто законъ 1 января 1850 содержитъ, правда, нѣсколько изъ прежнихъ ограниченій, но удерживая ихъ, англійское правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ воспрепятствовать скорѣе контрабандѣ, чѣмъ удержать принципы протекціонизма. Такимъ образомъ удержаны ограниченія относительно каботажнаго мореплаванія между колоніями, если на это не было получено особеннаго дозволенія, и, наконецъ, ограниченія относительно состава англійскихъ экипажей.

разпредѣленныхъ и развращающихъ богатствъ, нищету, невѣжество и преступленія, обратившія человѣческія общества, въ нѣкоторые изъ новѣйшихъ періодовъ его существованія,

Вмѣстѣ съ запрещеніями и стѣсненіями, пала и колониальная система. Въ засѣданіи палаты общинъ 8 февраля 1850 лордъ Джонъ Россель такъ выразился о новыхъ принципахъ, которыми Великобританія отнынѣ будетъ руководствоваться относительно своихъ колоній: «Система монополій, для нашей торговой политики, не существуетъ болѣе. Единственная, принятая нами предосторожность заключается только въ томъ, чтобы наши колоніи не предоставляли особыхъ правъ одной державѣ въ ущербъ другой, и не облагали бы нашихъ произведеній пошлинами, своею величиною равносильныхъ запрещенію ввоза. Мнѣ кажется, что мы имѣемъ право потребовать отъ нихъ такой уступки взаимнѣ безопасности, которую мы имъ доставляемъ.... Основаніемъ англійской политики, прибавляетъ лордъ Джонъ Россель, послужитъ отнынѣ слѣдующее правило: Вы имѣете право получать произведенія изъ всѣхъ странъ, которыя могутъ вамъ доставить ихъ дешевле и лучшаго качества, чѣмъ колоніи; съ другой стороны, колоніи имѣютъ полное право торговать со всѣми частями міра, какъ онѣ найдутъ болѣе всего выгоднымъ для своихъ интересовъ. Вотъ отнынѣ главное основаніе нашей политики.

«Что же касается до политическихъ нашихъ отношеній къ колоніямъ, то вы должны имѣть въ виду распространеніе и поддержаніе въ нихъ, всѣми возможными средствами, началъ политической свободы. Я полагаю, что всякій разъ какъ вы будете утверждать, что политическая свобода не можетъ быть введена въ нихъ, вы представите неопровержимые доводы въ пользу такого исключенія, и докажете, что либо дѣло идетъ о расѣ, которая не можетъ еще принять свободныхъ учрежденій; либо, что колонія не состоитъ изъ англійскихъ гражданъ, или относительное число ихъ слишкомъ ничтожно, чтобы они могли поддержать свою безопасность при такихъ учрежденіяхъ. Если вы не представите такихъ доказательствъ, и всякій разъ какъ дѣло будетъ идти о британскомъ населеніи, способномъ къ самоуправленію, сохраняя за собой роль его представителей во внѣшней политикѣ, вы обережетесь отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, сверхъ того, что окажется очевиднымъ и неизбѣжнымъ для предупрежденія безпорядковъ въ самой колоніи.

«Я полагаю, что это два главныя основанія, которыми вы должны руководствоваться. Я смѣю по крайней мѣрѣ утверждать, что они приняты правительствомъ. Я не только полагаю, что вы можете руководствоваться этими основаніями безъ всякой опасности въ настоящемъ, но надѣюсь еще, что въ будущемъ они помогутъ разрѣшенію важныхъ вопросовъ, не подвергая насъ такому несчастному столѣно-

въ такую отвратительную картину, на которой страшно остановиться, чтобы не осудить развитіе самой промышленности и успѣхи самой цивилизаціи*.»

По счастью, сама запретительная система носила въ себѣ зародыши будущаго возрожденія, которые значительно ослабляли ея губительное дѣйствіе. Несомнѣнный толчекъ, данный ею производству Англій, Франціи и Голландіи, замѣтно содѣйствовалъ возвышенію прибыли во всѣхъ покровительствуемыхъ отрасляхъ промышленности, и привлекъ къ нимъ безчисленные капиталы, которые вскорѣ оказались недостаточными. Такимъ образомъ, Голландскому и Англійскому банкамъ пришлось помочь своимъ кредитомъ ежедневно возрастающимъ требованіямъ промышленности и торговли. Благосостояніе этихъ банковъ тѣсно связывается съ актомъ море-

венію, которое ознаменовало конецъ послѣдняго вѣка. Припоминая причины роковой войны со странами, сдѣлавшимися Сѣверо-американскими Соединенными Штатами, нельзя не сознаться, что всѣ онѣ были плодомъ не одного только заблужденія, не одной только ошибки, но цѣлаго ряда постоянныхъ ошибокъ и заблужденій, несчастной политики позднихъ уступокъ и несвоевременныхъ требованій; я надѣюсь, что намъ не придется болѣе оплакивать подобныя столкновенія. Я, разумѣется, предвижу, вмѣстѣ со всѣми лучшими нашими умами, что нѣкоторыя изъ нашихъ колоній такъ усилятся въ населеніи и богатствахъ, что въ одинъ прекрасный день скажутъ намъ: «Мы теперь достаточно сильны, чтобы не зависѣть отъ Англій. Связь съ нею для насъ тягостна, пора намъ мирно разойтись, и въ дружбѣ съ метрополіею, пользоваться нашею самостоятельностью.» Я не думаю, чтобы это время было очень близко; но посоветую вамъ, господа, всячески стараться сдѣлать эти колоніи способными къ самоуправленію. Предоставимъ имъ полнѣйшую возможность управлять собственными дѣлами. Пусть онѣ усиливаются въ населеніи и благосостояніи; чтобы ни случилось, мы, граждане этой великой державы, успокоимъ себя утѣшительною мыслью, что мы принимали участіе въ осчастливленіи всего міра.» (*Journal des Économistes*, т. XXX; стр. 8).

Для подробнѣйшаго ознакомленія съ этой великой экономической революціей, отсылаемъ къ книгѣ Ришло: *Histoire de la réforme commerciale en Angleterre*, 1855. Франц. изд.

* *Éléments d'économie politique*, стр. 199.

плаванія и съ учрежденіемъ фабрикъ *, и естественно объясняется выгодами, вытекавшими изъ этого для компаній, получившихъ, такимъ образомъ, возможность не опасаться, при содѣйствіи кредита, медленности, съ которою совершали свои обороты капиталы, вложенные въ отдаленную индейскую торговлю. Къ кредиту же обратился и умиравшій Людовикъ XIV для исправленія ошибокъ и расточительности своего царствованія, которыя, какъ всякому извѣстно, и породили систему Лау.

ГЛАВА XXX.

Начало кредита въ Европѣ.—Учрежденіе банковъ.—Вліяніе ихъ на успѣхи политической экономіи.—О сохранныхъ банкахъ вообще и объ Амстердамскомъ банкѣ въ особенности.—Объ оборотныхъ банкахъ.—Объ англійскомъ банкѣ.

Немногіе перевороты оказывали на развитіе цивилизаціи такое вліяніе, какъ основаніе кредита въ Европѣ. Это было новою побѣдой человѣка и безпредѣльной силой, присоединенной къ тѣмъ, которыя уже находились въ его распоряженіи. Откуда взялась она? Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ явилась она именно въ то время, когда открытіе американскихъ рудниковъ, казалось, дѣлало ее бесполезной? Какимъ образомъ, послѣ столькихъ благодѣяній, она могла сдѣлаться причиною столькихъ несчастій, что самые просвѣщенные

* Уставъ Англійскаго банка (утвержденный 27 Іюля 1694), носилъ, по первоначальной своей хартіи, такое заглавіе: *Уставъ, имѣющій цѣлью доставить ихъ величествамъ нѣкоторыя пошлны съ грузовъ судовъ, съ пива, эля и другихъ напитковъ, и обезпечить нѣкоторыя, упомянутыя въ этомъ актѣ выгоды за тѣми лицами, которыя внесутъ добровольно миллионъ пятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ для покрытія издержекъ войны съ Франціей.* Gilbart, *Histoire des banques*, стр. 27.

Прим. автора.

** Желаящіе ознакомиться съ историческими свѣдѣніями относительно учрежденія Англійскаго банка, найдутъ ихъ у А. Смита: *Богатство народовъ*, т. II, стр. 45—70.

Рус. перев.

умы готовы были проклинать ея существованіе? Настоящее ея происхожденіе теряется во мракѣ временъ. Извѣстно, что въ Римѣ и Аѳинахъ были банкиры; что они существовали и въ средніе вѣка; что общественные банки были основаны въ Венеціи въ 1157, въ Барселонѣ въ 1349, въ Генуѣ въ 1407, въ Амстердамѣ въ 1609, въ Гамбургѣ въ 1619, въ Англии въ 1694. Вотъ факты и числа; намъ остается объяснить и тѣ и другіе.

Первымъ слѣдствіемъ открытія новаго свѣта были разнаго рода лихорадочныя спекуляціи, касавшіяся Америки. Капиталы, привлекавшіеся надеждою на огромные барыши, переполнили эту отрасль торговли въ ущербъ другимъ, болѣе полезнымъ и менѣе рискованнымъ. Неизвѣстные до сихъ поръ сырые матерьялы, сахаръ, хлопчатая бумага, табакъ, пряности вошли въ общее употребленіе, и сдѣлались предметомъ огромной торговли; безчисленные караваны судовъ отправились изъ всѣхъ европейскихъ портовъ за этими богатыми грузами; но слѣдовало обождать ихъ возвращенія, чтобы воспользоваться барышами предпріятія, а продолжительное плаваніе обусловливало значительныя затраты. Вотъ причина, почему всѣ первые банки учреждены были въ приморскихъ городахъ. Позже, запретительная система, направивъ къ фабрикамъ часть капиталовъ, помѣщенныхъ во внѣшнюю торговлю, давала съ каждымъ днемъ чувствовать все болѣе и болѣе необходимость кредита; такъ что новые банки вызваны были опять таки требованіями труда.

Ничего не можетъ быть проще и остроумнѣе основнаго принципа этихъ банковъ, возникновеніе которыхъ раздѣляетъ на двѣ, совершенно отличныя эпохи древнюю политическую экономію отъ новой. У древнихъ средства производства ограничивались только трудомъ рабовъ и капиталами ростовщиковъ; въ новое время производство опирается на свободу работника и на кредитъ. Какъ только замѣчено было, что наличныя деньги, которыя купцы должны были держать въ своихъ рукахъ для удовлетворенія своихъ кредиторовъ, оставались на это время непроизводительнымъ капиталомъ, то стали придумывать средство извлечь изъ нихъ пользу, замѣняя

металлическія деньги письменными обязательствами, и такимъ образомъ созданы были банки. «Золото и серебро, обращающіяся въ странѣ, говоритъ по этому поводу Адамъ Смитъ*, можно сравнить ближе всего съ большою дорогою, по которой доставляется на рынокъ все количество хлѣба и сѣна, но которая сама не производитъ ни одного зерна хлѣба и ни одного клочка сѣна. Благоразумныя банковыя операціи, если мнѣ позволено будетъ сдѣлать такое смѣлое сравненіе, открывая, такъ сказать, воздушные пути, доставляютъ странѣ средства обратить бѣольшую часть этихъ дорогъ въ превосходные луга и поля, и значительно умножить, поэтому, годовое производство ея земель и труда. Нельзя, впрочемъ, не согласиться, что если торговля и промышленность страны могутъ быть высоко подняты при содѣйствіи бумажныхъ денегъ, тѣмъ не менѣе, они поднимаются, такъ сказать, на Икаровыхъ крыльяхъ, и движеніе ихъ не такъ надежно, какъ еслибы оно опиралось на прочную почву, представляемую золотомъ и серебромъ.»

Этими словами Адамъ Смитъ точно и живописно очерчиваетъ настоящія свойства кредита. Но первые европейскіе банки не рисковали подыматься на крыльяхъ Икара, и ихъ робкія попытки нисколько не походили на рискованныя операціи банковъ болѣе поздняго времени. Первоначально они носили скромное названіе сохранныхъ банковъ, и кассы ихъ всегда хранили звонкою монетою суммы, равныя выпущеннымъ ими билетамъ. Эти билеты были письменными свидѣтельствами, которыя можно было передавать надписью, какъ наши векселя, и въ началѣ они представляли одну только выгоду сбереженія расходовъ по пересылкѣ звонкой монеты. Каждый бумажный флоринъ обезпеченъ былъ металлическимъ флориномъ; только звонкая монета, хранившаяся въ кассахъ банка, была опредѣленнаго и неизмѣннаго вѣса и пробы, чтобы поддержать довѣріе къ банковымъ билетамъ въ людяхъ, принимавшихъ ихъ, и чтобы дать банковской монетѣ неизмѣнность, которая поставила бы ее выше всякой

* *Богатство народовъ*, т. II, кн. IV, гл. 2, стр. 76—77 рус. изд.

другой монеты. Тщетно сосѣднія державы искажали свою монету, или допускали къ себѣ огромныя массы низкопробной монеты: простое условіе уплаты по переводу или *трансферту* на сохранный банкъ, гарантированный правительствомъ, обезпечивало за его билетомъ рѣшительное предпочтеніе, такъ что, вскорѣ всѣ платежи стали производиться банковской монетой. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ банковые билеты ограничивались количествомъ монеты, внесенной въ сохранныя банки, то и услуги, доставлявшіяся обращенію бумажными деньгами, ограничивались только тѣмъ, что дѣлали это обращеніе болѣе удобнымъ и болѣе быстрымъ. Амстердамскій банкъ первый былъ учрежденъ на этихъ простыхъ и правильныхъ основаніяхъ; ибо то, что намъ извѣстно о Венеціанскомъ и Генуэзскомъ банкахъ, не допускаетъ сомнѣнія, что банки эти были ничто иное, какъ обширныя управленія для облегченія правительству взиманія податей. Мысль, побудившая къ учрежденію Амстердамскаго банка, была совершенно другая. Умные купцы, задумавшіе его, вѣрно разсчитали, что всякое сбереженіе издержекъ, идущихъ на содержаніе *неизмѣннаго* капитала страны, вѣрнѣйшимъ образомъ увеличиваетъ его доходъ. Но, все то, что не вкладывается въ этотъ неизмѣнный капиталъ, обращается въ *оборотный*, доставляющій сырые матерьялы и заработную плату, и оживляющій всѣ отрасли промышленности. Введеніе бумажныхъ денегъ, вмѣсто звонкой монеты, замѣняло одно, крайне дорогое орудіе мѣны другимъ, болѣе дешевымъ и болѣе удобнымъ. Это первое преимущество бумажныхъ денегъ необходимо должно было поразить такихъ опытныхъ купцевъ, какими были амстердамскіе негоціанты; но не въ этомъ только заключалась выгода, доставлявшаяся учрежденіемъ банка, который обѣщаль имъ столько пользы. Голландія въ то время была наводнена огромнымъ количествомъ иностранной монеты, испорченной и обрѣзанной, ввозимой ея обширною торговлей со всѣхъ концовъ Европы, и понизившей на девять процентовъ ея ходячую монету, сравнительно съ доброкачественной, новой монетой. Вслѣдствіе этого, послѣдняя переплавлялась и вывозилась тотчасъ же по поступленіи въ обращеніе, а купцы

не знали, гдѣ добыть денегъ для уплаты по своимъ векселямъ, цѣнность которыхъ съ каждымъ днемъ измѣнялась къ великому ущербу для ихъ интересовъ.

Это обстоятельство прежде всего обратило на себя вниманіе учредителей банка. Иностранную монету, хорошую, и дурную, равно какъ и туземную монету, банкъ принималъ не иначе, какъ по ея дѣйствительной цѣнности, и объявилъ, что онъ будетъ мѣнять на хорошую монету законной пробы не иначе, какъ съ учетомъ за издержки на ея перечеку и на свое управленіе. Банковая монета не замедлила получить замѣтное предпочтеніе передъ ходячей, а это обстоятельство значительно увеличило требованіе на его билеты. Городъ Амстердамъ ручался за уплату по нимъ, а удобства, представляемыя этими билетами для торговли, значительно подняли цѣну на нихъ, сравнительно съ ихъ дѣйствительной стоимостью. Тѣмъ не менѣе, это преимущество за билетами признавалось только во имя того, что соответствующая имъ монета хранилась въ кладовыхъ, изъ которыхъ, къ тому же, можно было извлечь ее не иначе, какъ съ потерей, такъ какъ въ такомъ случаѣ приходилось заплатить извѣстную сумму за ея сбереженіе, или, вѣрнѣе, за выходъ ея изъ банка. Позже, банкъ сталъ открывать кредитъ по своимъ книгамъ взамѣнъ приносимыхъ ему слитковъ золота и серебра, что еще болѣе облегчило обращеніе его билетовъ. Такъ какъ цѣнность этихъ билетовъ обуславливалась исключительно внесенной, взамѣнъ ихъ, на сохраненіе въ банкъ звонкой монетой, то нетрудно понять, что банку необходимо было бдительно наблюдать за цѣлостью своихъ кладовыхъ, а правительству воздерживаться отъ искушенія налагать на нихъ свою руку въ случаѣ крайней необходимости. Для этого, управленіе банка поручено было четверемъ гражданамъ, ежегодно избравшимся городомъ, которые, вступая въ должность, подъ присягой повѣряли состояніе кассы, сравнительно съ книгами банка. Извѣстно, что при приближеніи французовъ въ 1672 банкъ, желая возвратить владчикамъ принадлежащія имъ суммы, выдалъ имъ звонкую монету, которая носила на себѣ знаки бывшаго за-

долго предъ тѣмъ пожара. Такимъ образомъ, общественный и частный кредитъ началъ свое существованіе на поддержаніи довѣрія; и въ этомъ отношеніи должно отдать честь тѣмъ людямъ, которые подали такой благородный примѣръ новѣйшимъ обществамъ. Съ этой эпохи экономическая наука сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ. Доказано было, что для успѣшнаго развитія торговли и промышленности не было нужды въ металлическихъ деньгахъ, потому что достаточно было нѣсколькихъ миліоновъ бумажныхъ листовъ, чтобы замѣнить ихъ во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Такимъ образомъ, кредитъ обратился въ настоящій капиталъ въ рукахъ работниковъ, и приготовилъ ихъ освобожденіе, предоставляя въ ихъ распоряженіе особый родъ безграничной собственности, самой почтенной, такъ какъ въ основаніи ея лежалъ трудъ и строгое исполненіе принятыхъ имъ обязательствъ. Съ этихъ поръ ничто уже не можетъ остановить интеллектуальнаго развитія человѣка, подобно тому, какъ это было въ печальную эпоху римскаго ростовщичества и феодалнаго рабства; а исторія не только не будетъ опровергать политико-экономическія теоріи, но съ каждымъ днемъ ей придется все болѣе и болѣе подтверждать ихъ.

Амстердамскіи и другіе сохранные банки, основанные на одинаковыхъ съ нимъ началахъ, тѣмъ неменѣе, были только первыми опытами промышленнаго кредита. Нѣтъ сомнѣнія, что посредствомъ своихъ билетовъ, которые можно было во всякую минуту обмѣнять на звонкую монету, они значительно усиливали обращеніе золота и серебра; но, помимо выгоды, доставлявшейся промѣномъ (*ажіо*), цѣнность металлическихъ капиталовъ нисколько не увеличивалась отъ обращенія ихъ въ кредитные билеты. Европа оставалась при своихъ прежнихъ металлическихъ средствахъ, увеличенныхъ, правда, всѣмъ золотомъ и серебромъ, ввозимымъ изъ Америки, но все таки недостаточнымъ для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ производства, вызваннымъ этимъ новымъ элементомъ богатства. Сдѣланъ былъ большой шагъ впередъ, но предстояло сдѣлать еще большій—и сохранные банки обратились въ банки оборотные. Такъ какъ билеты первыхъ ходили нарав-

нѣ съ звонкой монетой, въ силу довѣрія къ обезпечивавшему ихъ металлическому фонду, то почему бы не попытаться повести это довѣріе нѣсколько дальше, увеличивъ число выпускавшихся билетовъ на сумму, превосходящую сумму вкладовъ? Какое неудобство могло произойти отъ этого для владельцевъ билетовъ, если они были вполне увѣрены въ уплатѣ по нимъ по первому ихъ востребованію? Развѣ не обращались уже въ то время билеты банкировъ, по свойствамъ своимъ ничѣмъ неотличавшіеся отъ настоящихъ денегъ и приносившихъ даже проценты, какъ звонкая монета?

Оставалось только точно опредѣлить, каково должно быть, на опредѣленное число оборотовъ, среднее количество билетовъ, которое можетъ быть представлено къ обмѣну, чтобы банкъ всегда имѣлъ на лицо достаточную сумму для удовлетворенія такихъ требованій. Самое ничтожное уменьшеніе запаснаго фонда оказало бы благодѣяніе труду, и могло бы оказать содѣйствіе поощренію новыхъ отраслей промышленности. Этимъ сбереженіемъ можно было бы воспользоваться для его вывоза и для поддержанія капиталовъ, вложенныхъ во внѣшнюю торговлю. Такою мѣрой какъ бы увеличивалось общее богатство страны; и все это требовало только самыхъ незначительныхъ расходовъ на напечатаніе или гравированіе тѣхъ билетовъ, которыми замѣнялась звонкая монета. Здѣсь начинаетъ обнаруживаться вся справедливость поэтическаго сравненія Адама Смита кредита съ крыльями Икара. Дѣйствительно, никто не можетъ опредѣлить, какое существуетъ отношеніе между суммой обращающихся въ извѣстной странѣ денегъ и годовымъ количествомъ произведеній, поступающихъ въ ея обращеніе. Должны ли оборотные банки хранить въ своихъ классахъ звонкою монетой треть, четверть, пятую часть или половину своихъ капиталовъ, чтобы всегда поддерживать размѣнъ тѣхъ изъ выпущенныхъ ими билетовъ, которые будутъ для этого предъявлены? Не будетъ ли постоянно грозить имъ опасность, если они обязаны будутъ держать себя въ неизмѣнной готовности размѣнивать свои билеты? Ибо выпускъ банками билетовъ основанъ исключительно на размѣнѣ векселей, то есть, на выдачѣ за нихъ звон-

кой монеты. Барышъ банка заключается въ томъ процентѣ, который онъ взимаетъ при учетѣ векселя. Только уплата по немъ возвращаетъ банку его затрату, съ присовокупленіемъ взимаемаго имъ процента. Но что же будетъ, если выдавъ свои билеты въ обмѣнъ за торговыя обязательства, послѣднія не будутъ имъ удовлетворены по предъявленію? Что останется дѣлать обладателю банковыхъ билетовъ, если представленный за нихъ залогъ погибаетъ въ банкѣ?

Вотъ въ какомъ отношеніи оборотныя банки далеко не представляютъ той безопасности, какую даютъ сохранныя банки. Они оказываютъ больше услугъ, но доставляютъ меньше гарантій. Ихъ директоры не всегда умѣютъ удержаться отъ естественнаго искушенія принимать векселя къ учету, то есть, воспользоваться немедленнымъ, очевиднымъ и вѣрнымъ барышемъ, въ замѣнъ простаго билета, который самъ по себѣ есть только обѣщаніе уплаты въ будущемъ. Бѣлая часть банковъ погибла отъ злоупотребленія тѣмъ принципомъ, который служилъ имъ основаніемъ, и отъ нежеланія разсчитать, что увеличеніемъ размѣровъ размѣна они истощали свои запасныя капиталы. Адамъ Смитъ, Джемсъ Стевартъ, Ж. Б. Сэй, Шторхъ, и въ особенности Сисмонди, съ удивительною ясностью и талантомъ, указали на всѣ тѣ опасности, которымъ подвергаются, какъ общество, такъ и сами банки, вслѣдствіе ошибочныхъ ихъ разчетовъ и жадности акціонеровъ. Они доказали до послѣдней степени очевидности, что всякій неумѣренный выпускъ билетовъ вынуждаетъ эти учрежденія имѣть въ запасѣ тѣмъ бѣлую массу звонкой монеты, чѣмъ большее число обладателей билетовъ, побуждаемыхъ недоувѣріемъ, спѣшило предъявить свои билеты для размѣна. Необходимость пріобрѣтать въ такомъ случаѣ звонкую монету налагала на банки бѣлыя пожертвованія, чѣмъ тѣ выгоды, которыя они получали отъ учета векселей; такъ что, имъ нерѣдко приходилось дорогою цѣной возвращать изъ за границы ту монету, вывозъ которой былъ вызванъ чрезмѣрнымъ выпускомъ ихъ билетовъ. Впродолженіи послѣдняго столѣтія Европа не разъ испытала на себѣ такіе памятные кризисы въ монетномъ обращеніи: прекращеніе уплатъ Англійскимъ

банкомъ и разореніе провинціальныхъ банковъ въ Англіи, не говоря уже о системѣ Лау, а позже объ ассигнаціяхъ въ въ нашей странѣ, служатъ въ этомъ отношеніи примѣромъ огромнаго переворота, которому мы посвятимъ отдѣльное изслѣдованіе, по причинѣ вызванныхъ имъ важныхъ и въ высшей степени поучительныхъ послѣдствій.

Однако, кредитъ пережилъ всѣ эти бури, подобно пороху, прокладывающему дороги чрезъ самыя скалы, несмотря на опасности, сопряженныя съ его употребленіемъ. Сравнивая обращеніе бумагъ съ обращеніемъ звонкой монеты въ наше время, нельзя не сознаться, что кредитъ произвелъ огромный переворотъ въ сношеніяхъ между народами. Съ каждымъ днемъ открываются для насъ новые предметы потребленія, которыми овладѣваетъ производство при помощи кредита, и которыя, только при его содѣйствіи, могутъ перевозиться съ одного конца свѣта на другой. Колоссальныя предпріятія нашего вѣка, духъ товарищества, охватывающій своею сѣтью всю поверхность Европы, всюду подымавшаяся борьба цивилизаціи съ остатками варварства, все это дѣло кредита; все вытекаетъ изъ этой плодотворной и простой мысли, давшей начало оборотнымъ банкамъ, и въ особенности Англійскому. Съ этой минуты человѣку можно было гордо поднять свою голову въ надеждѣ на независимость и уваженіе. Подлѣ замковъ поземельныхъ собственниковъ возникли обширныя промышленныя мастерскія, моря покрылись кораблями, а чужеземныя берега европейскими поселеніями. Все быстро двинулось впередъ, и въ двѣсти лѣтъ міръ сдѣлалъ болѣе успѣховъ, чѣмъ въ десять предшествовавшихъ столѣтій. Исторія ясно доказываетъ, что отнынѣ могущество кредита должно, въ конечномъ результатѣ, рѣшать всѣ великія распри, возникающія въ мірѣ: примѣромъ можетъ служить Голландія, добившаяся униженія Людовика XIV, и Англія, сославшая Наполеона на островъ Святой Елены.

Тѣмъ неменѣе, первыя проявленія этой силы были весьма робки, даже въ самой Англіи, въ которой первый оборотный банкъ вначалѣ учрежденъ былъ, повидимому, по образцу Венеціанскаго и Генуэзскаго, и въ продолженіи весьма значи-

тельнаго времени оставался простымъ отдѣленіемъ государственнаго казначейства. Съ 1694 года, онъ попеременно то отдавалъ въ ссуду весь свой капиталъ правительству, то получалъ на него по 8 процентовъ; за тѣмъ, онъ удвоилъ его въ 1696, и снова отдалъ его въ ссуду правительству въ 1708 году, послѣ того какъ во второй разъ удвоилъ его. Напрасно акціи его потеряли половину своей цѣнности; напрасно билеты его понизились въ цѣнѣ на 20 процентовъ, и однажды даже вовсе были прекращены обмѣнъ ихъ на звонкую монету, — вновь выпускаемыя имъ акціи не переставали расходиться, несмотря на огромное паденіе выпущенныхъ раньше, такъ какъ главнымъ должникомъ банка было государство и уже чувствовалось вліяніе общественной гарантіи на государственные займы. Вскорѣ понято было важное значеніе такой солидарности интересовъ, и общественное довѣріе ухватилось за благосостояніе государства, какъ за самую прочную свою опору. Вслѣдъ за этимъ, Англійскимъ банкомъ сдѣланы были самыя важныя ошибки, такъ что въ 1797 году онъ осмѣлился даже совсѣмъ прекратить свои платежи звонкою монетою; но, несмотря на это открытое банкротство, онъ сохранилъ прежнее свое значеніе. Народъ утвердилъ рѣшеніе парламента, которымъ соизволялось банкротство банка, и его билеты, обратившіеся въ бумажныя деньги, то есть, въ настоящія ассигнаціи, не переставали обращаться, какъ будто бы они могли размѣниваться на звонкую монету. Правительство принимало ихъ въ уплату податей, а должники освобождались отъ тюрьмы, если могли уплатить ими свои долги. Казалось, что это обстоятельство должно было вызвать огромное количество банковыхъ билетовъ, но мѣры, принятыя парламентомъ, и благоразуміе народа съумѣли удержать выпускъ ихъ въ скромныхъ границахъ, и дать возможность Англій, впродолженіи двадцати лѣтъ, обходиться безъ звонкой монеты, и занимать по прежнему первое мѣсто между торговыми народами всего міра*.

* Я долженъ былъ ограничиться въ настоящемъ случаѣ общимъ очеркомъ переворота, произведеннаго въ Европѣ учрежденіемъ со-

Наконецъ, знаменитымъ актомъ Пиля снова былъ введенъ, въ концѣ 1819, размѣнъ билетовъ на звонкую монету, а пять лѣтъ спустя, въ 1824, уже насчитывали семьсотъ организованныхъ или слагавшихся компаній *, съ капиталомъ въ десять миллиардовъ, четвертая часть которыхъ учреждена была въ 1827, съ капиталомъ въ 2,500 миліоновъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени Англія роздала въ ссуду иностран-

хранныхъ и оборотныхъ банковъ, и принциповъ, послужившихъ основаніемъ для этихъ банковъ. Подробная ихъ организація изложена самымъ всестороннимъ образомъ у Адама Смита: *Богатство народовъ*, кн. II, гл. 2 и кн. IV, гл. 3; у Стеварта: *Recherches de principes de l'Économie politique*, кн. IV; у Сисмонди: *Nouveaux principes d'Économie politique*, т. II; (последній — открытый противникъ банковъ). Три эти писателя преимущественно заслуживаютъ вниманія при изученіи этого предмета. Шторхъ, Ж. Б. Сэй, Мальтусъ, даже Рикардо должны были заимствовать у нихъ, въ особенности у первыхъ двухъ, свои прекрасныя изслѣдованія о физиологіи банковъ. Желаящіе ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ должны обратиться къ слѣдующимъ важнѣйшимъ источникамъ: Gilbert, *History of banking*; къ знаменитому памфлету Cobbett, *Paper against gold*, образцовому произведенію по діалектикѣ и по знанію финансовыхъ вопросовъ; къ сочиненію Thornton, *An inquiry on the paper credit*, и къ отчету, опубликованному англійскимъ парламентомъ по случаю возобновленной привилегіи банка. Въ этихъ сочиненіяхъ заключается вся наука о кредитѣ. Можно пользоваться также, только съ осторожностью, сочиненіемъ Юсифа Вельца: *La magia del credito svelata*.

ПРИМ. АВТОРА.

Послѣ выхода книги Бланки издано было много сочиненій о кредитѣ и банкахъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: Ch. Coquelin, *Crédit et banques*; Courcelle-Seneuil, *Traité des opérations de banque*; Cieszkowski, *Du crédit et de la circulation*; P. Coq, *La monnaie de la banque*; Darimon, *De la réforme des banques*; Levasseur, *Recherches sur le système de Law*; Carey, *The credit system in France, Great-Britain and the United States*; Dunning Macleod, *Theory and practice of banking*; O. Hübner, *Die Banken*; Wagner, *Beiträge zur Lehre von den Banken*; Бунте, *Теорія Кредита*, J. E. Horn, *Das Creditwesen in Frankreich*; J. L. Tellkampf, *Ueber die neuere Entwicklung des Bankwesens in Deutschland*. См. также *Библиографію*, приложенную ко 2 тому этого сочиненія.

РУС. ПЕРЕВ.

* *A complete view of the joint stock companies formed during the years 1824 and 1825, by Henry English.*

нымъ государствамъ 1,250 миліоновъ франковъ. Необычайное дѣйствіе кредита и его вліяніе на развитіе промышленности простиралось до того, что, несмотря на значительный вывозъ звонкой монеты, несмотря на огромную затрату капиталовъ на разработку рудниковъ, освѣщеніе городовъ, на пароходы, бумагопрядильныя фабрики и желѣзныя заводы, Англія находитъ еще въ наше время возможность пожертвовать пятьсотъ или шестьсотъ миліоновъ на желѣзныя дороги. Въ настоящее время она покровительствуетъ мирнымъ промышленнымъ занятіямъ съ такою же энергіею, съ какою, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, она преслѣдовала военныя предпріятія. А между тѣмъ, Англія, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, имѣетъ наименьшее количество звонкой монеты, такъ что развѣ только къ ней одной можно примѣнить экономическій афоризмъ Рикардо: *«Монета тогда только достигаетъ своего совершенства, когда она имѣетъ видъ бумажн.»* Я не объясняю, а только рассказываю: прежде чѣмъ принять на вѣру слова Рикардо, слѣдуетъ разсмотрѣть попытку, сдѣланную Лау.

ГЛАВА XXXI.

О системѣ Лау. — Вызвавшія ея обстоятельства. — Главныя причины ея паденія. — Ея вліяніе на успѣхи политической экономіи.

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка совершился глубокой переворотъ въ политической экономіи Европы. Чрезвычайное развитіе внѣшней торговли и повсемѣстное введеніе запретительной системы сосредоточили капиталы на мореходномъ дѣлѣ и на фабрикахъ. Земледѣліе, казалось, было забыто, какъ бесплодное занятіе; ибо только и рѣчи было, что о привилегированныхъ компаніяхъ, то для торговли съ восточной или съ западной Индіей, то для устройства суконныхъ, ковровыхъ или зеркальныхъ фабрикъ. Вскорѣ всѣ капиталы устремились на эти предпріятія, обѣщавшія, при содѣйствіи монополій, огромные барыши. Сверхъ того, каждое государ-

ство, вступивъ на путь тарифовъ, считало своимъ долгомъ оберегать свое производство отъ соперничества сосѣдей, и искать своего возвышенія на счетъ ихъ паденія: Испанія — посредствомъ запрещеній; Англія — отстраненіемъ иностранныхъ кораблей: Франція — наложеніемъ на нихъ различныхъ пошлинъ. Всѣ дружескія отношенія, основанныя на взаимности, замѣнены были враждебными мѣрами, настоящей войной среди кажущагося мира.

Къ довершенію зла, настоящія войны возникли изъ этихъ пагубныхъ ученій, предвѣстіемъ которыхъ былъ *актъ мореплаванія* и тарифъ 1664 года. Ко внутреннему вреду, причинявшемуся государствамъ злоупотребленіями покровительственной системы, вскорѣ присоединились страшныя бѣдствія, вызывавшіяся открытой и ожесточенной внѣшней войной. Мы уже видѣли, что произвело въ этомъ отношеніи соперничество между Англіей и Голландіей, и какими неустройствами ознаменовались послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Финансовыя средства всѣхъ народовъ были истощены; не было болѣе капиталовъ ни для продолженія войны, ни для улучшенія промышленности. Одинъ только народъ, среди всеобщаго злополучія, сохранялъ гордое и непреклонное положеніе, подобно тому, какъ позже Англія держала себя относительно Наполеона; это были голландцы; и, послѣ патриотизма, главное средство для ихъ спасенія оказалось въ кредитѣ. Мы уже говорили, какое остроумное соображеніе лежало въ основаніи и въ развитіи Амстердамскаго банка, несмотря на ограниченіе выпуска его билетовъ размѣрами фонда, принятаго имъ на сохраненіе. Вслѣдъ за нимъ появились оборотныя банки, и въ особенности Англійскій, которые дали толчекъ всѣмъ родамъ промышленности, и открыли труду новую эру.

Одна только Франція шла позади всѣхъ великихъ народовъ, и пагубнымъ образомъ настроенное ея правительство предавалось всѣмъ ужасамъ отмѣны Нантскаго эдикта, между тѣмъ какъ Англія и Голландія производили чудеса подъ покровительствомъ кредита. Вобанъ и Буагильберъ трогательно описали бѣдственное положеніе французской промыш-

шленности въ эту печальную эпоху. «*Имъ оставлены были только глаза, чтобы плакать,*» говорили они о нашихъ дѣдахъ, и мы не имѣемъ никакого права не вѣрить дѣйствительности ихъ несчастій, подтвержденныхъ такими благородными свидѣтельствами *. Вотъ въ какомъ положеніи оставилъ страну Людовикъ XIV. До послѣдней минуты его жизни французское правительство прибѣгало для своего существованія къ самымъ жалкимъ средствамъ. Такъ оно приведено было къ необходимости создавать новыя, бесполезныя должности, чтобы увеличить продажей ихъ свои доходы; и между тѣмъ какъ Англія и Голландія находили деньги за три и четыре процента, откупщики казенныхъ доходовъ заставляли французскаго короля платить десять, двадцать и даже пятьдесятъ процентовъ. Громадные налоги окончательно истощили землю, лишенную работниковъ, отнятыхъ у нея непрерывными рекрутскими наборами; торговля едва существовала, а промышленности, убитой изгнаніемъ протестантовъ, повидимому, суждено было потерять всѣ завоеванія, которыми она обязана была генію Кольбера **.

Таково было положеніе Франціи, когда умеръ Людовикъ XIV. Государственный долгъ превосходилъ тогда 3,000 милліоновъ франковъ, и банкротство казалось неизбѣжнымъ. Его даже предложили регенту, но онъ благородно отвергъ это предложеніе, и ограничился учрежденіемъ особой комиссіи (знаменитой *Commission du visa*), для изслѣдованія законности требованій различныхъ кредиторовъ государства. Въ это

* О плачевномъ положеніи французскихъ финансовъ, съ изложеніемъ постепеннаго ихъ улучшенія, см. I главу книги Левассера *Recherches hist. sur le Système de Law*, Paris, 1854. Рус. перев.

** Прекрасно описаны эти возмутительныя страданія французскихъ крестьянъ, съ Юлія Цезаря до 1779, у талантливаго ихъ историка, Бонмера, *Histoire des Paysans depuis la fin du moyen-âge jusqu'à nos jours*, Paris, 1856. Эта книга полна глубокаго сочувствія къ угнетеннымъ, къ которымъ съ такимъ педантическимъ безстрастіемъ отнесся въ своей книгѣ Дарестъ де ла Шаванъ *Histoire des classes agricoles de France depuis Louis IX jusqu'à Louis XVI*, Paris, 1853. О положеніи крестьянъ во Франціи см. также Дониоля, *Histoire des classes rurales en France*, Paris, 1857. Рус. перев.

то время явился Джонъ Лау съ предложеніемъ объ основаніи оборотнаго и учетнаго банка, и положилъ въ нашей странѣ первыя основанія кредита. Намъ необходимо изложить съ нѣкоторою подробностью широкія и такъ долго непонимавшіяся воззрѣнія этой знаменитой личности, виноватой, подобно всѣмъ людямъ такого же закала, развѣ только въ провозглашеніи истины столѣтіемъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и потому, такъ и умершей непонятою. Его первая молодость прошла среди безчисленныхъ приключеній и спеціальнаго изученія общественнаго кредита въ Англіи и Голландіи, у самаго источника обширныхъ торговыхъ предпріятій. Онъ видѣлъ вблизи, какую пользу можетъ принести обществу дѣятельное обращеніе цѣнностей, а пылкое его воображеніе, преувеличивая благодѣянія кредита, увѣрило его въ томъ, что только въ изобиліи звонкой монеты заключается главная причина обогащенія государствъ, такъ какъ только звонкая монета вызывала развитіе въ нихъ промышленности и благосостоянія. Это, впрочемъ, былъ предразсудокъ, господствовавшій во всей Европѣ въ ту эпоху, въ которую жилъ Лау, и этотъ предразсудокъ принималъ немалое участіе въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя были имъ приняты. Ему казалось, что если доставить государству достаточное количество звонкой монеты для безпрерывнаго заказа работы, то этимъ можно было бы довести его до высшей степени богатства и могущества. Обратные банки давали полную возможность восполнить недостатокъ звонкой монеты кредитомъ, придававшимъ бумажнымъ деньгамъ цѣнность и полезность металлическихъ денегъ; а какъ выпускъ бумажныхъ денегъ можетъ быть безграничнымъ, то и общественное богатство казалось ему отнынѣ на вѣки обезпеченнымъ.

Въ этомъ состояла ошибка Лау: въ преувеличеніи принципа, неподлежащаго сомнѣнію. Онъ принялъ дѣйствіе за причину, приписавъ кредиту тѣ слѣдствія, которыя именно и порождали кредитъ. Онъ не принялъ во вниманіе то обстоятельство, что количество денегъ, будутъ ли онѣ металлическія, или бумажныя, всегда должно соотвѣтствовать суммѣ мѣновыхъ цѣнностей, обращающихся въ странѣ, и что

звонкая монета не въ силахъ вызвать между народомъ промышленности, если этому не окажетъ содѣйствія предшествующій трудъ. Увеличеніе количества звонкой монеты, безъ пропорціональнаго умноженія мѣновыхъ цѣнностей, повысило бы только цѣны на всѣ предметы, но нисколько не увеличило бы дѣйствительнаго богатства страны. Обширный и точный умъ Лау тотчасъ же понялъ необходимость доставить труду капиталы по дешевой цѣнѣ. Замѣтивъ, что личный кредитъ банкировъ и торговцевъ деньгами часто оказывался гибельнымъ для промышленности, вслѣдствіе деспотизма заимодавцевъ надъ работниками, онъ задумалъ замѣнить личный кредитъ кредитомъ государственнымъ. «Не забывайте, говорилъ Лау регенту, что введеніе кредита произвело большій переворотъ между европейскими государствами, чѣмъ открытіе Индій, и что назначеніе государей давать, а не получать его.»

Такимъ образомъ, съ самаго начала, всѣ устремились къ тому, чтобы обезпечить за государствомъ завѣдованіе общественнымъ кредитомъ, передавъ въ его руки управленіе всеобщимъ банкомъ, которому поручено было бы получать всѣ доходы государства и распорядиться всѣми монополіями, какія будутъ предоставлены государству. Но, потому ли, что съ финансовыми теоріями знакомы были тогда весьма немногие люди, или потому, что всѣ были испуганы новизной проекта Лау, ему дали сперва только позволеніе открыть частный банкъ, весьма сходный съ нынѣшнимъ Французскимъ банкомъ, съ общественнымъ капиталомъ въ шесть миліоновъ франковъ, раздѣленныхъ на тысячу двѣсти акцій, по пяти тысячъ каждая. Этотъ банкъ имѣлъ право учить векселя, открывать купечеству текущіе счета и выпускать билеты на предъявителя, съ обязательствомъ обмѣнивать ихъ по предъявленіи на звонкую монету существовавшего тогда вѣса и пробы. Какъ только основанъ былъ этотъ банкъ, то кредитъ возникъ всюду *, довѣріе проникло даже за границу,

* Дюто, слишкомъ уже преувеличивающій благотѣльные слѣдствія банка Лау, говоритъ:

а ростовщичество прекратило свои опустошенія. Правительство поддержало довѣріе общества, принимая, какъ звонкую монету, билеты банка Лау. Это былъ первый опытъ, произведенный во Франціи надъ этой новой монетой, и она несомнѣнно вошла бы во всеобщее употребленіе, еслибы тотчасъ же не обратилась въ злоупотребленіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только регентомъ изданъ былъ указъ, 10 апрѣля 1717, обязывавшій откупщиковъ и сборщиковъ податей принимать наравнѣ съ звонкой монетой предъявляемые имъ банковые билеты, то послѣдніе тотчасъ же приобрѣли весьма важное значеніе; металлическія деньги перестали перевозиться по всей странѣ, и сосредоточились въ провинціальныхъ казначействахъ или въ отдѣленіяхъ банка, для удовлетворенія требованій обмѣна, тѣмъ болѣе рѣдкихъ, чѣмъ удобнѣе и дешевле обходилась пересылка бумажныхъ денегъ. Успѣхъ дѣла былъ полный и рѣшительный, такъ что банкъ, капиталъ въ шесть миліоновъ, могъ выпустить билетовъ почти

«Довольство вскорѣ распространилось по городамъ и селамъ; оно готовило освобожденіе тѣхъ и другихъ отъ давившихъ ихъ долговъ, вынужденныхъ бѣдностью; оно разбудило промышленность и подняло цѣну на всякую недвижимую собственность, освободивъ ее отъ различныхъ обязательствъ; оно дало королю возможность освободить своихъ подданныхъ, или простить имъ болѣе 52 миліоновъ недоимокъ за время, предшествовавшее 1716 году, и болѣе 35 миліоновъ, скопившихся во время регентства; оно понизило процентъ ренты и раздавило ростовщичество; оно повысило цѣнность земель на 80 и на 100 процентовъ; оно вызвало въ городахъ сооруженіе новыхъ зданій, а въ деревняхъ — возстановленіе полуразрушенныхъ крестьянскихъ домовъ, разработку новыхъ участковъ, придало цѣнность матерьяламъ, доставлявшимся почвой, цѣнность, которой они прежде не имѣли; оно воротило домой нашихъ согражданъ, вынужденныхъ нищетою искать себѣ пропитанія на сторонѣ; изобиліе это привлекло, наконецъ, и чужеземныя богатства; драгоцѣнности, драгоцѣнные камни и всѣ предметы роскоши и великолѣпія прибыли къ намъ изъ за границы. Были ли всѣ эти чудеса, всѣ эти необычайныя явленія вызваны искусственно, довѣріемъ, страхомъ или химерами, тѣмъ неменѣе, эта искусственность, довѣріе, страхъ или химеры дѣйствительно произвели то, что никогда не въ силахъ было бы произвести прежнее правительство.» (*Réflexions politiques sur les finances et le commerce de France* т. I).

Прим. автора.

на 50 миллионовъ. Его запасы въ золотѣ и серебрѣ ежедневно увеличивались, вмѣстѣ съ требованіемъ на его билеты. Послѣдніе требовались даже болѣе, чѣмъ въ настоящее время, въ которое банковыя бумаги тотчасъ же встрѣчаютъ затрудненіе въ своемъ обращеніи по переходѣ за черту Париза. Такимъ образомъ, Лау менѣе чѣмъ въ два года осуществилъ самыя смѣлыя утопіи общественнаго и частнаго кредита. Онъ разомъ достигъ повсемѣстныхъ результатовъ, какіе спустя даже сто лѣтъ, едва могутъ быть сосредоточены въ нѣкоторыхъ торговыхъ городахъ; однимъ взмахомъ онъ очутился у цѣли, для достиженія которой требовалось, повидимому, цѣлаго ряда поколѣній. Памяти его принадлежитъ вѣчная слава за всестороннее устройство, не упуская ни малѣйшей подробности, такого сложнаго механизма, какъ механизмъ оборотныхъ банковъ, и за ознакомленіе своихъ современниковъ, бывшихъ жертвой столькихъ финансовыхъ обмановъ, съ началами торговаго довѣрія и съ бумажными деньгами. Кто можетъ сказать, какъ велика была радость его при видѣ столь быстраго осуществленія его возрѣній, когда труду оказано было должное поощреніе; когда всѣ оживились надеждой, и вся Франція сочувствовала его усиліямъ? Но дни успѣха продолжались недолго, а Провидѣніе готовило ему въ самомъ близкомъ будущемъ самое горькое разочарованіе. Мы воспользуемся имъ, какъ поученіемъ серьезнымъ и достойнымъ занять мѣсто въ исторіи науки.

Оборотный банкъ, учрежденный въ Парижѣ, уже не удовлетворялъ честолюбія Лау. Его не покидала первоначальная мысль объ учрежденіи національнаго банка съ обязанностью получать государственные доходы и распоряжаться торговыми привилегіями, которыя уступить ему правительство. Право выпуска билетовъ на сумму, въ десять разъ превосходящую запасный капиталъ звонкой монетой, казалось ему теперь слишкомъ ограниченнымъ. Онъ задумалъ соединить въ одно общее товарищество всѣхъ французскихъ капиталистовъ, и передать въ ихъ распоряженіе всѣ источники общественнаго богатства, начиная съ поземельной собственности и кончая рискованной колониальной торговлей. Какое же можно

было придумать лучшее обезпеченіе, какъ Франція? и какую же цѣнность приобрѣтала эта гарантія, когда кредитъ, обезпечиваемый послѣднему себственнику, открывалъ безчисленные пути для всякаго рода улучшеній! Но Лау не рѣшился представить обществу свой проектъ во всей его величественной простотѣ: этого не позволяло сдѣлать ему недостаточно еще просвѣщенное національное довѣріе. Ему необходимо было, если можно такъ выразиться, привить свой всемірный банкъ къ какому нибудь учрежденію, покровительствуемому предразсудками его современниковъ; къ несчастію, судьбѣ угодно было, чтобы бывшая тогда въ ходу поголовная манія къ колонизаціи, представила ему случай къ учрежденію компаніи для торговли съ берегами *Миссисипи*. Такимъ то образомъ возникла компанія *Западныхъ Индій*, съ капиталомъ во сто миліоновъ франковъ, раздѣленныхъ на двѣсти тысячъ акцій, по пяти сотъ франковъ каждая, на предъявителя и съ правомъ передачи надписью. Для облегченія ихъ распродажи, Лау счелъ нужнымъ допустить указомъ, утверждающимъ компанію (1717), уплату за акціи одной четверти звонкой монетою, а остальныхъ трехъ четвертей свидѣтельствами на ренту, извѣстными подъ именемъ *государственныхъ билетовъ* (*billets d'État*), сильно упавшихъ въ то время въ своей цѣнѣ. Это обстоятельство нѣсколько поддержало послѣдніе, и значительно подняло общественный кредитъ; но удача всего предпріятія зависѣла только отъ колониальнаго успѣха компаніи, и какъ ни велико было легковѣріе его современниковъ, все же дивидентъ компаніи состоялъ постоянно изъ процентовъ на государственные билеты, выплачиваемыхъ акціонерамъ правительствомъ. Вскорѣ, изъ среды парламентовъ вышла оппозиція, которая оспаривала у вновь учрежденнаго банка право взимать налоги и совершать уплаты отъ имени государства. Она запретила чиновникамъ казначейства обмѣнивать предъявляемые имъ билеты банка на звонкую монету. Для рѣшенія возникшаго спора пришлось обратиться къ суду, не говоря уже о конкуренціи братьевъ Парисовъ, организовавшихъ, подъ вліяніемъ сторонниковъ парламента, *анти-систему* *.

* Подъ именемъ *анти-системы*, въ противоположность предпріятію
1.

Но, несмотря на это, 4 декабря 1718, два съ половиною года спустя послѣ своего основанія, банкъ Лау объявленъ былъ королевскимъ, и весь капиталъ его былъ выплаченъ акціонерамъ звонкою монетою. Съ этихъ поръ король пріялъ на себя гарантію билетовъ, которыхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ выпущено было на сумму, превышавшую капиталъ прежняго банка. Чтобы внушить довѣріе къ вновь выпущеннымъ билетамъ, Лау, къ несчастью, счелъ необходимымъ исходатайствовать у регента указъ, воспрещавшій перевозъ звонкой монеты между городами, въ которыхъ существовали конторы банка. Подобной мѣрой вводился насильственный курсъ бумажныхъ денегъ, и это было далеко не единственной ошибкой Лау. Казалось, ему суждено было самой судьбой, вмѣстѣ со всѣми благодѣтельными результатами кредита, ввести во Франціи самое пагубное изъ его злоупотребленій—*ажіотажъ*. Ажіотажъ порожденъ былъ отношеніями Королевскаго банка къ компаніи Западныхъ Индій. Такъ какъ акціи этой компаніи значительно упали, то для поддержанія ихъ, Лау обязался принимать ихъ по цѣнѣ выше нарицательной (*al-pari*), чрезъ опредѣленное время, обѣщая за нихъ *премію*, равную разницѣ между биржевою и нарицательною ихъ цѣною. Каждый захотѣлъ воспользоваться предстоящею выгодною, а потому акціи быстро поднялись въ цѣнѣ. Онѣ поднялись еще выше, когда Лау, пользуясь расположениемъ къ нему регента, присоединилъ къ привилегіи компаніи Западныхъ Индій монополію Восточныхъ Индій, съ правомъ выпустить новый капиталъ, соотвѣтственно размѣрамъ предстоящаго обширнаго предпріятія. Эти хитро задуманныя операціи, благодаря ихъ новизнѣ, понравились публикѣ, и привлекли звонкую монету въ кассу шотландскаго реформатора. Онъ далъ акціонерамъ время произвести полные взносы по ихъ акціямъ, упустивъ изъ виду, что у него самого не хва-

Лау, слышшему подъ названіемъ *системы*, разумѣется товарищество четырехъ братьевъ Парисовъ, изъ Гренобля, основанное съ цѣлью подорвать банкъ Лау; капиталъ ея простирался до ста миліоновъ; проценты ея были лучше гарантированы, такъ что они естественно должны были понизить цѣнность акцій банка Лау. Прим. автора.

титъ времени для окончанія всей операціи, и что вскорѣ его стануть упрекать въ разореніи страны. Какъ бы то ни было, онъ попустому терялъ время, которое американцы нашихъ дней называютъ тѣми же деньгами — *time is money*. Спекуляторы покупали разомъ и акціи, и надежды, а Лау всѣми силами старался поддержать какъ тѣ, такъ и другія. Звонкая монета, притекавшая въ огромномъ количествѣ въ государственное казначейство, подала ему мысль о перечеканкѣ монеты: онъ выхлопоталъ себѣ право на это особымъ указомъ, обошедшимся банку въ 50 миліоновъ франковъ. Такъ начались взаимныя уступки между правительствомъ и *системой*, изъ которыхъ первое постоянно уступало, а вторая дѣлала обѣщанія, съ одинаковою необдуманностью и беззаботностью о будущемъ. Тѣмъ неменѣе, переплавка монеты доставила огромныя выгоды, и еслибы Индейская компанія внесла причитающуюся съ нея долю дивиденда, то королевскій банкъ утвердился бы на незыблемыхъ основаніяхъ. Алчность придворныхъ и безуміе спекуляторовъ судили иначе.

Акціи поднялись до такой цѣны, которая не оправдывалась ни обезпеченіями, предоставленными имъ компаніей, ни расчетами на самыя преувеличенныя выгоды. Это было неболѣе какъ биржевой игрой, слишкомъ извѣстной, чтобы стоило входить въ подробное ея изложеніе. Достаточно сказать, что повышеніе цѣны акцій вызвало по истинѣ баснословныя богатства, и произвело такія перемѣщенія въ собственности, которыя оказались несовсѣмъ бесполезными для общаго благосостоянія страны. Поземельная аристократія, которой наскучило владѣть помѣстьями, приносившими самыя скромныя доходы, сравнительно съ доходами, доставлявшимися биржевой игрой, обмѣняла свои луга и лѣса на акціи; заработная плата достигла неслыханной до того времени величины; заваленные товарами магазины не успѣвали удовлетворять требованіямъ покупателей. Лау достигъ, повидимому, осуществленія всѣхъ своихъ стремленій. Если какіе либо недоброжелательные соперники скупали его билеты, чтобы обмѣнять ихъ на звонкую монету, то онъ прибѣгалъ противъ нихъ къ указу о пониженіи цѣнности звонкой монеты, и разрушалъ всѣ со-

ставлявшіяся противъ него коалиціи своею тѣсною связью съ правительствомъ. Ни прежде, ни послѣ, должно согласиться, не было произведено болѣе смѣлыхъ опытовъ съ такою быстротою и въ такихъ размѣрахъ; никогда болѣе смѣлыя теоріи не поддерживались болѣе абсолютною властью. Оставалась одна только попытка, самая опасная, правда, но и самая соблазнительная—погашеніе государственнаго долга. Попытка эта менѣе всего могла встрѣтить препятствій со стороны регента; вся бѣда заключалась въ томъ, что взялись за это дѣло не съ должною осторожностію и ранѣе, чѣмъ слѣдовало. Полторы тысячи миліоновъ не могли быть такъ легко перемѣщены въ странѣ, менѣе знакомой, чѣмъ Англія и Голландія, съ обширными кредитными операціями. Неменѣе опасна была рѣшимость предложить взамѣнъ кредитныхъ бумагъ государства акціи Индейской Компаніи, и заставить принять, какъ выражались тогда, вмѣсто государственныхъ бумагъ, приносившихъ вѣрный доходъ, какіе то туманы Миссисипи. Впрочемъ, и эта мѣра удалась бы, еслибы не горячка, съ которою бросилась публика на спекуляціи, открывшіяся этой мѣрой. Едва были выпущены акціи, какъ цѣна ихъ поднялась втрое, впятеро и даже въ десять разъ выше нарицательной. Судя по поспѣшности, съ какою французы принялись разбирать акціи, можно было подумать, что они рѣшительно не знали, куда бы только имъ помѣстить свои деньги. Второй выпускъ былъ сдѣланъ на пятьдесятъ миліоновъ ливровъ. Всѣми овладѣла какая то горячка, которую, къ тому же, поощряла разсрочка, дозволившая подписчикамъ внести деньги въ десять сроковъ, помѣсячно. Достаточно было *представить задатокъ*, какъ остроумно выразился Тьеръ *, чтобы обезпечить за собой десять акцій вмѣсто одной. Кредиторы государства были не послѣдними въ дѣлѣ собственнаго своего разграбленія, а исторія *системы* переполнена подвигами грабительства, со славою открывшими въ нашей странѣ карьеру ажіотажу.

Здѣсь мы можемъ представить только въ общихъ чертахъ

* Статья о Лау въ *Encyclopédie progressive*, стр. 80.

результаты этого великаго финансоваго переворота, сопровождавшагося, подобно всѣмъ переворотамъ, огромными бѣдствіями, рядомъ съ великими и прочными благодѣяніями, вознаграждавшими за все причиненное имъ временное зло. Болѣе всего пострадала, разумѣется, общественная нравственность отъ всѣхъ этихъ искушеній, способныхъ отвратить честныхъ людей отъ медленнаго и тернистаго пути труда. «Перемѣны въ счастья, говоритъ Тьеръ*, совершались съ такою быстротой, что спекуляторамъ достаточно было продержать у себя акціи одинъ только день, чтобы, при перепродажѣ, получить огромные барыши. Между прочимъ, рассказываютъ объ одномъ изъ нихъ, которому поручено было продать бумаги. Онъ исчезъ на два дня, и всѣ полагали, что онъ укралъ акціи; ничуть не бывало: онъ въ цѣлости возвратилъ за нихъ деньги, но за это время успѣлъ приобрести для себя миллионъ. Способность, приобретенная капиталами увеличиваться съ такой необыкновенной быстротой, породила особый промыселъ: *капиталы отдавались въ ссуду на часъ*, и за это взымались безпримѣрные проценты. Ажіотеры находили возможнымъ заплатить требуемый процентъ, и получить еще большой барышъ для самихъ себя. Въ одинъ день можно было нажить до миллиона. Ничего, стало быть, нѣтъ удивительнаго, что лакеи становились вдругъ богаче господъ: рассказываютъ про одного, который, встрѣтивъ въ ненастную погоду, пѣшкомъ, своего господина, остановилъ свою карету, и предложилъ ему сѣсть въ нее.» Ослѣпление дошло до того, что акціи поднялись въ тридцать разъ противъ первоначальной своей цѣны, и ажіотажъ, подобно безднѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ поглотилъ всѣ сбереженія, какъ богачей, такъ и бѣдняковъ. Въ лавкахъ вскорѣ не хватило галуновъ для костюмовъ новой аристократіи, порожденной этой биржевой горячкой, и въ то же время шестьсотъ тысячъ акцій Индейской компаніи представляли собою болѣе чѣмъ десять миллиардовъ воображаемыхъ цѣнностей. Нужно было быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ финансовыхъ увлеченій

* Тамъ же.

настоящаго времени, чтобы составить себѣ понятіе о горячешномъ настроеніи общества въ эпоху Лау, и о томъ глубокомъ ослѣпленіи, въ которое повергла страсть къ спекуляціямъ, самыхъ благоразумныхъ людей*.

Кризисъ между тѣмъ приближался, хотя никто не предвидѣлъ его, тѣмъ менѣе Лау, повидимому, твердо вѣрившій въ непоколебимую прочность своей системы. Уже нельзя было придумать рѣшительно никакой гарантіи, достаточной для обезпеченія капитала въ десять миллиардовъ; и еслибы даже Миссисипскія равнины были настоящимъ Эльдorado, то все таки потребовалось бы болѣе четырехъ сотъ миліоновъ на уплату 4 или 5 процентовъ на баснословную сумму, представляемую акціями. Вскорѣ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ цѣлому ряду насильственныхъ мѣръ, которыя, собственно, должны были быть слѣдствіемъ всеобщаго довѣрія; но съ этого то дня довѣріе и было поколеблено. Для поддержанія

* Вотъ таблица, изъ которой можно видѣть число и повышеніе цѣны акцій Системы Лау. (Cochut, *Law, son système et son époque*, стр. 73):

Названіе акцій.	Число выпущенныхъ акцій.	Нарицательная цѣна на акціи въ франкахъ.	Нарицательная стоимость всѣхъ выпущенныхъ акцій въ франкахъ.	Биржевая цѣна акцій въ франкахъ.	Биржевая стоимость всѣхъ выпущенныхъ акцій въ франкахъ.
I. Выпускъ акцій (ихъ называли <i>mères</i>) Индейской компаніи.	200,000	500	100,000,000	500	100,000,000
II. Выпускъ акцій, которыя называли <i>filles</i>	50,000	500	25,000,000	500	27,500,000
III. Выпускъ акцій, которыя называли <i>petites-filles</i>	50,000	500	25,000,000	1,000	50,000,000
Выпускъ акцій для погашенія госуд. долга ..	300,000	500	150,000,000	5,000	1,500,000,000
Дополнит. вып. 4 октяб. 1719.	24,000	500	12,000,000	500	120,000,000
Итого	624,000		312,000,000		1,797,500,000

билетовъ своего банка, Лау рѣшился прибѣгнуть къ нѣсколькимъ указамъ, въ силу которыхъ воспрещался обмѣнъ билетовъ на металлическія деньги въ Парижѣ; затѣмъ, повелѣно было вносить подати билетами; и, наконецъ, кредиторы тоже получили право требовать себѣ уплатъ билетами. Всѣ эти пустыя усилія только ускорили взрывъ катастрофы. Осторожные люди успѣшили реализовать, то есть, промѣнять свои билеты и акціи на земли, дома и движимыя имущества; теперь обнаружилось стремленіе, діаметрально противоположное тому, которое обозначено нами выше: владѣтели бумажныхъ цѣнностей бросились теперь на недвижимыя имущества, какъ незадолго предъ тѣмъ они всѣми силами старались освободиться отъ нихъ, и обмѣнять ихъ на бумаги. Всѣ цѣнности мгновенно почти поднялись до небывалой высоты, а банкъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осаждался требованіями разнѣна его билетовъ на звонкую монету. Опасность эту думали устранить насильственнымъ курсомъ билетовъ, а для возстановленія довѣрія къ нимъ обѣщаны были такіе дивиденды, которые не могли быть уплочены. Затѣмъ, послѣдовали уже рѣшительно безумныя мѣры: запрещеніе носить драгоценныя камни и алмазы, изъ опасенія, чтобы ихъ не покупали на акціи и билеты, конфискація старыхъ монетъ, и

Такимъ образомъ, компанія выпустила, говоритъ Кошутъ (стр. 74) 624,000 акцій, по 500 франковъ каждая, представляющихъ капиталъ въ 312,000,000 фр. и, пользуясь повышеніемъ ихъ цѣны, продавъ ихъ за 1,797,500,000 фр., получила одной преміи 1,485,500,000 фр.

Доходы, на которые рассчитывала компанія, чтобы выплатить акціонерамъ дивидендъ на эту страшную цифру 1,797,500,000, слѣдующіе: Процентъ (3%), платимый компаніи государствомъ на

откупную сумму податей	48,600,000 фр.
Барыши компаніи съ этой операціи	8,000,000 —
Табачная монополія	6,000,000 —
Барыши отъ откупа соляной пошлыны Альзаціи	1,400,000 —
Барыши отъ чеканки новой монеты	10,000,000 —
Доходы отъ коммерческихъ привилегій компаніи	8,000,000 —

Итого, вѣроятныхъ доходовъ... 82,000,000 —

По этому счету, компанія выплатила бы по 130 фр. дивиденда на акцію по ея нарицательной цѣнѣ; но по ея биржевой цѣнѣ это не составило бы и 3 процентовъ. Рус. перев.

домашніе обыски для ихъ открытія. Паденіе акцій продолжалось съ неменьшей быстротой, къ великому отчаянію тѣхъ несчастныхъ, которые обмѣняли дѣйствительныя имущества на богатство воображаемое, и къ безумной радости новыхъ богачей, успѣвшихъ обратить свои бумаги на покупку земель, или помѣстить ихъ въ иностранныя фонды. Знаменитый указъ 5 марта 1720 года довелъ до послѣдней крайности тѣ нелѣпыя насильственные мѣры, которыя были причиною отчасти пристрастнаго взгляда на систему Лау со стороны потомства. Подъ вліяніемъ самыхъ коварныхъ соображеній, ставя ни одну доску банкныя билеты и акціи Индейской компаніи, то есть, бумаги, полученныя въ обмѣнъ на дѣйствительныя цѣнности, и цѣнности, несомнѣнно мнимыя и случайныя, указъ этотъ былъ настоящимъ объявленіемъ банкротства. Въ настоящее время трудно повѣрить, къ какимъ печальнымъ мѣрамъ принужденъ былъ прибѣгнуть Лау послѣ этого послѣдняго удара. Присовѣтованныя имъ отчаянныя указы напоминаютъ нѣкоторыя изъ мѣръ, предложенныхъ во время терора 1793 *, какъ напримѣръ, повелѣніе доносить на укрывателей золота и серебра, или искаженіе монетной системы. Когда гениальный человѣкъ, доводится крайностью до такихъ жестокихъ заблужденій, то наукѣ остается только сожалѣть, что онъ попалъ въ такое положеніе, такъ сказать, противъ своей воли, вслѣдствіе необходимости подчинить свой образъ дѣйствій требованіямъ двора и отчаянному состоянію финансовъ.

Дюто **, Форбонне ***, Стевартъ **** и Тьеръ ***** превосходно

* Запрещено было держать у себя болѣе пятисотъ франковъ звонкою монетою, подъ опасеніемъ штрафа въ десять тысячъ франковъ. Ни одна золотая вещь не должна была вѣсить болѣе одной унціи. Опредѣленъ былъ вѣсъ всѣхъ предметовъ домашней утвари, блюды, сахарницъ, подсвѣчниковъ. Это было такъ же смѣшно, какъ и глупо.

Прим. автора.

** *Réflexions politiques sur les finances et le commerce.*

*** *Recherches sur les finances de France.*

**** *Recherches des principes de l'économie politique.*

***** Статья о Лау, въ *Encyclopédie progressive.* Прим. автора.

Главные сочиненія Лау помѣщены въ первомъ томѣ *Collection des*

изобразили послѣдніе дни *системы* и ошибочныя соображенія, причинившія ея паденіе. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что банкъ Лау принесъ бы неизчислимыя услуги Франціи, еслибы регентъ не обратилъ его въ орудіе для взиманія податей и въ послушную финансовую машину, вмѣсто того чтобы предоставить ему независимость торговаго учрежденія. Когда подумаешь, что этотъ банкъ, основанный съ цѣлью облегчить торговые обороты, дошелъ до того, что запретилъ обращеніе золота, и началъ искажать монету, то трудно согласить печальный исходъ всего предпріятія съ блистательными успѣхами его первоначальной дѣятельности, рѣшительно не позволявшими предвидѣть такой жалкой развязки. Съ 21 мая 1721, началось постепенное сокращеніе числа обращающихся въ публикѣ банковыхъ билетовъ и акцій Индейской компаніи: этою мѣрой разоблачалось банкротство, которое слѣдовало бы спокойно выждать и хладнокровно подвергнуться его невыгодамъ; это значило признаться государственнымъ кредиторамъ, что ихъ обманули, и что имъ теперь только открываютъ глаза. Но общество собрало только то, что дѣйствительно было посѣяно имъ. Развѣ не оно само подняло акціи до невѣроятной цѣны, и искусственно увеличило ихъ цѣнность, такъ что уже не было возможности уплачивать процентовъ на такой громаднѣйшій капиталъ*.

Économistes Гильомена, съ *Исторической статьей о Лау, о его сочиненіяхъ и объ операціяхъ Системы*, Эжена Дера. Франц. изд.

Кромѣ вышеприведенной, прекрасной книги Кошута, см. о системѣ Лау:

Levasseur, *Recherches historiques sur le système de Law*. 1854.

J. S. Horn, *Jean Law, Ein finanzgeschichtlicher Versuch*. 1858.

Рус. перев.

* Заключение довольно печальное, и естественное только въ устахъ защитника безусловной экономической свободы; оно можетъ быть объяснено только безвыходными требованіями логической послѣдовательности, и совершенно несостоятельными мѣрами, предлагаемыми противъ такихъ бѣдствій противной школой. Какъ бы то ни было, этотъ открыто анархическій принципъ, обвиняющій обокраденныхъ въ томъ, что они не съ умѣли уберечься отъ воровъ, совершенно совпадаетъ съ мнѣніемъ защитниковъ промышленной конкуренціи, говорящихъ умирающимъ отъ голода и усталыя работникамъ: «Вы жа-

банкомъ Лау случилось то же, что съ банками Сѣверо-Американскихъ штатовъ во время послѣдняго кризиса, когда бѣольшая часть ихъ погибла отъ чрезмѣрнаго выпуска билетовъ, вызваннаго разсчетами на возвышеніе цѣны поземельной собственности и на развитіе цивилизаціи, которая, однако, не можетъ дѣлать сверхъестественныхъ успѣховъ. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на *систему*, нельзя не признать, что, еслибы Лау всегда оставался вѣренъ тѣмъ основаніямъ кредита, которыя такъ хорошо развиты имъ въ *Considérations sur le numéraire**, то онъ столѣтіемъ ранѣе поднялъ бы Францію на первое мѣсто между финансовыми державами, и можетъ быть, предупредилъ бы ту страшную катастрофу, которая разразилась надъ ней въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ банки, онъ первый безнаказанно выпустилъ билетовъ на сумму, въ 10 разъ превосходившую металлическій фондъ банка, и, несмотря на его неблагоразумный образъ дѣйствія относительно Индейской компаніи, ему тѣмъ неменѣе принадлежитъ

дуетесь на ваше положеніе, но его создали себѣ вы сами, вы пользовались одинаковымъ съ нами правомъ трудиться, вольно вамъ было трудиться не такъ и не столько, сколько это нужно для того, чтобы разбогатѣть; мы свое дѣло сдѣлали, позволили вамъ трудиться. Мы не виноваты въ томъ, что мы разбогатѣли; а вы виноваты сами передъ собою въ томъ, что позволили намъ разбогатѣть вашими трудами.» Противъ такихъ жестокихъ доводовъ современная наука нашла только два средства: ассоціаціи и стачки, несостоятельность которыхъ очевидна; дѣйствительно, странно предложить открыть кассу, въ которую положить нечего, или составить стачку, то есть, отказаться отъ работы, когда нечѣмъ просуществовать.

То же самое можно сказать и о современныхъ акціонерныхъ компаніяхъ, такъ часто избираемыхъ своими директорами. Общественное мнѣніе и сами акціонеры обвиняютъ самихъ себя, забывая, что у директоровъ была вся возможность красть, а у акціонеровъ вовсе никакой, чтобы уберечься отъ ихъ нецеремонныхъ наклонностей.

Рус. перев.

* Въ этомъ сочиненіи, переведенномъ на французскій языкъ и вышедшимъ вторымъ изданіемъ въ 1790, Лау изложилъ съ удивительною ясностью свои мысли о кредитѣ. Многіе экономисты черпали изъ него весьма полезныя свѣдѣнія, не отдавая, впрочемъ, должной справедливости автору.

Прим. автора.

честь созданія во Франціи первыхъ промышленныхъ цѣнностей.

Уже эта послѣдняя заслуга была плодомъ широкой и высокой мысли. Для самыхъ мелкихъ капиталовъ открывалось отнынѣ помѣщеніе, а рабочіе классы, подвергавшіеся до этого всѣмъ случайностямъ колебанія заработной платы, допущены были наконецъ къ преимуществамъ собственности. Акціи Индейской компаніи и билеты Королевскаго банка представляли бережливымъ людямъ выгоды сберегательной кассы, вмѣстѣ съ надеждой на прибыль обширнаго торговаго товарищества. Мысль, задуманная Лау, невольно вызываетъ наше удивленіе. Общественный кредитъ занялъ мѣсто частнаго. Денежный процентъ за ссуду понизился, и тѣмъ самымъ отстранена была самая дѣйствительная причина неравенства состояній. Къ несчастію, шотландскій финансистъ раздѣлялъ заблужденіе, свойственное многимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ его современниковъ, воображая, что одного только увеличенія количества обращающихся денегъ было достаточно для пониженія денежнаго процента за ссуду; опасность этого заблужденія онъ усиливалъ, къ тому же, другимъ, болѣе жестокимъ и лично ему принадлежащимъ заблужденіемъ, воображая, что можно увеличивать количество бумажныхъ денегъ (банковыхъ билетовъ), не обращая вниманія на величину обезпечивающаго ихъ металлическаго фонда. Удача поддерживала его заблужденіе больше, чѣмъ можно было ожидать, ибо выгоды, представляемыя бумажными деньгами, такъ хорошо были приняты во Франціи, что онъ рискнулъ, какъ мы уже видѣли, даже вначалѣ своего предпріятія, на мѣру, на которую не рѣшится ни одинъ изъ учетныхъ банковъ нашего времени, то есть, на выпускъ билетовъ на сумму, въ десять разъ превосходящую капиталъ банка звонкою монетой. Довѣріе къ банку было безграничное; вина Лау состояла въ злоупотребленіи имъ. Онъ далъ себя мало по малу опутать регенту, который, при его содѣйствіи, надѣялся погасить государственный долгъ, и заставилъ его, выражаясь словами одного изъ его современниковъ *, «вы-

* Дюто.

*строить семиэтажное зданіе на фундаментъ, рассчитанномъ только на три.» Мы не можемъ еще оцѣнить настоящимъ образомъ дѣйствительныя слѣдствія системы. Современные ей историки отзываются о ней съ тѣмъ преувеличеннымъ отвращеніемъ, которое обыкновенно сопровождаетъ репутацію знаменитыхъ людей, дѣятельность которыхъ ознаменовалось неудачей. «По окончаніи игры, говоритъ Лемонте *, выигравшимъ было выгоднѣе всего скрывать свои барыши, а проигравшимъ — преувеличивать свои потери. Судьямъ этого запутаннаго кризиса поневолѣ пришлось смѣшать страданія, причиненныя лекарствомъ, съ болью, противъ которой они были прописаны, и то, что только перемѣнило мѣсто, съ тѣмъ, что было уничтожено.... Между тѣмъ, далекія провинціи, оставшія въ дѣлѣ цивилизаціи, получили самый спасительный толчекъ. Эти бѣдныя и безпечныя мѣстности, въ которыхъ торговля и деньги были почти неизвѣстны, произведенія почвы не имѣли никакой цѣны, а сборъ податей былъ столько же затруднителенъ, какъ и разорителенъ, оживились новою жизнью. Что касается до богатства, до возвышенія цѣнъ на предметы продовольствія, до сбора податей, до развитія общественной жизни и политическаго значенія, то возрожденіе этой обширной территоріи начинается съ катастрофы Лау, а сдѣланные ею съ 1720 года успѣхи служатъ лучшимъ памятникомъ его системы, чѣмъ тѣ банковые билеты, которые сохраняются кое гдѣ въ ея хижинахъ.»*

Итакъ, главною причиною паденія системы былъ неумѣренный выпускъ банковыхъ билетовъ и акцій Индейской компаніи. *Воображаемые* капиталы не могли приносить *дѣйствительныхъ* доходовъ: результатомъ этого было только чрезвычайное повышеніе цѣнъ на всѣ предметы, и общее перемѣщеніе богатствъ, тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ быстрѣе оно совершилось. Отцы наши были свидѣтелями страшнаго паденія *ассигнацій*, несмотря на обезпеченіе ихъ такъ называемыми національными имуществами, вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска этихъ бумажныхъ денегъ; Англія испытала, въ свою оче-

* Lemontey, *Histoire de la Régence*, т. I, стр. 356.

редь, великій денежный кризисъ вслѣдствіе того, что Англійскій банкъ, въ ссудахъ, сдѣланныхъ правительству, перешелъ за естественныя границы, допускаясь его металлическимъ фондомъ. Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, еще болѣе серьезный денежный кризисъ постигъ Сѣверо-американскіе соединенные штаты *, а изучая вызвавшія его причины, невольно переношишь къ эпохѣ Лау, до такой степени онѣ сходны съ обстоятельствами, погубившими *систему*. Напрасно Конвентъ казнить смертью того, кто отказывался принимать бумажныя деньги; напрасно Англія узакониваетъ несостоятельность своего банка, а Соединенные штаты ускоряютъ банкротство своихъ: эти жестокія потрясенія только укрѣпляютъ основные принципы теоріи кредита. Кредитъ могутъ выражать только прочныя цѣнности, а эта прочность ихъ должна быть признана однимъ только довѣріемъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предписана насильственными мѣрами. Еслибы Лау не былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то онъ удержалъ бы выпускъ билетовъ и акцій въ границахъ, указывавшихся потребностями обращенія и вѣроятными доходами Индейской компаніи. Первые шаги его ознаменовались блистательнымъ успѣхомъ. Онъ вообразилъ, что ему удастся всю Францію размѣнять на мелкую монету, и пустить въ обращеніе всѣ ея земли въ видѣ бумажныхъ денегъ. Какъ бы то ни было, результаты такого колоссальнаго замысла были не совсѣмъ безплодны. Безпрестанная передача собственности изъ рукъ въ руки, совершавшаяся подъ вліяніемъ *системы*, открыла собой то раздробленіе имущества, которое доставило Франціи такія важныя выгоды. Духъ предпріимчивости охватилъ всѣ классы общества, а неизвѣстная до того сила товарищества обнаружилась въ самыхъ новыхъ и смѣлыхъ сочетаніяхъ: кредитныя операціи настоящаго времени представляютъ только подражаніе имъ. Безъ расточительности двора, общественный долгъ Франціи былъ бы значительно уменьшенъ удовлетвореніемъ части государственныхъ кредиторовъ, а понизившійся процентъ за ссуды доставилъ бы возможность уплатить и остальнымъ.

* Авторъ намекаетъ на кризисъ 1838—1839.

Поземельная собственность впервые вышла изъ состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ она такъ долго держалась феодальной системой. Для земледѣлія наступило настоящее пробужденіе, а земля поступила въ число могущественнѣйшихъ производителей силъ. Изъ состоянія полнѣйшей неподвижности она перешла въ разрядъ обращающихся цѣнностей. Новые поземельные собственники, вышедшіе изъ рабочаго сословія, приложили къ землѣ свой привычный трудъ, при содѣйствіи явившихся къ ихъ услугамъ капиталовъ. Разразившаяся надъ нею гроза, казалось, только освѣжила ее, и съ этой минуты для нея открылась новая эра. Всѣ обратились къ ней, какъ къ самой прочной собственности, такъ что, несмотря на неудачи, постигшія прочія отрасли промышленности во время развязки системы Лау, почти тотчасъ же вслѣдъ за ея паденіемъ, явилась новая система, оставившая замѣтные слѣды, прежде чѣмъ она скрылась вслѣдъ за предъидущей. Нетрудно догадаться, что дѣло идетъ о системѣ Кенне, или экономистовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТРАН.
Введеніе	5
ГЛАВА I. Политическая экономія древнѣе, чѣмъ это принимается.—Греки и римляне имѣли свою политическую экономію.—Сходство ея съ наукой настоящаго времени.—Раздѣляющее ихъ различіе.—Послѣдовательныя измѣненія, испытанныя этою наукой.—Общее обозрѣніе предмета.....	21
ГЛАВА II. Политическая экономія грековъ.—Взглядъ ихъ на рабство.—Ихъ финансовое управленіе.—Они живутъ трудомъ рабовъ и данью союзниковъ.—Что такое былъ <i>теорикъ</i> .— <i>Клерухин</i> , или завоеванныя страны.—Каждый гражданинъ считалъ себя кредиторомъ государства.—Что требовалось для содержанія семейства.—Общественныя имущества.—Рудники.—Монета.—Дельфійскій храмъ—настоящій сохранный банкъ.—Величина денежнаго процента въ Греціи.—Важное значеніе финансовъ.—Афинскіе нравы.....	30
ГЛАВА III. О политико-экономическихъ системахъ, бывшихъ въ ходу или предложенныхъ въ Греціи.—О законахъ Ликурга.— <i>Республика</i> Платона.— <i>Государственное хозяйство</i> Ксенофонта.— <i>Политика</i> Аристотеля.....	45
ГЛАВА IV. О греческихъ колоніяхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ метрополіи.—Онѣ содѣйствовали распространенію въ большей части Европы понятій, зараждавшихся въ Афинахъ и въ Спартѣ.—Онѣ основаны были, подобно нашимъ, выселеніями, но пользовались большею независимостью.....	66
ГЛАВА V. О политической экономіи римлянъ въ различные періоды ихъ существованія.—Во время республики—они настоящіе завоеватели и грабители.—Въ эпоху имперіи—они строители и администраторы.—Ихъ презрѣніе къ труду.—Причиненныя ими страшныя опустошенія.—Разрушеніе Карфагена.—Первыя попытки организациі во времена императоровъ	69
ГЛАВА VI. О политической экономіи римлянъ послѣ основанія имперіи.—Злоупотребленія завоеваніями.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Положеніе рабочихъ классовъ.—Высокомѣрная ари-	

- стократія. — Голодная чернь. — Спасеніе въ безбрачной жизни. — Общественный и личный эгоизмъ. — Отсутствіе фабрикъ. — Польза приносится въ жертву величію..... 74
- ГЛАВА VII. О важномъ значеніи путей сообщенія у римлянъ. — Какую пользу могли бы оказать цивилизаціи и торговлѣ ихъ большія дороги. — Очеркъ главнѣйшихъ политико-экономическихъ римскихъ законовъ. — Общій взглядъ на ихъ торговлю. 83
- ГЛАВА VIII. Быстрое паденіе имперіи. — Главныя его причины. — Первое появленіе христіанства. — Вліяніе азіятскихъ нравовъ въ Константинополѣ. — Перемѣны въ понятіяхъ гражданскихъ, религіозныхъ, промышленныхъ и торговыхъ. 95
- ГЛАВА IX. Измѣненія, произведенныя въ общественной экономіи Европы вліяніемъ христіанства. — Его крѣпкая и искусная организація. — Монастыри создаютъ общинную жизнь. — Религіозный принципъ вызываетъ учрежденіе больницъ, богадѣленъ. — Священникъ стоитъ въ настоящее время ниже своего назначенія. — Взглядъ на этотъ вопросъ..... 102
- ГЛАВА X. Экономическія слѣдствія вторженія варваровъ и раздробленія Римской имперіи. — Элементы ея новаго общественнаго устройства..... 111
- ГЛАВА XI. Послѣднее мерцаніе цивилизаціи въ Константинополѣ при Юстиніанѣ. — Этотъ императоръ сводитъ въ одно цѣлое все римское законодательство. — Что такое былъ его *Кодексъ*. — *Пандекты*. — *Институты*. — Законодательство Юстиніана есть архивъ прошедшаго. — *Капитуляріи* Карла Великаго — программа будущаго..... 125
- ГЛАВА XII. Политическая экономія Карла Великаго. — Экономическая сторона его *Капитуляріевъ*. — *Капитулярій de Villis*. — Вліяніе на общество царствованія этого великаго человѣка. 130
- ГЛАВА XIII. Утвержденіе феодальной системы и экономическія ея послѣдствія. — Монархія Карла Великаго распадается, вслѣдствіе принципа наследственности леновъ. — Повсемѣстное распространеніе крѣпостнаго права..... 141
- ГЛАВА XIV. Крестовые походы и ихъ вліяніе на успѣхи политической экономіи въ Европѣ. — Десятина Саладина. — Переворотъ въ обычаяхъ. — Успѣхи мореплаванія, промышленности и торговли..... 154
- ГЛАВА XV. Значеніе евреевъ въ средніе вѣка. — Услуги, оказанныя ими политической экономіи. — Дѣйствительно ли они — первые основатели кредита? — Происхожденіе *векселя* и *ломбардовъ* (*Monts de piété*)..... 164
- ГЛАВА XVI. Ганзейскіе города. — Обстоятельства, вызвавшія

союзъ ихъ.—Удивительное устройство ихъ конторъ.—Значеніе Брюгге.—Начало комиссіонной торговли.....	177
ГЛАВА XVII. Освобожденіе городскихъ общинъ и его вліяніе на ходъ экономическаго и общественнаго развитія.....	187
ГЛАВА XVIII. Экономическое законодательство первыхъ королей Франціи третьей династіи.—Указы о евреяхъ.—О деньгахъ.—Противъ ихъ вызова.—О хлѣбной торговлѣ.—Противъ роскоши.—Официальное происхожденіе современныхъ торговыхъ предразсудковъ.....	196
ГЛАВА XIX. Устройство цеховъ въ царствованіе Людовика Святаго.— <i>Книга Ремесль</i> Этьена Буало.—Общій очеркъ цеховой системы.—Ея прежнія выгоды и новѣйшія неудобства.	210
ГЛАВА XX. Вліяніе средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ на развитіе политической экономіи.—Возрастающее значеніе труда.—Умноженіе движимаго богатства.—Вызванныя имъ измѣненія въ европейскомъ общественномъ устройствѣ.—Основаніе кредита.—Венеціанскій банкъ.—Происхожденіе новѣйшей запретительной системы.....	224
ГЛАВА XXI. О переворотѣ, произведенномъ въ развитіи политической экономіи Карломъ V.—Войнственное направленіе занимаетъ мѣсто торговыхъ стремленій.—Официальное введеніе запретительной системы.—Торговля неграми.—Финансовыя операціи.—Монастыри и нищіе.—Сопротивленіе протестантства.....	245
ГЛАВА XXII. Протестантская реформація и ея вліяніе на развитіе политической экономіи.—Секуляризація монастырей.—Продажа церковныхъ имуществъ.—Ихъ значеніе въ Англій.—Законы о бѣдныхъ.—Увеличеніе числа рабочихъ дней.....	255
ГЛАВА XXIII. О слѣдствіяхъ открытія новаго свѣта и о европейской колониальной системѣ въ обѣихъ Индіяхъ.....	267
ГЛАВА XXIV. Монетныя системы, господствовавшія въ Европѣ съ древнихъ временъ до открытія рудниковъ Америки.—Экономическія слѣдствія этого открытія.—Обозрѣніе сочиненій, имѣвшихъ своимъ предметомъ монету....	279
ГЛАВА XXV. О нѣкоторыхъ вредныхъ слѣдствіяхъ открытія американскихъ рудниковъ.—О первомъ появленіи бѣдныхъ въ Англій.—Министерство Сюлли.—Его финансовыя преобразованія.—Его ошибочные взгляды на промышленность и торговлю.—Онъ—самый горячій проповѣдникъ <i>меркантильной системы</i> .—Его пристрастіе къ законамъ противъ роскоши.—Его строгія преслѣдованія финансовыхъ злоупотребленій.—Конечный результатъ его управленія.....	305
ГЛАВА XXVI. О министерствѣ Кольбера и объ экономическихъ	

- его послѣдствіяхъ.—Указъ и тарифъ 1664.—Его настоящая цѣль.—Указъ 1667.—Поощреніе браковъ.—Прекрасныя инструкціи посланникамъ.—Настоящія воззрѣнія Кольбера.—Его ошибочно считаютъ основателемъ запретительной системы. 321
- ГЛАВА XXVII. Политическая экономія въ царствованіе Людовика XIV. — Его постановленія о торговлѣ. — О водяныхъ сообщеніяхъ и лѣсахъ.—О неграхъ.—Совѣты *присяжныхъ*.—Законы о бѣдныхъ.—Основаніе *воспитательныхъ домовъ*.—Учрежденіе торговыхъ компаній.—Теоріи экономистовъ того времени: Вобана, Буагильбера и аббата Сен-Пьера..... 335
- ГЛАВА XXVIII. Распространеніе въ Европѣ меркантильной системы подъ именемъ *Кольбертизма*.—Она уравнивается контрабандой.—Вліяніе контрабанды на *рѣшеніе* экономическихъ вопросовъ..... 350
- ГЛАВА XXIX. О первой борьбѣ меркантильной системы съ свободою торговли между Англіей и Голландіей. — Пагубный исходъ этой борьбы.—Актъ мореплаванія.—Краснорѣчивое осужденіе д'Отривомъ запретительной системы..... 359
- ГЛАВА XXX. Начало кредита въ Европѣ.—Учрежденіе банковъ.—Вліяніе ихъ на успѣхи политической экономіи.—О сохранныхъ банкахъ вообще и объ Амстердамскомъ въ особенности.—Объ оборотныхъ банкахъ.—Объ Англійскомъ банкѣ. 367
- ГЛАВА XXXI. О системѣ Лау.—Вызвавшія ея обстоятельства Главныя причины ея паденія.—Ея вліяніе на успѣхи политической экономіи..... 378

